

Демобилизация

Роберт Форрест Уилсон
Бенедикт Кроуэлл

DEMOBILIZATION

OUR INDUSTRIAL AND MILITARY
DEMOBILIZATION AFTER THE ARMISTICE
1918-1920

BY BENEDICT CROWELL

THE ASSISTANT SECRETARY OF WAR AND
DIRECTOR OF MUNITIONS 1917-1920

AND ROBERT FORREST WILSON

FORMERLY CAPTAIN, UNITED STATES ARMY

*ILLUSTRATED WITH PHOTOGRAPHS FROM THE
COLLECTIONS OF THE WAR AND NAVY DEPARTMENTS*



NEW HAVEN

YALE UNIVERSITY PRESS

LONDON · HUMPHREY MILFORD · OXFORD UNIVERSITY PRESS

MDCCCCXXI

Электронная книга проекта "Гутенберг" о демобилизации

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других частей мира бесплатно и практически без каких-либо ограничений. Вы можете скопировать его, раздать или повторно использовать в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой книге, или онлайн по адресу www.gutenberg.org. Если вы находитесь за пределами Соединенных Штатов, вам необходимо ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Название: Демобилизация

наша промышленная и военная демобилизация после перемирия 1918-1920 гг.

Автор: Бенедикт Кроуэлл

Роберт Форрест Уилсон

Дата выхода: 7 мая 2023 [Электронная книга №70714]

Язык: Английский

Оригинальная публикация: США: Издательство Йельского университета, 1921

Кредиты: Тим Линделл и команда онлайн-корректоров по адресу <https://www.pgdp.net> (Этот файл создан на основе изображений, щедро предоставленных интернет-архивом / Американскими библиотеками.)

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА "ДЕМОБИЛИЗАЦИЯ ЭЛЕКТРОННОЙ КНИГИ ГУТЕНБЕРГА" ***

Примечание переписчика

Увеличенные версии большинства иллюстраций можно просмотреть, щелкнув по ним правой кнопкой мыши и выбрав опцию для просмотра их отдельно или дважды нажав и / или растянув их.

В ПАМЯТЬ О ТРУДЕ ВОСЬМИ ТЫСЯЧ СОТРУДНИКОВ ЙЕЛЬСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ,
ПРИНИМАВШИХ УЧАСТИЕ В МИРОВОЙ ВОЙНЕ 1914-1918 ГОДОВ

КАК АМЕРИКА ВСТУПИЛА В ВОЙНУ

*

ГИГАНТСКАЯ РУКА

ДОРОГА ВО ФРАНЦИЮ I.

ДОРОГА ВО ФРАНЦИЮ II.

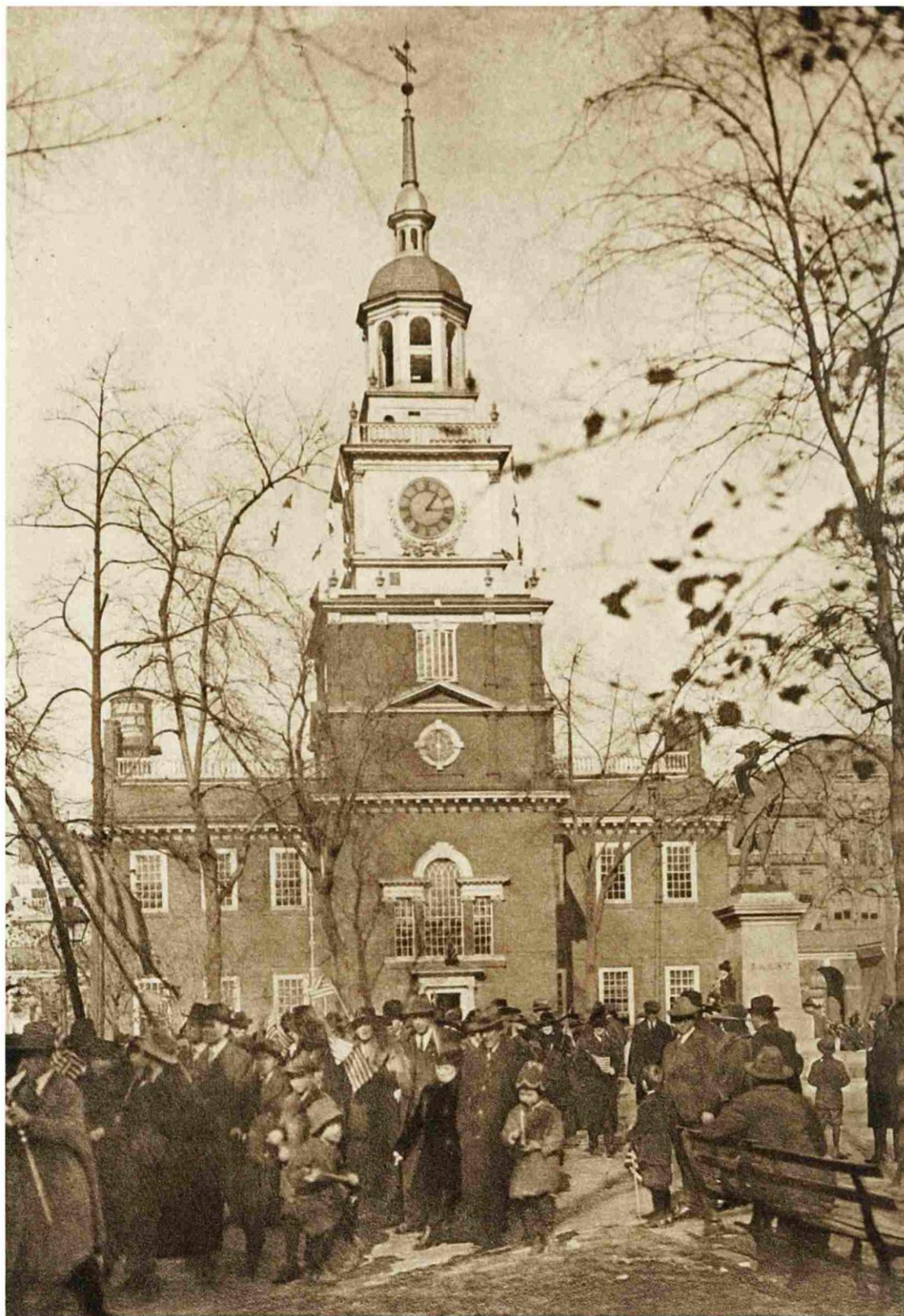
ПРОМЫШЛЕННЫЕ АРМИИ I.

ПРОМЫШЛЕННЫЕ АРМИИ II.

ДЕМОБИЛИЗАЦИЯ

КАК АМЕРИКА ВСТУПИЛА В ВОЙНУ

ОТЧЕТ ИЗ ОФИЦИАЛЬНЫХ ИСТОЧНИКОВ О ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЯХ СТРАНЫ В 1917-1920 ГОДАХ



День перемирия в Зале Независимости

С фотографии Корпуса связи

ДЕМОБИЛИЗАЦИЯ НАША ПРОМЫШЛЕННАЯ И ВОЕННАЯ ДЕМОБИЛИЗАЦИЯ ПОСЛЕ ПЕРЕМИРИЯ 1918-1920

*

**

БЕНЕДИКТ КРОУЭЛЛ

ПОМОЩНИК ВОЕННОГО МИНИСТРА И ДИРЕКТОР По ВООРУЖЕНИЯМ 1917-1920

И РОБЕРТ ФОРРЕСТ УИЛСОН,

БЫВШИЙ КАПИТАН АРМИИ Соединенных Штатов

*ИЛЛЮСТРИРОВАН ФОТОГРАФИЯМИ ИЗ КОЛЛЕКЦИЙ ВОЕННОГО И ВОЕННО - МОРСКОГО
ВЕДОМСТВ*



НЬЮ-ХЕЙВЕН
ИЗДАТЕЛЬСТВО ЙЕЛЬСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
ЛОНДОН · ХАМФРИ МИЛФОРД · ИЗДАТЕЛЬСТВО ОКСФОРДСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
MDCCCCXXI

Авторское право, 1921,
издательство Йельского университета

Содержание

Глава	Страница
I. Halt!	1
II. BBC приступают к	9

III этап. Трансатлантический паром	30
IV. Отлив	47
V. Процесс увольнения солдат	62
VI. Сбор после армии	74
VII. Благосостояние солдат	92
VIII. Военные договоры	112
IX. Урегулирование военных контрактов	126
X. Демобилизация по боеприпасам	145
XI. Артиллерия	163
XII. Боеприпасы и другие амуниции	181
XIII. Воздушное судно	199
XIV. Технические принадлежности	214
XV. Припасы для интендантов	234
XVI. Здания и земли	256
XVII. Продажа излишков	269
XVIII. Иностранная ликвидация	287
XIX. В бухгалтерском балансе	315
Индекс	323

ИЛЛЮСТРАЦИИ

День перемирия в Зале Независимости

Фронтиспис

Напротив страницы

"Последний выстрел"

4

Перемирие на военном заводе

4

Победа

5

Реконструкция

5

Кэмп-стрит в районе Ле-Мана

12

Баня в Бресте

12

В Кэмп Понтанезен

13

Ротная улица в Понтанезене

13

1. Въезжаю на "Мельницу" в Бордо

22

2. Получение чистой одежды в "Мельнице",

22

3. Парикмахерская "Мельница"

23

4. Через "мельницу" и на готовые дома

23

кухонь в Ле-Мане,

30

ул. Ле-Ман участок № 5

30

Casuals на транспорте оставив Брест	31
- интернат транспорт от зажигалки, Брест	31
войсками на линкор готов к беспорядок	36
боевых кораблей с десантом Док-в Хобокен	36
собирался отправиться в США	37
кают на переоборудованных грузовых транспортных <i>жителя Огайо сделать</i>	37
парусные день в Сен-Назер	42
транспорте <i>Мауи</i> загрузки на Сен-Назер	42
сувениры служения	43
вступаем в Сен-Назер	43
раздевалке и ждут, чтобы на борту судна в Сен-Назер	54
- интерната <i>Эдуард Локенбахс</i>	54
посадки в Бордо,	55
оставил	55
дом еще	60
приветствуя возвращение войск в Хобокене	60
первый дивизион парадом по Пенсильвания-авеню	61
Триумфальная арка в Вашингтоне	61
заморских войск увлекая в Хобокене	66
ветеранов Detraining в Кэмп-Шерман	66
, уволенных солдат получения окончательной оплаты	67
делая из разряда свидетельств	67
братской могиле возле Сирей	78
потеряли военный багаж в Хобокене	78
подготовке кладбище в Бомонте	79
погрузка гробов на коллекцию грузовиков,	79
1. Переполненное кладбище во Флевилле,	86
2. Два месяца спустя — Все тела удалены	86
1. Романское кладбище, 10 апреля 1919 г.	87
2. Романь кладбище, 30 мая 1919	87
портрет полковника Ира л. Ривз	94
учащихся Бон университете	94
искусства учащихся Е. А. Ф. учебный центр, Париж	95
Е. А. Ф. студенты в Университете Лиона	95
воздушный вид Першинг стадион, Париж	100
американских солдат в университете Гренобля	100
Е. А. Ф. солдат, как комики	101
судя комедия лошадь на 4-й армии конное шоу	101
инвалидов войны принятии Федерального обучение	108

редакционной конференции <i>звезды и полосы</i>	108
плакат, используемые в Reemployment кампании	109
занятость офис в Кэмп-Шерман	109
отправки <i>звезды и полосы</i>	122
выпускника Е. А. Ф. студенты в Университете Эдинбурга	122
отзыв о “Першинг своя полка” в Кобленце	123
игры в Ле-Мане посадки площадью	123
портрет военного ведомства утверждает Совет	144
выздоровливающих значение <i>звезды и полосы</i>	145
санитарный поезд в США	145
разрушения немецких орудий в Форт близ Реймса	164
“дворники” готов к туристам	164
французские и немецкие авиационные двигатели после боя	165
разрушенных танков под Камбре	165
американские полевые пушки на Рейне	180
американский пистолет на Ehrenbreitstein, Кобленц	180
уничтожении трофейных немецких боеприпасов	181
трофейный склад боеприпасов	181
подготовке свободы двигателя для хранения	200
завод по сборке в Роморантен	200
летном поле в Исудене	201
хромой утки	201
американского самолета обломки	212
топлива для костра	212
немецкий паровоз переданы Е. А. Ф. инженеров	213
инженеров строительства Бон университет	213
воздуха, по мнению А. Е. Ф. боеприпасов доки	230
газовый демонстрация	230
автотранспорта во Франции	231
Часть А. Е. Ф. профицит мототехники	231
Е. А. Ф. подачи поезда на пути, чтобы рацион дамп	246
Е. А. Ф. муки на пути к голодающим Австрия	246
Е. А. Ф. Кони будут проданы	247
склады в Джефферсонвилле депо	247
Вест-Индии работяги приступают к дому	268
видом лагерь Шерман	268
в армию, розничный магазин	269
клиентов на открытие армия магазина розничной торговли	269
крушение угольной шахте в объектив	310

ПРИЗНАНИЕ

Авторы признают свой долг перед майором Генерального штаба Робертом Х. Флетчером-младшим, который собрал в различных соответствующих бюро военного министерства большую часть материала, на котором основана эта книга. Также они выражают благодарность многочисленным бывшим и нынешним должностным лицам Военного министерства и офицерам армии, которые прочитали рукопись и конструктивно раскритиковали ее.

B. C. & R. F. W.

*Вашингтон, округ Колумбия,
сентябрь 1921 года.*

ДЕМОБИЛИЗАЦИЯ

ГЛАВА I СТОЙ!

В несколько минут одиннадцатого утра 11 ноября 1918 года военный министр в Вашингтоне получил от генерала Першинга сообщение, информирующее правительство о том, что в одиннадцать часов утра того же дня по французскому времени вступило в силу перемирие с Германией. Более важного сообщения американское военное министерство никогда не получало. Мировая война подошла к концу. Это был мир. Это была победа.

Там, на американском фронте, который прорвался через считавшуюся неприступной Аргонну и теперь контролировал главную линию коммуникаций противника в Седане, парни в нашей собственной форме цвета хаки извивались, атаковали, дрались, рвались вперед все утро, как игроки какой-нибудь могучей футбольной команды, отыгрывающие каждый дюйм возможного продвижения перед антрактом; и наконец, когда пронзительно засвистели свистки и великая тишина наконец-то опустилась на театр, который более четырех лет сотрясался и ревел от грома войны, они уперлись пятками в дерн рубежа, который должен был стать отправной точкой. - неуместно, если перемирие тоже окажется всего лишь передышкой и периодом восстановления сил.

За этими людьми на аванпосте стояли американские экспедиционные силы численностью в два миллиона человек. За А.Е.Ф. в Америке стояла почти такая же многочисленная армия обучения и технического обслуживания.

За одетой и организованной армией в том виде, в каком она существовала на одиннадцатый день ноября, стояла другая сила численностью в четверть миллиона человек, технически вооруженных. Это были отборные военнослужащие, призванные в армию, попавшие в тот день в плен и присоединившиеся к людскому потоку, хлынувшему в сторону Германии. По численности эти силы были больше, чем любые когда-либо ранее зачисленные на военную

службу в США, за исключением войск, призванных под знамена во время Гражданской войны; однако наши ценности настолько расширились, что они привлекали лишь мимолетное внимание в разгар более масштабных военных действий. Эти индуктивности были еще одним приращением — вот и все.

А за самой Армией стояли двадцать пять миллионов американских мужчин в возрасте от восемнадцати до сорока пяти лет, зарегистрированных, классифицированных и пронумерованных в том порядке, в котором они, в свою очередь, должны были присоединиться к течению, ведущему, при необходимости, к высшей жертве.

Фундамент, на котором покоилось это человеческое здание, был промышленным. Не что иное, как все материальные ресурсы Америки были вложены в завершение победы. Все ресурсы Америки! Насколько неадекватно мог человек-пигмей осознать их мощь, прежде чем он собрал их все и сформировал из них единственную машину! Эта машина родилась в муках, которые ломали человеческие тела и репутации, которые низвергали сильных мира сего с их мест и возвышали тех, кто занимал низкое положение, которые двигались неумолимо, но верно. И когда машина была построена, она высвободила силы, ужасающие даже для людей, привыкших управлять величайшей из человеческих деятельностей, силы, почти неуправляемые.

Потребовалось семь миллионов рабочих, мужчин и женщин, чтобы управлять военной промышленной машиной — семь миллионов американцев копались в земле в поисках руды, химикатов и топлива, вырубали леса, добывали горные породы, доставляли сырье на фабрики, следили за кострами и топками, управляли кранами, управляли отделочным оборудованием с точностью, которая никогда раньше не требовалась, забивали коров, вялили мясо, упаковывали овощи, ткали ткани, шили одежду, транспортировали все это и выполняли миллион отдельных задач, необходимых для оснащения армии.

И на фоне всего этого, за военными и промышленными армиями стояла другая сила, возможно, величайшая из всех — воля самого народа, ста миллионов американцев, которые без принуждения и принуждения закона и в качестве чисто добровольного акта отказывались от своих аппетитов, удовольствий и тщеславия, делали все возможное для финансирования войны, разбивали военные сады, чтобы пополнить запасы продовольствия, производили миллионы предметов для комфорта солдат, как здоровых, так и раненых, и так или иначе прилагали усилия, которые не ослабевали до тех пор, пока не пришла победа.

Такой была Америка в войне, которая действительно угрожала ее существованию, — непобедимой Америкой.

Перемирие положило конец всему этому предприятию и усилиям. Это сделало больше — перемирие было приказом правительству разобрать военную машину и восстановить ее части в том мирном порядке, в котором они были найдены. В военном праве перемирие означает временное прекращение военных действий; но перемирие 1918 года было окончательным. Его условия уничтожили военную мощь Германии. Те, кто стоял у власти, понимая, что перемирие не должно было стать периодом ожидания с собранными силами исхода переговоров, не остановились даже для того, чтобы оценить масштабы построенного ими сооружения: они немедленно приступили к его демонтажу. Некоторые процессы демобилизации начались до того, как перестали стрелять орудия. За пять дней до перемирия ВВС отменили многие иностранные заказы на важные поставки. 1 ноября мы прекратили отправку боевых частей во Францию. В конце октября Департамент боеприпасов создал организацию по демобилизации военной промышленности.

Однако, прежде чем разобрать машину и раздать ее части, ее необходимо было остановить. Есть два способа остановить ограниченный экспресс. Первый — перевести стрелку перед поездом - эффективно, но губительно для поезда. Другой способ - нажать на тормоза.

Машина военной промышленности достигла скорости, почти превосходящей обычные сравнения. Медленно продвигаясь вперед, как и любая другая огромная масса, по мере того, как тысячи людей добавляли к ее продвижению свои мозги и мускулы, она набирала скорость, пока в первый день перемирия не приблизилась к точке, на которой она могла потреблять материальные ресурсы и выпускать их в качестве готовой военной продукции, настолько, насколько американское механическое мастерство и техника могли с ними обращаться. Она еще не совсем достигла этой точки. Многие жизненно важные, но легко изготавливаемые предметы снабжения уже давно достигли вершин своего производственного цикла, но некоторые из наиболее сложных еще не были полностью запущены в производство. Однако в День перемирия отрасль находилась не более чем в шести месяцах от запланированного предела своей продуктивности.

Перед администрацией промышленного предприятия стояла задача сначала остановить этот импульс, а затем вывести машину из строя. Самым простым способом было опередить его — другими словами, издать общий приказ о прекращении всех проектов военного производства. Но сделать это означало бы вызвать последствия, столь же катастрофические, как и последствия самой войны. Бизнес и промышленность погрузились бы в хаос, а страна наполнилась бы безработными. Другой способ, выбранный нами, состоял в том, чтобы затормозить тысячи колес.

Масштабы стоящей перед нами задачи были ужасающими. Ликвидация военной промышленности рассматривалась как дело столь же сложное, запутанное, столь же чреватое ошибками и провалами, как и сама мобилизация. Только в одном отношении демобилизация началась с преимущества: под рукой была организация, которая руководила созданием армии и производством ее снабжения, готовая превратиться в команду вредителей.

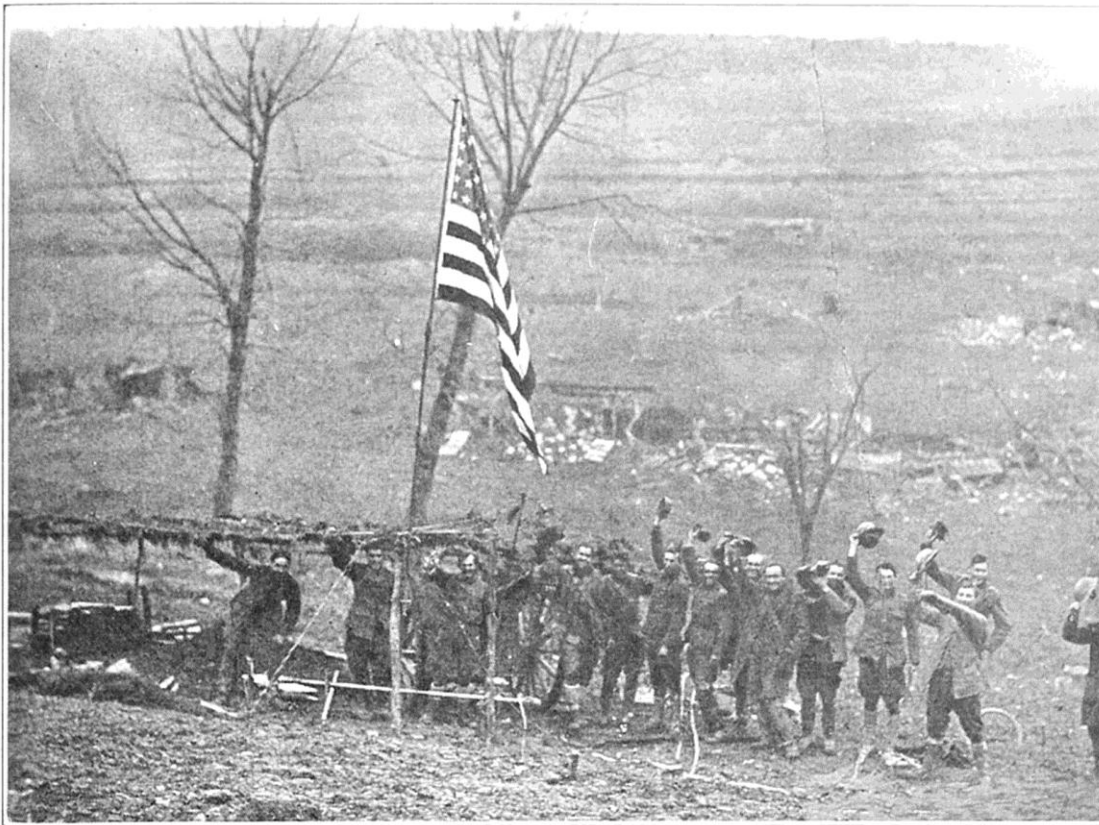


Фото Корпуса связи

ПОСЛЕДНИЙ ВЫСТРЕЛ

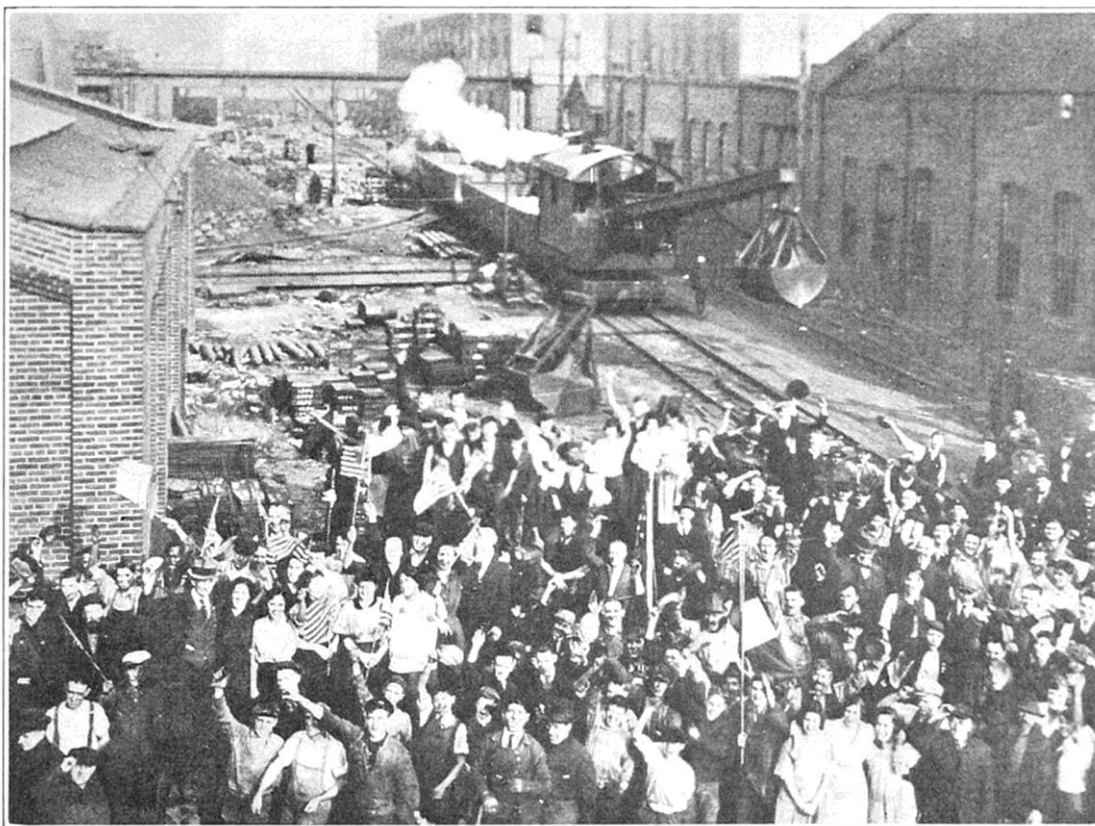


Фото Корпуса связи

ПЕРЕМИРИЕ НА ВОЕННОМ ЗАВОДЕ

Уравновешивал эту ситуацию тот факт, что бойцы этой организации были измотаны войной. Впереди их не ждало ни одной из заметных наград, которые следуют за выдающейся военной службой. Нация не награждает медалями и другими почестями тех, кто восстанавливает мирные условия. Сами люди были пресыщены войной и ничего так не желали, как пространства, в котором они могли бы забыть о битвах и кампаниях. В лучшем случае демобилизация была неблагодарной работой. Более того, многие руководители, особенно в промышленных организациях, были людьми с большими личными делами, жертвуя собой, служили своей стране. По большей части это были обескураженные люди, лишенные удовлетворения от того, что их планы в полной мере осуществились против ненавистного врага. Все интересы личной выгоды побуждали их после перемирия покинуть свои официальные посты и вернуться к удовлетворению частных интересов, и только праведное чувство своего долга перед нацией удерживало их в организации.



Фото Говарда Э. Коффина

ПОБЕДА

ВОЕННЫЕ ТРОФЕИ на ПЛОЩАДИ СОГЛАСИЯ, ПАРИЖ

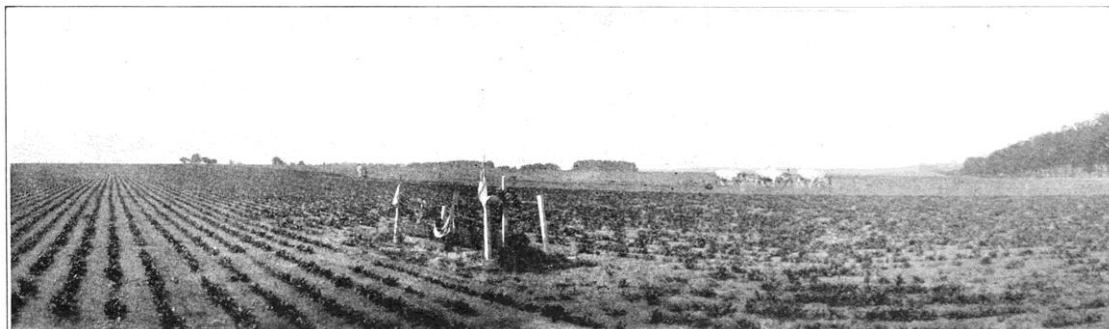


Фото Говарда Э. Коффина

РЕКОНСТРУКЦИЯ

МОГИЛА БРИТАНСКОГО СОЛДАТА В ПОЛЕ БЛИЗ МО

Организации было необходимо не только сохранить целостность, но и ускорить мероприятия по демобилизации, как это ускорило мероприятия по мобилизации. Дух, существовавший до перемирия, каким-то образом следовало поддерживать. 11 ноября война обходилась Соединенным Штатам примерно в 50 000 000 долларов в день. Каждый день нерешительности при принятии плана демобилизации и каждый день задержки с выполнением плана в огромной степени увеличивали налоговое бремя, которое будет лежать на нации в течение последующих поколений.

Демобилизация означала, прежде всего, расформирование Американской армии. Какими бы экономическими соображениями ни объяснялось прекращение военной промышленности, нельзя было допустить, чтобы такие соображения задержали продвижение войск домой. Четыре миллиона американских семей немедленно потребовали своих людей; и независимо от того, означало ли немедленное возвращение войск безработицу и бедственное положение или нет, правительство было преисполнено решимости удовлетворить это требование.

Создание армии и ее продвижение во Францию включало в себя перевозку по железной дороге около 8 000 000 солдат в специальных автомобилях и поездах. Перемещение домой потребовало бы почти такой же масштабной операции. Из 2 000 000 человек американских экспедиционных сил более половины пересекли океан на иностранных кораблях, все из которых, разумеется, были сняты с нашей службы сразу после заключения перемирия. Непрерывная трансатлантическая процессия десантных кораблей на восток продолжалась около четырнадцати месяцев. В первый день перемирия пропускная способность десантных кораблей под американским флагом по трансатлантическим перевозкам немногим превышала 100 000 человек в месяц. Более того, практически все наши войсковые транспорты дошли до того, что их пришлось ставить на ремонт. Предполагая, однако, что их можно было бы поддерживать в постоянном режиме, они не смогли бы вернуть в Америку более двух третей войск за то время, которое потребовалось всему ВВС, чтобы перебраться во Францию. Тем не менее, проблема демобилизации заключалась в том, чтобы репатриировать ВВС максимум за это время.

Демобилизация включала окончательный расчет наличными с каждым из четырех миллионов солдат, находившихся под ружьем; расчеты заработной платы, как бы сложны они ни были с выделением средств и выплатами по государственным военным облигациям и страхованию от военных рисков; и, наконец, выплату каждому солдату шестидесятидолларовой премии, одобренной Конгрессом. Демобилизация также включала уход за ранеными в течение многих месяцев после прекращения боевых действий, их физическое и психическое восстановление, а также их перевоспитание, позволяющее им занять полезное место в мире.

С промышленной точки зрения демобилизация была ликвидацией предприятия, обязательства которого достигли ошеломляющей суммы в 35 000 000 000 долларов. Демобилизация означала уничтожение практически всей промышленной структуры Соединенных Штатов, превратившейся в один огромный завод по производству боеприпасов, и повторное превращение ее в инструмент для производства товаров мирной торговли. И это без остановки жизненно важного колеса, а также в кратчайшие сроки, поскольку мир остро нуждался в этих продуктах. Отсюда следует, что эффективная демобилизация позволила бы 7 000 000 промышленных рабочих, занятых на войне, без перерыва перейти от производства товаров военного назначения к производству товаров мирного назначения.

В основе стабильности современного бизнеса лежит нерушимость контрактов. Тот, кто нарушает контракт, должен рассчитывать на выплату возмещения, и правительство не может отступить от этого правила. Демобилизация означала приостановление и расторжение военных контрактов стоимостью в миллиарды долларов, во многих из которых не было ни клочка бумаги, который можно было бы предъявить в качестве письменного документа; это означало расторжение без предоставления правительству возможности возместить ущерб, и, следовательно, подразумевало честное урегулирование претензий подрядчиков.

Одним из условий, от которых зависела полная демобилизация, было принятие будущей военной политики Соединенных Штатов. Но это было в руках не военной организации, а Конгресса. Таким образом, вся программа не могла быть реализована до тех пор, пока Конгресс не примет решения. После того, как была определена политика, демобилизационные силы были обязаны выбирать и безопасно хранить запасное оборудование для постоянного базирования и для использования в полевых условиях возможными будущими комбатантами до тех пор, пока не будет создана другая военная промышленность.

Когда это будет сделано, останется избыток военного имущества. В связи с этим функцией демобилизации стало распоряжение этим имуществом через торговую организацию, которая имела бы на своих складах товары большего разнообразия и стоимости, чем те, которые имеются в распоряжении любого частного торгового агентства в Соединенных Штатах. Эта часть работы также включала продажу большого количества припасов для ВВС в Европе, которая и так была переполнена излишками своих собственных армий. Продажи дома должны включать продажу сотен зданий, предназначенных для военного истеблишмента.

Парадоксально, но демобилизация включала приобретение большого количества недвижимости — для хранения резервных запасов и создания физического завода для постоянной военной базы.

Наконец, демобилизация означала деликатное дело - достижение денежного баланса, который положил бы конец нашим отношениям с союзниками, удовлетворение их претензий к нам по поставкам материалов и использованию и уничтожению частной собственности за границей, а также предъявление наших собственных претензий к ним за проданные им материалы.

Поразительной была скорость, с которой была реализована эта великая программа. В течение года после последнего выстрела Америка вернулась к нормальной жизни. Весь состав ВВС был доставлен обратно на американских судах за десять месяцев. За это время практически всей армии заплатили, ее расформировали и развезли по домам. Военные предприятия были остановлены в среднем на три месяца, без единого производственного беспорядка, имевшего какие-либо последствия. В конце года большая часть претензий производителей была удовлетворена в результате компромиссов, справедливых как по отношению к подрядчикам, так и по отношению к правительству. Экономия на расторжении контрактов и корректировках составила миллиарды долларов. С союзниками было достигнуто полное соглашение, таким образом, фактически закрыв наш бизнес в Европе. Постоянная военная политика была прописана в законе. Складские помещения были заполнены запасными материалами, которые были инвентаризированы, занесены в каталог и защищены от порчи. Компактно упакованные инструменты и оборудование зарождающейся военной промышленности были готовы к расширению по желанию в случае новой войны. Материалы, в основном имеющие особую военную ценность и поэтому обычно рассматриваемые как металлолом, были проданы на миллиарды долларов, а изобретательность отдела продаж позволила выручить удивительно большие суммы, составившие в среднем 64 процента от военных затрат.

Такой была наша военная демобилизация. Ни одно другое коммерческое предприятие за всю историю человечества не могло сравниться с ним по масштабам; однако в разгар мирных переговоров и экономических кризисов, сотрясающих землю, оно привлекло мало внимания. Сегодня только продолжающаяся распродажа излишков военных материалов и

судебное решение по последнему и самому сложному из промышленных исков свидетельствуют о предприятии, которое так недавно привлекало усилия всей страны.

ГЛАВА II

А. Е. Ф. ОТПРАВЛЯЕТСЯ В ПУТЬ

Американские экспедиционные войска 11 ноября 1918 года были плохо подготовлены к проведению разнообразных мероприятий, приведших к их демобилизации. До этого дня экспедиция была слишком занята продвижением вперед, чтобы много думать о том, как вернуться домой. Но теперь наступило перемирие, конец. Великое приключение закончилось. *Партией был фини.*

Сразу же огромная волна тоски по дому захлестнула А. Е. Ф. Эта песня беспечной доблести “Куда мы идем отсюда?”, под раскатистый ритм которой миллион человек маршировали вперед по дорогам Франции, превратилась в ворчливое “Когда мы пойдем домой?”. Действительно, когда? Потребовалось почти полтора года, чтобы перевезти А. Е. Ф. во Францию. Не принимая во внимание тот факт, что заокеанская армия имела в своем распоряжении менее половины того количества военных кораблей, которое поддерживало ее до 11 ноября, прежде чем люди смогли отправиться домой в большом количестве, сначала во Франции должна была быть создана система посадки с обширным оборудованием лагерей и портовых зданий, если экспедиция должна была вернуться в хорошем порядке, а не дезорганизованной толпой.

Никогда еще ежедневный журнал не просматривался с таким волнением, как “Звезды и полосы” его читателями в этот период ожидания. “Звезды и полосы” была официальной газетой рядового состава ВВС. После перемирия все, что касалось возвращения войск в Америку, было самой важной новостью, которую только могло напечатать издание. “Звезды и полосы” публиковали ежемесячные расписания транспортных рейсов, рассказывали о необычайном расширении транспортного флота Янки, отмечали постоянное повышение эффективности судоходства этого флота, радовались чернотой шрифтом, когда какой-нибудь океанский лайнер побивал рекорд по обороту, как назывался рейс туда и обратно в Америку, и в целом информировали персонал экспедиции о движении домой. Но, хотя возвращение ВВС было транспортным подвигом, на самом деле более удивительным, чем тот, который привел войска в Европу, все же сотням тысяч тоскующих по дому мальчиков, которые наблюдали, как весной 1919 года коричневые поля Франции становятся зелеными, движение улитки и черепахи казалось само по себе скоростью по сравнению с прогрессом, достигнутым машиной демобилизации.

В ноябре 1918 года у А. Е. Ф. не было портового оборудования, способного быстро переоборудоваться в установку для посадки экспедиции. Во Франции не было необходимости в крупных портовых сооружениях для высадки десанта. ВВС переправились во Францию по схеме идентификации, которая была чудом системы и организации. Как только система была доведена до совершенства, каждая воинская часть получила в качестве части своего названия так называемый номер товара, который сообщал офицерам по высадке (со ссылкой на графики отгрузки), куда именно каждая часть должна отправиться по прибытии. Так было с отдельными людьми и небольшими отрядами, путешествующими наугад. Их номенклатурные номера мгновенно поместили их в огромную структуру ВВС: Нет

необходимости в огромных портовых лагерях отдыха, в которых тысячи людей должны ждать, пока Генеральный штаб избавится от них. Их разместили перед отплытием из Америки. Искусство управления избавляет от затрат и неразберихи!

Перемирие изменило все. Наши военные порты во Франции должны были стать портами для посадки войск с значительно увеличенным оснащением. Америка послала во Францию Армию, прекрасно одетую и амуницированную. Ради единообразия порты приписки подготовили 2 000 000 военнослужащих к путешествию, и это означало выдачу меньшего или большего количества одежды и других личных вещей практически каждому отплывающему. ВВС предлагали вернуть своих людей домой хорошо одетыми, опрятными, и уважающими себя, и было логично также достичь этой цели во Франции в процессе отправки войск. Однако для осуществления плана требовалось обширное предприятие, которое нельзя было материализовать по мановению руки. Франции после заключения перемирия пришлось стать свидетелем масштабного военного строительства, которое американцы вели в своих портах.

Брест, Бордо и Сен-Назер были тремя основными местами высадки наших войск, переброшенных во Францию непосредственно из Соединенных Штатов. Брест, недалеко от самой северо-восточной оконечности Франции, обладал гаванью с водой, которая могла вместить на плаву самые большие корабли, но вода у берега была слишком мелкой для доков, у которых могли бы швартоваться большие корабли. Следовательно, войска перемещались на лихтерах между кораблями и берегом. Это было главным недостатком Бреста как военного порта, но это не было серьезным недостатком.

Следующим на юг был Сен-Назер, расположенный на реке Луара в нескольких милях от материка. Первый экспедиционный корпус высадился в Сен-Назере в июле 1917 года. Порт мог похвастаться доками со стоянками для военных кораблей, но воды реки были слишком мелкими для самых крупных транспортов.

Еще южнее находился Бордо, в пятидесяти двух милях от океана на реке Жиронда. Те немногие войска, которые высадились в Бордо, были случайными, поскольку строительство порта в Бордо и другие крупные разработки в Бассене и Пойаке ближе к устью реки проводились А.Е.Ф. с целью превратить Жиронду в главный океанский терминал для приема армейских припасов, доставляемых из Соединенных Штатов. Десантные корабли могли причаливать к докам Бордо, но Жиронда была такой узкой, а ее приливные течения такими быстрыми, что военной администрации порта приходилось управлять течением по расписанию, как это могло бы быть с однопутевой железной дорогой. На реке было несколько мест, где суда не могли пройти друг мимо друга.

После 11 ноября последовало несколько дней нерешительности и замешательства в А.Е.Ф. Никто в Европе точно не знал, что означает перемирие и чего могут ожидать победоносные армии. Быстро, однако, выяснилось, что перемирие было постоянным; это был сам мир для всех практических целей, и единственными силами, которые нам понадобились бы для поддержания во Франции, были бы те, которые были бы выбраны для проведения размеренного наступления в Германию и для размещения гарнизонов на оккупированной территории. В течение недели генерал Першинг выделил войска для Оккупационной армии и отпустил остальную часть американских экспедиционных сил (более половины их общей численности) для возвращения в Соединенные Штаты, как только будут доступны транспортные средства. Он возложил на главного квартирмейстера экспедиции обязанность погрузить возвращающиеся силы.¹

Главный квартирмейстер ВВС сразу же назначил Брест, Сен-Назер и Бордо портами отправки. Первоначальный план состоял в том, чтобы отправить 20 процентов участников экспедиции домой *через* Бордо, а остальных в равном количестве - через Сен-Назер и Брест. Как оказалось, практически все заморские солдаты возвращались через эти три порта, хотя некоторые отплыли из Марселя, Гавра и Ла-Паллиса. Разделение работы, однако, осуществилось не так, как планировалось. "Бордо" задействовал менее пятой части своих сил, а количество посадок в Сен-Назере было ненамного больше, чем в Бордо. Огромная масса ВВС возвращалась *через* Брест, и в Бресте была установлена самая большая установка для посадки пассажиров, которую когда-либо видел мир.



Фото Корпуса связи

КАМП -СТРИТ В РАЙОНЕ ЛЕ -МАНА



Фото Корпуса связи

БАНЯ В БРЕСТЕ

Войска ВВС были двух основных видов — линейные, организованные дивизиями, корпусами и армиями, также известными как боевые части, и подразделения снабжения, которые выполняли тысячу и одно предприятие, необходимое для поддержания таких крупных сил, как ВВС, в трех тысячах миль от дома. Эти два рода войск не были равномерно распределены по численности, боевые части были значительно более многочисленными. Было очевидно, что их посадка сопряжена с отдельными проблемами.



Фото Говарда Э. Коффина

В ЛАГЕРЕ ПОНТАНЕЗЕН



Фото Корпуса связи

КОРПОРАТИВНАЯ УЛИЦА В ПОНТАНЕЗЕНЕ

С боевыми частями массовые поездки можно было бы проводить с максимальной эффективностью. Войска дивизий были однородны, их транспортные потребности были по существу одинаковыми, и один приказ мог контролировать передвижения десятков тысяч из них одновременно. Войска снабжения, с другой стороны, были разнородными. Они были организованы в тысячи подразделений разного размера и вида. Многие из них, особенно офицеры, служили в организации как отдельные лица, не прикрепленные ни к каким конкретным подразделениям. Проблемы с поездками у этих различных элементов сильно различались. Поэтому было решено заниматься погрузкой дивизионных войск и снабжением войск отдельно. Общий план демобилизации, принятый примерно в середине декабря 1918 года, предусматривал создание крупного посадочного центра для войск дивизии — района, который должен быть удобен для всех трех портов посадки, в котором боевые части в их крупных подразделениях могли бы готовиться к заграничному путешествию и откуда они могли бы направляться прямо к кораблям, не задерживаясь в городах посадки. Сооружения в самих портах должны были использоваться, в частности, для доставки войск снабжения.

В Ле-Мане, примерно на полпути между Парижем и побережьем Бискайи, у А. Е.Ф. был завод, который можно было быстро расширить, чтобы он служил посадочным центром дивизиона. Когда в начале лета 1918 года огромный поток американских войск начал высадку на французской земле, командованию экспедиции стало очевидно, что ему нужен район, в котором прибывающие дивизии могли бы собраться по мере высадки своих подразделений с транспортов и где они могли бы отдохнуть, пока их ряды пополнялись до установленной численности за счет пополнения. К этому времени система снабжения BBC запасными

частями также стала автоматической. Пополняемые были единственными американскими солдатами, которые переправились во Францию без определенной цели. Они должны были использоваться во Франции, поскольку ВВС нуждались в них для пополнения рядов своих дивизий. Следовательно, было необходимо обеспечить резервуар, из которого истощенные боевые дивизии могли бы черпать силы для пополнения. Ле-Ман был выбран в качестве места расположения этого водохранилища, а также в качестве пункта сбора организованных подразделений для высадки. Район Ле-Мана до перемирия был известен как лагерь классификации и замены ВВС.

Причины, которые привели к выбору Ле-Мана в качестве места для замены и склада дивизиона, послужили также тому, что это место стало идеальным местом для центра посадки экспедиции. Ле-Ман находился на пересечении магистральных железных дорог, ведущих в Брест, Сен-Назер и Бордо. Он также обладал хорошим железнодорожным сообщением с Парижем и с фронтом, который летом 1918 года был продвинут немцами вперед до тех пор, пока не приблизился к столичным границам Парижа и, следовательно, находился недалеко от Ле-Мана. Депо было создано в июле 1918 года, когда Восемьдесят третья дивизия заняла этот район в качестве своего подразделения депо. В то время склад, согласно проекту, предусматривал строительство восьми дивизионных лагерей, каждый из которых вмещал 26 000 человек, и двух пересыльных лагерей, один из которых рассчитан на 25 000 человек, а другой - на 15 000 человек. Другими словами, лагерь в конечном итоге должен был вместить четверть миллиона военнослужащих. Ни один военный центр в Соединенных Штатах не сравнится по размерам с этим проектом.

На момент заключения перемирия в развитии Ле-Мана был достигнут значительный прогресс. Тогда он мог содержать около 120 000 военнослужащих. 14 декабря, когда Ле-Ман был официально назначен центром посадки, его вместимость была увеличена до 200 000 человек. Вскоре после начала перемирия его временное население подскочило до 100 000 человек, и оно никогда не опускалось ниже этой отметки до поздней весны 1919 года, когда большая часть боевых дивизий ВВС отправилась в Соединенные Штаты.

В обязанности центра Ле-Мана входила полная подготовка к посадке всех военнослужащих, прибывших в этот район. Теоретически каждый человек, проезжавший через Ле-Ман, был готов отправиться прямо к транспортному средству. Это означало мытье и ополаскивание каждого человека, который приходил в лагерь, проверку его снаряжения и выдачу новой одежды и других личных вещей, если они ему были нужны, а также совершенствование его послужного списка, чтобы у него не возникло трудностей с получением окончательного жалованья и увольнением в Соединенных Штатах. Чтобы выполнить эту важную работу быстро и качественно, необходимо было управлять учреждением внушительных размеров.

Размеры всего лагеря были огромными. В Соединенных Штатах не было ничего подобного. В Ле-Мане человек мог бодро идти в течение часа в одном направлении и не видеть ничего, кроме палаток, казарм, тренировочных площадок и войск, выстроенных для предварительной или окончательной проверки. Задача накормить этот город, полный гостей, была настолько велика, что администрация лагеря сочла экономичным строительство узкоколейной железной дороги, соединяющей кухни со складами. Продовольствие доставлялось к походным кухонным печам составом, и те же локомотивы, которые привозили припасы, вывозили мусор. Для заготовки дров был вырублен целый прилегающий лес. Когда американцы заняли этот участок, там не было ни соответствующих коммутационных сооружений, ни складских помещений. Корпус квартирмейстеров, который руководил проектом по хранению, расчистил поле посреди леса и использовал поляну как открытое складское помещение (окружающие деревья давали некоторую степень укрытия),

соединив это место с железной дорогой, построив ответвление. Впоследствии, даже после того, как на поляне были построены большие склады и она превратилась в склад снабжения для всего лагеря, требующий услуг 6000 военнослужащих для своего функционирования, это место было известно лагерю как “Отрог”. В качестве дополнения к этому хранилищу на всех подразделениях дивизии были предусмотрены крытые склады меньшего размера. Одно время в загонах лагеря содержалось 10 000 лошадей и мулов. За одну неделю февраля 1919 года в лагерь прибыло почти 32 000 военнослужащих, что свидетельствует о скорости прохождения войск до отправки. Корпус квартирмейстеров открыл два больших центральных магазина, которые фактически были универмагами. В лагере действовали большая прачечная, мастерская по ремонту обуви, мастерская по ремонту одежды и множество других промышленных предприятий.

Оборудование, установленное в Ле-Мане, было продублировано в меньших масштабах в трех портах посадки. Однако даже эти портовые сооружения нельзя было назвать маленькими. Лагерь Понтанезен в Бресте мог одновременно разместить 80 000 человек. Крупнейшие посадочные лагеря в Соединенных Штатах были меньше этого. В Бресте было тринадцать небольших лагерей и военных постов. Два посадочных лагеря в Бордо могли вместить 22 000 человек, но в округе имелись жилые помещения для тысяч других. Строительство в Сен-Назере было значительно крупнее, чем в Бордо, но не таким масштабным, как в Бресте.

Большинство этих лагерей были построены после перемирия, и инженеры-строители и высаживающиеся войска толкали друг друга локтями, когда погрузка и строительство продолжались одновременно. Некоторые из лагерей служили лагерями отдыха до заключения перемирия, но их необходимо было значительно расширить и улучшить в оснащении, прежде чем они могли надлежащим образом использоваться в качестве посадочных лагерей. Погода на северо-западном побережье Франции крайне некомфортна для американцев. Особенно зимой и весной дожди и туманы почти не прекращаются. Не всегда удавалось выбрать идеальные места для посадочных лагерей во Франции. Участки должны были находиться недалеко от портов, и в густонаселенной сельской местности американские власти были вынуждены соглашаться на любые участки, которые они могли получить, не слишком настаивая на таких тонкостях, как естественный дренаж и приятное окружение.

Это утверждение особенно применимо к Понтанезену, который был разбит на высоком, но плохо дренированном грунте. Обычно армия не заняла бы такое место, не проведя предварительно постоянных улучшений. Непрекращающиеся дожди, отсутствие надежного дренажа и интенсивное движение людей, животных и грузовиков в совокупности превратили Понтанезен в 1919 году в болото из колеблющейся грязи. Только самые сильные чрезвычайные ситуации оправдывали его использование. Из-за ежедневных расходов на содержание ВВС и из-за того, что сами солдаты экспедиции хотели вернуться домой как можно скорее, независимо от условий их путешествия, было решено использовать эти портовые лагеря даже во время их строительства, вместо того, чтобы задерживать все движение до тех пор, пока устройство лагеря не будет доведено до совершенства.

Рассказы о страданиях наших солдат в Понтанезене дошли до Соединенных Штатов и даже транслировались в Конгрессе, но предполагаемые страдания были скорее кажущимися, чем реальными. Те, кто прошел через пребывание в Понтанезене, даже в худшем случае, не пострадали в плане здоровья. Несмотря на внешний вид, санитарные условия лагеря были на высоком уровне. Медицинские записи лагеря Понтанезен показывают, что уровень

заболеваемости и смертности в нем, если не брать в сравнение внутреннюю эпидемию гриппа, был таким же низким, как в лучших лагерях Соединенных Штатов.

Весной 1919 года большая часть строительных работ в посадочных лагерях была завершена, и они стали более комфортабельными. Лагерь состояли из миль одноэтажных, оклеенных гудроном зданий из грубых досок, соединенных деревянными тротуарами из утиных досок. Понтанезен был настоящим американским городом, расположенным среди причудливых дорог старой Бретани. Здесь были газеты, банки, театры, магазины, публичные библиотеки, рестораны, больницы, церкви, телефоны, электрическое освещение и даже узкоколейная железная дорога для доставки припасов. Численность всех американских военнослужащих в лагерях в Бресте значительно превосходила численность французских жителей региона. Системы водоснабжения, установленной инженерами для обслуживания всех американских учреждений в порту, было достаточно для города с населением 150 000 человек. Существовал специальный лагерь для рядовых офицеров. Часть этого лагеря была отведена для жен французов, англичан, бельгийцев и итальянок, на которых американские солдаты женились за границей. Там был госпитальный лагерь, лагерь для белых войск, постоянно дежуривших в порту, и еще один для цветных войск, назначенных таким образом. Существовало множество небольших лагерей для трудовых батальонов и специальный лагерь для инженерных и автотранспортных организаций. Неподалеку находился большой немецкий лагерь для военнопленных.

В одном важном отношении посадка во Франции отличалась от того, что было в Соединенных Штатах. Было крайне необходимо избавить возвращающиеся домой войска от паразитов, прежде чем сажать их на корабли. Процесс очистки в наших французских портах приписки был самым тщательным, с которым колобок сталкивался за время своей дипломатической службы, и этот процесс в основном отличал отправку за границу от того, с чем солдат сталкивался в Хобокене и Ньюпорт-Ньюсе.

Наши предки не разделяли современного отвращения к обсуждению вшей. Один из великих монархов Франции поставил печать своего королевского одобрения на публичное чесывание, когда у кого-то чешется, а Роберт Бернс однажды адресовал стихотворение воше. Вошь, однако, не может пережить американские привычки к личной чистоте; и, что вполне справедливо, насекомое стало ассоциироваться с грязью и исчезло из вежливого общения. Война возродила славу этого паразита. Проведенная в свое время инспекция выявила тот факт, что 90 процентов американских войск на фронте были заражены. Эти люди, естественно, написали об этом домой, и тогда вошь, эвфемизируемая как “вша”, стала национальной фигурой.

Однако в сложившейся ситуации был серьезный аспект, который военные власти не могли упустить из виду. Помимо того, что вошь является источником дискомфорта, она является единственным переносчиком одной из самых страшных болезней, поражающих человечество, — сыпного тифа. В былые времена тиф был известен по-разному как армейская лихорадка, лагерная лихорадка или тюремная лихорадка. Это было особенно распространено в этой стране во время революции, и в некоторой степени это существовало здесь во время Гражданской войны — показатель того, в каком состоянии, должно быть, находились отдельные американские солдаты в те дни. В наши дни сыпной тиф существует практически как эндемик на центральном плато Мексики, причем ареал заболевания касается границы Соединенных Штатов. Однако болезнь не может проникнуть в эту страну из-за отсутствия носителей. Но если бы ВВС вернулись в Соединенные Штаты со своими 2 000 000 человек, зараженных вшами, демобилизованные солдаты могли бы распространить переносчиков тифа из одного конца страны в другой и подвергнуть нацию ужасной угрозе.

Санитарные правила ВВС держали тиф подальше от войск, контролируя вшей. Квартирмейстерский корпус располагал несколькими передвижными очистными сооружениями непосредственно за линией фронта и в районах расквартирования в тылу. Интересно отметить, что эти установки пришлось замаскировать, потому что вражеские летчики иногда принимали их за артиллерийские батареи и вели по ним артиллерийский огонь. По мере того как количество и эффективность этих установок увеличивались, они снижали разбросанность боевых частей до скудных 3 процентов.

Пока наши войска оставались во Франции, в основном расквартированные среди французского населения, было маловероятно, что полевые санитарные мероприятия могли полностью уничтожить вшей; но командование экспедиции решило, что в портах посадки американский колобок должен попрощаться с *П. вестименти* навсегда. Важность полной дезорганизации войск подчеркивалась в том же меморандуме Генерального штаба, в котором была установлена система посадки.

В соответствии с этой политикой каждый посадочный лагерь во Франции был разделен на две изолированные секции. Одна часть была известна как “грязный” лагерь, а другая - как “чистый” лагерь. По прибытии с фронта войска сначала размещались в “грязном” лагере. Между двумя секциями находились здания, в которых администрация лагеря проводила все различные процессы подготовки солдат к отправке в Соединенные Штаты. Одним из наиболее важных из этих мероприятий было купание и обливание солдат. Насколько научные меры могли предотвратить это, ни одной воше не разрешалось переходить из “грязного” лагеря в “чистый”. Меры были в высшей степени эффективными. По прибытии в Америку было обнаружено, что заражены всего несколько человек. Для них во всех наших лагерях высадки были созданы условия для окончательного удаления паразитов. Когда заморские ветераны садились на поезда, отправлявшиеся домой в атлантических портах, в них не было никаких паразитов. Медицинские работники демобилизационных центров в этой стране не смогли обнаружить ни одного исключения.

Погрузочный завод в Бордо был известен вернувшимся солдатам как “Мельница”. Его процессы были типичными для всех погрузочных лагерей во Франции. Бордосская мельница перемалывала быстро, но чрезвычайно мелко. На нее поступало сырье — грязное, оборванное, усталое человечество. Компания добралась до этого материала, запустила его в свой механизм и некоторое время спустя доставила с другого конца готовый продукт — чистых, хорошо одетых, пьяных и довольных жизнью американских солдат, их послужные списки составлены с точностью до минуты, американские деньги в их карманах и огромное чувство собственного достоинства, переполняющее их грудь.

Во Францию Америка послала лучше всех одетую и оснащенную армию, которая когда-либо ступала на европейскую землю. Два миллиона человек прибыли во Францию, почти полностью экипированные в новую одежду и снаряжение, которые они получили в американских посадочных лагерях как раз перед тем, как погрузиться на транспорты. В 1919 году мы привели домой первую американскую армию, которая когда-либо участвовала в великой войне, и вернулись в чем угодно, только не в лохмотьях. Специальным актом Конгресс разрешил каждому уволенному солдату сохранить свою форму и определенное другое снаряжение, когда он вернется к гражданской жизни. Несмотря на то, что для большинства мужчин, прибывающих в порты посадки во Франции, до их окончательного увольнения оставалось всего несколько недель, тем не менее военная организация там следила за тем, чтобы каждый человек был прилично одет, прежде чем отправиться в обратный путь, и это часто означало выдачу совершенно новых вещей. Корпус квартирмейстеров за границей хотел добиться от людей дома вердикта, когда они осмотрели

своих восстановленных мальчиков— “Думаю, в конце концов, они там о вас неплохо заботились”.

“Мельница” в Бордо размещалась в длинном низком здании с отдельными отделениями для основных операций, необходимых для подготовки войск к посадке, причем ступени располагались постепенно. В конце коридора располагались административные кабинеты. Здесь солдат, проходя мимо, получал свои служебные удостоверения, изъятые из картотеки его роты, а также сумку Красного Креста, в которой он мог носить свои личные безделушки, послужные карточки и документы во время путешествия по “мельнице”. Затем он перешел в секцию проверки документации, где офицеры усовершенствовали записи в его личном деле. Здесь он также получил копию приказов, в соответствии с которыми путешествовало его подразделение, свою платежную карточку и карточку, известную как индивидуальный отчет об экипировке. На карточке снаряжения были напечатаны названия всех предметов, которые полностью экипированный американский солдат должен носить или иметь при себе, куда бы он ни направлялся. Затем солдат предстал перед инспектором, который осмотрел изношенное снаряжение, отметил, что оно было неполным, пометил все поврежденные или изношенные предметы для утилизации и проверил в карточке снаряжения те новые предметы, которые должны быть выданы солдату позже. Стандартное снаряжение каждого вернувшегося солдата было следующим:

- 1 Казарменный мешок
- 2 Майки
- 2 пары кальсон
- 2 пары носков
- 1 Пара перчаток
- 2 рубашки
- 1 Пара ботинок
- 1 Пара шнурков
- 1 Парадный мундир
- 1 Заморская фуражка
- 1 Пара леггинсов
- 1 Шеврон (для унтер-офицеров)
- 1 Полукомбинезон
3. Укрытие Наполовину
- Одеяла
- 1 Пальто
- 1 Дождевик
- 1 Кисточка для бритья
- 1 Зубная щетка
- 1 Тюбик зубной пасты
- 1 Расческа
- 1 Кусок мыла для бритья
- 1 Полотенце
- 1 Кусок мыла

- 2 Идентификационные бирки
- 1 Ремень
- 1 Бритва
- 1 Пояс для боеприпасов
- 1 Рюкзак для бритья
- 1 Фляга
- 1 Крышка для фляги
- 1 Чехол для фляги
- 1 Банка для приправ
- 1 Банка для мяса
- 1 Чашка
- 1 Нож
- 1 Вилка
- 1 Ложка
- 1 Аптечка
- 1 Пакет первой помощи

Затем солдат направился в комнату для переодевания, где снял с себя всю одежду, кроме обуви, которую ему предстояло унести с собой. Вша не прилипала к коже. Затем он прошел медицинское обследование на предмет инфекционного заболевания. Если он благополучно миновал это место, то направлялся в банное отделение, где под бдительным присмотром сержанта намыливался и тщательно отмывался, сначала под горячим душем, а затем под холодным. Опыт научил меня, что величайшим врагом вшей являются простое мыло и вода, причем в большом количестве. Тем временем часть его выброшенной одежды, если она была в хорошем состоянии или ее можно было починить для дальнейшего ношения, была отправлена из раздевалки в паровой стерилизатор в другой части здания. Процесс стерилизации занял тридцать минут, примерно столько времени потребовалось солдату, чтобы пройти через “мельницу”.

Вымытый и опрятный, солдат вышел из ванны в другую комнату, где врачи осмотрели его на предмет заболеваний горла, легких и кожи. После этого - парикмахерская и стрижка. Парикмахерская на “мельнице” была оборудована пятьюдесятью стульями.

Наконец объект этого официального внимания достиг своей цели - аппаратной. Чего он боялся в процессе, так это двух медицинских осмотров, любой из которых мог мгновенно остановить его прогресс и отправить в лагерную больницу для наблюдения или лечения. В любом случае его отправление было бы отложено на неопределенный срок. Но если бы ему позволили добраться до аппаратной, он знал, что был бы в безопасности. Здесь он обнаружил большие контейнеры, содержащие большое количество предметов, указанных в карточке оборудования. Проходя мимо мусорных баков, каждый солдат получал чистые носки и нижнее белье, новую ленту для своих опознавательных бирок и чистую половину укрытия для переноски снаряжения. Он также получил такие новые предметы, которые были отмечены в его карточке снаряжения.



Фото Корпуса связи

1. ВЪЕЗД На “МЕЛЬНИЦУ” В БОРДО



Фото Корпуса связи

2. ПОЛУЧЕНИЕ ЧИСТОЙ ОДЕЖДЫ В “МЕЛЬНИЦЕ”

В раздевалке за дверью он обнаружил ожидающую его форму и пригодные для использования части снаряжения, которые он взял с собой на “фабрику”, все текстильные изделия были тщательно промыты и простерилизованы. Он нашел свою старую форму, если она была в хорошем состоянии; в противном случае - новую или респектабельную форму с ремонтной фабрики. Иногда его старая форма возвращалась сморщенной и выцветшей от горячего пара очистительной установки. В этом случае ее заменяла пригодная форма.

Конечной станцией на "мельнице" была касса. Иногда случалось, что войска отправлялись на посадку с просроченной за несколько месяцев зарплатой. Теперь, когда его послужной список был доведен до совершенства, солдат получил все свое прежнее жалование. Благодаря системе обмена, созданной А.Е.Ф. в лагерях для высадки, он получал свое жалование американскими деньгами, возможно, впервые за много месяцев. “Ощущение” знакомых банкнот и звон серебра были похожи на ощущение дома. Чистый, опрятно одетый, вновь обретший человеческое достоинство, солдат вышел из “мельницы” и направился к квартирам в ”чистом” лагере с легким сердцем, потому что теперь он знал, что возвращается домой “тук-тук”. Чувство благополучия побудило одного солдата-поэта восхвалить ”мельницу” следующим образом:

“Ты идешь в один конец грязным, разоренным,

Так устал, что не видишь шуток.

Ты выходишь оплаченным и переделанным "сливом",

Уважающий себя солдат.

Погрузочная установка в Бордо, если ее задействовать, могла бы очистить, обезвредить, вооружить и иным образом подготовить к возвращению домой 180 000 человек за месяц. В напряженные времена 1919 года непрерывная колонна мужчин проходила через департаменты. Они проходили кварталами по двенадцать человек. В каждом из различных отделов было по десять кабинок, в каждой из которых могли разместиться двенадцать человек.

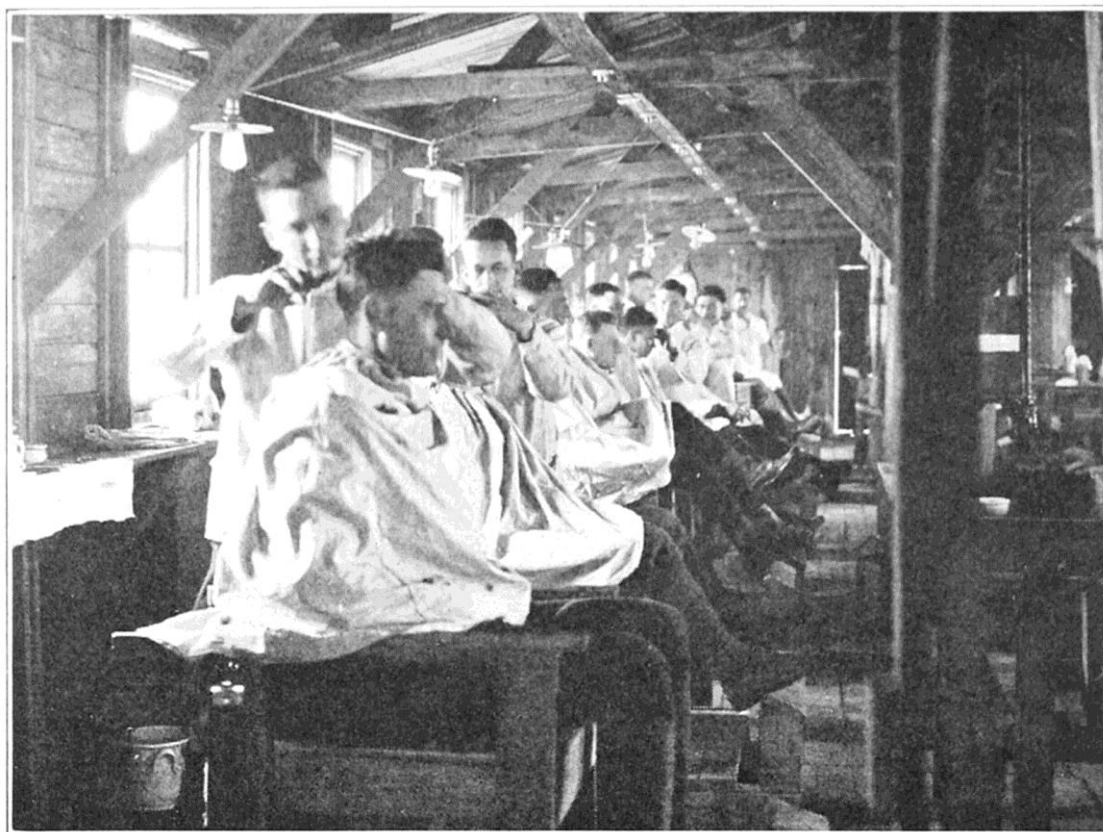


Фото Корпуса связи

3. ПАРИКМАХЕРСКАЯ “МЕЛЬНИЦА”



Фото Корпуса связи

4. ЧЕРЕЗ “МЕЛЬНИЦУ” И ГОТОВО К ОТПРАВКЕ ДОМОЙ

Процессы в других лагерях посадки были, по сути, такими же. В каждом из дивизионных лагерей Ле-Мана было установлено оборудование для купания и удаления загрязнений производительностью 1200 человек в час. Для стерилизации одежды в этом районе имелись три крупных центральных “дезинфицирующих” установки, пять небольших стационарных паровых стерилизаторов и более десятка мобильных стерилизаторов.

Два портовых лагеря в Бордо были известны как Камп Нев и Камп Геникар. После перемирия эти два лагеря были реорганизованы и расширены. Камп-Нев стал “грязным”, или вступительным лагерем. В нем проживало 5400 человек. Лагерь Геникарт был обозначен как “чистый”, или эвакуационный лагерь, и в его казармах могли разместиться почти 17 000 человек. Самым напряженным днем в Бордо было воскресенье, 11 мая 1919 года, когда 6399 человек прошли через “мельницу” и приготовились к отправке. 17 июня 1919 года, в рекордный для Сен-Назера день, было совершено 15 306 посадок.

Утилизация была важной операцией на всех пунктах погрузки во Франции. Тысячи предметов одежды, выброшенных возвращающимися войсками, были не настолько изношены, но их можно было снова привести в порядок. Утилизационный завод в Ле-Мане мог ремонтировать 1700 пар обуви, проводить химчистку, стерилизацию и ремонт 4000 единиц одежды, стирать 10 000 предметов одежды в прачечной и дезинфицировать 10 000 одеял каждый день. Завод занимал восемь зданий, а средняя стоимость одежды, ремонтируемой ежемесячно, составляла более 150 000 долларов. В Бресте, Сен-Назере и Бордо также были заводы по переработке вторсырья, причем один из них в Бресте был огромных размеров.

Задача обеспечения питанием людей в лагерях высадки стала для Интендантского корпуса одной из главных проблем. На каждом дивизионном складе в Ле-Мане всегда имелось достаточно продовольствия, чтобы удовлетворить аппетиты 25 000 человек в течение пятнадцати дней, и, кроме того, на центральных складах хранилось 500 000 аварийных пайков для замены гарнизонных пайков, если что-то пойдет не так с продовольствием. В декабре 1918 года продовольственные службы в этом районе были рассчитаны на приготовление и подачу 500 000 пайков в день.

В Бресте также были продуманы схемы питания с огромным размахом. Мужчины ели пищу, приготовленную на стандартных кухнях, каждая из которых могла обеспечить пропитание тысячам человек. Холодильная камера и другие складские помещения одной из стандартных кухонь были достаточно большими, чтобы вместить такие продукты, как 10 000 фунтов говядины и 6000 фунтов хлеба. Кухонные удобства включали в себя помещение для разделки мяса, инструментальную, судомойню, печь для сжигания мусора, большую столовую и, наконец, камбузы, в каждом из которых находились четыре большие гостиничные плиты с рабочими столами, сервировочными столиками и всеми необходимыми кухонными принадлежностями. Десять человек готовили на каждом камбузе. Длина каждой столовой составляла 280 футов. Столы с металлическими столешницами из конца в конец имели длину 495 футов. На камбузах, в кладовых и столовых были цементные полы. Весь завод освещался электричеством.

Каждая столовая в Бресте функционировала по схеме кафетерия. Каждая была оборудована так, чтобы накормить 20 000 солдат. Мужчины вошли в зал, маршируя колонной отделений. Они прошли через камбуз, наполнив свои наборы горячей едой, затем заняли места за столами, поели и вышли из зала в противоположном конце, где стояли мусорные баки, в которые можно было соскребать посуду, а также емкости с кипящей мыльной водой и горячей водой для полоскания. Здесь они чистили свое оборудование. Помещения были

таковы, что каждая кухня могла обслуживать бригаду военнослужащих, входящих в здание обычным маршевым шагом. Частые проверки поддерживали питание на должном уровне. В лагерях в Бресте также имелись ночные буфетные киоски, в которых любой солдат мог получить хлеб и горячий суп с 8:30 вечера до 14:30 ночи. Силы, обслуживавшие столовые в Бресте, насчитывали 1600 офицеров и рядовых.

В Бордо войска, временно занимавшие посадочные лагеря, сами готовили себе еду в столовых, используя припасы лагерной организации. В Сен-Назере столовые были такими же, как в Бресте. Старый армейский транспорт *McClellan*, который переправился во Францию в составе первого американского конвоя в 1917 году, был размещен в Сен-Назере, где служил организации по обеспечению жизнедеятельности в качестве плавучего холодильника вместимостью 3 000 000 фунтов продовольствия. "*Макклеллан*" был слишком стар, чтобы выдержать удары Северной Атлантики, и Служба посадки, не желая рисковать возвращением ее домой, передала корабль А. Е. Ф. После возвращения экспедиции в Соединенные Штаты правительство продало "*Макклеллан*" Франции.

Для отдельного солдата самым важным подразделением организации отправки было то, которое выплачивало причитающиеся ему от правительства деньги. Компания выплатила ему деньги во франках, либо в самой валюте, либо чеком, а затем проследила за тем, чтобы он обменял свои французские деньги на эквивалент в американской валюте. Оба этих финансовых предприятия — выплата и обмен — находились в руках АЕФ интендантского корпуса. Выплата не вызвала особых трудностей, хотя ежемесячный платежный лист в Бресте иногда содержал до 100 000 фамилий, в то время как в Сен-Назере и Бордо он был пропорционально большим. Вопрос об иностранной валюте представлял собой большую проблему.

Вскоре после того, как фургон ВВС прибыл во Францию, Министерство финансов в Вашингтоне потребовало от Военного министерства выплатить всем своим войскам, находящимся на иностранной территории, деньги страны, в которой им довелось дислоцироваться. Это означало, что большинство членов экспедиции получали жалование во франках. До перемирия вопросы обмена валюты мало волновали солдат-заморцев. После того, как правительство вычло его наделы для иждивенцев, ежемесячную премию за страхование от военных рисков и частичную оплату любых облигаций *Liberty*, которые он мог приобрести через армию, у него все равно мало что осталось. Когда франки подешевели, он получил от кассира больше, чем ожидал, но пока он оставался во Франции и тратил там свои деньги, обменный курс не имел для него большого значения.

Французская валюта постоянно укреплялась во время пребывания экспедиции во Франции - до тех пор, пока не началось перемирие. Обычная стоимость франков составляет 5,18 за доллар. В июле 1917 года этот показатель составлял 5,70. Этот показатель постепенно улучшался, пока в своей высшей точке не достиг 5,45. Таким образом, несколько раненых и случайных лиц, вернувшихся в Соединенные Штаты в этот период, смогли извлечь финансовую выгоду, обменяв свои французские сбережения на американскую валюту.

Однако после перемирия и в то самое время, когда экспедиционные войска в наибольшем количестве возвращались в Соединенные Штаты, обменный курс франка сильно упал. Вскоре после 11 ноября 1918 года курс составил 5,80 к 1. Он продолжал неуклонно падать, пока осенью 1919 года на покупку одного доллара не ушло 9,70 франка. Из этого следует, что предусмотрительный солдат, скопивший франки, выплаченные ему из расчета менее шести франков за доллар, сильно проиграл, когда был вынужден снова конвертировать свои сбережения обратно в доллары из расчета почти десять франков за доллар. Потери были

особенно тяжелыми для офицеров, которые имели расчетные и сберегательные счета во французских банках или которые не обналичили свои платежные чеки. Иногда офицеры также теряли свои чеки. Позже они получили дубликаты, которые из-за сокращения обмена стали менее ценными. Военное министерство считало себя обязанным защитить солдат от потерь из-за этого. Конгресс сейчас рассматривает законопроект военного министерства, который, если он будет принят в качестве закона, будет предусматривать возмещение потерь, понесенных солдатами из-за колебаний курса иностранной валюты.

Для А. Е. Ф. было хорошей финансовой политикой оставить всю свою французскую валюту, отправляясь в Соединенные Штаты, и привезти домой только американские деньги. Однако изменение системы оплаты в портах погрузки привело бы к путанице в финансах А. Е. Ф. Поэтому квартирмейстерский корпус поступил следующим образом: он, как обычно, расплатился с высадившимися войсками во франках, а затем немедленно конвертировал их франки в американскую валюту. Поскольку и оплата, и обмен производились по одному и тому же обменному курсу, войска не понесли потерь в этой транзакции.

Чтобы предоставить американские деньги для этого обмена, Казначейству было необходимо отправить во Францию большое количество валюты. А. Э. Ф. потребовалось некоторое время, чтобы убедить Министерство финансов в необходимости таких поставок. На следующий день после начала перемирия командование ВВС направило телеграмму в Казначейство с просьбой о немедленной отправке 500 000 долларов в валюту, впоследствии заказ был увеличен до 2 000 000 долларов. Эти деньги фактически не поступали в А. Э. Ф. до последнего дня января 1919 года. К этому времени экспедиция начала быстро собираться в путь. В Европе не было достаточно американской валюты, чтобы купить все французские деньги экспедиционных войск, и только самыми напряженными усилиями Корпус квартирмейстеров мог обеспечить обмен денег до тех пор, пока из Соединенных Штатов не прибудет первая партия валюты. Финансовые чиновники были размещены в Париже, Лондоне и в основных морских портах с приказом покупать все американские деньги, которые они могли получить. Прочесывая банки и конторы брокеров, а также поддерживая в Париже фонд, из которого автоколонны доставляли грузы в порты по мере исчерпания запасов валюты, Корпусу удавалось поддерживать систему обмена валюты в рабочем состоянии. После январской поставки в размере 2 000 000 долларов Министерство финансов организовало автоматическую поставку в размере 10 000 000 долларов каждый месяц.

Тем временем в портах Корпус разработал план обмена. Во всех доках были установлены киоски, и был организован отряд квартирмейстеров-раздавальщиков, которые поднимались на борт всех транспортов и обменивали деньги солдат, которые не смогли произвести обмен на берегу. Военно-воздушные силы США издали приказ, обязывающий всех солдат обменять свои наличные деньги перед отплытием. Соответствующие уведомления были вывешены на видном месте во всех лагерях посадки. В более крупных подразделениях офицеры озаботились этим вопросом, собирая французские деньги у своих солдат, получая за них американские деньги у обменных пунктов, а затем распределяя привычную валюту среди военнослужащих. Отдельные лица и мужчины, путешествующие небольшими группами, занимались своим собственным обменом. Интенданты в Бресте раздали до 400 000 долларов в американской валюте за один день. До 1 июля Брест выплатил 60 000 000 долларов американскими деньгами военнослужащим, находившимся там на борту корабля.

К концу весны 1919 года большинство боевых дивизий, за исключением тех, что находились на действительной службе в Оккупационной армии, пересекли океан или отправились домой. К тому времени оборудование в базовых портах было развито до такой степени, что позволяло им осуществлять все дальнейшие посадки, и командование экспедиции закрыло

и покинуло посадочный центр в Ле-Мане. Все физическое оборудование, находившееся там, перешло французскому правительству в соответствии с условиями общей продажи, завершившейся в августе того же года. 30 июня Бордо был закрыт как порт погрузки. На борт было отправлено 258 000 военнослужащих. Сен-Назер официально прекратил свое существование как порт отправки 26 июля, хотя после этого он отправил несколько случайных пассажиров. Около 500 000 американских солдат попрощались с Францией в Сен-Назере.

Миллион с четвертью американских солдат экспедиционного корпуса отбыли из Бреста в Соединенные Штаты. Брест был последним из закрывшихся портов. Посадка миллионного американца в Бресте казалась почти такой же важной, как прибытие миллионного американца во Францию годом ранее. В августе генерал Першинг и историческая Первая дивизия отплыли из Бреста, и последние боевые части ушли. 1 октября американские войска были размещены во Франции только в Бресте и Париже, но Брест продолжал функционировать как порт посадки до тех пор, пока не отбыл последний американец. 1 октября еще оставалось отплыть нескольким тысячам человек, но ВВС больше не существовало во Франции. Его штаб-квартира переехала в Вашингтон. Великая задача была выполнена.

ГЛАВА III ТРАНСАТЛАНТИЧЕСКИЙ ПАРОМ

В первый день перемирия, прежде чем Вашингтон узнал его точные условия или смог оценить, насколько большими силами мы должны располагать во Франции в ожидании заключения постоянного мира, генерал Фрэнк Т. Хайнс, начальник Службы посадки, которая руководила огромной работой по транспортировке 2 000 000 человек из состава ВВС во Францию и перевезла почти половину из них через океан на своих собственных кораблях, представил военному министру план возвращения войск.

Можно сказать, что перспективы скорой репатриации солдат из-за рубежа были не слишком радужными. Потребовалось почти семнадцать месяцев, чтобы доставить экспедицию в Европу, и более половины людей переправились на кораблях других стран. До 11 ноября Англия была главным поставщиком тоннажа для наших зарубежных перевозок. Чтобы создать на западном фронте численное превосходство, которое было главным фактором победы, Британская империя прочесала моря в поисках подходящих пассажирских судов, сократила свои собственные гражданские потребности до минимума и выделила нашей транспортной службе каждую тонну грузоподъемности, которую она могла закупить. Франция и Италия поставили по несколько судов.



Фото Корпуса связи

КУХНИ В ЛЕ-МАНЕ



Фото Корпуса связи

УЛИЦА В РАЙОНЕ ЛЕ-МАНА № 5

С помощью собранного таким образом огромного флота Военное министерство перевозило людей через Атлантику с невиданной ранее интенсивной концентрацией усилий. Сначала в решимости, что немцы не должны победить, позже в уверенности, что мы сами должны победить, Министерство отправило войска, почти не думая о том, как они собираются вернуться обратно. Будущим событиям следовало позволить позаботиться о себе самим.

Теперь такие события произошли. Англия, столкнувшись с внезапной необходимостью вернуть своих собственных колониальных солдат на их родные земли, а также рассчитывая на восстановление своей важнейшей внешней торговли, немедленно отозвала свой тоннаж с нашей службы. Франция и Италия поступили точно так же. Великолепный “мост из кораблей”, по которому американская экспедиция пересекла Атлантику, растаял, и 2 000 000 американцев оказались частично выброшенными на чужбину.



Фото Корпуса связи

НЕПРЕДВИДЕННЫЕ РАСХОДЫ НА ТРАНСПОРТЕ, ВЫЕЗЖАЮЩЕМ ИЗ БРЕСТА

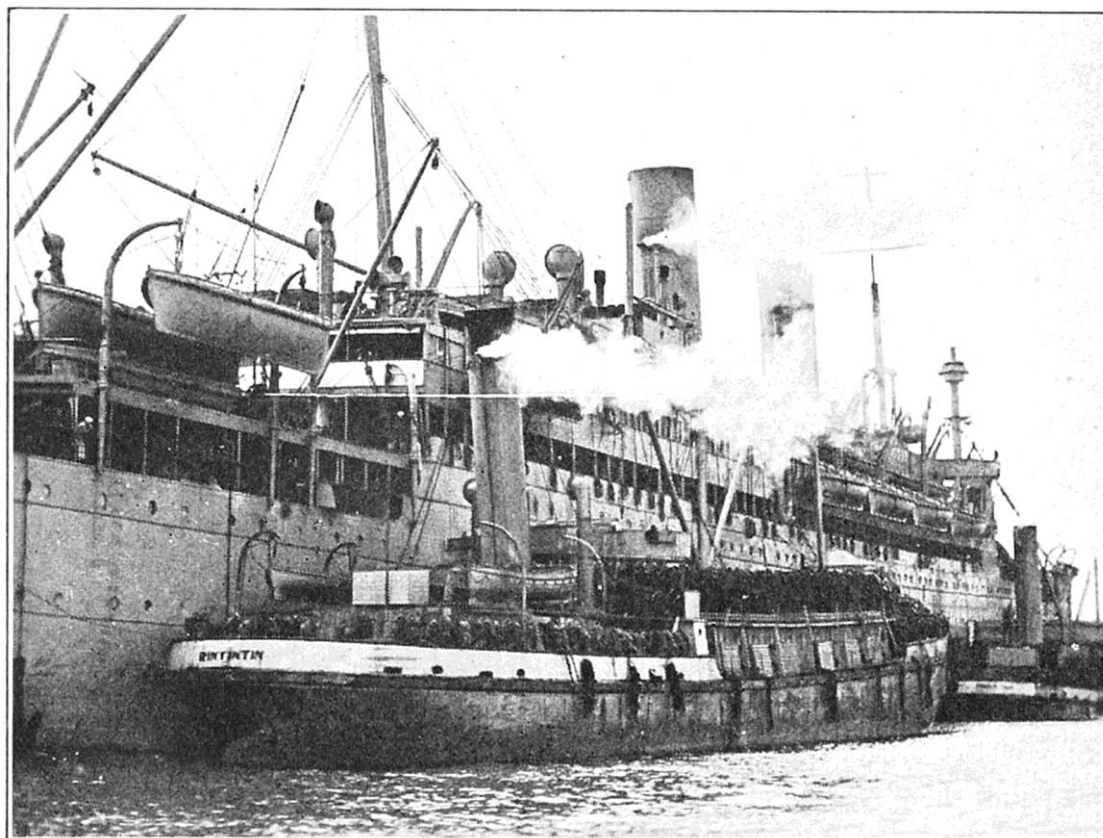


Фото Корпуса связи

ПОСАДОЧНЫЙ ТРАНСПОРТ С ЛИХТЕРА, БРЕСТ

Еще не совсем брошенный на произвол судьбы. Флот десантных кораблей под американским флагом, собранный во время войны, в день перемирия вмещал в один рейс 112 000 военных пассажиров. Эксплуатируемый в составе вооруженных и охраняемых конвоев, этот транспорт не мог совершать в среднем одно трансатлантическое путешествие туда и обратно в месяц; его пропускная способность в условиях войны составляла где-то около 100 000 военнослужащих в месяц. Перемирие устранило необходимость следования паром в составе конвоя и позволило транспортам управлять с помощью гораздо более эффективной системы индивидуальных рейсов. При таких условиях ежемесячная численность флота под американским флагом составляла около 150 000 человек. Эту пропускную способность следовало несколько снизить из-за того факта, что практически все суда были выведены из эксплуатации на сезон ремонта. Было очевидно, что, если этому флоту не будет оказана помощь, потребуются, при самых благоприятных условиях, более года, чтобы вернуть домой ВВС; и более вероятно, что на самом деле наступит весна 1920 года, прежде чем последний из заморских солдат снова ступит на родную землю. План генерала Хайнса предусматривал такую помощь. В нем заранее не учитывался последующий факт, что союзники отзывали свои пассажирские суда и обратились к нашим собственным ресурсам для увеличения пропускной способности.

Оказалось, что у нас должен быть значительный доступный тоннаж для такого использования — тоннаж, высвобожденный в результате перемирия из других служб. Одним из источников был Военно-морской флот. Его линкоры и крейсера по-разному защищали побережье, конвоировали транспорты и держали себя в готовности в составе объединенного Большого флота встретить ожидаемую мощную немецкую военно-морскую атаку. Эти обязанности подошли к концу. План Хайнса предусматривал временное переоборудование

ряда военных судов в бронетранспортеры для войск путем установки коек и жилых помещений столовой. Хотя весь иностранный тоннаж должен был быть изъят немедленно, Транспортная служба надеялась обеспечить некоторую дополнительную пропускную способность, зафрахтовав пассажирские суда у иностранных владельцев по новым соглашениям.

Однако наиболее многообещающим источником новых мощностей был парк армейских грузовых транспортных средств, который в день перемирия в совокупности составлял около 2 500 000 тонн дедевейтом². Перемирие немедленно сделало большую часть этого тоннажа ненужной правительству для обслуживания обширной службы снабжения за границей. После этого ВВС должны были существовать на гарнизонной основе, нуждаясь только в обычных гарнизонных запасах продовольствия и одежды. Огромные грузы боеприпасов и самолетов, необработанной стали и полуфабрикатов для французских и английских военных заводов, лошадей и мулов, железнодорожных и инженерных грузов - тоннаж, которым в прошлом был загружен грузовой флот и который скапливался на терминалах в Атлантике, — больше не должны были пересекать океан. Было предложено взять лучшие из грузовых транспортов и немедленно переоборудовать их в десантные корабли.

Военное министерство приняло весь план в целом, и первым действием Транспортной службы было начать обследование грузового флота, чтобы определить, какие суда наиболее подходят для переоборудования. Пригодны были только более крупные и быстроходные лодки, и, конечно, это должны были быть корабли с трюмами, приспособленными для размещения войск. Специализированные суда, такие как танкеры и рудовозы, не подойдут.

Для Транспортной службы перемирие было всего лишь эпизодом. Оно просто изменило характер ее работы и увеличило ее объем. Пик кривой операций, что касается транспортировки войск, был достигнут только через восемь месяцев после вступления в силу перемирия. Тысячи военнослужащих Транспортной службы стремились к увольнению и возвращению домой так же страстно, как и остальная армия; однако эти люди понимали, что пройдут месяцы, прежде чем их работа может закончиться. Тем временем им пришлось бы наблюдать, как сотни тысяч людей отправляются в демобилизационные лагеря так быстро, как только могут доставить их пароходы и поезда, даже не подумав о перевозчиках, которые сделали возможным их досрочное увольнение.

Вызванное этим падение морального духа было одной из трудностей, с которой Транспортная служба столкнулась в начале своей деятельности по демобилизации, но которую она успешно преодолела. Другой, более конкретный, был связан с эксплуатацией десантных кораблей. В начале войны армия передала Военно-морскому флоту задачу эксплуатации большей части десантных кораблей в море, главным образом потому, что военные власти оказались неспособными конкурировать с высокой зарплатой военной промышленности в обеспечении гражданских экипажей для судов. Военно-морской флот, с его униформой и призывом к патриотизму, не испытывал подобных проблем; и, следовательно, он взял на себя управление войсковыми транспортами и укомплектовал их синими куртками. Эти молодые американцы шли на службу ради опасностей и приключений, и у них не хватало духу управлять набором прозаичных паромов через ставшую безопасной Атлантику. Военно-морское министерство, видя, что оно не может удержать их на вооружении, уведомило Военное министерство о необходимости вернуть свои корабли. Это сделала Транспортная служба, наняв гражданские экипажи и разместив их на борту войсковых транспортов с такой скоростью, что к лету 1919 года Военно-морской флот полностью освободился от этой работы, за исключением того, что военно-морской флот

продолжал эксплуатировать три или четыре десантных корабля с экипажами, состоящими из мужчин, проходящих срочную службу.

В то время как Транспортная служба рассматривала возможность переоборудования многих своих грузовых перевозчиков в военные корабли и последующего использования судов в течение ряда месяцев, она подверглась давлению со стороны владельцев некоторых из этих же судов, которые потребовали, чтобы правительство отказалось от них. Практически весь свой грузовой тоннаж армия получила по чартеру из частной собственности, причем чартеры действовали во время чрезвычайной ситуации. После перемирия владельцы судов, естественно, пожелали вернуться к гонке за внешнюю торговлю. В интересах Соединенных Штатов было, чтобы военный тоннаж был задействован таким образом в кратчайшие возможные сроки, но скорейшее возвращение заграничной экспедиции было еще более важным, и оно получило приоритет.

Еще одним препятствием на пути быстрого и эффективного выполнения плана демобилизации Военнослужащих была перегруженность американских верфей, практически все из которых были задействованы на пределе своих возможностей в новом строительстве для Корпорации Аварийного флота. Эта перегруженность не только затруднила реализацию проекта по переоборудованию грузовых судов в бронетранспортеры для войск, но и затянула необходимую работу по капитальному ремонту обычных войсковых транспортов, уже находящихся в эксплуатации. Больше года эти суда безжалостно эксплуатировались в хорошую и ненастную погоду, без перерыва на общий ремонт, в котором время от времени нуждается каждое судно. На всех них были задействованы большие силы в составе экипажей, чтобы каким-то образом поддерживать движение судов, производя при необходимости аварийный ремонт. Только условия, существовавшие до перемирия, оправдывали такое злоупотребление. Перемирие было заключено как нельзя кстати для большинства этих судов, и особенно для бывших немецких лайнеров. Война или не война, но они почти достигли той точки, когда их пришлось поставить в сухой док, независимо от того, как это повлияло на движение за границу. После перемирия было бы глупостью поручать этому тоннажу еще одну важную задачу, предварительно не приведя его в хорошее состояние. Для выполнения этой работы Транспортная служба имела в своем распоряжении только собственные ремонтные верфи в Нью-Йорке, а также сухой док и судоремонтную верфь судостроительной компании Newport News. Из-за этого ограничения доставка была задержана дольше, чем это было бы необходимо в обычных условиях.

В результате обследования, проведенного Транспортной службой сразу после заключения перемирия, было определено, что пятьдесят восемь грузовых транспортных средств подлежат переоборудованию. Это были самые большие суда грузового флота, и переоборудование позволило им перевозить в среднем по 2500 военнослужащих на каждом. Таким образом, проект увеличил пропускную способность флота, перевозящего войска, на 125 000 мест в том виде, в каком он существовал на день перемирия, — более чем вдвое увеличив его размер. К 13 декабря изыскания были завершены, и морские архитекторы составили спецификации переоборудования для отдельных судов; и в тот день Служба заключила первый из контрактов - на переоборудование *Buford* (который позже перевозил экспортированные radicals в Россию и получил известность как “Советский ковчег”). Стоимость реконструкции *Buford* составила 70 000 долларов, и подрядчик завершил работу за двадцать восемь дней. К концу года было заключено двадцать контрактов на конверсию. С интервалами до 29 апреля 1919 года, когда был подписан последний из них, последовали другие. До 1 июня все пятьдесят восемь кораблей находились на вооружении в качестве десантных кораблей.

Несмотря на неблагоприятные условия в промышленности, судовые подрядчики чрезвычайно быстро переоборудовали эти суда. Такое переоборудование было практически восстановительной работой. Это означало демонтаж практически всей внутренней части корпусов и перестройку для обеспечения жилых помещений для военнослужащих, камбузов, столовых и санитарных помещений. Среднее время выполнения этой работы составляло сорок один день, а средняя стоимость - более 161 000 долларов. Общая стоимость составила около 9 000 000 долларов.

Будет видно, что этот проект, хотя бы из-за его дороговизны, был смелым шагом для Транспортной службы. Стоимость переоборудования на одного размещенного пассажира составила около 72 долларов — больше, чем стоимость одного проезда в третьем классе через Атлантику на коммерческом лайнере. Однако при более широком рассмотрении расходы в размере 9 000 000 долларов действительно были экономией, поскольку позволили правительству вернуть домой и демобилизовать несколько сотен тысяч солдат на недели и даже месяцы раньше, чем это было бы возможно в противном случае.

Этот единственный акт преобразования грузовых транспортных средств в бронетранспортеры для войск сделал больше, чем что-либо другое, для ускорения возвращения ВВС; однако агрессивность Транспортной службы на этом не закончилась. По условиям мирного договора Германия согласилась передать союзникам по уставу большую часть остатков своего некогда огромного пассажирского торгового флота. Почти пять лет эти суда стояли у своих причалов в немецких гаванях и на реках. У своего причала на реке Эльба стоял "*Император*", самый большой корабль в мире, превосходящий по размерам свой однопалубный корабль "*Фатерланд*", который впоследствии стал американским транспортным "*Левифаном*". Совет союзного морского транспорта, который распределил мировой тоннаж для борьбы с подводными лодками, решил разделить этот новый немецкий тоннаж поровну между Великобританией и Соединенными Штатами, предоставив нам все более крупные суда, потому что у нас были гавани, которые могли их принять. Меньшие корабли Англия должна была использовать для репатриации своих австралийских войск.

Генерал Хайнс, начальник нашей транспортной службы, принял участие в разбирательстве в Лондоне, получив от Совета десять больших немецких судов. Сразу же совет ВМС США во главе с адмиралом Бенсоном, начальником Оперативного управления во время великой борьбы, отправился в Германию, чтобы привести выделенные корабли в боевое состояние. Ремонт был произведен быстро, и вскоре все десять кораблей, приводимых в движение механизмами, незнакомыми американским морякам, вышли из немецких гаваней в гавань Бреста, укомплектованные от мостиков до огневых рубок "синими куртками янки" и их офицерами.

После лондонской конференции генерал Хайнс посетил различные судоходные концерны в европейских союзных и нейтральных странах и зафрахтовал всего тридцать три пассажирских судна - тринадцать у итальянских владельцев, двенадцать у испанских и голландских и восемь у французских интересов.

Задолго до этого события военно-морской флот забрал четырнадцать своих линкоров и десять броненосных крейсеров и путем установки причалов и других помещений превратил их в пассажирские суда, способные перевозить 28 600 военнослужащих одновременно. Эти суда добавляли к движению домой более одной дивизии войск в месяц.



Фото Корпуса связи

ВОЙСКА НА ЛИНКОРЕ ГОТОВЫ К БЕСПОРЯДКАМ

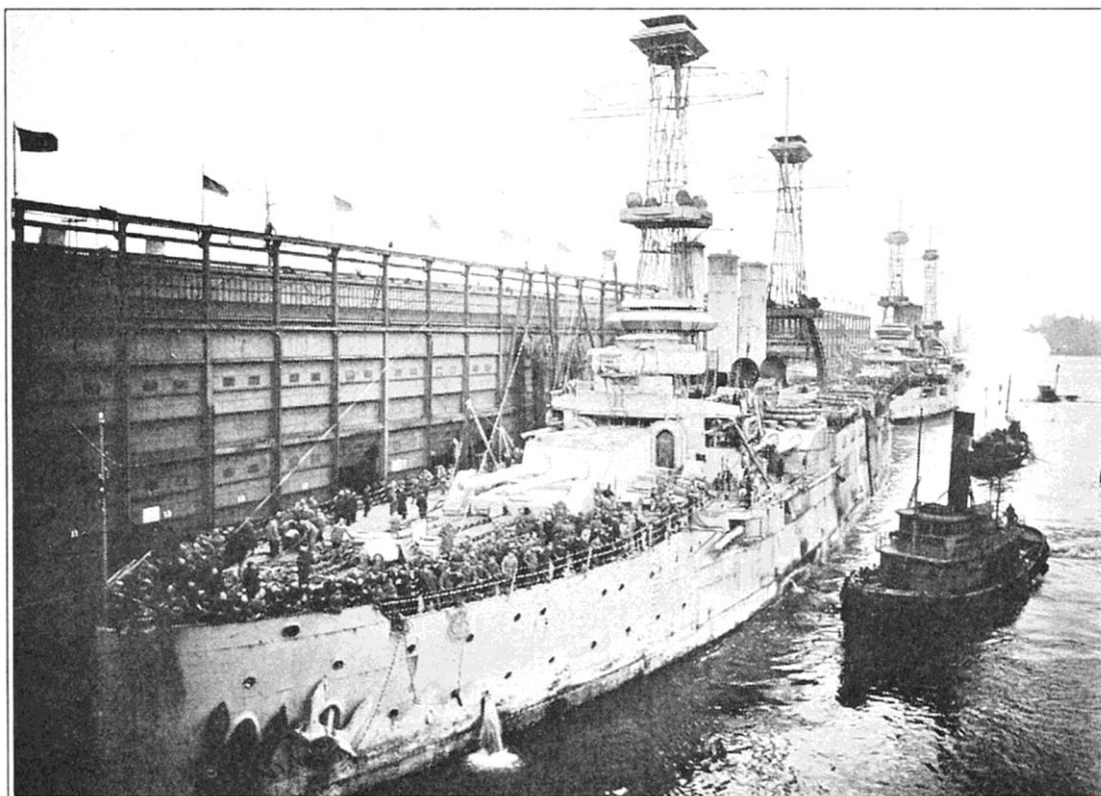


Фото Корпуса связи

ВОЕННЫЕ КОРАБЛИ С ВОЙСКАМИ ПРИЧАЛИВАЮТ К ХОБОКЕНУ

Таким образом, Атлантический океан был восстановлен после перемирия, и его структура стала еще шире и вместительнее, чем та, по которой экспедиция пересекла Францию. 23 июня 1919 года военно-морской флот достиг наибольшего расширения. В тот день он состоял из 174 судов с местами для 419 000 военнослужащих. На нем можно было перевезти весь авиационный флот за пять рейсов, при этом оставалось свободное место. Он был больше по вместимости, чем все вместе взятые объекты, имевшиеся в нашем распоряжении до перемирия, но практически все они плавали под Звездно-полосатым флагом. По количеству кораблей это было в четыре раза больше, чем войсковой флот, который армия имела в уставе и собственности на 11 ноября. Численностью он на сорок судов превосходил объединенный флот как американских, так и союзнических войск, имевшийся в нашем распоряжении до заключения перемирия. И все же в день перемирия мы, казалось, исчерпали возможности океанского судоходства!

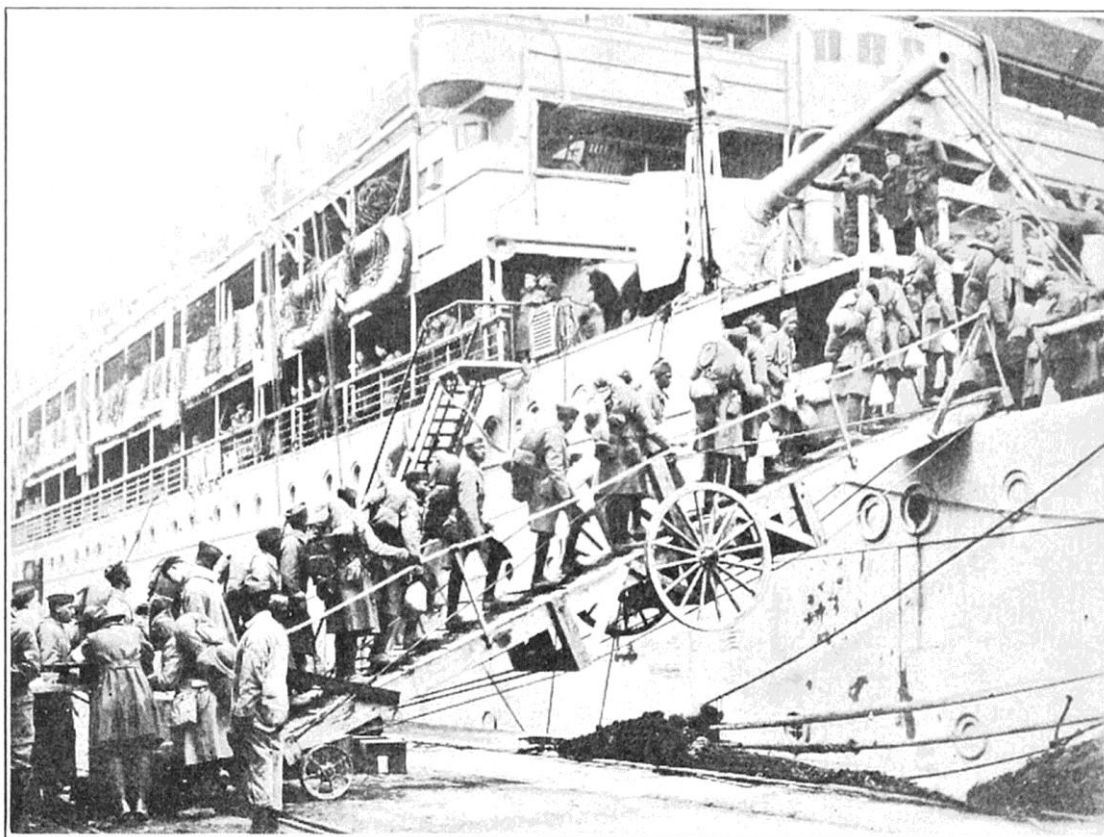


Фото Корпуса связи

ОТПРАВЛЯЮСЬ В СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ

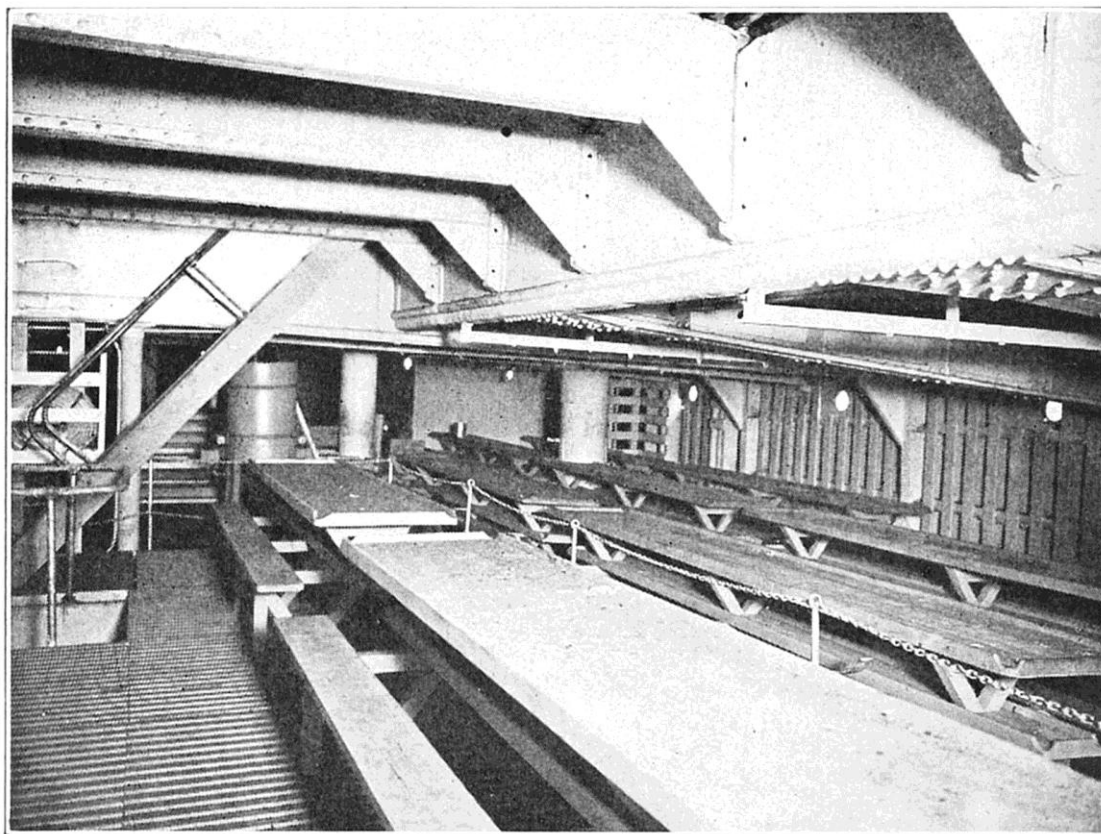


Фото Корпуса связи

СТОЛОВАЯ НА ПЕРЕОБОРУДОВАННОМ ГРУЗОВОМ ТРАНСПОРТЕ ОНЮАН

Всегда отважная и быстрая в действиях Транспортная служба была одним из первых подразделений военного министерства, предвидевших перемирие и последующую демобилизацию. 1 ноября, за десять дней до заключения перемирия, после получения конфиденциальных разведданных о том, что правительство Германии приказало своему флоту выйти в бой с Гранд Флитом союзников, и дополнительно заверило, что поражение Германии на суше не за горами, Транспортная служба прекратила переброску всех боевых частей за границу. В первую очередь это действие было предпринято для того, чтобы избежать катастрофы для наших войсковых транспортов, катастрофы, которая почти неизбежно произошла бы, если бы в ожидаемом предстоящем морском сражении какому-либо из немецких военных кораблей случайно удалось проскользнуть через кордон союзников и достичь Атлантики. После перемирия упреждающий шаг Транспортной службы оказался полезным при демобилизации, поскольку он удержал вдали от Франции по меньшей мере четыре дивизии войск, что значительно сократило работу по возвращению экспедиции.

На пятый день перемирия генерал Першинг назвал тридцать дивизий, которые должны были вести наступление Оккупационной армии к Рейну и удерживать открытыми коммуникации, выделил войска снабжения для поддержки дивизий и отпустил остальные экспедиционные силы для возвращения в Соединенные Штаты, как только будут предоставлены транспортные средства. Этот приказ освободил почти половину экспедиции для демобилизации. Таким образом, миллион человек были готовы немедленно вернуться домой.

В то время как власти Франции готовились к предстоящей посадке, под рукой была работа в сфере международных перевозок, к которой Транспортная служба могла бы обратиться с

такими военными кораблями, которые были доступны для немедленного использования. В Англии в день заключения перемирия дислоцировалось более 70 000 американских солдат, большинство из которых были членами эскадрилий воздушной службы, проходивших подготовку в британских авиационных лагерях. Их посадка на борт через крупные британские морские порты не представляла особых трудностей. На наших собственных регулярных транспорте и в таком пространстве, какое армия могла обеспечить на британских коммерческих лайнерах, все эти силы были высажены в Соединенных Штатах в течение шести недель после начала перемирия.

Можно сказать, что погрузка ВВС во Франции началась примерно в середине декабря, одновременно с появлением приказа о создании трех портов посадки и зоны посадки в Ле-Мане. С тех пор неделя за неделей количество возвращающихся домой военнослужащих неуклонно увеличивалось. В январе первый из переоборудованных грузовых транспортов пополнил десантный флот. Чуть позже на вооружении появилась часть зафрахтованного иностранного тоннажа. Примерно в то же время военно-морской флот начал пополняться военными судами, оборудованными в качестве бронетранспортеров. Поздней весной мы захватили немецкий тоннаж. В июне 1919 года количество отправок американских войск достигло максимума, которого никогда ранее не достигалось ни в одном военном или гражданском движении. В том месяце 368 300 американских солдат погрузились на транспорты во Франции, и 343 600 высадились на американской земле. Это движение на 60 000 человек превысило число людей, перебросенных за месяц во Францию. При переброске войск во Францию нам помогали торговые суда основных союзников на пределе их совместных возможностей, но мы вернули экспедицию обратно в одиночку.

Этот грандиозный рекорд стал возможен не только благодаря использованию всего тоннажа, который мог быть приспособлен для такого обслуживания, но и благодаря максимально эффективной эксплуатации судна. Падение морального духа среди *персонала* Транспортной службы в первые обескураживающие недели перемирия вскоре было компенсировано духом транспортников в начале 1919 года, когда они осознали огромную ценность услуги, которую они оказывали своим товарищам по экспедиции и стране в целом. Когда до них дошло, что они превзошли все ожидания, доставив войска из Франции в Соединенные Штаты, они взялись за дело с духом, непревзойденным даже в те дни, когда каждый солдат, высаженный во Франции, был дополнительной гарантией скорейшего окончания войны. Судно соперничало за сокращение времени пропарки, а порты соревновались друг с другом в отправке судов в море.

При таких обстоятельствах упали все рекорды эффективности судоходства. В 1918 году, когда все силы были направлены на достижение максимальной эффективности, средний оборот американских войсковых транспортов через океан и обратно составлял более 36 дней. В 1919 году во время обратного движения он сократился до 32,6 дней.

Нефтеналивной транспорт *Great Northern*, который был полностью куплен Военным министерством весной 1918 года, оказался самым быстроходным из когда-либо курсировавших по Атлантике. Покинув Хобокен 24 июня 1919 года с несколькими пассажирами, несколько дней спустя она высадила их в Бресте, при лунном свете приняла 2999 военнослужащих и вернулась в Хобокен — и все это за двенадцать дней, пять часов и тридцать минут. Ни одно другое судно, военное или коммерческое, никогда не достигало такой скорости. "*Грейт Нортерн*" также установил рекорд в восемнадцать трансатлантических циклов со средней продолжительностью двадцать три дня на каждый; и за все военное предприятие он перевез больше войск на тонну грузоподъемности, чем

любой другой десантный корабль. Однако ей было тесно на почетном месте на корабле-побратиме *Northern Pacific*.

Сами по себе суда не могли бы вести такие записи, кроме как при сотрудничестве портовых организаций по обе стороны Атлантики. До перемирия пропускная способность портов, особенно во Франции, была более серьезным ограничением расширения американской мощи на фронте, чем нехватка морских перевозок. После перемирия повышение эффективности судоходства было достигнуто в основном за счет ускорения погрузки и разгрузки транспортных средств в порту. 17 мая транспорт "*Mayu*" в Бресте принял на борт 3612 военнослужащих и отплыл в Америку через три часа тридцать пять минут после прибытия. Этих солдат должны были доставить к ней на лихтерах, и они поднимались на борт со скоростью шестьдесят пять человек в минуту. В тот же день транспортное судно *Cape May*, одно из переоборудованных грузовых судов, прибыло в Бордо и отплыло с тем же приливом с грузом в 1928 военнослужащих, который был отправлен за один час девятнадцать минут. Это были крайние случаи, но они свидетельствовали об эффективности работы портового оборудования.

Сначала Транспортная служба не устанавливала никакого графика возвращения экспедиции, за исключением общего, согласно которому она надеялась вернуть последнего человека до 1 января 1920 года. К началу весны 1919 года ситуация выглядела настолько лучше, что Служба подготовила график, показывающий вероятную пропускную способность французских портов по месяцам и оценивающий эту пропускную способность на несколько месяцев вперед. График обещал постепенное увеличение до тех пор, пока объем перевозок не достигнет цели в 250 000 отправок в месяц. На основе этого расписания командование ВВС установило приоритеты для посадки и опубликовало как расписание, так и даты очередности, к восторгу членов экспедиции, большинство из которых тогда все еще находились во Франции. Разумеется, власти ничего определенного не обещали и проинформировали солдат, что график будет соблюден, "если это практически осуществимо"; тем не менее бойцы А. Е. Ф. сделали ставку на Транспортную службу, которая выполнит свои прогнозы.

Цель в 250 000 посадок в месяц была крайним максимумом, которого, по мнению Службы, она могла бы достичь, если бы все шло правильно. Однако три месяца спустя, когда количество посадок приблизилось к 400 000, цель была достигнута на 50 процентов. Фактическое выступление привело 300 000 солдат из-за рубежа домой на два месяца раньше запланированного срока, а еще 300 000 человек перевыполнили график на один месяц. Это было эквивалентно 900 000 человек, вернувшихся и уволенных со службы на месяц раньше, чем у страны были какие-либо основания ожидать. Стоимость содержания таких вооруженных сил в течение одного месяца составляет приблизительно 66 000 000 долларов, экономия, которая должна быть отнесена на счет администрации, сделавшей это возможным.

Дни, проведенные в море вернувшимися войсками, не были потрачены впустую. Хотя офицеры, проводившие погрузку во Франции, делали все возможное, чтобы разослать с каждым солдатом полный отчет о его службе, в ходе работы не всегда удавалось достичь этого идеала. Было несправедливо удерживать солдата от отправки из-за того, что его послужной список был неполным; и все же, прежде чем он мог добиться увольнения, его документы должны были быть в идеальном состоянии. Транспортная служба через свои лагеря высадки в Соединенных Штатах взяла на себя задачу усовершенствовать индивидуальные данные солдат, и большую часть этой работы она выполнила на кораблях в море. В специальных школах в Хобокене и Ньюпорт-Ньюсе Служба готовила отряд

разъездных *кадровых* адъютантов для назначения на транспортные суда. Как только военный корабль отправлялся из Франции, адъютант по *личному* составу на борту открывал офис, и с этого момента до тех пор, пока корабль не пришвартовывался, он был занят с утра до ночи приведением в порядок служебных записей. Он также составил документы, которые понадобятся в лагерях высадки, и проинструктировал войска о процедуре, которой следует следовать после приземления.

Неожиданно Транспортная служба оказалась вынужденной доставить домой в номерах первого класса гораздо больше людей, чем она перевезла в Европу таким образом. Тысячи офицеров пересекли границу до перемирия на коммерческих лайнерах, как и толпы представителей красного креста и других социальных работников. Многие солдаты обзавелись женами в Европе. Военный устав давал этим женщинам и сопровождавшим их мужьям право занимать каюты первого класса в транспортных средствах. После перемирия несколько комитетов конгресса и сотни экспертов, нанятых правительством для участия в мирных переговорах, отправились первым классом на транспорте в обоих направлениях. Результатом было то, что на 1 июля 1919 года в портах Франции в ожидании первоклассного рейса в Америку находилось 32 000 человек, что превышало вместимость таких помещений на несколько месяцев вперед. Чтобы вернуть их всех в состояние, на которое они имели право, потребовалась бы полная эксплуатация всего транспортного парка в течение трех месяцев после того, как обратное движение фактически прекратилось. Чтобы уладить этот вопрос, Служба приняла решение вернуть домой несколько тысяч младших офицеров, расквартированных в десантных помещениях некоторых более крупных и быстроходных судов. Хотя такое обращение вызвало некоторый протест, большинство офицеров были слишком рады вернуться домой, чтобы критиковать способ своего передвижения.

Ни один человек из 2 000 000 пассажиров не погиб в результате морской катастрофы после перемирия. Наихудшая авария произошла вскоре после полуночи 1 января 1919 года, когда во время ослепительного ливня большой транспорт *Northern Pacific* с грузом в 2500 военнослужащих, две трети из которых были больными и ранеными, сел на мель на берегу Лонг-Айленда недалеко от входа в гавань Нью-Йорка. Море было беспокойным, дул сильный ветер, и когда корабль повернулся левым бортом к пляжу и сел на песок, сильно колотясь, спасти его в то время было невозможно. Погода стояла холодная, судовое оборудование вышло из строя, на судне не было света и отопления. Потребовалось три дня, чтобы спасти пассажиров; тем не менее, несмотря на серьезность происшествия, ни один человек на борту серьезно не пострадал. Удары настолько повредили корпус судна, что многие пластины пришлось заменить. Более серьезной травмой была сломанная кормовая стойка. В прежней морской практике такая травма означала отливку новой стойки из стали. Военно-морской флот, как и в случае со сломанным оборудованием на интернированных немецких кораблях, прибегнул к электросварке для ремонта сломанной кормовой стойки, сэкономив несколько месяцев времени и, возможно, 50 000 долларов.



Фото Корпуса связи

ДЕНЬ ПЛАВАНИЯ В СЕНТ-НАЗЕРЕ. NAZAIRE

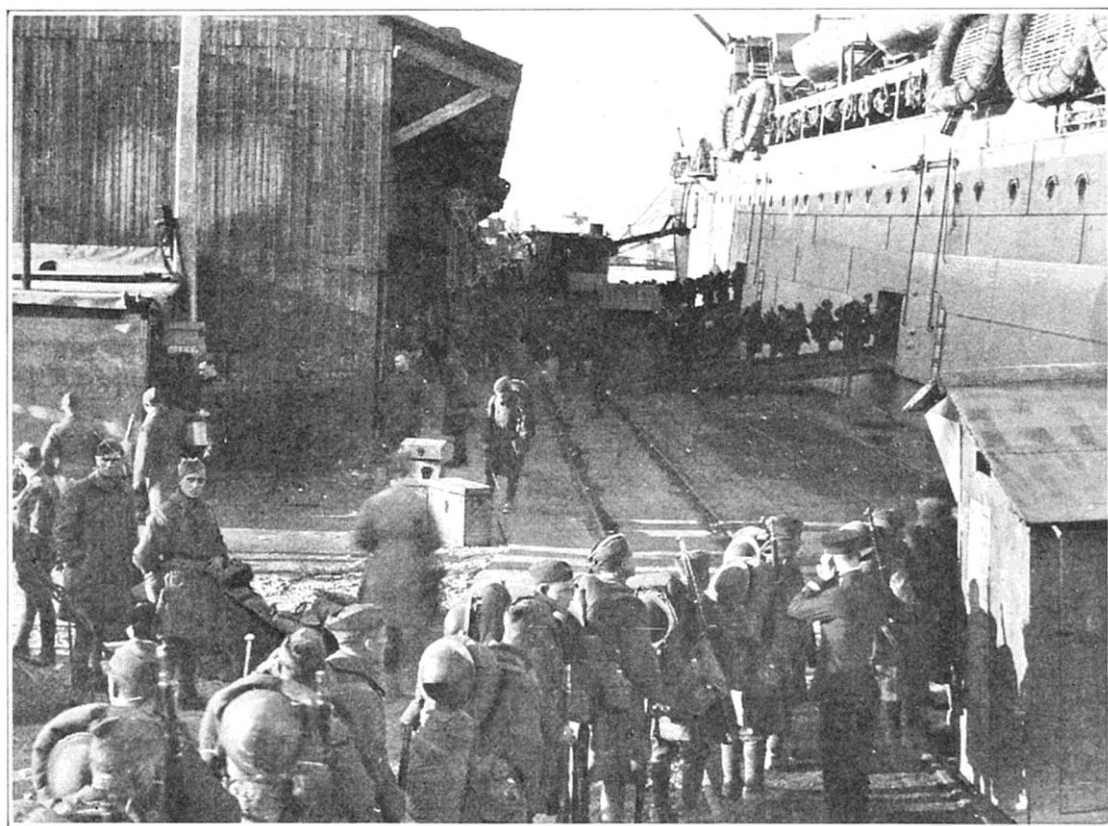


Фото Корпуса связи

ТРАНСПОРТ МАУИ ПОГРУЗКА В СЕНТ-НАЗЕРЕ. НАЗЕР

А. Е. Ф. продала большую часть своей собственности в Европе. Грузовые транспорты доставили домой около 850 000 тонн военных грузов — небольшую часть имущества, находившегося в распоряжении экспедиции на момент заключения перемирия. Товары были проданы за границу с убытком, средняя выручка была значительно ниже выручки от продажи аналогичных товаров в Соединенных Штатах. И все же то, что было сделано, было хорошей политикой. Европа нуждалась в припасах, а мы нуждались в корабельном пространстве для других целей. Если бы материалы были возвращены в Соединенные Штаты для продажи, из выручки пришлось бы вычесть транспортные расходы; и правительство практически не осталось без средств в результате сделки.



Фото Корпуса связи

СУВЕНИРЫ О ЕГО СЛУЖБЕ

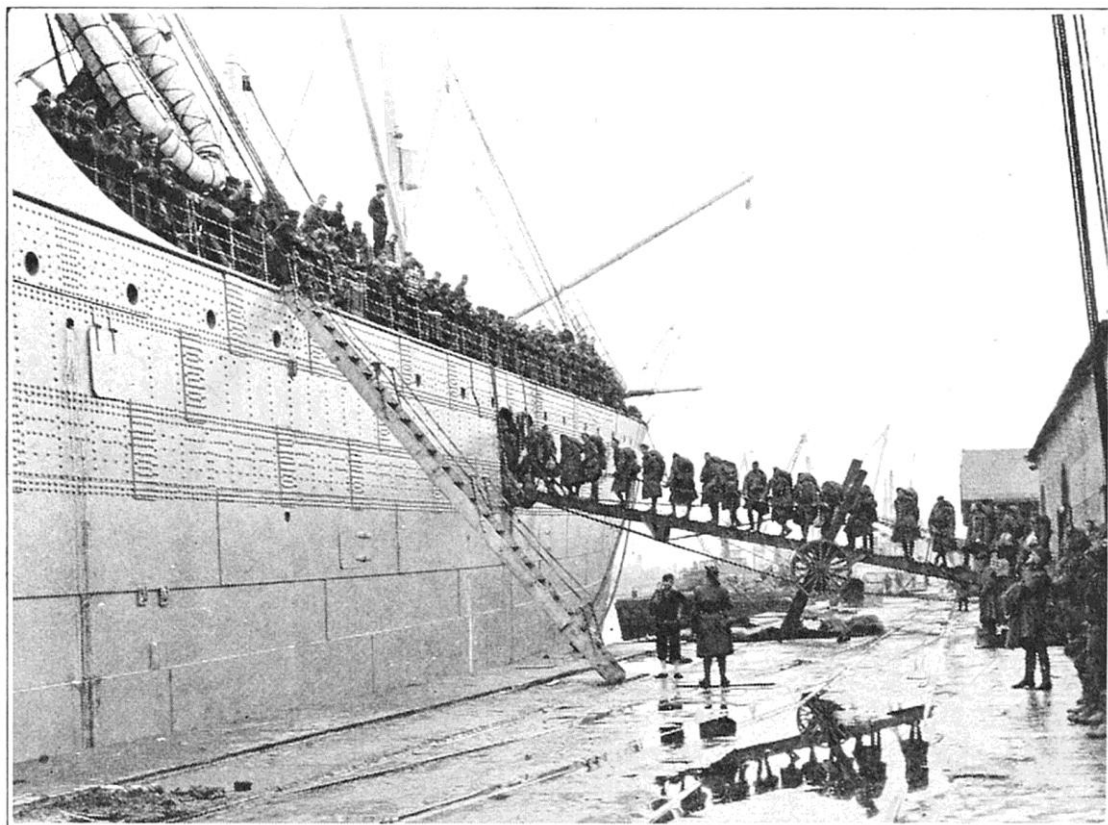


Фото Корпуса связи

ПОСАДКА НА БОРТ В СЕН-НАЗЕРЕ. НАЗЕР

Среди материалов, отправленных на родину, было 100 000 тонн дорожной техники. Военное министерство передало ее Министерству сельского хозяйства для использования при строительстве автомагистралей в Соединенных Штатах. Грузовые транспорты также привозили большие запасы боеприпасов, в основном артиллерии, большая часть которой была британского и французского производства. Поставки включали большое количество трофейных немецких пушек, привезенных для распределения среди американских общин в качестве военных трофеев.

В то время как переброска возвращающихся войск была в самом разгаре, Транспортная служба сворачивала свой военный бизнес и возвращалась к постоянному мирному режиму. Эта программа состояла в основном из утилизации своих судов и береговых учреждений. По состоянию на 11 ноября 1918 года Служба эксплуатировала 580 судов общим дедвейтом почти 4 000 000 тонн. В конце 1919 года армейский флот состоял лишь из нескольких транспортов, фактически принадлежавших правительству в результате покупки, строительства или захвата у Германии или Австрии.

Большинство своих судов армия арендовала у частных владельцев. Наилучшие интересы Соединенных Штатов требовали возвращения этих судов в их собственность, как только армия сможет обходиться без них. Первыми отправились грузовые суда. В феврале 1919 года Транспортная служба начала возвращать их обратно — так называлась их повторная доставка — со скоростью три судна в день. В июле, когда пик переброски войск за границу миновал, Служба начала утилизировать зафрахтованные военные корабли (включая переоборудованные грузовые транспорты), повторно доставив последний из них в декабре.

Правительство столкнулось с огромными расходами при этих сделках. Уставы предусматривали, что армия должна возвращать суда их владельцам в первоначальном состоянии, за исключением обычного износа. Почти каждый корабль был в большей или меньшей степени переоборудован, чтобы сделать его более пригодным для армии. Все отечественные верфи и ремонтные верфи были завалены работой, и было очевидно, что пройдет немало времени, прежде чем Транспортная служба сможет отремонтировать суда. Тем временем Службе пришлось бы поддерживать всю эту простаивающую доставку с большими постоянными расходами.

Таким образом, вместо ремонта судов Транспортная служба приняла политику возврата судов в том виде, в каком они были, одновременно выплачивая владельцам единовременную компенсацию за ущерб, причиненный военной службой. В большинстве случаев владельцы были достаточно рады принять такое соглашение. Для защиты правительства в поселениях во всех портах, куда должны были быть повторно доставлены суда, были созданы совместные комиссии по обследованию судов, каждая из которых состояла из армии, военно-морского флота и представителя управления судоходства Соединенных Штатов. Опытные морские инспекторы под их руководством провели детальный осмотр всех судов. Имея в своем распоряжении эти исследования, а также полную историю каждого корабля и службы, которой он подвергался, находясь в распоряжении Военного министерства, исследовательские комиссии смогли составить приблизительную оценку размера финансовых обязательств правительства в каждом конкретном случае. Владельцы также наняли своих экспертов-геодезистов, и из двух экспертиз выросли переговоры, в результате которых были достигнуты компромиссные решения.

В декабре 1918 года Служба повторно передала суда дедвейтом около 189 000 тонн. В январе повторно доставленные суда составили 461 000 тонн дедвейтом; в феврале - 470 000; а в марте произошла самая крупная повторная поставка, составившая примерно 532 000 тонн дедвейтом. Повторные поставки превысили отметку в два миллиона тонн дедвейтом вскоре после середины апреля. К июню большая часть грузовых транспортных средств была возвращена их владельцам, за исключением тех, которые были переоборудованы в бронетранспортеры для войск. 15 июня армия начала отказываться от использования линкоров и крейсеров, последний из двадцати четырех был выведен 1 августа. 1 августа всерьез начался распад военного флота, и к первой годовщине перемирия большинство зафрахтованных военных кораблей вернулись к коммерческой работе.

В связи с возвращением транспортов торговому флоту возникло много вопросов адмиралтейского права. Юридическое подразделение Транспортной службы в день перемирия состояло всего из двух юристов. К тому времени накопилось большое количество морских претензий, ожидающих судебного решения, и было признано, что количество таких претензий будет увеличиваться в ходе переговоров, ведущих к повторной поставке судов. С большим трудом Служба собрала штат из двадцати юристов адмиралтейства. Фактически, Военное министерство после перемирия так остро нуждалось в юристах для использования при ликвидации военного бизнеса, что в течение нескольких месяцев было вынуждено поддерживать правило, согласно которому ни один человек с юридической подготовкой не должен быть уволен с военной службы.

Распустив флот войсковых транспортов, Транспортная служба нашла возможность создать для Военного министерства большой постоянный резерв десантных кораблей без затрат правительства на их содержание. Немецкие и австрийские корабли, захваченные

правительством в начале войны, в значительной степени перешли в собственность армии. Большинство из этих судов были превосходно приспособлены для военной службы, но они были слишком большими и слишком дорогостоящими в эксплуатации, чтобы оправдать их дальнейшее использование в транспортной службе учреждения мирного времени. Следовательно, Транспортная служба передала тринадцать из них Совету по судоходству в соответствии с соглашением, предусматривающим их чартер частным операторам при условии их отзыва армией в случае новой войны. На этих кораблях могут одновременно разместиться около 50 000 военнослужащих. Все специальное военное снаряжение классифицировано и хранится в готовности к повторному использованию, если в этом когда-нибудь возникнет необходимость.

Когда военные перевозки прекратились, Транспортная служба оказалась во владении огромными портовыми сооружениями. До перемирия правительство захватило или арендовало более семидесяти пароходных причалов в различных портах Атлантики и Персидского залива; но даже таких сооружений было совершенно недостаточно для предполагаемого огромного объема судоходства, правительство начало строительство семи крупных портовых баз, расположенных в Бостоне, Бруклине, Порт-Ньюарке, Филадельфии, Норфолке, Чарльстоне и Новом Орлеане. Ни один из этих проектов не был завершен 11 ноября. Одним из вопросов, которые предстояло решить в связи с досрочной демобилизацией, было то, что делать с этими установками. Должно ли правительство отказаться от них и возместить в качестве убытка потраченные миллионы или продолжить их возведение и, возможно, сделать все предприятие прибыльным, сдав объекты в аренду американской торговле? Был выбран последний путь. Подрядчики завершили строительство общей стоимостью 143 000 000 долларов. Когда новые причалы были готовы к использованию, Транспортная служба вернула арендованные причалы их владельцам. Затем, когда военный трафик сократился, помещения в базовых терминалах были сданы в аренду частным операторам судов. Эти терминалы, одни из крупнейших и лучших в Соединенных Штатах, в настоящее время оказывают важную услугу нашей внешней торговле, но на условиях, обеспечивающих их мгновенную доступность для правительства в случае возникновения чрезвычайной ситуации в будущем.³

ГЛАВА IV ОТЛИВ

Прежде чем американские экспедиционные войска могли быть расформированы в этой стране, было необходимо, чтобы оккупировавшие их внутренние войска эвакуировали тренировочные лагеря, большинство из которых должны были стать центрами демобилизации после перемирия. Речная система, ведущая в то море человечества, которое мы знали как А. Е. Ф. — главная река, пересекающая океан, главные притоки, ведущие к портам этой страны, за ними их ответвления, ручьи и заводи у истоков — в день перемирия была переполнена. Демобилизация, которая перевернула многие процессы войны и превратила знакомые названия в их антонимы, резко изменила направление движения войск, как будто какая-то огромная сила подняла водохранилище и устье главного потока во Франции над конечными источниками в этой стране. Прежде чем экспедиционное море могло иссякнуть, внутренние каналы снабжения войск должны были выпустить свое содержимое в ореол гражданской жизни.

Процесс роспуска начался в течение часа, в течение которого в Вашингтон пришло известие о мире. Случилось так, что 11 ноября стало первым из пяти дней, в течение которых армия планировала принять 250 000 солдат, призванных на службу в соответствии с условиями Закона о выборочной службе. Хотя было очевидно, что близится перемирие, железнодорожная администрация продолжила подготовку к перевозке этих людей в тренировочные лагеря и даже отправила призывные поезда утром 11 ноября, чтобы забрать отобранных, хотя утренние газеты объявили, что перемирие, бесспорно, начнется в одиннадцать часов во Франции. Единственной подготовкой к демобилизации было создание телефонных и телеграфных сетей, по которым официальные лица в Вашингтоне могли бы останавливать и поворачивать назад воинские эшелоны в минимальные сроки. Сразу же после получения сообщения генерала Першинга о начале перемирия военный министр уведомил Отдел переброски войск Железнодорожной администрации об остановке призывных поездов. Это было сделано в течение часа, хотя поезда тогда ходили во всех частях Соединенных Штатов. Несколько тысяч молодых людей, которые приняли присягу на верность в то утро и которые ближе к полудню были в воинских эшелонах, направлявшихся в военные лагеря, оказались дома, снова став мирными жителями, еще до того, как угли праздничных костров погасли той ночью.

По пятам за ними наступали сотни тысяч солдат, составлявших боевые подразделения, проходившие подготовку в Соединенных Штатах. Это были люди, последними надевшие форму, — люди, которые прошли лишь частичную подготовку и которые не могли быть полезны Военному министерству в мероприятиях по демобилизации. Их расформирование не было трудным делом. Они пробыли на службе так мало времени, что не было никаких осложнений, связанных с задержкой зарплаты и неполными документами, которые могли бы помешать их увольнению. Более того, они были географически однородны — *т.е.* Их дома, как правило, находились в регионах, прилегающих к тренировочным лагерям, — и поэтому их демобилизация не вызвала проблем с транспортировкой. Как правило, им платили и увольняли в тренировочных лагерях, а затем разрешали вернуться по домам.

Помимо войск дивизии, в день перемирия в Соединенных Штатах находилось еще одно большое количество солдат. Это были люди, проходившие подготовку в специальных лагерях, таких как военно-воздушные силы и квартирмейстерский корпус, а также войска, занятые поддержанием истеблишмента великой войны в Соединенных Штатах. Демобилизация этих людей была более сложной. Именно для них в первую очередь Военное министерство создало систему демобилизации, совершенство функционирования которой можно было увидеть позже, когда АЕФ начали достигать Соединенных Штатов *в массовом порядке*.

Вскоре после перемирия Военное министерство приказом учредило систему из тридцати трех демобилизационных лагерей, или центров, как их называли. По большей части эти центры были бывшими тренировочными лагерями. Таким образом использовались практически все пункты расквартирования Национальной армии и некоторые лагеря Национальной гвардии. Были добавлены другие военные посты и станции, чтобы равномерно распределить центры демобилизации по всей стране в соответствии с распределением населения. Политика Военного министерства заключалась в том, чтобы увольнять солдат в максимально возможной близости к их прежним местам жительства.

Спецподразделениям, несущим службу в этой стране, не хватало однородности по региональному происхождению членов различных подразделений. Многие организации полностью состояли из мужчин, отобранных из-за особых способностей к специальной службе. Таким образом, отдельные подразделения состояли из мужчин из отдаленных друг

от друга частей Соединенных Штатов. Когда пришло время рассредоточить эти войска, оказалось невозможным отправить подразделения в целости и сохранности в центры демобилизации и там распустить их, за исключением большой траты транспортных средств. На протяжении всей деятельности Военное министерство сэкономило на транспорте. До перемирия общей политикой было всегда перемещать людей на восток, поскольку восток был впереди. Перемирие перевернуло эту политику; и чтобы избежать дорогостоящего дублирования поездок, армия при формировании своих демобилизационных подразделений всегда перемещала своих людей в основном на запад, пока, наконец, они не добирались до лагерей, где их должны были демобилизовать.

В течение всей зимы 1918-1919 годов распад внутренних войск происходил быстрыми темпами, поскольку крупные подчиненные службы армии свернули свою военную деятельность и освободили своих людей. Одна или две службы, такие как Медицинское управление и Автотранспортный корпус, продержались при своих войсках несколько месяцев, чтобы выполнить необходимые обязанности, связанные с расформированием армии и восстановлением военного ведомства на мирных началах; но другие, такие как Воздушная служба, Корпус связи, Инженерный корпус и Корпус квартирмейстеров, сокращали численность так быстро, как страна могла поглотить людей. Эти люди потеряли свою принадлежность к подразделению по мере продвижения к центрам демобилизации и, наконец, снова оказались в группе со своими соседями, независимо от того, какую службу кто-либо из них выполнял.

К концу февраля 1919 года из Армии было уволено более 1 600 000 офицеров и рядовых. В то время только около 300 000 человек из экспедиционных войск достигли Соединенных Штатов. Великое войско ВВС было еще впереди, но центры демобилизации в Соединенных Штатах были пусты и готовы к этому.

Политика отвода войск в центры, прилегающие к их домам, опиралась на прочную основу. Когда страна столкнулась с демобилизацией 4 000 000 военнослужащих, молодых людей, большинство из которых в течение многих месяцев содержались в жестких условиях армейской дисциплины, было широко распространено опасение, что уволенные солдаты могут собраться в крупных городах и вызвать серьезные экономические потрясения. В Военном министерстве не было никакого законодательного принуждения перевозить войска в их собственные районы перед их увольнением. Очевидно, что проще всего было выписать их, где бы они ни оказались — в тысяче и одном лагере в Соединенных Штатах или в атлантических портах по прибытии из Франции, — выписать их там, расплатиться с ними и, таким образом, распрощаться с ними. Фактически, такова была армейская процедура до мировой войны. Армия увольняла своих солдат с должностей, на которых они служили, и выплачивала им командировочные пособия, предусмотренные законом. Использовали ли они свои деньги для оплаты реальной транспортировки домой, Армию не волновало. Все они были свободны, и большинству из них было двадцать один год. Пока сбросов было относительно немного, эта процедура никак не влияла на экономическую жизнь страны. Но каков был бы результат, если бы Военное министерство продолжило эту практику при роспуске 4 000 000 военнослужащих в военной форме в день перемирия? Большинство из них были бы выпущены на свободу в окрестностях крупных городов Соединенных Штатов — более 1 000 000 из них только в Нью-Йорке. Их карманы были бы набиты деньгами. Конгресс специальным постановлением повысил пособие на проезд для уволенных солдат до пяти центов за милю, выплачиваемое в зависимости от расстояния между местом увольнения и домом солдата, независимо от того, можно ли совершить все путешествие по железной дороге или нет. Конгресс также предоставил каждому солдату премию в размере 60

долларов, которая выплачивается также при увольнении. Тысячи солдат, когда они подходили к увольнению, имели право на возврат жалованья. Таким образом, каждый мужчина получал значительную сумму денег вместе со своим свидетельством об увольнении, и для солдата-иностранца эта сумма, вероятно, составляла в среднем более 100 долларов. Улицы наших городов были бы запружены такими людьми в течение первых шести месяцев 1919 года. После пережитых трудностей искушение заглянуть в столичные увеселительные заведения было бы почти непреодолимым. Они были бы честной добычей для азартных игроков и опытных практиков. Редкий человек мог бы купить билет и спокойно отправиться домой, но от большинства вряд ли можно было ожидать такой сдержанности. Через некоторое время карманы, в которых звенели деньги, опустели бы, улицы были бы запружены застрявшими солдатами, а обремененным муниципалитетам пришлось бы столкнуться с серьезной гражданской проблемой.

Это было то, чего Военное министерство стремилось избежать, и чего оно действительно избежало, проводя свою политику демобилизации. Было и еще одно соображение — финансовая экономия. Военное министерство могло перевозить войска по цене гораздо меньшей, чем пять центов за милю на душу населения. Таким образом, распределив армию по стране и уволив каждого военнослужащего в пределах его родной части, Военное министерство смогло сэкономить миллионы долларов, которые в противном случае были бы выплачены в виде надбавок за пробег.

Добрые услуги правительства демобилизованному солдату не закончились после того, как Военное министерство выплатило ему деньги и уволило его. В качестве особого стимула для демобилизованных солдат не задерживаться в населенных пунктах вблизи демобилизационных центров Администрация железных дорог Соединенных Штатов установила для них специальный тариф на проезд в размере двух центов за милю. Однако, чтобы получить льготный тариф, солдат должен был купить свой билет в течение двадцати четырех часов после увольнения. Таким образом, ему было выгодно сразу отправиться домой. Железнодорожная администрация также не позволила ему упустить эту возможность. Все основные центры демобилизации имели свои собственные железнодорожные терминалы, с которых через определенные промежутки времени отправлялись специальные поезда для демобилизованных солдат. Администрация железной дороги установила железнодорожные билетные кассы в кабинетах финансовых инспекторов лагеря, так что каждый вновь выписанный человек, отворачиваясь от окошка выдачи денег с деньгами в руке, смотрел в железнодорожную билетную кассу. Рядом с ним стояли представители Красного Креста, YMCA и другие лагерные социальные работники, уговаривавшие его немедленно купить железнодорожный билет и уехать первым поездом. Путь наименьшего сопротивления вел прямо домой, и он действительно был упрямым человеком, который не пошел по нему. В результате всей этой системы демобилизация армии прошла вообще без каких-либо проблем.

Эта политика оказала влияние на способ передвижения войск, который должен был соблюдаться даже за пределами портов посадки во Франции. Первоначальный план состоял в том, чтобы вернуть все экспедиционные дивизии в лагеря, в которых они были организованы и обучены, и там их расформировать. Казалось, ничто не могло помешать столь простому решению проблемы. При организации дивизий в первую очередь придерживалась политики, из которой было лишь несколько исключений, создавать дивизии из мужчин, происходящих с территории, прилегающей к каждому тренировочному лагерю. Когда во Франции начались подразделения, они обладали определенной территориальной идентичностью; и названия подразделений, которые они обычно

принимали для себя — подразделение Новой Англии, подразделение Сансет, подразделение Бакай, подразделение Кистоун и так далее — обычно указывали на географическое происхождение членов организаций. Считалось, что при транспортировке заграничных подразделений обратно в их первоначальные тренировочные лагеря в этой стране каждое из них будет размещено в центре демобилизации, наиболее удобном для соответствующих домов его солдат.

Попытка применить эту политику на практике быстро показала ее ошибочность. Сразу же выяснилось, что состав подразделений радикально изменился за время службы во Франции. Люди погибали в боях, заболевали, их переводили в другие организации, а их места занимали запасные части, присланные из Соединенных Штатов. Целые дивизии были перегруппированы. Осенью 1918 года экспедиционные дивизии больше не были представителями отдельных округов Соединенных Штатов; фактически каждый из них представлял собой поперечный срез всей Америки.

Одной из первых организаций, вернувшихся из Франции, было небольшое подразделение, рота, которая прошла обучение в Кэмп Коди, штат Техас. Подразделение было отправлено в Кэмп Коди для демобилизации. Там было обнаружено, что из каждых десяти человек, которые присоединились к подразделению, когда оно проходило подготовку, осталось только четверо. Остальные шестеро были новичками, и, чтобы добраться до своих домов, им пришлось объехать пункты, разбросанные от Орегона до побережья Атлантического океана.

Если бы эта система соблюдалась на протяжении всего расформирования экспедиционных подразделений, очевидно, что это дорого обошлось бы правительству в виде путевых пособий, выплачиваемых уволенным солдатам, не говоря уже об огромной транспортной нагрузке на железные дороги страны. Не оставалось ничего другого, как развалить всю организацию ВВС, прежде чем отправить ее в центры демобилизации, и снова собрать людей в подразделения, которые имели географическую идентичность.

А.Е.Ф. получил инструкции попытаться осуществить этот распад во Франции — по крайней мере, начать его там. Было признано невозможным в какой-либо степени перегруппировать службы войск снабжения, поскольку порты посадки во Франции, в которых войска снабжения готовились к отправке, не были ни организованы, ни оснащены для выполнения такой сложной работы. С дивизионными войсками в Ле-Мане можно было бы сделать больше. Впоследствии, всякий раз, когда дивизия появлялась в районе Ле-Мана, те солдаты, которые присоединились к дивизии после завершения ее обучения и которые не жили в районе, где располагался первоначальный тренировочный лагерь в Америке, были отделены и собраны вместе со своими соседями в территориальные демобилизационные подразделения, которые стали известны как роты временного содержания за границей. Когда само подразделение перешло из Ле-Мана в порты, оно состояло только из оставшихся членов чартерной компании, которые были с ним с самого начала.

Предписанный размер заграничной случайной роты составлял двух офицеров и 150 человек рядового состава, но посылать роты равномерно организованными редко бывало удобно. Во Франции мужчин не заставляли ждать, пока случайные компании не увеличатся до предписанного размера. Одна рота могла состоять из пятидесяти солдат, а следующая - из 250, в зависимости от обстоятельств в посадочном лагере.

Основными портами отправления в Соединенных Штатах до перемирия были Нью-Йорк (Хобокен), Ньюпорт-Ньюс и Бостон. К ним в системе приема зарубежных войск был добавлен Чарльстон, Южная Каролина. Чарльстон был открыт как порт высадки в основном для солдат, которые направлялись в южные демобилизационные центры. Весь флот войсковых

транспортов был пропорционально распределен между этими портами, наибольшее количество которых курсировало между Нью-Йорком и портами Франции, а следующее по величине - между Ньюпорт-Ньюсом и Францией. В основном каждый порт содержал свой собственный флот, но иногда возникала необходимость отклонить судно в море от его обычного курса.

Власти Франции, осуществляющие посадку, лишь в общих чертах обратили внимание на пункты назначения судов. После того, как каждый загруженный транспорт покидал французский порт, тамошние должностные лица при посадке отправляли по телеграфу в Транспортную службу Соединенных Штатов полное описание военнослужащих, находившихся на борту. Если, например, на судне, направлявшемся в Бостон, находилось значительное количество солдат с Юга, Транспортная служба использовала радиосвязь, чтобы перенаправить транспорт в Ньюпорт-Ньюс или Чарльстон.

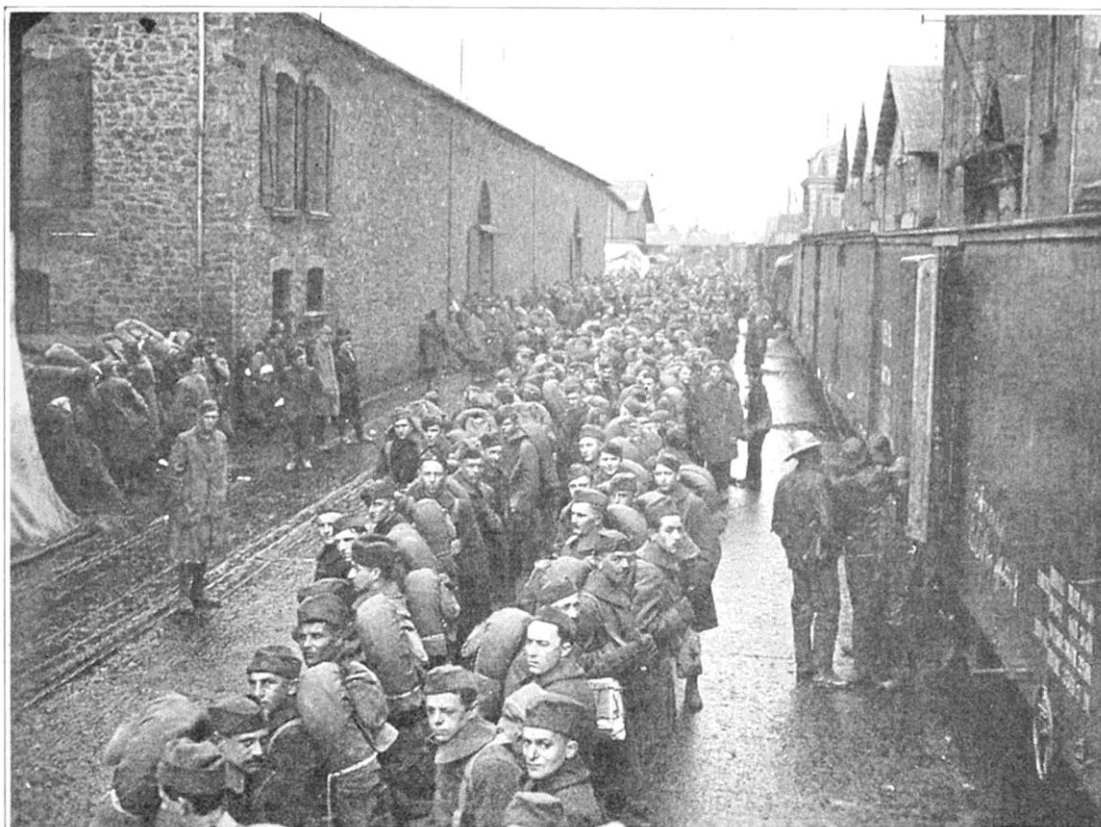


Фото Корпуса связи

ОБЫЧНЫЕ ЛЮДИ, ОЖИДАЮЩИЕ ПОСАДКИ НА КОРАБЛЬ В СЕН-НАЗЕРЕ. НАЗЕР



Фото Корпуса связи

ПОСАДКА ЭДВАРДА ЛАКЕНБАХАНА ПЕРЕОБОРУДОВАННЫЙ ГРУЗОВОЙ ТРАНСПОРТ

Списки пассажиров, отправленные по телеграфу в Соединенные Штаты, часто содержали первую полученную в этой стране информацию об отправлении подразделений из Франции. Не было новостей, которых люди с таким нетерпением ждали. Города и государства часто тщательно готовились к приему своих заморских солдат. Ряд штатов и городов направили представителей в порты, чтобы приветствовать войска, возвращающиеся домой, у ворот Америки. Портовый катер Комитета по приему гостей мэра Нью-Йорка был занят почти каждый день, развозя приезжие делегации по заливу навстречу прибывающим транспортам. Во времена, когда от 150 000 до 200 000 солдат одновременно находились в океане на транспортах, направлявшихся в Соединенные Штаты, следить за каждым подразделением стало затруднительно. Транспортная служба создала бюро новостей и информации, через которое пресса и общественность поддерживали связь с передвижениями организаций, прибывающих из Франции.

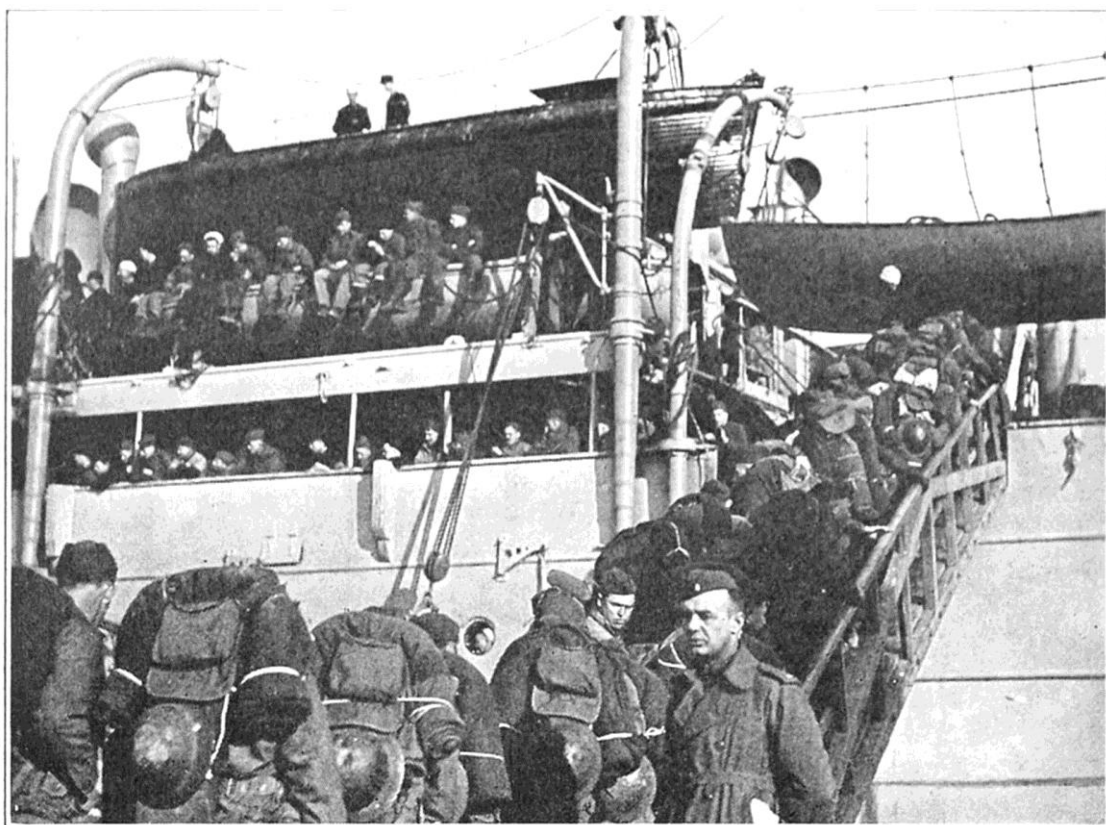


Фото Корпуса связи

ПОСАДКА В БОРДО

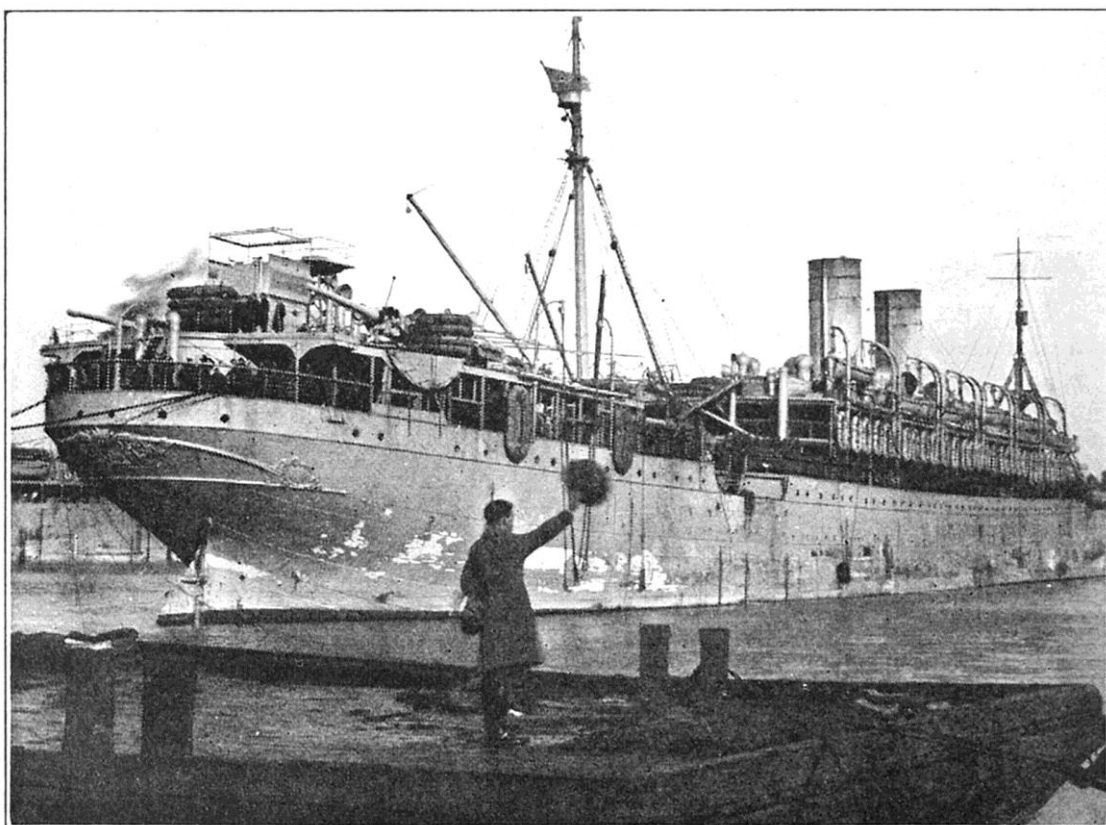


Фото Корпуса связи

ОСТАЛСЯ ПОЗАДИ

На лагеря высадки в портах Атлантического океана легла основная работа по разделению возвращающейся экспедиции на демобилизационные подразделения. Существовало пять крупных лагерей высадки — Меррит, Миллс и Аптон в Нью-Йорке, а также Стюарт и Хилл в Ньюпорт—Ньюс, - помимо множества небольших центров в обоих портах. В разгар обратного движения этих лагерей было недостаточно для размещения прибывающих тысяч человек, и Транспортная служба использовала бывшие тренировочные лагеря в качестве лагерей высадки как в округах Хобокен, так и Чесапик. Пока Бостон и Чарльстон служили портами высадки, они также использовали соседние тренировочные лагеря.

Из всех лагерей высадки лагерь Мерритт был самым большим. В нем можно было наблюдать некоторые из наиболее интересных процессов демобилизации военнослужащих. Это был главный лагерь как для приема случайных компаний из-за рубежа, так и для расформирования организованных подразделений и формирования случайных отрядов для распределения по тридцати трем центрам демобилизации.

Во время демобилизации лагерь Мерритт был похож на большое конечное почтовое отделение. Почта состояла из массовых отправок солдат распадающихся Американских экспедиционных сил. В задачу почтового отделения входила сортировка почты по тридцати трем основным направлениям. Отдельные солдаты были брошены в емкости, называемые Хобокенскими случайными ротами, каждая из которых, после заполнения, состояла из двух офицеров и 150 солдат, и каждая была направлена в тот или иной демобилизационный центр. На каждом был нанесен идентификационный номер, и цифры шли последовательно, доходя до четырех цифр, прежде чем работа подошла к концу.

Специальные поезда часто отправлялись с двух железнодорожных станций, обслуживавших Кэмп Мерритт. Иногда целый поезд был загружен случайными компаниями, направлявшимися в один и тот же центр. Другие поезда состояли из специальных вагонов, предназначенных для разных терминалов. В лагере постоянно организовывались новые случайные компании в форме скелетов. Тем, кто планирует отправиться в менее густонаселенные районы страны, может потребоваться несколько дней, чтобы наполниться до стандартной нормы. Другие достигли полного объема за несколько часов. Как только штатная рота была укомплектована, ее немедленно отправляли в соответствующий демобилизационный лагерь. В течение нескольких месяцев весной и летом 1919 года средний интервал между формированием основной роты и ее отправкой из лагеря составлял менее двадцати четырех часов.

Перед перемирием войска, которые были проинспектированы, экипированы для заграничного путешествия и иным образом подготовлены в Кэмп-Мерритте, прошли маршем на восток от лагеря по трехмильному шоссе, посыпанному щебнем, а затем по старой тропе Корнуоллис, спускающейся по Палисейдс, пока не достигли небольшой пристани на реке Гудзон, известной как Альпайн, в нескольких милях к северу от столичных границ Нью-Йорка. Там они сели на паром и доехали на нем прямо до транспортных причалов на Северной реке. После перемирия солдаты, высадившиеся у причалов, сели на паромы у причалов, поднялись вверх по реке до Альпина, перелезли через частокол и двинулись маршем к Кэмп-Меррит. Те, кто направлялся в Кэмп-Миллс или Кэмп-Аптон, садились на паром до железнодорожного терминала Лонг-Айленд в Лонг-Айленд-Сити на Ист-Ривер. Те, у кого были билеты в Кэмп-Дикс, сели в поезда, которые были пущены во двор Хобокена по ответвлению пути, построенного там правительством после того, как оно отобрало собственность пирса у Германии.

В лагерях высадки армия приняла последние меры предосторожности против завоза европейских болезней и насекомых-вредителей. Была проведена тщательная дезинфекция всей одежды и снаряжения, и в каждом главном лагере имелись очистные сооружения. Какими бы чистыми ни были солдаты, когда они высаживались во Франции, всегда оставалась вероятность, что кто-то из них заразится на транспорте. Насколько известно, ни одна вошь не преодолела заграждения из пара, перегретого воздуха, мыла и горячей воды, установленные армией на обоих концах трансатлантического паромного маршрута.

Еще до того, как началось возвращение ВВС, в организации официального бюро военных поездок произошли важные изменения. До заключения перемирия военные перевозки находились в руках двух независимых ведомств военного министерства. Служба внутреннего сообщения отвечала за перевозку людей и припасов по железной дороге в пределах Соединенных Штатов и вплоть до портов отправки. Там Служба посадки принимала оба судна, грузила их на корабли и доставляла в порты Франции. За пределами этих пунктов интендантская служба ВВС отвечала за военные перевозки. И Служба внутреннего транспорта, и Служба посадки были подразделениями Отдела закупок, хранения и перевозок Генерального штаба.

В декабре 1918 года Служба внутреннего транспорта и Служба посадки объединились, образовав новое подразделение под названием Транспортная служба, и впервые в Армии появилась единая организация, отвечающая за все военные поездки, как грузовые, так и пассажирские, по эту сторону пирсов в Европе. Генерал Хайнс из Службы посадки стал начальником Транспортной службы. Союз обеспечил координацию, которая позволила при ограниченном количестве железнодорожных вагонов вывозить войска из портов высадки так же быстро, как их доставляли туда корабли.

Как правило, мужчины-иностранцы не так комфортно добирались от портов высадки до центров демобилизации, как они добирались, когда месяцами ранее они добирались из тех же центров до портов, чтобы сесть на корабли, отплывающие во Францию. Условия военных перевозок были иными. Количество железнодорожных вагонов, имевшихся в распоряжении армии, было ограниченным. Он никогда не состоял более чем из 1500 спальных вагонов — это были туристические спальные места, сделанные путем снятия ковриков и драпировок с вагонов первого класса Pullman. Эти 1500 вагонов в полном рабочем состоянии могли перевозить одновременно менее 50 000 человек. Тем не менее, хотя до перемирия армия снабжала железнодорожным транспортом более 8 000 000 человек, почти каждый, кто путешествовал ночью, спал на удобных койках. В течение этого периода практически все дальние поездки совершались между тренировочными лагерями и портами отправки. Вооруженные силы в Америке приступали к отправке подразделениями — лагерь за лагерем. Таким образом, стало возможным составить графики отгрузок, обеспечивающие наиболее удобную эксплуатацию военного подвижного состава. Но во время демобилизации такое было невозможно. Система разделения заграничных подразделений в портах этой страны и распределения их военнослужащих по месту жительства сделала необходимым поддержание практически непрерывного железнодорожного сообщения между различными портами Атлантического океана и тридцатью тремя центрами демобилизации. Оснащение спальных вагонов было недостаточно большим, чтобы служить в такой операции, и очень много солдат проехали в дневных вагонах половину континента. Они не слишком жаловались на обращение. Во всяком случае, это было лучше, чем ехать во французских товарных вагонах, и, в конце концов, они возвращались домой.

Одним из лучших достижений военных перевозок после перемирия стало распределение 150 000 больных и раненых солдат ВВС по многочисленным военным госпиталям

Соединенных Штатов. Транспортная служба обслуживала шесть госпитальных судов в Нью-Йорке. Эти суда забирали пациентов из больницы общего профиля на острове Эллис и развозили их по пути в различные специальные эвакуационные больницы в столичном округе Нью-Йорка. Оттуда они были отправлены в больницы общего профиля по всей стране. Служба постоянно обслуживала шесть больничных поездов, а также около 250 больничных вагонов. В Соединенных Штатах никогда ранее не было известно о подобном перемещении инвалидов.

Отчеты Транспортной службы показывают, что при расформировании армии она перевезла более 7 000 000 военных пассажиров в специальных автомобилях и поездах. Средний путь составлял 500 миль. Железнодорожные аварии унесли жизни всего двух солдат и ранили только семнадцать. Такая высокая степень безопасности была во многом обусловлена тем фактом, что воинские эшелоны двигались со скоростью двадцать миль в час.

Вся система распределения и проезда работала бы почти автоматически, за исключением одного — парадов победы. Всякий раз, когда это удавалось сделать без слишком большого разрушения системы, Военное министерство уступало желанию общин отпраздновать парадами возвращение своих сыновей из-за границы. Всего около 200 000 военнослужащих приняли участие в более чем 450 парадах, которые варьировались от коротких шествий отдельных рот до таких грандиозных демонстраций, как демонстрации Первой дивизии в Нью-Йорке и Вашингтоне в сентябре 1919 года.

Шесть парадов возвращающихся из-за рубежа войск прошли под триумфальной аркой над Пятой авеню на Мэдисон-сквер в Нью-Йорке. Из них парады Двадцать седьмой и Семьдесят седьмой дивизий, первоначально состоявшие почти исключительно из нью-йоркцев, были ближе всего к сердцу метрополии. Часть Двадцать восьмой дивизии прошла парадом в Филадельфии 15 мая 1919 года. Тридцать третья дивизия прошла парадом в Чикаго тремя частями в конце мая и начале июня.

Эти шествия были лишь подготовкой к величайшему празднованию из всех — тому, которое произошло, когда Первая дивизия, первой отправившаяся во Францию и последней вернувшаяся обратно, вернулась с генералом Джоном Дж. Першингом, главнокомандующим американскими экспедиционными силами, во главе. Организуя парады Первой дивизии, Военное министерство решило показать зрителям боевую дивизию в полном боевом снаряжении — а это означало оснащение ее транспортными животными. Все дивизии оставили своих животных во Франции, и исключительно для этих зрелищ Транспортная служба собрала в Нью-Йорке перед днем первого парада несколько тысяч лошадей и мулов, взятых с армейских постов на западе вплоть до Техаса, а затем перевезенных в Нью-Йорк.

Первая дивизия собралась в лагерях высадки в Нью-Йорке. В ее состав в качестве приданного подразделения входил специально обученный строевой полк Третьего армейского корпуса. Увеличенная таким образом, она насчитывала почти 24 000 человек и их колесную технику - артиллерию, служебные поезда, ремонтные мастерские, пекарни, кухни и так далее, причем только моторизованная техника насчитывала пятьсот грузовиков и шестьдесят мотоциклов. Транспортировка этого огромного подразделения в Вашингтон представляла собой особую проблему, которую было бы невозможно решить ни одной организации, менее опытной, чем та, которая столько месяцев назад осуществляла военные перевозки. В Вашингтоне не было помещений для размещения такого количества войск, и поэтому необходимо было содержать их в нью-йоркских лагерях и доставить в Вашингтон накануне самого парада. После появления дивизии в Нью-Йорке ее автопарк был отправлен по шоссе в Вашингтон, попутно перевозя с собой 1770 человек. Перевозка в Вашингтон

животных и гужевого транспорта, включая артиллерию, началась сразу после завершения парада в Нью-Йорке и продолжалась в течение нескольких дней. Двадцать два поезда с пехотинцами прибыли в Вашингтон в ночь перед парадом, последние как раз вовремя, чтобы их пассажиры могли занять свои места в процессии.

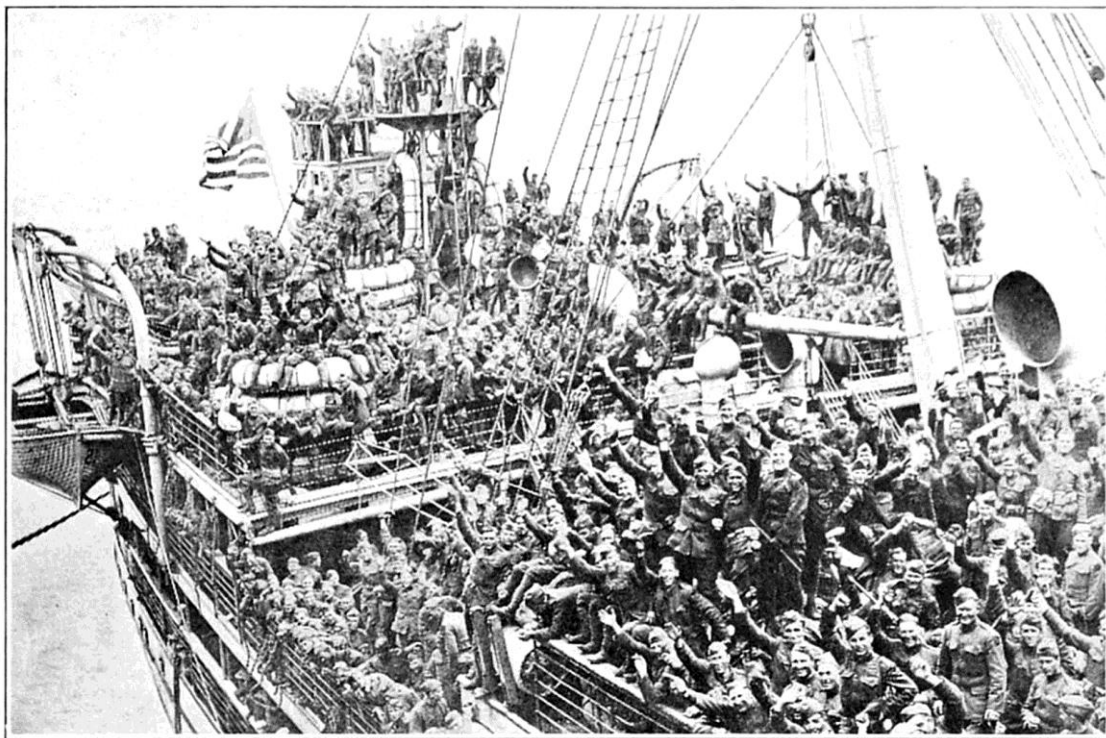


Фото Корпуса связи

СНОВА ДОМА

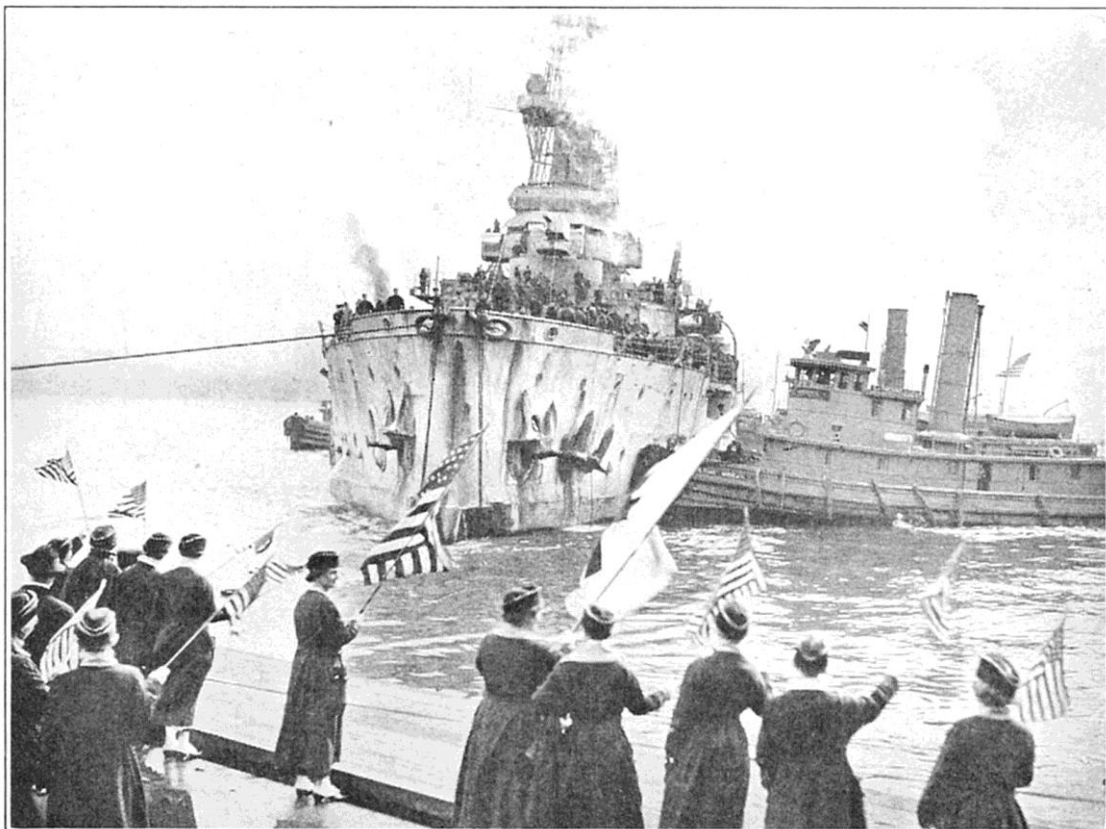


Фото Корпуса связи

ПРИВЕТСТВИЕ ВОЗВРАЩАЮЩИХСЯ ВОЙСК В ХОБОКЕНЕ

Последовавшее за этим трогательное зрелище придало столице страны, а через газетные репортажи - и всей стране, сходство с Грандиозным Смотром, который состоялся в Вашингтоне по окончании Гражданской войны. В течение четырех часов подразделение маршировало между толпами, которые Вашингтон обычно видит только во время инаугурации президента, по Пенсильвания-авеню, мимо Казначейства, Белого дома и трибуны, на которой находились некоторые высокопоставленные лица в форме и гражданские лица правительства, включая генерала Першинга. Ревущая эскадрилья самолетов пронеслась над верхушками деревьев между Капитолием и зданием военного министерства; наблюдательный аэростат покачивался в воздухе над Белым домом; и по мере того, как неуклонная процессия проходила - миля за милей шеренги, бронзовые лица, эффектные военные медали и полковые ордена, начищенные до блеска капарисоны, полковые оркестры, полевые орудия, передки и кессоны, грузовики с боеприпасами, интендантские поезда снабжения, санитарные поезда, инженерные поезда со странным оборудованием, установленным на грузовиках, запряженные лошадьми повозки различного назначения, передвижные полевые кухни и, наконец, дребезжащий танки, их гусеницы оставляют неизгладимые отпечатки на нагретом солнцем асфальте — зритель с волнением созерцал это живое воплощение мощи, которую Америка проявила в великой войне.



Фото предоставлено Air Service

ПАРАД ПЕРВОЙ ДИВИЗИИ НА ПЕНСИЛЬВАНИЯ-АВЕНЮ

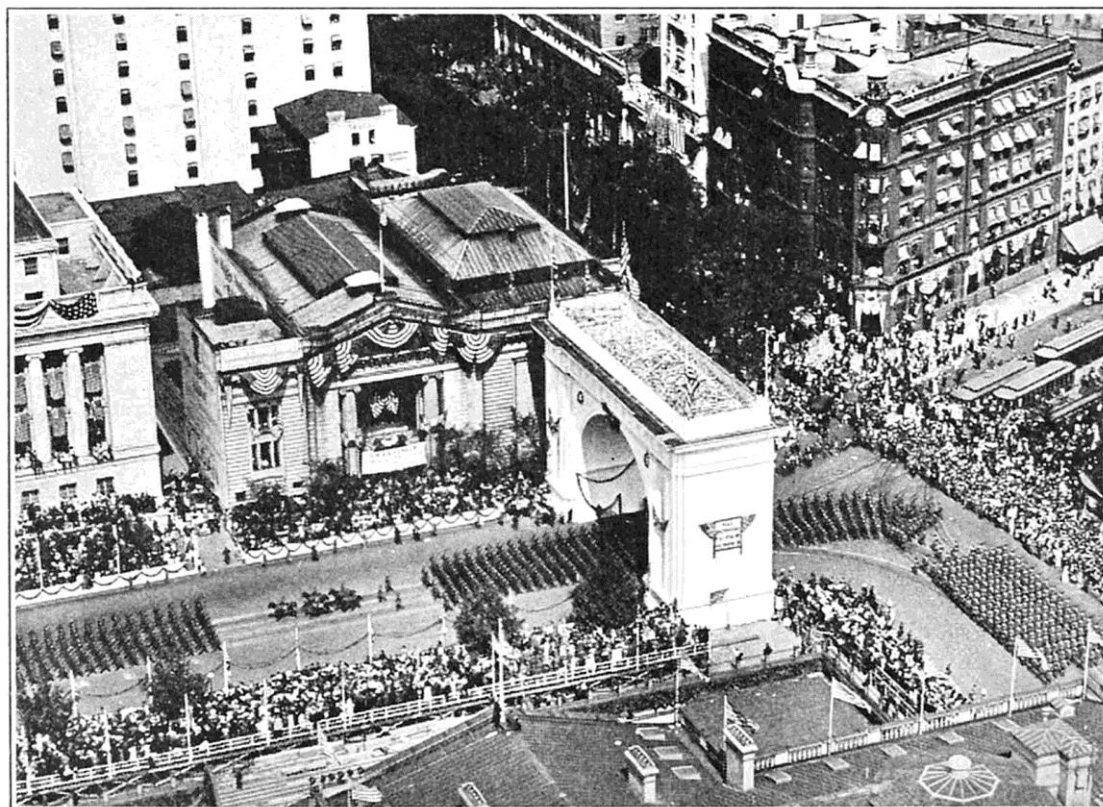


Фото предоставлено Air Service

АРКА ПОБЕДЫ В ВАШИНГТОНЕ

ГЛАВА V ПРОЦЕСС УВОЛЬНЕНИЯ СОЛДАТ

Через четыре часа после того, как Первая дивизия завершила парад в Вашингтоне, ее войска были в Кэмп-Миде, в тридцати милях отсюда, где должны были быть демобилизованы “срочники” из рядов дивизии. Там, как и миллионы тех, кто до них попал в центры демобилизации, они попали в руки двух опытных бригад, каждая из которых соревновалась с другой в ускорении процессов увольнения из армии.

Двумя основными операциями при увольнении солдата были (1) его физическое обследование и (2) подсчет суммы, которую ему задолжало правительство, и выплата ему определенной суммы. Эти два вида деятельности находились в ведении центральных организаций, функционировавших в центрах демобилизации. Подготовка свидетельства солдата об увольнении и документов для его постоянного учета, которые должны были храниться в государственных архивах, находилась в руках офицеров его роты.

Впервые после великой войны Американская армия сохранила полную информацию о точном физическом состоянии каждого солдата на момент его увольнения. Если бы Армия делала это в прошлом, несомненно, это избавило бы правительство от многих проблем и расходов, связанных с мошенническими заявлениями о предполагаемой физической нетрудоспособности, возникшей в результате военной службы. Целью заключительных медицинских осмотров в лагерях было не только предоставить правительству эту запись, но и

выявить всех мужчин, которые могли страдать от инфекционных заболеваний или от недугов, поддающихся излечению, при дальнейшем лечении в армейских госпиталях. Армия не отпускала мужчин до тех пор, пока Медицинское управление не сделало для них все, что могло.

Комиссии врачей и хирургов, проводившие обследования, состояли из специалистов в семи областях медицины, включая стоматологию. Когда каждый солдат входил в экзаменационный корпус, его сначала брали под руку офицеры, которые объясняли ему, что правительство предпримет в отношении компенсации инвалидности, полученной на Службе, и которые убеждали его подать заявление о любой инвалидности, от которой, как он знал, он страдает. Для этой цели он получил бланк претензии для заполнения. Затем он прошел семь этапов обследования; и если в результате проверки не было выявлено инвалидности и если он не заявлял об этом, ему была выдана справка о состоянии здоровья и передана должностным лицам, ответственным за оплату труда.

Степень инвалидности была выражена в процентах. Оценочная инвалидность в 50 процентов означала, что, по мнению экзаменаторов, заработная плата солдата по его прежней профессии была снижена наполовину по причине травмы или увечья, полученных на военной службе. Согласно закону, Бюро страхования от военных рисков автоматически выплачивало компенсацию инвалидам войны в размере до восьмидесяти долларов в месяц (при полной инвалидности), требуя только, чтобы солдат-инвалид подготовил свое заявление на бланке, высланном ему Бюро после получения отчета экзаменационной комиссии в центре демобилизации. По закону нетрудоспособность менее 10 процентов не подлежала компенсации, и поэтому экзаменационные комиссии заверяли Бюро страхования от военных рисков только записи о нетрудоспособности в размере 10 процентов или более.⁴

Сначала медицинским комиссиям требовалось значительное время для проведения обследований крупных подразделений войск, ожидающих выписки; но Вашингтон продолжал оказывать все большее давление на центры демобилизации, требуя ускорить процесс, пока, наконец, не вышел категорический приказ о том, что все войска, прибывающие в лагерь, должны быть отправлены на выписку в течение сорока восьми часов после этого. Поскольку иногда большая часть подразделения или даже целая дивизия практически сразу прибывала в демобилизационный лагерь, этот приказ означал для экзаменаторов дневную и ночную работу до тех пор, пока они не расчищали скопления людей. В такие моменты доски заполнялись финансовыми бригадами, врачи ликовали, если пропускали людей быстрее, чем офицеры, распределяющие средства, успевали разобрать платежные ведомости, а последние ликовали, когда могли покрутить большими пальцами и дожидаться, когда люди выйдут из смотровых кабинетов.

Расчет наличными между работодателем дядей Сэмом и его четырьмя миллионами служащих-солдат был операцией гораздо более сложной, чем может показаться на первый взгляд. При расчете окончательного денежного довольствия солдата необходимо было учитывать множество элементов, и чтобы определить эти элементы для каждого человека из четырех миллионов, офицерам по выплате жалованья приходилось каждый раз полностью просматривать записи.

Записи часто были объемными. Базовая зарплата рядового составляла 30 долларов в месяц. В его записях указано, когда ему в последний раз платили зарплату, и правительство задолжало ему за промежуток между днем его последней зарплаты и датой увольнения в размере 30 долларов в месяц. Но, возможно, он каждый месяц вычитал определенную сумму

из своей зарплаты в качестве выплаты своим иждивенцам. Он мог вычитать до 15 долларов в месяц, и правительство платило бы ему доллар за доллар, когда выплачивало бы пособие его иждивенцам. В любом случае, любая сумма была вычтена и из его окончательной зарплаты. Был ли он застрахован в Бюро страхования от военных рисков? Если это так, то сотрудник по выплате жалования вычитал надбавку из причитающейся ему ежемесячной зарплаты, и надбавка варьировалась в зависимости от возраста каждого мужчины. Возможно, он приобрел облигацию Свободы через Военное министерство. В этом случае ежемесячный частичный платеж вычитался. Вычеты должны были производиться в связи с болезнью, возникшей не при исполнении служебных обязанностей, или для исполнения наказаний, налагаемых военными трибуналами. После 1 марта 1919 года каждый солдат имел право на получение премии в размере 60 долларов, и это было включено в его окончательное жалование. Наконец, закон предоставил ему надбавку за пробег в размере пяти центов за милю за расстояние между местом выписки и домом. И это означало не расстояние до ближайшей к его дому железнодорожной станции, а расстояние от дома до его входной двери, хотя он жил в глухой местности в сорока милях от железной дороги. Офицер по оплате труда должен был иметь под рукой не только таблицы расстояний по железной дороге, но и полные дорожные карты района, обслуживаемого демобилизационным центром.

Следует помнить, что ответственные за выплату заработной платы лица несут личную ответственность за ошибки в своей работе, и если правительству случалось терять деньги в результате ошибки, несчастный ответственный за выплату заработной платы или его поручители должны были компенсировать это. Несмотря на множество элементов, входящих в расчет заработной платы, финансовые бригады в центрах стали поразительно опытными в составлении платежных ведомостей. Стало так, что команда из двух сотрудников по оплате труда могла вносить имена в платежную ведомость со скоростью два имени в минуту.

Чтобы добиться такого результата, финансовый директор, в руках которого в конечном итоге сосредоточилась вся финансовая деятельность Военного министерства, отмахнулся от мешающих правил и прецедентов и перешел к прямым методам ведения бизнеса. Это нетерпение к бюрократизму проявилось не лучше, чем при лечении раненых в американских госпиталях. Правила жестко придерживались правила, согласно которому солдату могли выплачивать зарплату только на основании изложения фактов, записанных в его послужном списке. Однако раненые, которых подбирали без сознания на поле боя, часто они были слишком больны в течение нескольких месяцев после этого, чтобы заниматься своими личными делами, и в тысячах случаев вообще теряли свои послужные списки. Этот вопрос оказался в центре внимания в начале 1919 года, когда финансовый директор больницы Уолтера Рида в Вашингтоне сообщил, что в этом учреждении находится почти тысяча пациентов, у которых вообще нет записей, подтверждающих, сколько им задолжало правительство. Вслед за этим финансовый директор издал инструкции о том, что им и всем другим раненым, находящимся в местных больницах, должны быть выплачены выплаты на основании их письменных показаний под присягой с указанием сумм, причитающихся им правительством. Финансовый директор больницы Уолтера Рида собрал письменные показания под присягой, но, чувствуя свою личную ответственность, не решился подтвердить платежную ведомость; после чего финансовый директор проявил мужество, удостоверив ее лично, создав тем самым прецедент, которому сотрудники больницы были готовы последовать.

Это было одно из отступлений от традиции. Более важное, поскольку оно касалось большего числа мужчин, заключалось в отмене индивидуальных заключительных заявлений, которые в прошлом должны были делать все солдаты при увольнении. Итоговый отчет представлял

собой сложную форму, которую заполнял каждый солдат, затратив на это значительное время и усилия. Более того, офицеры, отвечающие за оплату труда, не могли быстро работать с этими формами. Их заменили ведомостями окончательного расчета, которые обслуживали целую роту солдат и которые могли быть быстро составлены офицерами роты. Работая с индивидуальными заключительными заявлениями, некий демобилизационный центр смог увольнять по четыреста человек в день. Как только была утверждена окончательная ведомость выплат, та же бригада в том же лагере смогла увольнять людей из расчета полторы тысячи в день.

Мужчины, которые платили демобилизованным военнослужащим в лагерях, прошли подготовку для работы в школе финансовой службы, созданной сразу после перемирия в Кэмп-Мейгс, округ Колумбия. Школа выпустила около 250 специалистов по финансам армейских лагерей. Эти люди были распределены по центрам демобилизации, работая в группах по два человека в каждой. Долгое время работа по увольнению из армии заставляла эти команды работать с рассвета до поздней ночи, и даже воскресенье никогда не было выходным.



Фото Корпуса связи

ЗАМОРСКИЕ ВОЙСКА , ЗАХВАЧЕННЫЕ В ХОБОКЕНЕ



Фото Феликса Дж. Коха

ТРЕНИРОВКА ВЕТЕРАНОВ В ЛАГЕРЕ ШЕРМАН

От расчетных бригад заверенные ведомости отправлялись в другую финансовую бригаду для “внесения изменений”. Окончательные выплаты солдатам производились наличными. “Разменщики” взяли платежные ведомости и точно подсчитали, сколько банкнот каждого достоинства, сколько полудолларов, сколько четвертаков, десятицентовиков, никелей и пенни потребуется, чтобы расплатиться со всеми мужчинами, не требуя от одного из них сдачи в окошке. Списки с общей суммой сдачи поступили офицеру, распределяющему средства в лагере, и он получил наличные в ближайшем банке. Банки, ближайшие к некоторым лагерям, находились за много миль от них, через пустынную местность, и иногда сотруднику, осуществляющему выплаты, приходилось привозить обратно на своем автомобиле до миллиона долларов в валюте. Он ехал под конвоем усиленной охраны и дополнительно находился под охраной вооруженных людей в своем лагерном офисе. Потери, понесенные в результате грабежей, были незначительными.

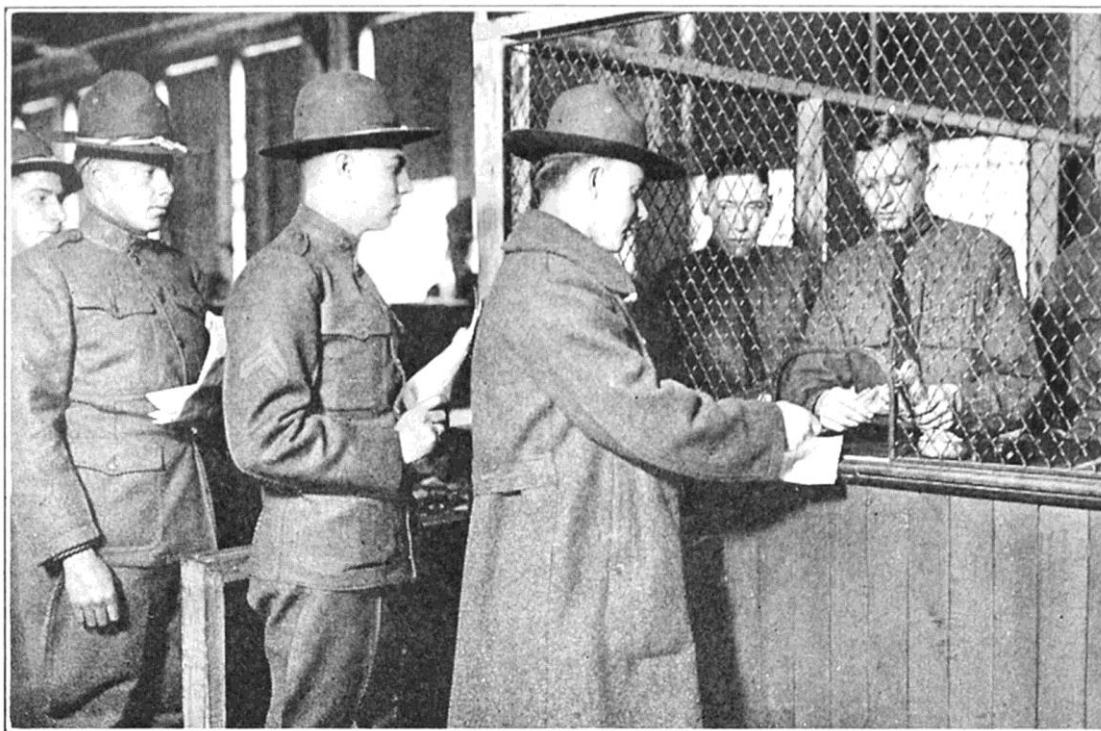


Фото Корпуса связи

УВОЛЕННЫЕ СОЛДАТЫ, ПОЛУЧАЮЩИЕ ПОСЛЕДНЕЕ ЖАЛОВАНИЕ



Фото Феликса Дж. Коха

ОФОРМЛЕНИЕ СПРАВОК ОБ УВОЛЬНЕНИИ

Каждое утро ответственный за выплаты передавал своим помощникам точное количество счетов и мелочи, необходимых для покрытия платежей, которые должны были быть произведены в этот день. Мужчины явились в кассу компании. Офицеры по очереди называли их имена, и когда каждый мужчина проверил наличие наличных, он получил справку об увольнении, на обратной стороне которой была указана сумма денег, только что выплаченная ему в качестве окончательного расчета. В этот момент он больше не был солдатом. С этого времени он мог поступать, как ему заблагорассудится, но обычно поддавался доброму влиянию тех, кто убеждал его отправиться прямо к себе домой.

Семьдесят седьмая дивизия была рассчитана и демобилизована в Кэмп-Аптоне за два дня. К моменту прибытия в демобилизационный лагерь в дивизии насчитывалось 27 000 человек. Проблема финансовых сотрудников упрощалась тем фактом, что практически все мужчины проживали в Нью-Йорке, что упрощало подсчет пробега. Каждый солдат получал в среднем 100 долларов, включая премию, сумму, которая, вероятно, является справедливым приближением к тому, что выплачивалось среднестатистическому солдату-иностранцу при увольнении. Преимущество быстрой демобилизации было не только в пользу солдата. Содержание рядового на службе обходилось примерно в два доллара в день. Таким образом, каждый день задержки с демобилизацией Семьдесят седьмой дивизии обходился правительству в 54 000 долларов.

Дальнейшее упрощение методов привело к оперативному увольнению офицеров. Офицер, распределяющий средства в демобилизационном лагере, разделил всех офицеров на три класса— тех, кто на службе не нес ответственности ни за государственную собственность, ни за деньги; тех, кто нес ответственность только за собственность; и тех, кто располагал государственными средствами. Офицеры 1-го класса могли быть окончательно рассчитаны при увольнении; но счета подотчетных офицеров подлежали ревизии, и их окончательное жалование удерживалось до проведения этих проверок. Поскольку офицеры часто увольнялись с задолженностью за два-три месяца, удержание таких значительных сумм денег в течение длительного периода создавало для них трудности. При старой системе прошло бы много времени, прежде чем все уволенные офицеры смогли бы получить свое окончательное жалование. Фактически, после окончания всех предыдущих войн, в которых когда-либо участвовали американские чрезвычайные войска, прошло немало времени, прежде чем правительство окончательно урегулировало требования подотчетных офицеров о выплате заработной платы. Накопление офицерских счетов весной 1919 года стало настолько большим, что стало очевидно, что по существующему плану Военному министерству потребуется по меньшей мере дюжина лет на их проверку; это означало — если старая система аудита будет продолжена — что некоторые офицеры, участвовавшие в мировой войне, получат окончательное вознаграждение за свои услуги только в 1931 году.

Финансовый директор был полон решимости добиться большего. Безусловно, аудит имущественных счетов требовался законом; но вместо того, чтобы продолжать систему их аудита в Вашингтоне, финансовый директор организовал отправку группы полевых аудиторов в центры демобилизации и проверку имущественных счетов в том виде, в каком они были представлены. Результатом стало то, что офицеры, ответственные за имущество, получили возможность получать окончательную зарплату по своим справкам об увольнении.

Офицеры, ответственные за государственные деньги, имели другой статус, но таких офицеров было относительно немного. Бывший в употреблении план требовал проведения аудита их счетов Министерством финансов, и было очевидно, что Министерству финансов потребуется год или больше на проведение этих аудитов. Между тем ни один из уволенных офицеров не смог бы получить свое последнее жалование. Этот порядок аудита был

требованием не закона, а военного устава, которое Финансовый директор смог отменить, расплатившись с такими офицерами в конечном итоге после получения от них отчетов с подробным отчетом о деньгах, которыми они распоряжались. Правительство ничем не рисковало из-за этого нововведения, потому что должностные лица, ответственные за денежные дела, должны были дать поручительство, чтобы возместить правительству убытки. С другой стороны, это изменение позволило уволенным подотчетным сотрудникам получить свою окончательную зарплату в течение месяца после увольнения.

24 февраля 1919 года президент подписал законопроект о выплате денежной премии в размере шестидесяти долларов каждому солдату, носившему военную форму до 11 ноября 1918 года. Выплата премии солдатам, которые все еще должны были быть уволены после вступления в силу закона о премиях, не представляла никаких трудностей, поскольку офицерам, распределяющим средства в лагере, нужно было только добавить премию к окончательному жалованью каждого человека, подлежащего увольнению. Но 24 февраля примерно 1 600 000 военнослужащих уже были уволены. Выплата премии этим людям значительно увеличила нагрузку на Финансовую службу.

Финансовый директор объявил, что начнет выплачивать премию с 1 марта. Ответственный за финансы зоны в Вашингтоне был назначен должностным лицом, ответственным за выплату премий офицерам и рядовым, которые уже были уволены. Он в спешном порядке организовал офис с примерно шестьюдесятью новыми и неопытными клерками. Тем временем газеты, Красный Крест, Американский легион и все другие организации, заботящиеся о благополучии уволенных солдат, распространили весть о выплате премии и призвали всех уволенных мужчин немедленно заявить о своих требованиях на нее. Сомнительно, что когда-либо прежде национальная рекламная кампания достигала своей цели с такой тщательностью за столь короткий промежуток времени. Требования о выплате премии сыпались на Вашингтон со скоростью 100 000 в день, и в течение двух недель практически все уволенные 1 600 000 человек подали свои иски. Кассовая служба росла, пока в ней не насчитывалось более тысячи клерков. С такими силами он справился со всей работой за два месяца.

Никогда раньше государственные чеки не выдавались с такой скоростью. Для ведения такого учета платежей было необходимо использовать самые современные трудосберегающие устройства. Бюро гравировки, которое печатает бумажные деньги для правительства, выгравировало специальный чек с напечатанной в нем суммой в шестьдесят долларов, так что канцелярским работникам было необходимо только ставить даты на чеках, заполнять имена получателей платежа и затем подписывать документы. Сам финансовый директор Зоны был единственным человеком в своем отделе, уполномоченным подписывать чеки Казначейства. Однако по его просьбе Министерство финансов разрешило пяти клеркам, которых он назначил, подписывать за него его именем. Казначейство также разрешило использование пантографа или устройства множественной подписи, которое позволяло каждому назначенному служащему подписывать пять чеков одной буквой подписи. В графе "Наименование" каждого чека было напечатано имя получателя платежа, его адрес и армейский серийный номер. Финансовый директор Зоны внедрил конверт с окошком, через которое можно было видеть имя получателя и адрес, указанные на чеке внутри, и эта мера избавила от большого труда по надписыванию конвертов. Все чеки были отпечатаны в трех экземплярах — один оригинал и две копии под копирку. Обе копии были сохранены в качестве правительственного отчета о сделке. Дела, в которые были вложены дубликаты, заполняли большую комнату.

Солдаты с фамилией Смит получили 15 200 таких бонусных чеков, и это были только Смиты из 1 600 000 военнослужащих, уволенных до 1 марта 1919 года. Если такой же процент распространялся и на остальную часть армии, то очевидно, что Смитов в военной форме было достаточно, чтобы составить целую боевую дивизию с достаточным остатком для обеспечения необходимого сопровождения войск снабжения. Если бы к этому подтолкнули, семья Смитов могла бы вести достойную войну самостоятельно. Но баланс сил поддерживается армией Брауна. Семья Браун собрала 9000 из 1 600 000 бонусных чеков, выписанных из Вашингтона весной 1919 года.

Хотя были приложены все усилия, чтобы полностью рассчитаться со всеми военнослужащими во время их увольнения, было много мужчин, которые по своей собственной вине или по вине тех, кто ими командовал, или же из-за условий, над которыми не было никакого контроля, не смогли получить все деньги, принадлежащие им по праву, когда они увольнялись с военной службы. Для таких людей средством правовой защиты был иск. Финансовый иск к правительству, как известно, вещь статичная. В настоящее время все еще остаются неурегулированными иски о гражданской войне. Финансовый директор решил, что мировая война не должна оставить после себя большого количества претендентов на солдат, которые будут преследовать Вашингтон и лелеять свои обиды долгие годы. В соответствии с обычной процедурой требования солдат о задолженности по жалованью должны были проходить по каналам как Военного министерства, так и Министерства финансов, прежде чем могли быть произведены окончательные выплаты. Финансовый директор запросил и 30 января 1919 года получил решение контролера казначейства, которое позволяло первому урегулировать требования о возврате средств без обращения в Министерство финансов, когда не было задействовано никаких правовых конструкций и права заявителей были очевидны.

Хотя заявителей было много тысяч, их число было относительно небольшим по сравнению с общим числом мужчин в военной форме. В конце 1919 календарного года менее 5 процентов из почти 4 000 000 человек, находившихся при оружии в первый день перемирия, подали иски в Военное министерство. Три четверти требований касались возврата сумм, вычтенных из денежного довольствия, но по той или иной причине так и не выплаченных правительством выделяемым лицам; таким образом, лишь немногим более 1 процента военнослужащих уволились со службы с претензиями, возникшими в результате ошибок в расчетах солдатского жалованья. Из-за более сложных финансовых отношений между офицерами и Военным министерством требования офицеров были пропорционально больше, но претензии офицеров, поданные до конца 1919 года, составляли всего 10 процентов от общего числа офицеров, принятых на службу.

Неспособность правительства во многих случаях выплачивать выплаты иждивенцам солдат была вызвана множеством причин. Во-первых, законный метод выплаты земельных наделов изменился в разгар активной части войны. Бюро страхования от военных рисков в течение многих месяцев выплачивало иждивенцам солдат земельные наделы, предоставленные самими солдатами, плюс сумму, которую правительство добавляло к каждому земельному наделу. В июне 1918 года Конгресс принял закон, требующий, чтобы все выплаты этой формы выплачивались непосредственно Военным министерством, оставляя Бюро страхования от военных рисков выплачивать только те выплаты, которые не сопровождались государственными пособиями. Войска были немедленно уведомлены об этом изменении; но из-за неспособности отдельных лиц прекратить свои отчисления в Бюро страхования от военных рисков, или из-за того, что офицеры, занятые другими делами, пренебрегали этим для подчиненных им людей, или из-за потери документов по почте, тысячи вычетов из

заработной платы продолжали поступать в Бюро страхования от военных рисков еще долго после того, как это бюро прекратило выплату пособий иждивенцам. Из этой ситуации возникли тысячи исков от уволенных солдат.

В других случаях выплаты производились лицам, проживающим во вражеских странах или в странах, отрезанных от почтовой связи, причем Россия была основной страной последнего класса. Непредоставление выделенных средств по этой причине привело к возникновению претензий.

Что касается жалования солдатам, то было много причин, по которым выплаты не всегда были точными. Иногда суммы удерживались правительством ошибочно в качестве конфискации по решению военного трибунала или из-за предполагаемых потерь государственного имущества. Мужчины, получившие повышение по службе, часто не указывали в своих платежных квитанциях, что они имеют право на повышенную зарплату, и поэтому какое-то время не могли получать прибавку к жалованью. Некоторым не удалось получить прибавку к жалованью, причитающуюся за дипломатическую службу, а некоторые не получили денежную компенсацию в виде пайков и четвертаков, находясь в отпуске в зонах отдыха во Франции. Всего было подано четырнадцать основных требований о возврате заработной платы.

Были претензии еще одной категории — претензии за личный багаж, утерянный правительством при перевозке армии.

Хотя письменные показания отдельного военнослужащего в значительной степени использовались при урегулировании претензий, все же такой короткий метод вынесения судебного решения был допустим только при отсутствии официальных документов. Постепенная концентрация архивов после перемирия, а иногда и обнаружение утерянных записей по мере того, как расформированная армия расчищала свои помещения, часто выявляли документы, которые пропали при увольнении войск. Каждая поданная претензия требовала от Финансовой службы проведения поиска записей. Поскольку многие документы, от которых зависело предъявление иска, находились во владении А. Е. Ф. во Франции, долгое время в Вашингтоне было невозможно что-либо предпринять с такими претензиями. Архивы А. Е. Ф. вернулись в Соединенные Штаты ранней осенью 1919 года, но прошло несколько месяцев после этого, прежде чем они были должным образом отсортированы, подшиты и предоставлены для исследования.

В течение первых пятнадцати месяцев после перемирия количество претензий, поданных в Военное министерство бывшими рядовыми, составило 184 256. Из них около 64 000 были выплачены за этот период, 33 000 были отклонены, а 6 400 переведены в какую-либо другую ветвь власти для урегулирования - 103 000 претензий удовлетворены, а 81 000 все еще находятся в процессе судебного разбирательства.

ГЛАВА VI СОБИРАНИЕ ПОСЛЕ АРМИИ

Даже в Соединенных Штатах с их хорошо развитыми системами проверки багажа и передачи его обратно, управление любым значительным количеством личного багажа вызывает беспокойство у путешественника. В чужой стране путешествие с багажом - не что иное, как

тяжелое испытание; и человек, который может сопроводить целую флотилию чемоданов в зарубежное турне и доставить их все без потерь в порт приписки, может смело считать себя опытным путешественником по всему миру. Что же тогда было с BBC? Это происходило на чужой территории, в стране, где военные перевозки почти полностью вытеснили гражданские, и войска мало пользовались услугами, которые обычно присматривают за гражданскими лицами. Солдаты, по природе вещей, не могли лично позаботиться о своем багаже. Вы можете умножить проблемы отдельного путешественника на два миллиона сотрудников BBC и все равно не справится даже с половиной проблем с багажом, стоящих перед этой организацией.

Проблема с багажом была одним из тех непредвиденных осложнений, которые возникли, чтобы сделать задачу обеспечения экспедиции более сложной, чем это казалось поначалу. Это ни в коем случае не было полностью транспортной проблемой, хотя целым организациям, продвигавшимся во Францию, часто приходилось оставлять свой багаж позади, чтобы следовать поездом или кораблем, и этот багаж, вверенный незнакомым рукам, иногда терялся. Но самые большие потери произошли в самой Франции, где были расквартированы войска. Подразделения часто перебрасывались без предварительного уведомления. Ожидая в конце концов вернуться в те же места, солдаты оставили свои вещи там, где они были, и путешествовали налегке; но редко случалось, чтобы они возвращались в этот район снова. Другие организации переехали на освободившиеся таким образом места, чтобы позже самим продвинуться вперед и оставить багаж позади. С течением времени буквально миллионы единиц американского военного багажа во Франции были красиво и основательно утеряны.

Такое положение дел привело к появлению странного для нашей армейской структуры военного подразделения — Бюро потерянного багажа BBC, созданного как филиал квартирмейстерского управления. Перед перемирием Бюро потерянного багажа попыталось сделать немногим больше, чем создать определенные помещения, в частности центральное багажное депо в Жевре, штаб-квартире А. Е. Ф., в котором подразделения, отведенные в окопы, могли хранить свой сверхнормативный багаж. Это соглашение работало достаточно хорошо до тех пор, пока не закончились боевые действия, и тогда впервые проблема потерянного багажа начала проявлять свои масштабы. После заключения перемирия в Службы снабжения посыпались десятки тысяч запросов о потерянном багаже, что сделало очевидным тот факт, что большое количество американского имущества должно быть разбросано по территории, оккупированной войсками янки во Франции. Маленькое бюро потерянного багажа с одной лошадкой уступило место разветвленной организации, известной как Багажная служба BBC. С тех пор функцией новой Службы было управлять перевозкой всего войскового багажа во время исхода из Франции, а также находить, собирать и, по возможности, возвращать в свою собственность весь багаж, утерянный солдатами экспедиции.

Багажная служба взялась за решение проблемы, разработав масштабный план. Американские войска в то или иное время были расквартированы в пятидесяти девяти департаментах Французской Республики. Эту огромную территорию Багажная служба разделила для своих целей на двадцать одну зону. В каждой зоне он разместил местную организацию во главе с офицером, которому было поручено прочесать свой район мелкозубой расческой, собрать и переслать в центральный офис в Жевресе все утерянные предметы, принадлежащие отдельным американским солдатам или армии в целом. Последовавший затем обыск охватил не только отели, железнодорожные станции, полицейские управления и другие очевидные места, в которых можно было ожидать

скопления утерянного имущества, но и обыск от дома к дому во всех районах, где американские войска были расквартированы среди французского населения. Каждый день офицеры зоны отправляли в штаб отчеты, в которых содержалось описание найденных предметов. Центральное багажное отделение обработало эту информацию и проиндексировало ее вместе с описаниями 90 000 единиц багажа, скопившихся на складе в Жевресе к моменту начала перемирия. К 1 мая 1919 года вся территория, оккупированная американцами, была тщательно обыскана и очищена, а сотни тысяч единиц багажа, однажды утерянных, были занесены в каталог и хранились в штаб-квартирах различных подразделений базы или на центральном складе в Жевре.

Хотя большая часть этого багажа, очевидно, принадлежала отдельным солдатам, при обыске также было обнаружено большое количество государственной собственности. Это включало около двадцати передвижных кухонь в хорошем состоянии, брошенных по той или иной причине, сотни винтовок и пистолетов, множество касок, множество униформы, которую все еще можно было носить, и даже мешки с почтой, которая так и не дошла по назначению. Поисковые группы наткнулись на одинокого армейского мула, смилившегося со своей очевидной участью закончить свои дни в качестве дополнения к внушительной навозной куче во дворе французского крестьянина.

К тому времени, когда обыск был завершен и багаж был собран, войска в таком количестве направлялись во французские порты отправления для отправки домой в Соединенные Штаты, что оказалось невозможным вернуть им утраченное имущество *по пути*. Багажная служба Франции смогла передать своим владельцам только около 50 000 единиц багажа. В начале июня 1919 года было решено отправить весь оставшийся невостребованным багаж в Хобокен, где владельцы могли получить его после своего возвращения в Соединенные Штаты. Отправленный таким образом багаж заполнил шестьдесят три багажных вагона и составил значительную часть коносамента всего грузового транспорта. Вместе с багажом в Хобокен отправились записи из Gievres, которые будут использованы Службой по розыску утерянного багажа в Хобокене при восстановлении имущества солдат-иностранцев, возвращенных в Соединенные Штаты.

На Багажную службу А.Е.Ф., помимо поиска потерянного багажа и ухода за ним, была возложена важная обязанность - выполнять функции багажного агента возвращающейся экспедиции. До перемирия аналога такой организации не существовало. Если бы это было так, у Экспедиционных войск практически не было бы проблем с багажом вообще, что касается потери багажа *в пути*, поскольку по пути домой, благодаря новой Службе, войска почти не потеряли багажа. Итак, вот еще одна новая военная организация, вызванная к существованию нашим опытом Мировой войны; та, которая доказала свою полезность и тем самым завоевала себе место в любых планах крупных военных операций в будущем. Служба провоза багажа раз за разом экономила на своих расходах, поскольку правительство само часто несет ответственность за потерю личного багажа солдат и рассчитывает оплатить предъявленные претензии наличными. Действительно, многие претензии по поводу утерянного багажа, накопившиеся в штаб-квартире А.Е.Ф., были урегулированы путем возвращения самого багажа его владельцам.

Для обработки багажа путешествующей экспедиции Багажная служба открыла отделения во всех важных военных центрах ВВС и во всех американских портах посадки во Франции. Функция носильщиков в войсковых центрах заключалась в том, чтобы проследить за тем, чтобы при отправлении подразделений их багаж сопровождал их, должным образом маркированный и распределенный. Служба отвечала не только за багаж организации, но и за багаж отдельных военнослужащих. В портах ее филиалы выполняли функции агентов по

проверке, хранению и экспедированию. Брест был крупнейшим из наших посадочных портов во Франции, и в Бресте официальным багажным отделением управляли пять офицеров и сто рядовых. Официальное “багажное отделение” в Бресте представляло собой целый огромный склад, расположенный на одном из причалов. Военных пассажиров, ожидавших посадки в Бресте, обычно насчитывалось более 100 000 человек, и для хранения всего их багажа требовалось огромное пространство.

Сотрудники багажной организации встречали все воинские эшелоны, прибывающие в район Бреста. В этих поездах находились тысячи офицеров и рядовых, путешествовавших поодиночке или небольшими группами на всякий случай. Военные багажные агенты получили от них железнодорожные багажные квитанции вместе с карточками, на которых путешественники записывали идентификационные описания своего багажа. После этого у индивидуального путешественника больше не возникало проблем с багажом. Багажная служба забирала отправления с железнодорожных станций, грузила их на грузовики и отвозила на центральный склад, а затем оформляла индексные карточки, идентифицирующие их и показывающие их местонахождение на хранении. Эти карточки были оформлены на имена владельцев и подшиты в алфавитном порядке. Всякий раз, когда транспорт готовился к отплытию, власти при посадке отправляли в багажную службу копию списка пассажиров. Багажный отдел сверил этот список с регистрационными карточками и, таким образом, смог легко собрать багаж, принадлежащий пассажирам, для отплытия на этом судне. Багаж был доставлен на транспорт на лихтерах, после чего аннулированные удостоверения личности были проштампованы наименованием транспорта и датой отправления, а затем сданы в архив для хранения. С багажом организаций обращались таким же образом, за исключением того, что воинские части не отказались от практики отправки сведений о собственном багаже вместе со своим багажом для его просмотра. Эти отряды солдат постоянно оставались с багажом, даже когда он хранился на складе.



Фото Корпуса связи

БРАТСКАЯ МОГИЛА БЛИЗ ЧИРЕЯ

(См. [стр. 89.](#))

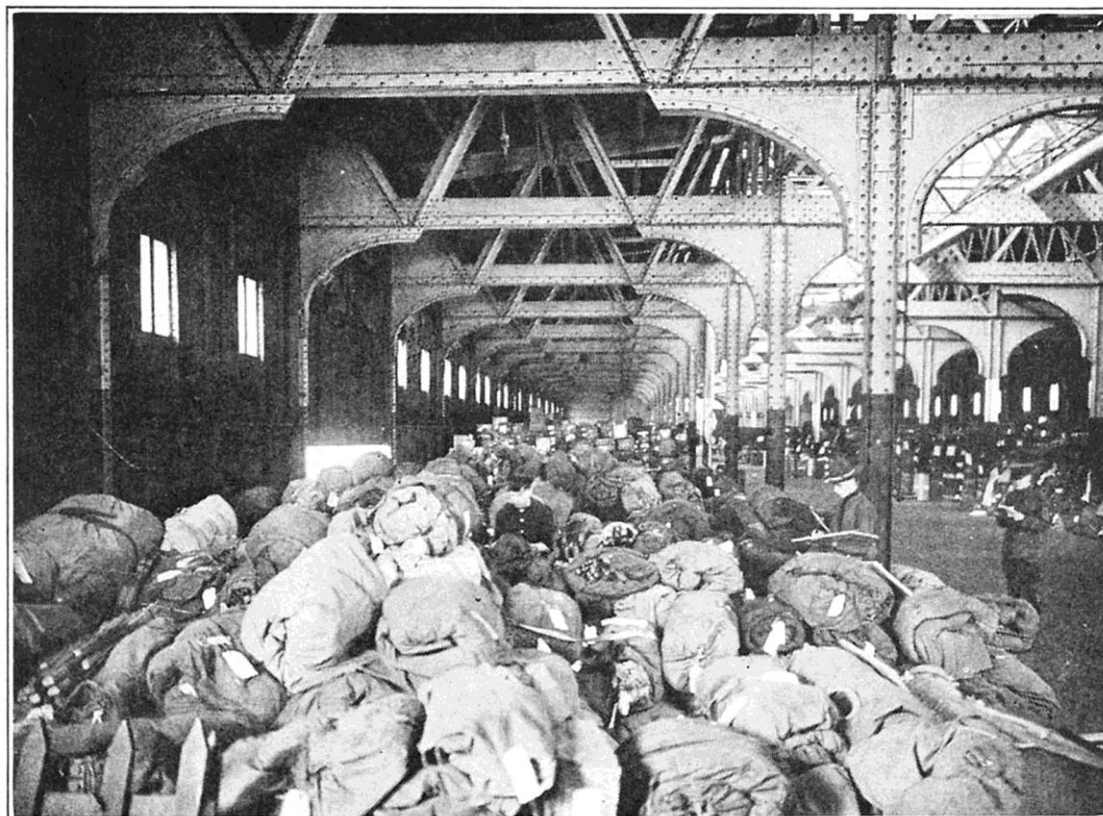


Фото Корпуса связи

ПОТЕРЯННЫЙ ВОЕННЫЙ БАГАЖ В ХОБОКЕНЕ

У военной организации в Соединенных Штатах не было ничего похожего на багажную службу ВВС, чтобы взять на себя ответственность за багаж путешествующих военнослужащих, но у нее была организация для обработки потерянного багажа. Это был не филиал интендантского управления, как во Франции, а агентство, созданное Транспортной службой, независимым бюро Отдела закупок, хранения и перевозок Генерального штаба. Оно называлось отделением утерянного багажа и работало исключительно в Хобокене. Хотя у нас было несколько других портов высадки для возвращающейся экспедиции, Хобокен был назначен для приема всего утерянного багажа из Франции. Когда в конце июня в Хобокен поступило огромное количество утерянного багажа, который хранился в Жевресе и в штаб-квартире АЕФ, работа Отдела утерянного багажа началась всерьез. Один из крупнейших причалов Хобокена, с его гулким, похожим на амбар складским помещением и прилегающими к нему офисами, был отдан исключительно под отдел потерянного багажа, который привлек к работе более двухсот клерков для обработки немедленно поступившей объемистой корреспонденции. Частные владельцы, их родственники, различные организации по оказанию помощи солдатам и даже члены Конгресса, которые интересовались солдатами, завалили отдел потерянного багажа вопросами. Когда исполнился год с момента заключения перемирия, Секция обработала 2 000 000 единиц различного багажа, и ей удалось доставить одиннадцать единиц из каждой дюжины, полученной из Франции.



Фото Корпуса связи

ПОДГОТОВКА КЛАДБИЩА В БОМОНТЕ

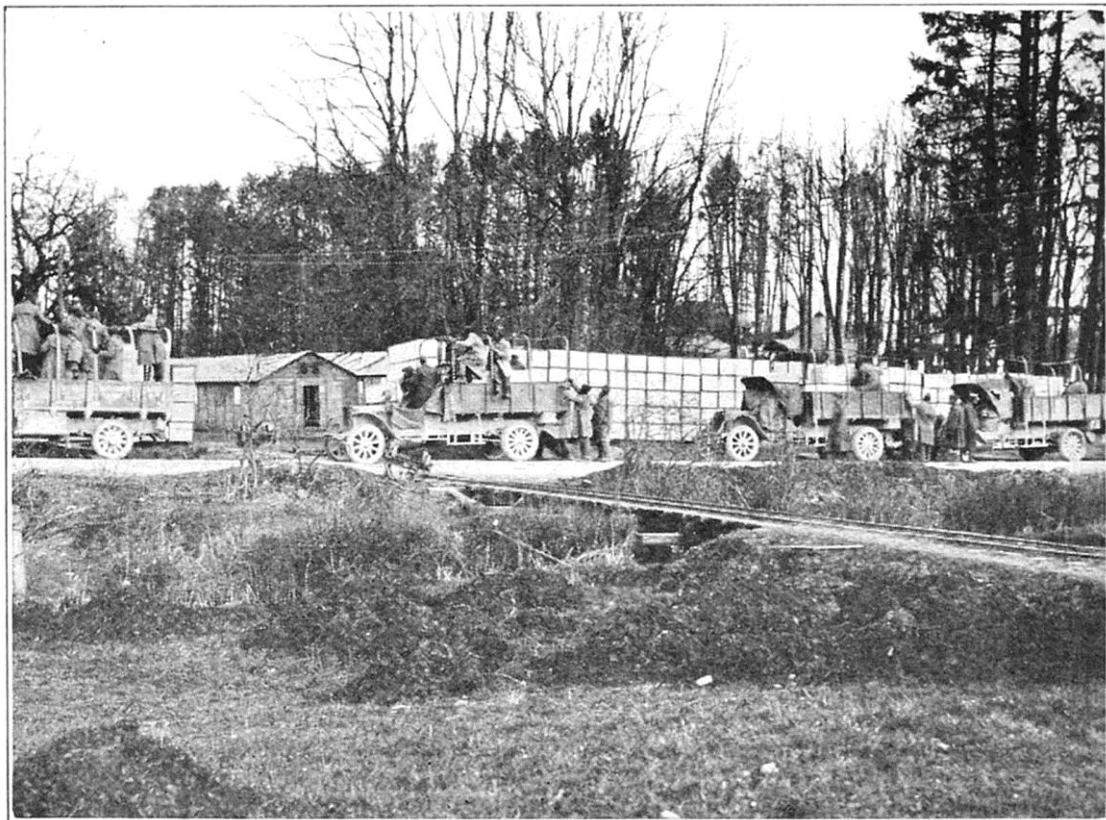


Фото Корпуса связи

ПОГРУЗКА ГРОБОВ В МУСОРОВОЗЫ

В Соединенных Штатах, среди военнослужащих, расквартированных в местах расквартирования, лагерях, на постах и станциях истеблишмента военного времени и путешествующих по американским железным дорогам, не было такой проблемы с багажом, которая беспокоила ВВС, но, тем не менее, она была значительного масштаба. Вскоре после перемирия Транспортная служба приняла к сведению поступившее множество сообщений о багаже, якобы являющемся собственностью солдат, который оставался невостребованным на железнодорожных станциях и на постах, ранее занимаемых войсками. Случилось так, что примерно в то же время генеральные багажные агенты основных американских магистралей проводили съезд в Вашингтоне. Транспортная служба воспользовалась возможностью этой встречи, чтобы обратиться к железным дорогам с просьбой о сотрудничестве в возвращении солдатам утерянного багажа. Багажные агенты согласились предоставить полный отчет со всей территории Соединенных Штатов обо всем военном багаже, находящемся на руках в пунктах выдачи посылок, экспресс-отделениях и багажных камерах. В то же время Транспортная служба приказала командирам всех военных лагерей в Соединенных Штатах отправить в Вашингтон описи невостребованного багажа в лагерях. Следующим шагом было выяснить, какие солдаты потеряли какой-либо багаж. Газеты и служебные журналы широко освещали проект Транспортной службы, а различные общества социального обеспечения добавили свою помощь, в результате чего Служба смогла вернуть сотни мест утерянного багажа их законным владельцам. И снова Соединенным Штатам была сэкономлена значительная сумма денег, которую в противном случае им пришлось бы выплатить в порядке урегулирования претензий.

Одной из задач военных властей, аналогичной восстановлению утраченного багажа, но гораздо более деликатной и требующей высокой степени такта и сочувствия при его выполнении, было возвращение родственникам погибших в бою или умерших на чужой земле солдат. Это была настолько очевидная работа в своем роде, требующая людей, специально приспособленных к ее выполнению, что ее поручили специальной службе как во Франции, так и в Соединенных Штатах. Во Франции Бюро вещественных доказательств, как называлась эта организация, входило в состав квартирмейстерского департамента; в Соединенных Штатах бюро с таким же названием, фактически являющееся преемником зарубежной организации, было прикреплено к Транспортной службе и, как и Отделение утерянного багажа, работало исключительно в Хобокене.

Пока во Франции действовал А. Е.Ф., Бюро зарубежных эффектов выполняло большую часть этой работы. Она разместила штаб-квартиру в порту посадки в Сен-Назере, и там проверила весь багаж, который смогла найти и который был собственностью погибших солдат, и переправила его в Соединенные Штаты. Многие из этих предметов были обнаружены во время общего поиска потерянного багажа во Франции, но тысячи единиц хранились в военных госпиталях и войсковых организациях.

Работа по возвращению имущества наследникам в Соединенных Штатах и других странах не достигла больших масштабов до окончания перемирия, а затем ею почти полностью занималось Бюро по имуществу в Хобокене. Например, в июле и августе 1918 года количество партий вещей погибших солдат, полученных в Соединенных Штатах, составляло менее сотни: только в мае 1919 года Хобокен получил более 15 000 посылок с такими вещами. К этой дате работа по утилизации этого имущества привлекла внимание одного из крупнейших индивидуальных офисов, связанных с портом посадки в Нью-Йорке. Все лето 1919 года Бюро спецэффектов обрабатывало корреспонденцию, которая составляла в среднем 1000 писем в день.

Сотруднику Бюро расследований недостаточно было действовать из лучших побуждений — чтобы соответствовать своему месту, он должен был обладать редким тактом, инстинктивным знанием того, что делать в постоянно меняющихся обстоятельствах. В начале эпизода Бюро стало свидетелем яркого примера того, как не следует поступать с семьей, пережившей тяжелую утрату. Один из наших летчиков погиб во Франции, когда его самолет рухнул на землю. В то время у него в кармане было шесть банкнот по 100 франков. Они сильно обуглились в пламени, которое почти испепелило летчика. Введенный в заблуждение сотрудник по хранению вещей, который заботился о багаже погибшего летчика, думая, что делает доброе дело, заменил изуродованные записки шестью новыми и переслал их семье летчика, сообщив в письме, что он сделал. Семья быстро вернула новые банкноты с просьбой прислать вместо них обугленную валюту, потому что они будут ценить сгоревшие деньги на память дороже, чем любую сумму новых денег.

Этот инцидент с самого начала показал Бюро личных вещей чрезвычайную ценность, которую родственники погибших солдат, вероятно, придавали самым, казалось бы, пустяковым вещам. Сотрудники Бюро должны были понимать этот факт. Более того, они должны были быть людьми скрупулезной честности. В вещах людей, погибших за границей, было много наличных денег, и при сложившихся обстоятельствах не могло быть никакой проверки людей, распоряжавшихся этими наличными. Возможности для кражи у мертвых были широко открыты. Следовательно, армия отбирала для службы в Бюро спецопераций только людей самого высокого качества.

Бюро в Хобокене было вынуждено взять на себя ответственность за многие досадные происшествия, в которых оно не было виновато. Процедура, лежащая в основе письма, сообщающего родственникам в этой стране о существовании имущества, которое они унаследовали после смерти солдата, была примерно следующей: после смерти человека сотрудники его непосредственной организации составили опись его имущества; и эта опись вместе с самим багажом в конечном итоге попала в Бюро личных вещей. Обычно родственникам передавалась эта первоначальная опись. Однако довольно часто на момент смерти не все имущество покойного находилось в его распоряжении. Возможно, его расквартировали в деревнях, где он оставил сувениры и другие ценные, но нелегко переносимые безделушки, намереваясь через некоторое время вернуться и обезопасить свое имущество, прежде чем отправиться обратно в Соединенные Штаты. Маловероятно, что он оставил среди своих вещей какие-либо записи об этих предметах; и все же его родственники, вполне вероятно, знали о существовании этого имущества из писем солдата домой. При досмотре багажа во Франции было изъято значительное количество этого имущества, принадлежность большей части которого не могла быть определена по каким-либо опознавательным знакам. Следовательно, когда родственники писали в Бюро личных вещей, упрекая эту службу в том, что она не вернула все имущество погибшего солдата, Бюро часто удавалось найти эти вещи среди утерянного багажа в Хобокене. Однако часто Бюро приходилось признаваться, что оно не в состоянии найти утерянные предметы, и нести на себе основную тяжесть любого недовольства, которое следовало за таким признанием.

После катастрофы в *Тускании* британские власти отправили в Хобокен разнообразную коллекцию неопознанных ценных предметов, таких как часы и кольца, снятые с тел утонувших американских солдат. Вернуть эти безделушки родственникам законных владельцев казалось невыполнимой задачей, но Бюро экспонатов, тем не менее, предприняло попытку сделать это. Бюро разослало письма всем ближайшим родственникам солдат, затонувших вместе с *"Тусканией"*, с просьбой прислать описания любых предметов, которые, как известно, были у солдат, когда они поднимались на борт корабля. В ответах

содержались дубликаты фотографий, хранящихся в корпусах часов, размеры колец на пальцах, описания и другие идентификационные данные, которые позволили Бюро вернуть многие предметы надлежащим наследникам в этой стране.

После прибытия идентифицированных вещей в Хобокен Бюро хранения вещей направило письма ближайшим родственникам или другим наследникам погибших солдат с описанием имеющегося имущества. К каждому письму прилагалась юридическая форма, которая должна была быть заполнена и оформлена у государственного нотариуса, устанавливающая право соответствующих наследников на получение имущества. После получения заполненных бланков Бюро отправило товар за счет правительства.

Вещи, сваленные в кучу на пирсе Хобокена, содержали множество трогательных напоминаний о непобедимом любопытстве и предприимчивости американских мальчиков во Франции и об их страсти к сувенирам времен войны. Покойники собрали почти со всех концов Европы тысячи сувениров самого разного вида. В багаже одного погибшего солдата был обнаружен немецкий автомат, который он каким-то образом приобрел и который удалось идентифицировать как свою личную собственность. Иногда те, кто осматривал вещи, находили контрабандные снаряженные гильзы и гранаты. Они были конфискованы и уничтожены из-за их опасности, но со всем остальным имуществом обращались благоговейно и охраняли. Из-за полного отсутствия идентификации для нескольких тысяч посылок было невозможно полностью вернуть имущество наследникам погибших американцев. Тем не менее, к концу 1919 года Бюро личных вещей передало их семьям более 35 000 комплектов личных вещей погибших солдат.

При улаживании дел американских экспедиционных войск во Франции перед интендантской службой стояла последняя, скорбная задача; задача больших масштабов и необычной сложности — утилизация трупов солдат. Во время боевых действий многие считали само собой разумеющимся, что павшие американцы будут похоронены на великих американских кладбищах во Франции, которые американское правительство будет вечно содержать в красоте; но после перемирия в этой стране, среди тех, кто потерял своих сыновей и братьев, возникло сильное чувство, что тела этих мальчиков должны быть возвращены в места последнего упокоения на территории Соединенных Штатов. Страна или та ее часть, которая непосредственно интересовалась этим вопросом, разделилась на два противоположных лагеря и попыталась так или иначе навязать Военному министерству определенную политику.

Когда погиб летчик Квентин Рузвельт, его отец, покойный Теодор Рузвельт, процитировал слова сурового ветхозаветного проповедника: “Где упадет дерево, там оно и будет”. Возможно, это была сильная позиция, и значительное число скорбящих родственников солдат чувствовали то же, что и Рузвельт; но они, в конце концов, были меньшинством. Тысячи матерей, сестер и возлюбленных на фермах, в деревнях, поселках и поселяночках Соединенных Штатов скорее поддерживали поэта Теодора О'Хара:

“Героическая почва вашей собственной гордой страны

Это будет твоя более подходящая могила”.

В этом споре Военное министерство не принимало ничьей стороны. Она не принимала желания большинства в качестве государственной политики, равно как и желания меньшинства; но она позволяла каждой скорбящей семье поступать по-своему. Если семья просила вернуть тело, Военное министерство соглашалось на это. Если семья хотела, чтобы

тело осталось похороненным во Франции, Военное министерство гарантировало, что могила всегда должна быть освященным и красивым местом.

Как только силы ВВС начали прибывать во Францию и их командование осознало, что американским войскам предстоит в полной мере участвовать в будущих боевых действиях, важность идентификации убитых и их могил стала серьезной проблемой. Опыт других армий в этом отношении был не из приятных, и командование экспедиции не недооценивало трудностей. Британская армия, например, утратила документы, удостоверяющие личность полных 40 процентов своих погибших. Это было связано не столько с отсутствием идентификации погибших во время захоронения, сколько с уничтожением кладбищ артиллерийским огнем, поскольку фронт боевых действий простирался туда-сюда на многие километры. После того как американская армия вышла на фронт в полном составе летом 1918 года, она никогда не знала крупных действий по отступлению; ее движение всегда было вперед, и ее кладбища, всегда находящиеся в тылу, никогда не были разрушены. Результатом стало то, что А. Е. Ф. поддерживала чрезвычайно высокий процент опознания. Менее чем в 2 процентах его могил, после того как были найдены все улики, покоились неизвестные мертвецы.

Первым шагом, предпринятым А. Е. Ф. для достижения этого результата, было создание летом 1917 года Службы регистрации захоронений в Интендантском департаменте. Первоначальный план этой Службы состоял в том, чтобы направить полевые подразделения, которые возьмут на себя полную ответственность за захоронение останков — захоронение погибших на полях сражений и в других местах, приобретение земли под кладбища, ведение учета захоронений и поддержание кладбищ в будущем. Настроения среди самих военнослужащих привели к изменению этой договоренности. Как только дивизии понесли первые потери, товарищи погибших не смогли смириться с тем, что их друзей хоронят незнакомцы, даже если незнакомцы были американцами в американской форме. Следовательно, Генштаб изменил первоначальный приказ, заявив, что “мертвые обязательно должны быть похоронены самими подразделениями. Эти подразделения выполняют этот долг как дань уважения своим мертвым”. После этого Служба регистрации захоронений просто регистрировала все захоронения и места расположения могил и ухаживала за могилами.

Такая система сохранялась до начала осени 1918 года. Затем боевые действия достигли наиболее напряженной стадии, и наши наступающие войска не могли жалеть ни времени, ни сил на надлежащее погребение убитых. На этом этапе полевые подразделения Службы регистрации захоронений вмешались добровольно, не дожидаясь специальных распоряжений, и оказали помощь в поиске трупов и их захоронении, привлекая к этой работе ту помощь, которую они могли найти на месте. Это было время самых тяжелых потерь американцев, и подразделения Службы регистрации могил похоронили в общей сложности около 10 000 погибших американских солдат.

Работа Службы регистрации захоронений была особенно затруднена шириной и разделенностью территорий, на которых сражались американские войска. Фронт не был сплошной линией. Некоторые американцы пали в Бельгии, другие вместе с британцами на франко-бельгийской границе, а третьи - на южной оконечности линии, где она входила в Эльзас-Лотарингию; но большинство американских потерь пришлось на Аргонну, когда в последние недели войны ВВС форсировали проход по этой пересеченной, поросшей лесом и традиционно непроходимой местности.

В те последние недели в Аргонне наступающие войска были слишком измотаны, чтобы тщательно обыскивать места сражений в поисках тел своих убитых товарищей. Следовательно, одним из первых действий командования ВВС после заключения перемирия был приказ о немедленном и тщательном обыске всей местности, где действовали наши войска. Большое количество солдат дивизии было выделено для оказания помощи Службе регистрации захоронений в этой работе. По обломкам и обломкам Аргоннских рек ходили поисковые группы, иногда находя непогребенные тела, а часто тела были плохо или даже лишь частично погребены. Служба регистрации этих могил провела надлежащее погребение, пометив все эти временные могилы, чтобы личность их обитателей не была утеряна. Пока это продолжалось, аналогичные поисковые группы работали во всех других районах боевых действий, в которых действовали американские войска, и все же другие подразделения Службы следовали за оккупационной армией, которая продвигалась через Люксембург к Рейну, чтобы обнаружить и идентифицировать могилы любых американцев, которые могли погибнуть в плену или иным образом за бывшим немецким фронтом. И поисковики не удовлетворились одним осмотром местности: они трижды обошли каждый квадратный ярд, причем последний обыск был проверкой точности двух предыдущих. Во многом тщательности этой работы была обязана полнота идентификации погибших членов А. Е. Ф..



Фото Корпуса связи

1. ПЕРЕПОЛНЕННОЕ АМЕРИКАНСКОЕ КЛАДБИЩЕ Во ФЛЕВИЛЛЕ

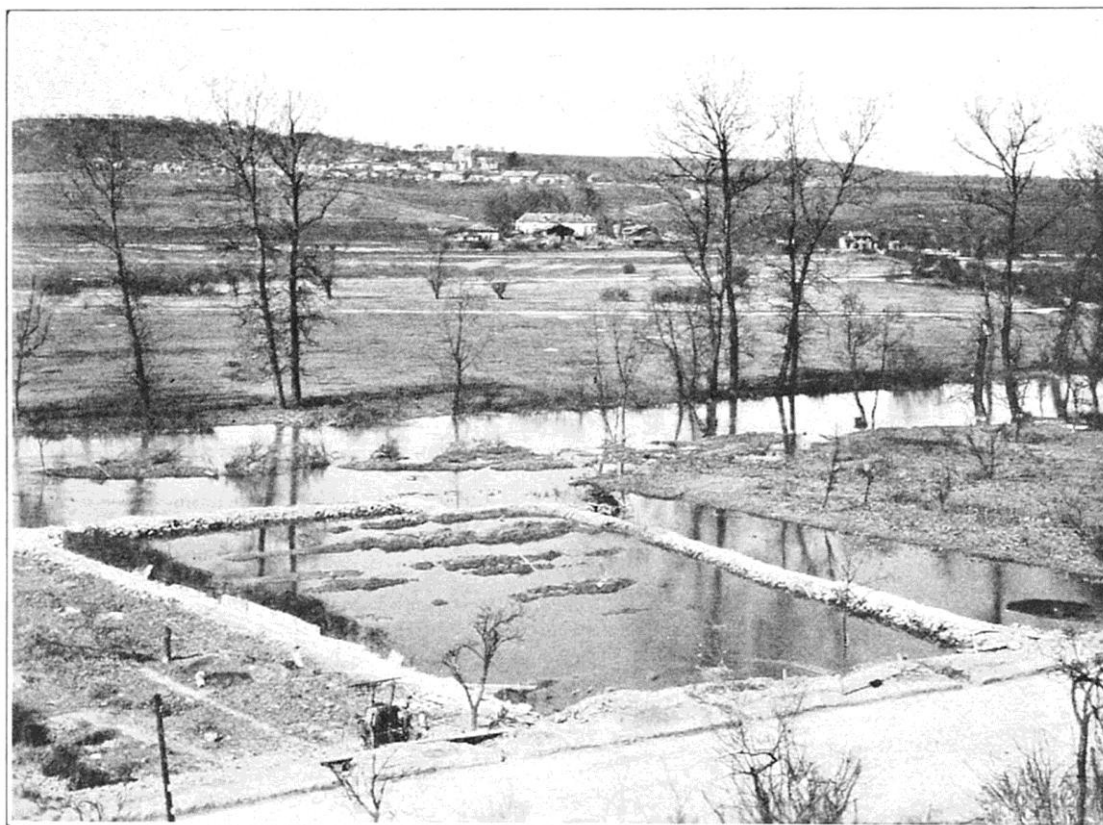


Фото Корпуса связи

2. ДВА МЕСЯЦА СПУСТЯ — ВСЕ ТЕЛА УДАЛЕНЫ

После того как были обнаружены широко разбросанные могилы, следующей задачей Службы регистрации захоронений стало сосредоточение тел убитых на как можно меньшем количестве кладбищ. Американские мертвецы были похоронены примерно в двух тысячах основных мест. Концентрация тел позволила сократить количество американских кладбищ примерно до семисот. На концентрационные кладбища не только привозили тела в отдельных могилах, но иногда забрасывали целые кладбища и вывозили все тела с них. Это было особенно верно, когда аварийные кладбища были неудачно расположены. Служба регистрации могил не допустила бы, чтобы даже стихии были недобры к телам наших павших солдат. Во Флевилле солдаты дивизии похоронили нескольких своих товарищей на аварийном кладбище, расположенном между небольшим ручьем и насыпной дорогой. В первую зиму перемирия ручей вышел из берегов и затопил маленькое кладбище, оставив торчать из воды лишь несколько крестов. Служба регистрации захоронений направила на это место отряд из двухсот человек. За три недели они построили дамбу вокруг всего кладбища и откачали воду, после чего тела восьмидесяти семи американцев были извлечены из земли и перенесены в более подходящее место для захоронения.

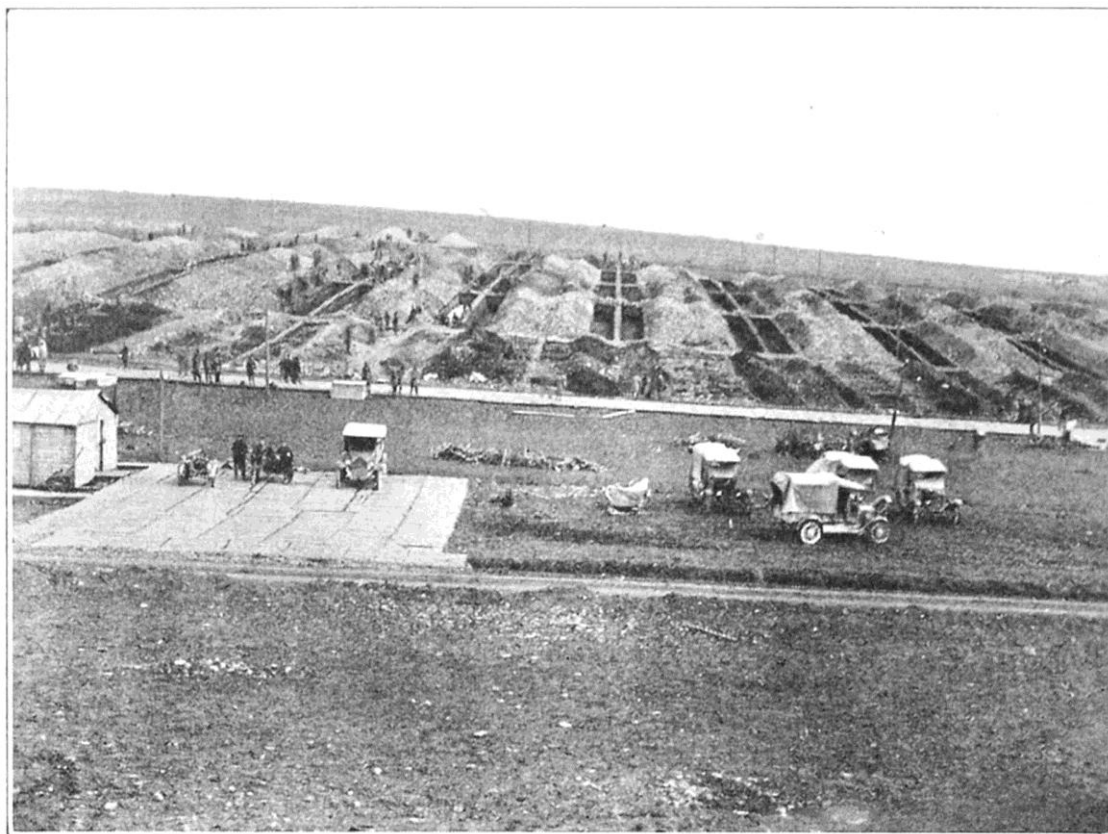


Фото Корпуса связи

1. РОМАНСКОЕ КЛАДБИЩЕ, 10 апреля 1919 г.

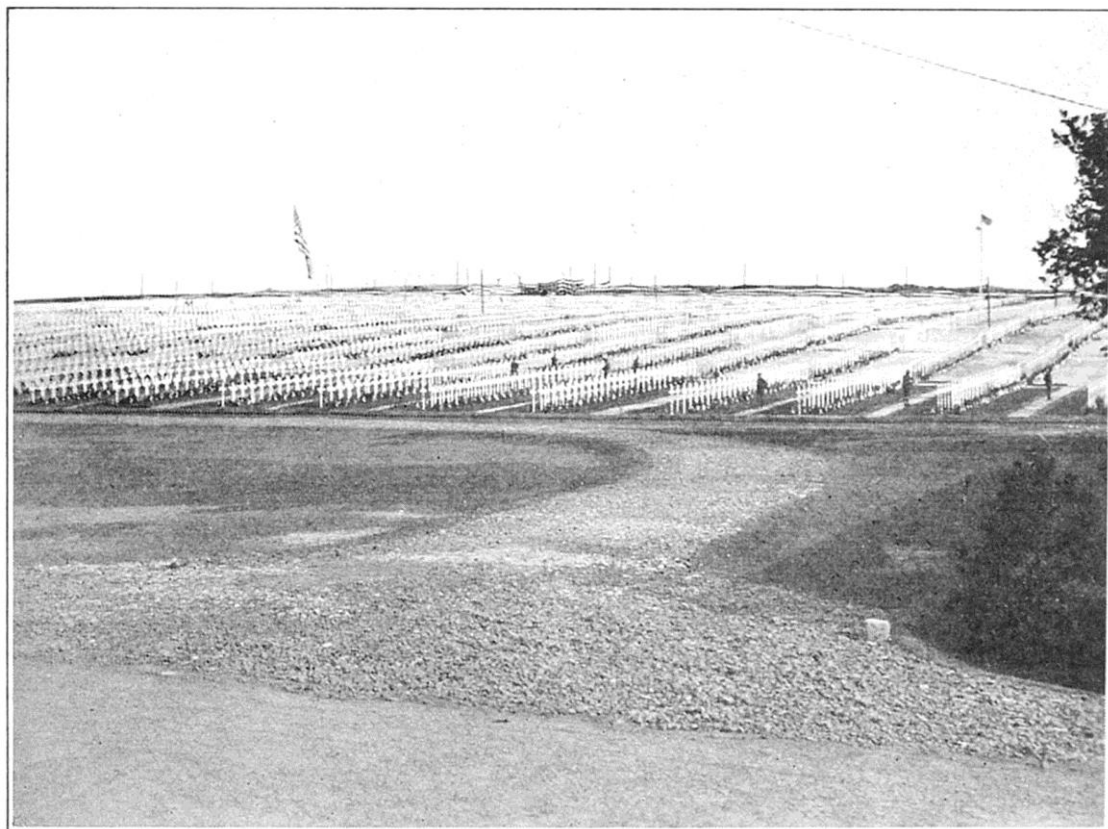


Фото Корпуса связи

2. РОМАНСКОЕ КЛАДБИЩЕ, 30 мая 1919 г.

Места для американских концлагерей были тщательно отобраны самим французским правительством, которое создало специальные комиссии для этой работы. В состав каждой комиссии входили различные инженеры и санитарные эксперты, а также сотрудники Американской службы регистрации захоронений. Вскоре после акции в Шато-Тьерри было открыто первое из американских концентрационных кладбищ. Однако большинство из них были созданы после перемирия. Как только А. Е. Ф. выделила место для постоянного кладбища и нанесла на карту несколько его участков, Служба регистрации могил отправила трудовые отряды копать ряды могил, каждая глубиной пять футов, и в то же время организовала группы по сбору тел. На кладбищах-концентраторах тела собирались с расстояния до пятидесяти миль. Пока тела привозили и перезахоранивали, инженеры работали над прокладкой дорог на кладбище, сортировкой и улучшением дренажа, геодезисты отмечали новые участки, а садоводы высаживали кустарники и готовили газоны.

Работа по сбору тел превратилась в унылую рутину. Каждая сборная группа состояла из офицера и восьми или девяти солдат, а ее основным оборудованием был грузовик. С каждого кладбища группы по сбору мусора обычно отправлялись каждое утро до рассвета,⁵ каждая группа увозила на своем грузовике полдюжины пустых гробов. У командующего офицера были с собой карты, показывающие местонахождение тел, подлежащих извлечению и передаче. Иногда группе удавалось получить все шесть тел из одного места, но чаще приходилось посещать четыре, пять или даже шесть мест, чтобы получить весь ужасный груз. Это был достаточно распространенный опыт для группы по сбору жертв, которая отправилась в путь еще до рассвета, чтобы вернуться на кладбище захоронений только после полуночи. Таким образом, 20 000 офицеров и рядовых, управлявших 2000 грузовиками, работали месяцами, пока в конце концов не посетили 40 000 могил, разбросанных на площади более 90 000 квадратных километров, и не перевезли все тела в новые могилы на концентрационных кладбищах.

Американские концентрационные кладбища, предназначенные для постоянного захоронения тел тех американских солдат, которые останутся там, где они пали, насчитывают сотни. Основные из них, их местонахождение и количество американских солдат, похороненных в каждом (31 декабря 1919 г.), следующие:

<i>Название</i>	<i>расположение</i>	<i>ряда захоронений</i>
Аргоннской	Романь	23,061
Санкт-Миель	Thiaucourt	4,233
седан	Letanne	774
Seringes-э-Nesles	Seringes-э-Nesles (Эна)	3,792
Белло	Белло (Эна)	2,045
Ploisy	Ploisy (Эна)	1,954
Фим	Фим (Эна)	1,712
Жювини	Жювини (Эна)	411
Бони	Бони (Эна)	1,766
Waereghem	Waereghem (Бельгия)	689
Вилер-Турнель	Вилер-Турнель (сом)	549
Bouvillers	Bouvillers (УАЗ)	297

Кроме того, 357 американцев были похоронены на британском военном кладбище в Сент-Супле, Норд, и еще 122 человека - на британском военном кладбище в Поперинге, Бельгия.

Все названные выше кладбища были тщательно расположены в первую очередь и впоследствии тщательно спланированы, искусство помогло природе сделать их подходящими местами для постоянного захоронения американских солдат. В дополнение к ним были сотни других, выполненных в меньшем масштабе, но не менее тщательно спланированных. Когда кладбища концентрационных лагерей были заполнены, мертвые американские солдаты покоились на многих американских национальных кладбищах на чужой земле — в суровой Шотландии, на ирландском побережье, в мирных английских деревнях, на солнечных итальянских полях, под снегами Севера России и Сибири, в Германии и Австрии, а также вдоль всего фронта во Франции и Бельгии.

В поисках тел Служба регистрации захоронений наткнулась на одну братскую могилу в Чирее, деревне, которая находилась под контролем немцев. Эта могила была отмечена деревянным крестом с надписью на немецком языке: *“15 тапфере Американ”* (15 храбрых американцев). Французские жители Сирея поклялись под присягой, что эти люди были заключенными, хладнокровно убитыми пулеметным огнем. Однако полное расследование показало, что жители деревни, скорее всего, просто повторяли слухи, и привело к выводу, что американцы были членами диверсионного отряда, который, оказавшись в окружении, предпочел смерть капитуляции. После длительного расследования Службе регистрации захоронений удалось идентифицировать все тела в общей могиле. Все пятнадцать были похоронены отдельно.

На Службу регистрации могил легла обязанность опознавать неизвестных умерших, и в этой работе она оказала одну из своих самых ценных услуг. Работа была, по сути, детективной, по поиску улик и сбору косвенных доказательств. Случай Л., авиатора, демонстрирует использованные методы. Военнослужащие обнаружили за бывшими немецкими позициями могилу с телом, с которого, по-видимому, были сняты все опознавательные знаки. Крест на могиле обозначал ее обитателя просто как “храброго американца”. Сотрудники службы регистрации захоронений, тщательно осмотрев тело, обнаружили наручные часы, надетые на одну руку так высоко, что немцы, очевидно, не заметили их, с выгравированным именем L Последующее расследование показало, что некто Л., американский летчик, упал на землю в пределах немецких позиций примерно в этом месте; и таким образом, идентификация была установлена.

Гораздо более замечательным подвигом стало опознание тела рядового Уолтера Л., бывшего военнослужащего одного из пехотных полков Первой дивизии. Рядом с изолированной могилой неизвестного американца в Плоази один из сотрудников службы регистрации могил обнаружил на земле старое, выцветшее, пропитанное водой и почти неразборчивое письмо, адресованное на единственное имя “Уолтер” одной из тех, кто, очевидно, был сестрой, живущей в Калифорнии. Служба регистрации могил связалась с этой женщиной и узнала, что ее брат был рядовым Л. из пехоты. Капеллан этого полка представил доказательства того, что Л. был убит в бою недалеко от места неизвестной могилы. Таким образом, была идентифицирована другая могила.

Младший лейтенант Т., летчик, был убит в бою в начале ноября 1918 года. Служба регистрации захоронений обнаружила одинокую могилу в коммуне Летанн с пометкой

“Неизвестный первый лейтенант, А.С., США”. Тело было осмотрено. На униформе был знак портного-изготовителя из Рочестера, штат Нью-Йорк. Письмо этому портному из регистрационной службы Грейвса побудило его провести независимое расследование среди розничных продавцов его униформы во время войны. На его запрос ответили около трехсот предприятий розничной торговли одеждой. Несколько дилеров, судя по описанию мертвого мужчины, подумали, что они, возможно, продали ему форму; но один розничный торговец в Техасе сказал, что продал форму мужчине, соответствующему описанию, который в то время был курсантом авиационной подготовки. Его звали Т.... Службе регистрации Могил это показалось хорошей подсказкой. Продолжая расследование в Авиасообщении, Служба установила, что в последний раз Т. видели живым летящим в направлении Летанна, и, поскольку он так и не вернулся из того полета, он, возможно, был сбит в Летанне. Эти косвенные улики вместе с другими подтверждающими деталями позволили Службе регистрации могил идентифицировать неизвестного мертвеца как Т....

На Службу регистрации захоронений легла обязанность связаться с родственниками погибших американских солдат, чтобы узнать их пожелания относительно окончательного захоронения останков. Служба разослала почти 75 000 писем родственникам погибших солдат. В ответ 44 000 человек попросили вернуть тела в Соединенные Штаты; 19 000 выразили готовность оставить тела в Европе; и еще около 300 человек потребовали перевезти тела на кладбища в других странах, помимо Соединенных Штатов. Остальные не ответили.

В первую годовщину подписания перемирия транспорт прибыл в Нью-Йорк с телами 115 американских солдат, погибших на чужой земле. Эти тела, останки людей, погибших на севере России, были первыми, кто вернулся домой. Французское законодательство запрещает вскрытие и отправку тел до истечения значительного периода времени после захоронения, и по этой причине возвращение останков в Соединенные Штаты началось не сразу. В настоящее время (1921 год) в Соединенные Штаты часто прибывают суда с телами погибших. Их принимают в Нью-Йорке, а оттуда под военной охраной доставляют на кладбища, выбранные в качестве мест их последнего упокоения.

ГЛАВА VII БЛАГОСОСТОЯНИЕ СОЛДАТ

Мировая война принесла Америке новое и просвещенное понимание ответственности правительства по отношению к людям, которых оно призвало носить военную форму. В прежних войнах военные иерархии, по сути, рассматривали отдельного солдата как пушечную приманку; и когда он больше не мог служить этой цели, с ним покончили. Во время Мировой войны отношение правительства к своим четырем миллионам солдат было гораздо менее безличным, гораздо более патерналистским. Его первой заботой, конечно, было мастерство солдата как солдата, но после этого пришло реальное и полезное отношение к его физическому, умственному, моральному и экономическому благополучию.

Особенно это было актуально после заключения перемирия. До этого дня различные благотворительные мероприятия, проводимые армией и ее вспомогательными подразделениями, были в основном направлены на то, чтобы солдат мог стать физически и морально подготовленным бойцом. После перемирия предприятия по обеспечению

благосостояния солдат начали рассчитывать на то время, когда войска снова займут свое место в повседневном мире.

Когда боевые действия прекратились, американские экспедиционные силы столкнулись с длительным перерывом, который должен был пройти, прежде чем корабли Соединенных Штатов смогли репатриировать два миллиона американцев во Франции. Для временных изгнанников это вполне могло быть периодом застоя. Однако те, кто находился в командовании, воспользовались возможностью создать в А. Е. Ф. обширную школьную систему. Где бы ни были расквартированы американские солдаты в любом количестве, организовывались классы и продолжалось обучение, учебная программа включала практически весь спектр предметов, преподаваемых в государственных школах Соединенных Штатов, от трех начальных букв "Р" до латыни и алгебры в средних школах. Те, кто желал этого, могли получить обучение по торговым и деловым предметам. В качестве вспомогательного средства к этой системе Ассоциация христианской молодежи проводила в своих хижинах курсы, аналогичные тем, которые эта организация проводит в своих зданиях в этой стране. Удивительное количество неграмотности было обнаружено среди военнослужащих, набранных в 1917 и 1918 годах, солдаты иностранного происхождения считались неграмотными, если они не умели читать и писать на английском языке, даже если они могли бы владеть чтением и письмом на своем собственном. Подсчитано, что в течение этого периода, когда экспедиция ждала корабли, которые должны были доставить ее домой, 100 000 человек из состава ВВС были обучены читать и писать по-английски.

Система государственных школ А.Е.Ф., если можно так ее назвать, была дополнена великим солдатским университетом, основанным после перемирия в Боне. В рядах экспедиции были тысячи молодых людей, которые, чтобы вступить в армию, прервали учебу в колледжах и других высших учебных заведениях Америки. Для них и для других, кому было практически возможно провести такую подготовку, Генеральный штаб экспедиции организовал Университет А. Е. Ф., разместившийся в казармах французской армии, школах и других общественных и частных зданиях в городе Бон. Большой профессорско-преподавательский состав был набран почти полностью из людей в форме, хотя несколько профессоров колледжей приехали из Соединенных Штатов, чтобы помочь в этой работе. Факультет организовал учебную программу, которая по своим масштабам сделала бы честь любому крупному университету в Соединенных Штатах. Около 10 000 солдат зарегистрировались в качестве студентов. Различия по званию заканчивались у дверей класса, и не было редкостью видеть рядовых, проводящих занятия, на которых сидели офицеры столь высокого ранга, как подполковник. Недолгая карьера университета закончилась с наступлением лета 1919 года. Полковник Айра Л. Ривз был президентом университета.

Помимо этих образовательных преимуществ, А. Е.Ф. организовала стипендии для некоторых своих сотрудников в различных французских и английских университетах. Практически каждый университет Франции, включая Сорбонну, в течение той зимы и весны принимал на свои занятия назначенных солдат ВВС, как это сделали Оксфорд и другие известные учебные заведения Англии. Бригадный генерал Роберт И. Рис отвечал за всю образовательную деятельность ВВС

Однако в период ожидания после перемирия для бойцов А.Е.Ф. это была не только учеба, но и работа, а не развлечение. Легкая атлетика была организована в огромных масштабах. Недалеко от Парижа экспедиция основала большое спортивное поле, названное стадионом "Першинг". Там весной 1919 года проводились соревнования военно-спортивного первенства, на которые британские, французские и другие армии союзников направляли свои соревнующиеся команды. Военная подготовка после перемирия стала

соревновательной по духу, и результатом такой конкуренции стал первоклассный учебный полк Третьего армейского корпуса, известный как “Личный полк Першинга”, который в сентябре 1919 года вместе с Первой дивизией прошел парад в Нью-Йорке и Вашингтоне. Учебный полк был организован и обучен полковником Конрадом С. Бэбкоком. После перемирия почти каждая дивизия во Франции провела конное шоу. Среди участников экспедиции были люди с высоким талантом почти во всех профессиях, включая театральную. Во время гастролей А. Е. Ф. организовала опытную театральную продюсер-компанию, выступления которой по достоинству не уступали постановкам, которые можно было увидеть на американской сцене. Эта центральная труппа также проводила школу подготовки актеров-любителей экспедиции. Различные районы, в которых были сосредоточены американские солдаты, отправляли своих местных актеров в туры для обучения, после чего они возвращались на свои места службы для организации и постановки пьес. Это было действительно небольшое сообщество, в котором театральные представления проводились нерегулярно. Как продюсеры, так и зрители отдавали предпочтение музыкальным комедиям.

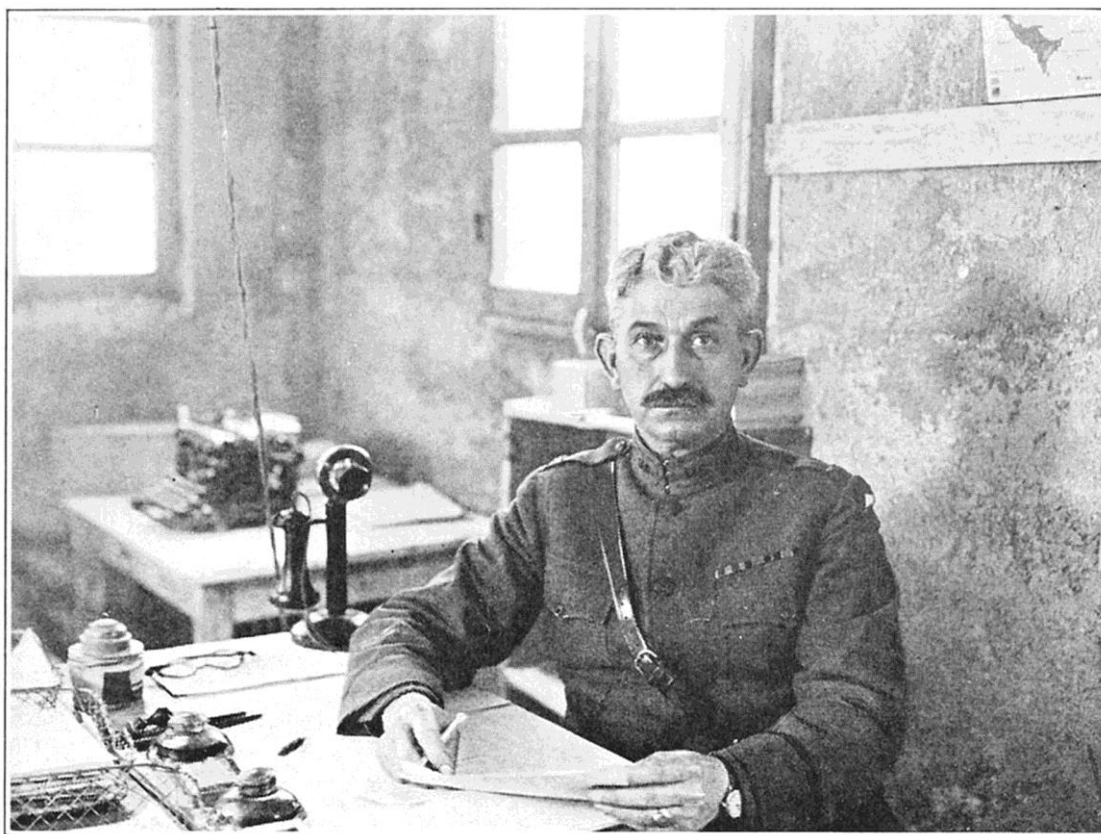


Фото Корпуса связи

ПОЛКОВНИК АЙРА Л. РИВЗ, ПРЕЗИДЕНТ УНИВЕРСИТЕТА БОНА

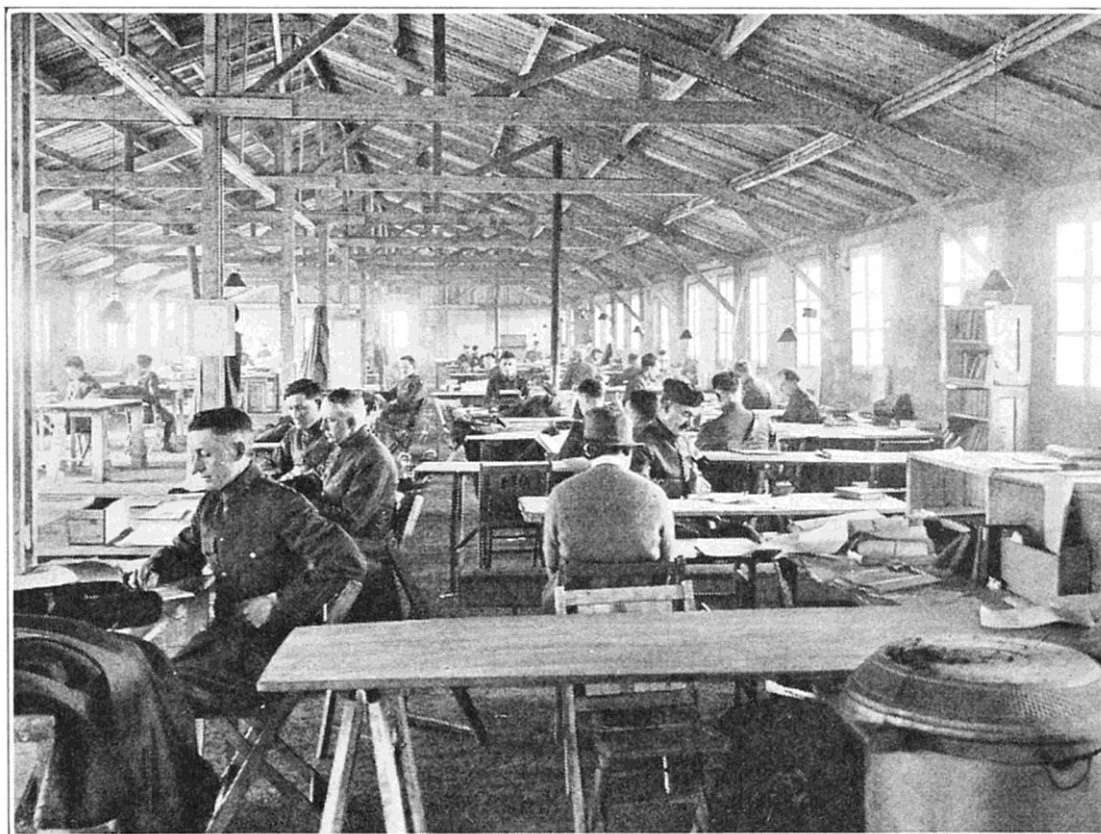


Фото Корпуса связи

СТУДЕНТЫ УНИВЕРСИТЕТА БОНА

Ничто так не способствовало благосостоянию военнослужащих Американских экспедиционных сил или их духу и морали, как "*Звезды и полосы*", служебная газета А. Е. Ф. Это уникальное дополнение к современной армии возникло в рядах, было написано, отредактировано и издано рядовыми, и до конца своего знаменитого существования оно в первую очередь и всегда было органом рядового состава с точкой зрения рядового состава. Ни у одной другой армии в Европе не было экспедиционной газеты, но маловероятно, что какая-либо великая американская армия будущего когда-либо будет без нее. Ценность *Звездно-полосатого флага* не подлежала сомнению.

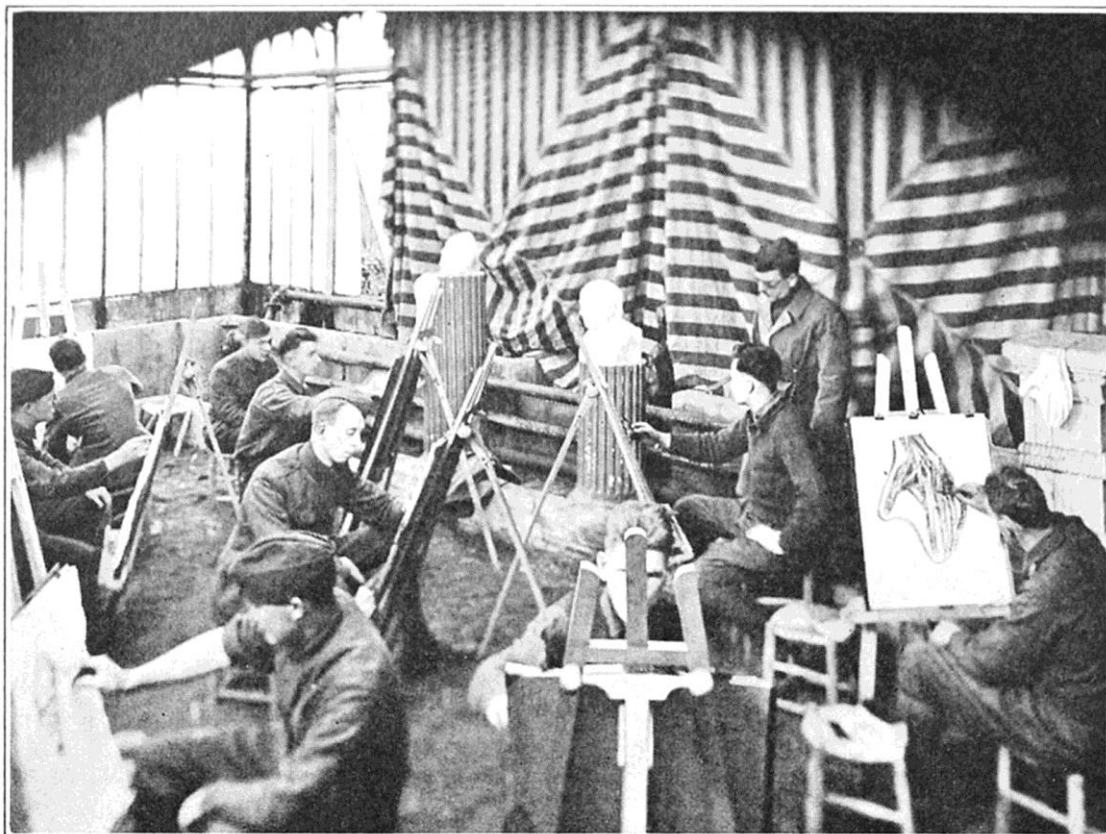
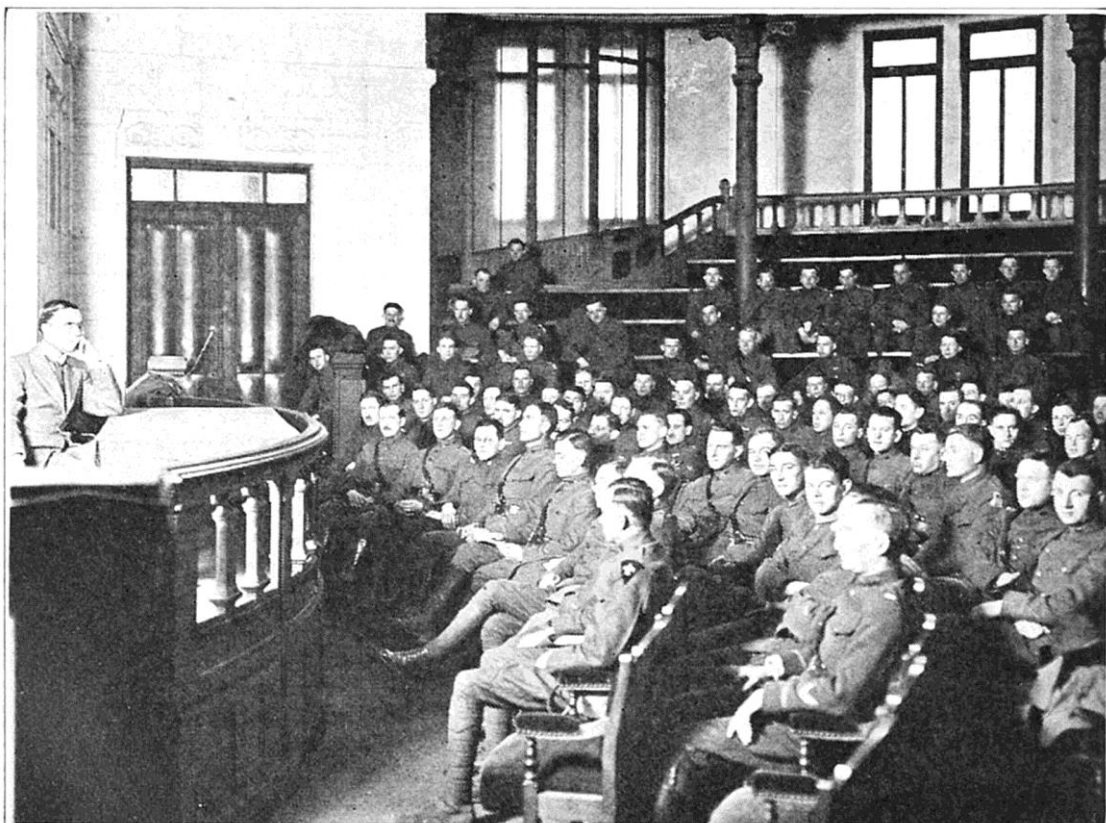


Фото Корпуса связи

СТУДЕНТЫ-ИСКУССТВОВЕДЫ В УЧЕБНОМ ЦЕНТРЕ А. Е. Ф., ПАРИЖ



СТУДЕНТЫ А. Е. Ф. ЛИОНСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Трое мужчин — рядовой Хадсон Хоули, полевой клерк Джеймс А. Бритт и капрал Джон Т. Винтерич — были основателями *Звездно-полосатого полка*. Все трое прошли подготовку по созданию газет — Винтерих был одним из редакторов Спрингфилдской *республиканской* газеты. Однажды зимним вечером в начале 1918 года в Невшато эти трое собрались, чтобы обсудить растущие американские экспедиционные силы и — подобно братству репортеров по всему миру — обсудить дела; и эти люди согласились, что главной потребностью экспедиции было агентство, которое могло бы установить контакт между различными американскими военными подразделениями во Франции, рассказать каждому, на что похожи расширяющиеся силы и что они пытаются сделать, и создать однородность и единство целей внутри экспедиции, чего не могло добиться никакое другое агентство — короче говоря, А.Е.Ф. нуждалась в газете. Идея была доведена до сведения генерала Першинга, который незамедлительно одобрил ее. Так *официально родились* Звездно-полосатые флаги.....

Первый номер был опубликован в Париже 8 февраля 1918 года, и с тех пор газета регулярно выходила каждую пятницу вплоть до 13 июня 1919 года, когда ее выпуск был прекращен, а редакция присоединилась к возвращению на родину. На пике своей популярности "*Звезды и полосы*" разошлись тиражом в 526 000 экземпляров, что было близко к разрешенному пределу в один экземпляр на каждых трех солдат экспедиции - ограничение, ставшее необходимым из-за нехватки бумаги в Европе. Все это было платным тиражом, полученным без прямого привлечения, за исключением рекламы, размещенной в самой газете. "*Звезды и полосы*" были напечатаны в парижском отделении лондонской *Daily Mail*. Общая чистая прибыль, полученная газетой, составила около 700 000 долларов, и эта сумма пошла на счет интендантского департамента. После перемирия коллекционеры в Америке осознали историческую ценность этого издания и предложили большие суммы за несколько сохраненных полных файлов.

Примерно к третьему выпуску "*Звезд и полос*" главным редактором стал рядовой Гарольд У. Росс, имевший большой опыт работы руководителем в редакциях газет Тихоокеанского побережья. Трое создателей газеты были в ее штате до самого конца. Сержант Александр Вулкотт, который до и после службы в армии был драматическим критиком "*Нью-Йорк Таймс*", стал боевым корреспондентом газеты. Его отчеты о боях, в которых участвовали американские войска, не превосходили отчетов ни одного армейского корреспондента. После перемирия сержант Джон В. Рикси Смит присоединился к штабу. Все эти имена стали хорошо известны членам А. Е. Ф. Не следует забывать и двух художников, К. Лероя Болдриджа и А. Б. Уоллгрена, обоих рядовых. Их работа над "*Звездами и полосами*" принесла им обоим славу и богатство. Последний, в роли "Уолли", своей причудливой бессмыслицей изобразил себя самой популярной фигурой в Американских экспедиционных войсках. Болдридж был обладателем тонкого таланта. Практически неизвестный в своей стране до войны, он вернулся после нее, чтобы занять свое место среди выдающихся американских иллюстраторов.

Эти и другие люди, связанные с публикацией, были официально организованы как подразделение А. Е. Ф., носящее название 1st Censor and Press Company. Ответственными офицерами были майор Марк Уотсон и капитан Стивен Т. Эрли, оба они имели опыт газетной работы.

Военные власти предоставили газете "*Звезды и полосы*" чрезвычайную редакционную свободу. Одно время газета предпринимала сатирические нападки на армейскую практику отгораживания рядовых от более привлекательных кафе и других мест сбора плакатом "Только для офицеров". Высокопоставленный генерал экспедиции был возмущен этой кампанией и отправил в редакцию безапелляционный приказ прекратить атаку. Редакция немедленно обратилась к генералу Першингу, который ответил письменным приказом о том, что не должно быть никакого вмешательства в редакционное руководство "*Звездно-полосатых*". С таким уставом *Stars and Stripes* беззаветно посвящали себя различным проектам на благо А. Е. Ф. и его персонала. Ее главным военным вкладом стала кампания "Берлин или взятие", предпринятая летом и осенью 1918 года. В ходе нее она направила свою энергию главным образом на повышение эффективности разгрузки в американских портах во Франции. Публично упоминая рабочие подразделения, добившиеся хороших результатов при разгрузке судов, газета создала среди стивидорных компаний дух соперничества, который оказал заметное влияние на эффективность работы портов. Газета побудила американские воинские подразделения во Франции "усыновить" в течение одного года более 3000 сирот погибших французских солдат, и многие из подразделений продолжили свою опеку после того, как вернулись в Америку. В ходе этой кампании "*Звезды и полосы*" собрали более 500 000 франков на нужды французских военных сирот, и большая часть этих денег была внесена солдатами в окопах. Газета также организовала отдел обслуживания, в котором ответила на более чем 500 000 запросов, поступивших от американских солдат. После перемирия она участвовала в образовательном проекте экспедиции.

Однако в этом томе нас не столько интересуют мероприятия по обеспечению благосостояния в армии, сколько те, которые непосредственно связаны с трудным делом демобилизации войск без потрясений для экономической организации страны. Мероприятия по оказанию помощи солдатам, непосредственно связанные с демобилизацией, были двух видов — те, которые оказывали помощь больным и раненым, и те, которые помогали трудоспособным.

Для офицеров и рядовых Медицинского корпуса в этой стране перемирие означало лишь увеличение объема работы. Таким образом, как и в других военных ведомствах, *личный состав* которых после перемирия не видел ближайших перспектив увольнения, в Медицинском департаменте произошло резкое падение боевого духа корпуса. Многие офицеры и рядовые попытались сразу же уйти, и некоторым из них это удалось, но по большей части их удерживали в форме; и позже, когда солдаты поняли, насколько сильно были необходимы их услуги и какое благо они приносили, они успокоились и работали с воодушевлением, пока в корпусе не установился постоянный мир.

В то время как армия расширялась, наиболее заметной работой Медицинского корпуса в этой стране было обследование мужчин, которые стремились попасть в тренировочные лагеря, отделяя физически пригодных от непригодных. Уход за военными пациентами не стал преобладающей медицинской деятельностью в Соединенных Штатах до конца лета 1918 года, когда одновременно с этим ВВС начали отправлять домой первые партии раненых, а тренировочные лагеря охватила эпидемия гриппа. Тем временем забота об инвалидах войны приобрела новое значение для американских военно-медицинских властей. В прежних войнах, как только больной или раненый набирался достаточно сил, чтобы путешествовать, его обычно отправляли домой, чтобы он сам, если сможет, восстановил свое здоровье. Летом 1918 года Военное министерство приняло политику не увольнять со службы мужчин-инвалидов до тех пор, пока они не будут настолько физически реабилитированы, насколько

это было возможно медицинской науке; и даже тогда пациент не был брошен на произвол судьбы, а мог обратиться за услугами других правительственных учреждений для специализированного лечения и перевоспитания, которые должны были позволить ему занять место в гражданской жизни, по крайней мере, столь же полезное, как то, которое он оставил, чтобы поступить на военную службу. Эта политика оказала заметное влияние на структуру механизма, который проводил демобилизацию армии. Это привело не только к поддержанию Медицинского корпуса, оборудования и *персонала* в боевом состоянии в течение многих месяцев после перемирия, но и к созданию в правительстве новых крупных агентств для реализации благотворных целей правительства по отношению к бывшим военным служащим.

В день перемирия в больницах А. Е.Ф. во Франции находилось 200 000 пациентов. Сразу же было понято, что наилучшие интересы этих людей требовали их скорейшего возвращения в Соединенные Штаты, поскольку нигде больше они не могли получить наиболее надежного лечения для восстановления своего полного здоровья. Медицинский корпус дома был готов принять их. В течение нескольких месяцев оно строило по всей территории Соединенных Штатов огромную сеть специализированных больниц в ожидании получения списка тяжелых американских раненых во Франции.

Многие из 200 000 госпитализированных членов А. Е.Ф. выздоровели вовремя, чтобы снова пересечь океан в составе регулярных воинских частей, но более половины из них вернулись как пациенты, нуждающиеся в более или менее длительном лечении в военных госпиталях этой страны. Политика Франции заключалась в том, чтобы перевозить этих людей либо в машинах скорой помощи, либо в санитарных поездах из внутренних госпиталей в больницы вблизи портов отправки. Там их разместили на борту специальных судов-госпиталей или предоставили помещения на обычных судах. Практически все они высадились либо в Нью-Йорке, либо в Ньюпорт-Ньюс. Нью-Йорк мог бы принять 24 000 пациентов одновременно в своих обычных и специальных госпиталях для высадки. В двух обычных госпиталях для высадки в Нью-Йорке — один расположен в Гринхут Билдинг, а другой в Гранд Сентрал Палас — в каждом было более 3000 коек для пациентов, и, кроме того, армия могла в экстренной ситуации задействовать еще тринадцать больниц в Нью-Йорке. В Ньюпорт-Ньюс имелось штатное и аварийное оборудование на 10 000 больничных коек для прибывающих из-за рубежа пациентов.

Портовые госпитальные катера и машины скорой помощи доставляли пациентов с кораблей в госпитали для высадки. Там их классифицировали в соответствии с видом лечения, в котором они нуждались. Существовало восемьдесят внутренних госпиталей, которые принимали пациентов из-за рубежа. Политика армии заключалась в том, чтобы отправлять пациентов, когда это практически возможно, в больницы, ближайšie к их домам. При распределении пациентов из портов во внутренние больницы Медицинский корпус эксплуатировал четыре санитарных поезда — три из Хобокена и один из Ньюпорт-Ньюс - и двадцать единичных вагонов, один из которых, прицепленный к поезду из обычных спальных вагонов Pullman или tourist, позволял такому поезду служить передвижным госпиталем. Каждый из обычных больничных поездов состоял из семи больничных вагонов и с комфортом перевозил 141 пациента и 31 врача, медсестер и санитаров. Вагоны отделения были оборудованы диетическими кухнями, в которых можно было приготовить пищу, достаточную для 250 пациентов. С помощью этого оборудования до конца 1919 года было обработано 139 000 зарубежных пациентов, и из них 103 000 въехали в страну через порт Нью-Йорка. В первую годовщину перемирия тридцать шесть из восьмидесяти больниц

общего профиля были закрыты, что свидетельствует о темпах выздоровления среди военных пациентов.

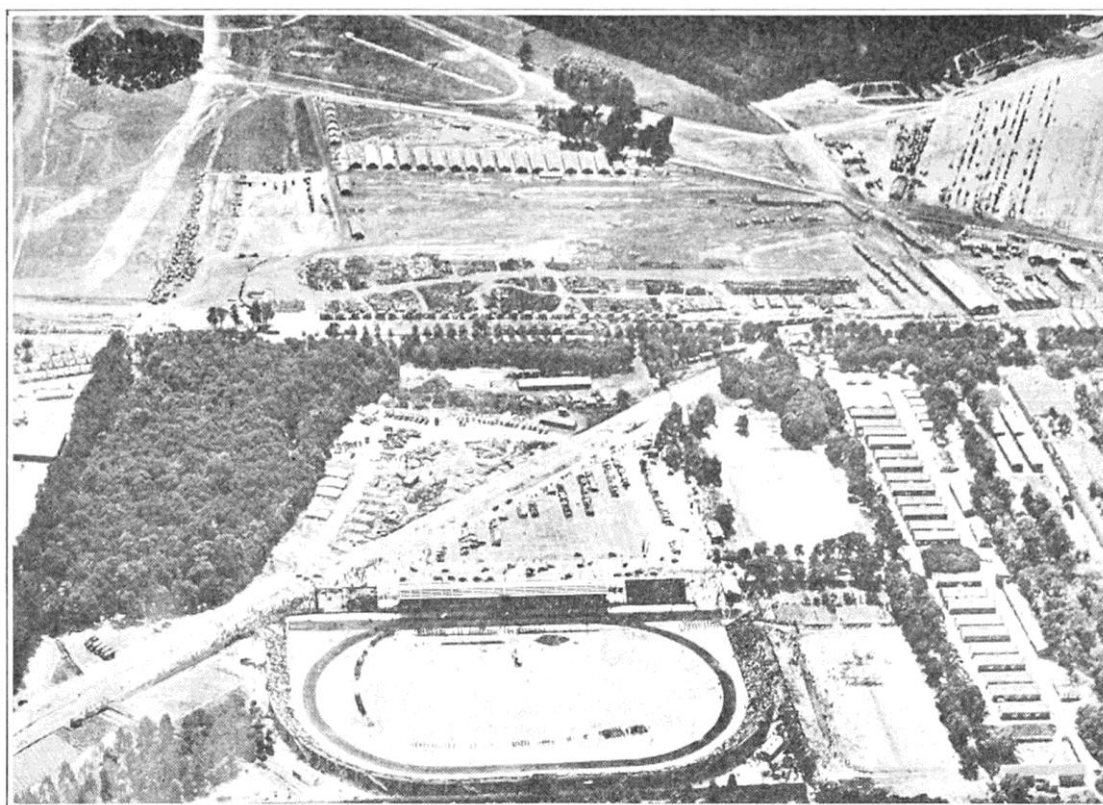


Фото из инженерного отдела

ВИД СТАДИОНА "ПЕРШИНГ" С ВОЗДУХА, ПАРИЖ



АМЕРИКАНСКИЕ СОЛДАТЫ В ГРЕНОБЛЬСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

При лечении пациентов в военных госпиталях Медицинское управление армии вышло за рамки чистой хирургии и медикаментозного лечения, чтобы при необходимости восстановить физическое и психическое состояние мужчин, оставшихся инвалидами войны. С этой целью он расширил свой Санитарный корпус, включив в него специалистов по физической реабилитации и профессиональной реабилитации. План разрешал принимать на работу в Корпус гражданских женщин, которые, надев принятую для них отличительную синюю форму, были известны как помощницы по восстановлению. Эти женщины были квалифицированы в двух областях терапии — трудотерапии (обучение инвалидов новым профессиям в качестве лечебной меры) и физиотерапии (включая различного рода ванны, массаж, тепловые и электрические процедуры, а также гимнастику). Большинство больниц общего профиля были оборудованы мастерскими, спортивными залами, отделениями физиотерапии и учебными корпусами. В больницах общего профиля была открыта система начальной школы, и несколько тысяч неграмотных пациентов были обучены чтению и письму во время выздоровления. В каждой больнице общего профиля, участвующей в реконструкции, проводились организованные развлекательные мероприятия. Подвижные игры, подготовительные упражнения и другие гимнастические упражнения, военные учения и всевозможные организованные игры соперничали с концертами, спектаклями, боксерскими поединками и другими развлечениями для выздоравливающих. Одной из важных работ физиотерапевтов было обучение мужчин с ампутированными конечностями тому, как одеваться, кормиться и иным образом ухаживать за собой, а также как пользоваться протезами ног или рук, которые поставляло им правительство. Девятнадцать бывших тренировочных лагерей были преобразованы в реабилитационные центры, находящиеся в ведении Медицинского департамента. В эти места госпитали общего профиля отправили 50 000 выздоравливающих солдат, чтобы они окончательно закалились благодаря лечебной работе и развлечениям для возвращения к гражданской жизни.



Фото Корпуса связи

СОЛДАТЫ А. Е. Ф. В РОЛИ КОМИКОВ



Фото Корпуса связи

СУДЕЙСТВО КОМЕДИЙНОЙ ЛОШАДИ На 4-М АРМЕЙСКОМ КОННОМ ШОУ

После того, как пациенты были окончательно уволены из армии и из армейских госпиталей, правительство ни в коем случае не умыло от них рук. Конгресс учредил три новых крупных федеральных агентства, заботящихся о благополучии уволенных солдат. Одним из них было Бюро страхования военных рисков, которое, помимо предложения недорогих стандартных полисов страхования жизни всем бывшим военнослужащим, определяло, предоставляло и выплачивало ежемесячные пособия, выдаваемые правительством всем американцам, ставшим инвалидами из-за службы в военной форме во время Мировой войны. Затем Конгресс также значительно расширил функции старой Службы общественного здравоохранения, возложив на нее ответственность за медицинское обслуживание всех бывших военнослужащих, уволенных из армии или флота и из военных госпиталей, но все еще нуждающихся во внимании из-за инвалидности, полученной во время войны. Наконец, Конгресс учредил законом Федеральный совет по профессиональному образованию - акт, который превзошел по благодарности и щедрости все, что американское правительство когда-либо прежде предлагало инвалидам войны.

После того, как Служба общественного здравоохранения начала расширять свои учреждения по уходу за ветеранами-инвалидами, Медицинский департамент принял политику быстрой выписки своих пациентов и передачи их Службе общественного здравоохранения. Таким образом лечились не только те две категории жертв войны, которые нуждались в длительном медицинском лечении — психические и нервные больные и те, кто страдал туберкулезом, но и мужчины, все еще страдающие от ран, которым иногда требовались серьезные операции и длительные периоды выздоровления, после чего были уволены из армии и переданы в ведение Государственной службы здравоохранения. Непосредственным результатом такого перевода было предоставление солдату-инвалиду права на получение от правительства пособия по инвалидности, которое могло быть выплачено только после увольнения мужчины с военной службы, и это часто позволяло ему получить медицинскую помощь поблизости от его собственного дома. Другим важным результатом стало то, что в течение 1920 года, хотя тысячи жертв войны все еще нуждались в постоянной медицинской помощи, Медицинская служба армии быстро сократилась до довоенных масштабов, с последующим расширением подразделения Службы общественного здравоохранения, которое занималось ветеранами-инвалидами.

В армии было не так много случаев туберкулеза, как ожидали медицинские власти. В ожидании широкой распространенности заболевания, вызванной суровостью полевых условий во Франции, Медицинский корпус открыл девять туберкулезных больниц в Соединенных Штатах. Впоследствии, хотя 100 000 из 4 000 000 человек были отправлены в больницы с подозрением на туберкулез, положительный диагноз туберкулеза легких был подтвержден менее чем в 15 000 случаях. В результате армия ни разу не использовала более семи своих туберкулезных больниц, а после того, как она приняла политику выписки больных туберкулезом по справкам об инвалидности, она содержала только две из этих больниц. Недовольство и тоска по дому являются сдерживающими факторами на пути излечения туберкулеза, и Медицинский корпус, как правило, разрешал больным этим заболеванием самостоятельно продолжать лечение дома в соответствии с инструкциями или обращаться в больницы и санатории Государственной службы здравоохранения рядом с их собственными домами.

Другим классом бывших военнослужащих-инвалидов, нуждавшихся в длительном медицинском лечении, были нервные и психические больные. Такие жертвы были переданы

Государственной службе здравоохранения, и они составили самую большую категорию случаев, которыми это ведомство занималось после перемирия.

После увольнения со Службы инвалидов автоматически получал право на профессиональную реабилитацию под руководством Федерального совета по профессиональному образованию. Единственными четырьмя условиями было то, что мужчина должен был быть с честью уволен после 7 апреля 1917 года, что у него должна быть инвалидность, полученная в результате военной службы, усугубленная ею или связанная с ней, что инвалидность должна быть, по мнению Федерального совета, для него фактическим профессиональным недостатком, и, наконец, что профессиональное обучение было для него осуществимым. Другими словами — чтобы прояснить последнее условие — Профессиональный совет не стал бы обучать сумасшедших или проводить обучение любого рода, выходящее за рамки умственных способностей человека. Однако в рамках этих необходимых ограничений практически не было предела, до которого Федеральный совет не мог бы прийти. Большинство его бенефициаров, конечно, проходили подготовку по чисто механическим специальностям в цехах и на фабриках; но Правление могло посылать и посылало людей в колледжи и даже в аспирантуры университетов. Цель Совета директоров состояла не только в том, чтобы путем тренировок преодолеть физические недостатки спортсмена, но и в том, чтобы продвигать его вперед в тренировках до тех пор, пока этого требует его прогресс и менталитет. Не один ветеран войны обнаружил, что его инвалидность открыла перед ним возможности для получения образования, которые в противном случае никогда бы ему не представились. Правление располагало средствами для оплаты не только обучения, учебников и непредвиденных расходов, но и для содержания студента и его семьи, если таковая у него была, во время обучения. В зависимости от количества лиц, находящихся на иждивении студента, Правление было уполномочено оплачивать содержание в размере до 150 долларов в месяц. Сначала мужчины-инвалиды не спешили подавать заявления на профессиональное обучение; но, как только они поняли преимущества, которые были у них для просящих, возникло большое желание воспользоваться возможностями, которые таким образом свободно предоставлялись правительством.

Эти три реабилитационные службы, хотя и были взаимозависимы в своей деятельности, были независимы друг от друга в управлении и контроле. Служба общественного здравоохранения провела медицинское обследование, на основании которого Бюро военных рисков оценило мужчин для получения пособий по инвалидности. Бюро военного риска сертифицировало мужчин в Службе общественного здравоохранения для получения медицинской помощи, а для профессиональной подготовки - в Федеральном совете по профессиональному образованию. Мужчина не мог законно получать пособие по инвалидности от Бюро военных рисков, в то время как получал пособие на содержание обучения от Федерального совета. Таким образом, фактически управляя тремя филиалами в рамках единого основного предприятия по уходу за мужчинами, ставшими инвалидами войны, три федеральных агентства были независимы в своем исполнительном управлении. Это аномальное устройство привело к таким огорчительным задержкам и вызвало такое сильное недовольство среди бывших военнослужащих, что весной 1921 года, в основном по настоянию Американского легиона, собственной организации ветеранов, три службы были объединены под единым руководством.

Волнения, которые привели к объединению трех служб социального обеспечения, несомненно, создали у многих впечатление, что правительство пренебрегло бывшими военнослужащими. Ничто не могло быть дальше от истины. Жалоба была направлена не против щедрости правительства, а против метода осуществления этой щедрости. Бывшему

военнослужащему часто было трудно получить льготы, которые предоставил ему Конгресс. Щедрость рук Конгресса проявляется в том факте, что до настоящего времени (июнь 1921 г.) его ассигнования денег бывшим военнослужащим составили в сумме около 800 000 000 долларов. Это больше денег, чем правительство выделяло ветеранам Гражданской войны в течение первых тридцати лет после завершения этого конфликта. Ассигнования на сегодняшний день включают деньги на физическую и профессиональную реабилитацию инвалидов-ветеранов мировой войны, на выплаты по случаю смерти, выплачиваемые Бюро страхования от военных рисков, и на пособия, выплачиваемые Бюро по военным рискам бывшим солдатам-инвалидам, но они не включают премию в размере шестидесяти долларов, выплаченную всем бывшим военнослужащим в 1919 году. Эта премия составила около 200 000 000 долларов из государственных средств. Таким образом, в общей сложности правительство либо выплатило, либо обязало себя выплатить около миллиарда долларов в пользу людей, служивших в американских вооруженных силах во время мировой войны.

Вот и весь уход за ранеными и другими инвалидами после перемирия. Другой важный этап социальной работы в армии после перемирия касался трудоспособных солдат; и, конкретно, это означало получение для них работы. Военное министерство не считало солдата полностью демобилизованным до тех пор, пока он снова не был переведен на гражданскую работу. Министерство не могло осуществлять никакой власти над ветераном после того, как он получил увольнение, но оно могло проявлять и проявляло дружескую заботу о его экономическом будущем. Поэтому Военное министерство возглавило общенациональное движение под лозунгом "Рабочие места для солдат" - и это означало, что рабочие места для примерно 4 000 000 человек внезапно оказались выброшены на рынок труда как раз в то время, когда промышленность переживала критический переход от войны к миру.

При демобилизации военнослужащих Военное министерство проводило политику, диаметрально противоположную британской политике увольнения солдат по профессиям, поскольку они были необходимы в промышленности. С нашей огромной и разнообразной промышленностью у нас было все в нашу пользу, чтобы добиться успеха промышленного плана демобилизации войск; но, тем не менее, Военное министерство остановилось на сомнительной политике увольнения войск воинскими частями, независимо от эффекта, который такая политика могла оказать на общие условия в промышленности. Как бы то ни было, Соединенные Штаты столкнулись с экономическим кризисом при переходе своей военной промышленности, и наводнение страны безработными бывшими солдатами лишь усугубило трудности тех, кто пытался благополучно провести перестройку промышленности. Позже Военное министерство изменило свою политику, предусмотрев, что любой солдат, столкнувшийся с безработицей после увольнения, может, по его собственному желанию, оставаться на службе в течение разумного времени, пока он пытается найти себе работу на гражданке, и что, с другой стороны, если работа ждет любого человека, еще не стоящего в очереди на немедленное увольнение, такой человек может, представив надлежащие доказательства того, что на его услуги есть гражданский спрос, получить увольнение немедленно. Департамент разрешал сотрудникам брать тридцатидневные оплачиваемые отпуска, пока они искали работу.

Существовала, конечно, опасность того, что массовый приток бывших солдат в промышленную сферу, уже жалующуюся на избыток рабочей силы, ускорит деловой кризис; однако казалось несомненным, что мудрое руководство внутренними делами страны могло бы предотвратить такое бедствие. Миру не хватало почти всего, что потребляет человек, и казалось очевидным, что потребуется несколько лет активного производства во всех областях, чтобы нарастить запасы, растраченные войной, и промышленно удовлетворить

потребности населения-потребителя. Короче говоря, было очевидно, что работы хватит для всех, если бизнес не впадет в истерику перед лицом трудного переходного периода. Роль, которую должно было сыграть правительство, заключалась в том, чтобы умело направить военную промышленность на достижение мира и в то же время взять на себя инициативу со своими собственными агентствами по внедрению демобилизованных военнослужащих в ряды торговли и промышленности.

К счастью, для этой последней цели у правительства было под рукой агентство - Служба занятости Соединенных Штатов, филиал Министерства труда. Война увеличила эту организацию до огромных размеров и сделала ее полезной. Ее филиалы охватывали Соединенные Штаты. До перемирия она сыграла важную роль в укомплектовании кадрами некоторых наиболее важных предприятий военной промышленности, особенно новых верфей и государственных пороховых заводов. Это агентство было бы компетентно само по себе обеспечить трудоустройство всех уволенных солдат, если бы не то обстоятельство, что весной 1919 года к власти пришел Конгресс с политической окраской, противоположной политической окраске администрации. Этот Конгресс сразу же принял программу экономии, но это была ложная экономия в той степени (которая была значительной), что она произвольно урезала ассигнования, необходимые для важных проектов. Служба занятости Соединенных Штатов получила скудные 5 000 000 долларов для финансирования работы по обеспечению гражданской работой 4 000 000 человек, тогда как вдвое большая сумма не была бы чрезмерной. Результатом стало то, что на этой финальной сцене войны правительство было вынуждено обратиться за внешней и добровольной помощью в проведении важных военных действий.

В этот момент в прорыв вмешался полуправительственный Совет национальной обороны. Лишенный большей части своих чисто производственных функций, Совет национальной обороны превратился в значительной степени в орган, консолидирующий и направляющий все добровольные гражданские усилия по оказанию помощи правительству в его проблемах войны и демобилизации. Была создана оперативная служба, охватывающая все Соединенные Штаты, состоящая в основном из государственных и местных советов национальной обороны. Между тем, поскольку расширение Службы занятости Соединенных Штатов было ограничено нехваткой денег, военный министр планировал использовать часть чрезвычайных военных фондов в проекте трудоустройства солдат и вызвал в Вашингтон полковника Артура Вудса, бывшего комиссара полиции Нью-Йорка, назначив его помощником военного министра, отвечающим за всю деятельность военного министерства по восстановлению военнослужащих в гражданской жизни. Директор Совета национальной обороны создал в марте 1919 года свой чрезвычайный комитет по трудоустройству солдат и матросов с полковником Вудсом в качестве председателя. Членство в комитете объединило Службу занятости Соединенных Штатов и другие заинтересованные правительственные органы в чрезвычайную организацию, которой командовал полковник Вудс. Комитет также связался со всеми государственными и муниципальными агентствами занятости, обществами социального обеспечения по всему миру, которые принимали участие в решении проблемы занятости, а также с тысячами общественных советов национальной обороны. Таким образом, за короткое время была создана довольно эффективная служба занятости национального масштаба.

Успех проекта не вызывал сомнений. Так называемые бюро для уволенных солдат, матросов и морских пехотинцев были созданы практически в каждом населенном пункте Соединенных Штатов. Поскольку работа была в значительной степени добровольной, строгой системы отчетов так и не было введено в действие, но данные по 500 основным городам и поселкам

Америки показали, что к концу 1919 года 1 326 000 уволенных военнослужащих обратились в агентства по трудоустройству, и более 927 000 были трудоустроены организацией. Общий опрос, проведенный осенью 1919 года, выявил, что без работы остались только около 20 000 бывших военнослужащих.

Члены А. Е.Ф. вступили в контакт с правительственной организацией по трудоустройству, прежде чем покинуть иностранную территорию. Служба занятости Соединенных Штатов направила нескольких представителей во Францию вскоре после перемирия. Эти передовые агенты имели при себе карточки, которые раздавались войскам экспедиции по прибытии в порты посадки во Франции. Вместе с карточками прилагались заверения правительства в том, что оно приложит все усилия, чтобы вернуть каждому солдату полезное место в гражданской жизни. Любому солдату, желавшему воспользоваться этими добрыми услугами, было поручено по пути домой заполнить карточку, указав свою квалификацию, какого рода работу он желает получить и где он хотел бы работать. Сотни тысяч таких карточек были собраны федеральными агентами по трудоустройству в портах высадки в этой стране. Карточки были отсортированы и отправлены в соответствующие местные бюро по трудоустройству по всей территории Соединенных Штатов. Тысячи мужчин были наняты на работу еще до того, как их уволили. Тот факт, что их ждала работа, несомненно, помог предотвратить скопление безработных военнослужащих в городах после того, как их уволили из центров демобилизации.

Солдат-иностранец служил своей стране за доллар в день, в то время как другие оставались дома на взрывозащищенных работах и получали самую высокую зарплату, когда-либо выплачиваемую в Америке. Вернувшийся ветеран часто чувствовал, и чувствовал справедливо, что теперь его очередь пожинать некоторые финансовые плоды. Путешествия расширили кругозор этих мальчиков; суровый опыт войны отрезвил их и часто подстегнул их амбиции. Таких мужчин не устраивало возвращение к работе, которую они оставили в 1917 и 1918 годах. Они требовали чего-то лучшего и часто получали это, потому что работодатели были склонны принимать их точку зрения. События также оправдали такое отношение, о чем свидетельствуют сотни писем, полученных бюро по трудоустройству от довольных работодателей, которые писали, что демобилизованные солдаты были лучшими и более амбициозными работниками благодаря своему военному опыту.

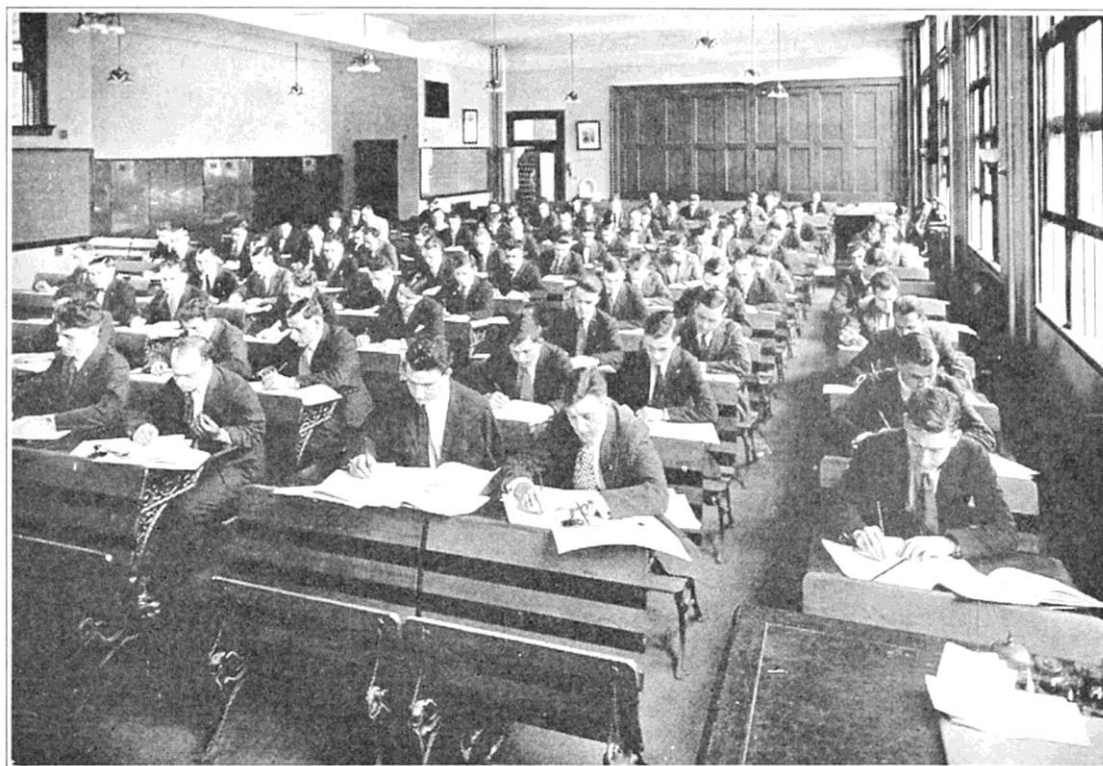


Фото Федерального совета по профессиональному образованию
ВETERАНЫ-ИНВАЛИДЫ, ПРОХОДЯЩИЕ ФЕДЕРАЛЬНУЮ ПОДГОТОВКУ



Фото Корпуса связи
РЕДАКЦИОННАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ STARS AND STRIPES

Успех кампании по повторному развертыванию был в значительной степени достигнут благодаря рекламе. Реклама была направлена как на солдата, так и на работодателя. Для общения с солдатом одним из самых ценных средств оказалась брошюра под названием "Куда нам идти дальше?", написанная майором Уильямом Брауном Мелони. Эта брошюра была наполнена хорошими советами для демобилизованного солдата. Это учитывало его неуемные амбиции, но показывало, насколько невозможно для каждого человека получить желаемое место в гражданской жизни, и поэтому побуждало каждого человека браться за ту работу, которую он может получить, и извлекать из нее максимум пользы. Общественная служба Военного лагеря напечатала и распространила 3 000 000 экземпляров этой брошюры.

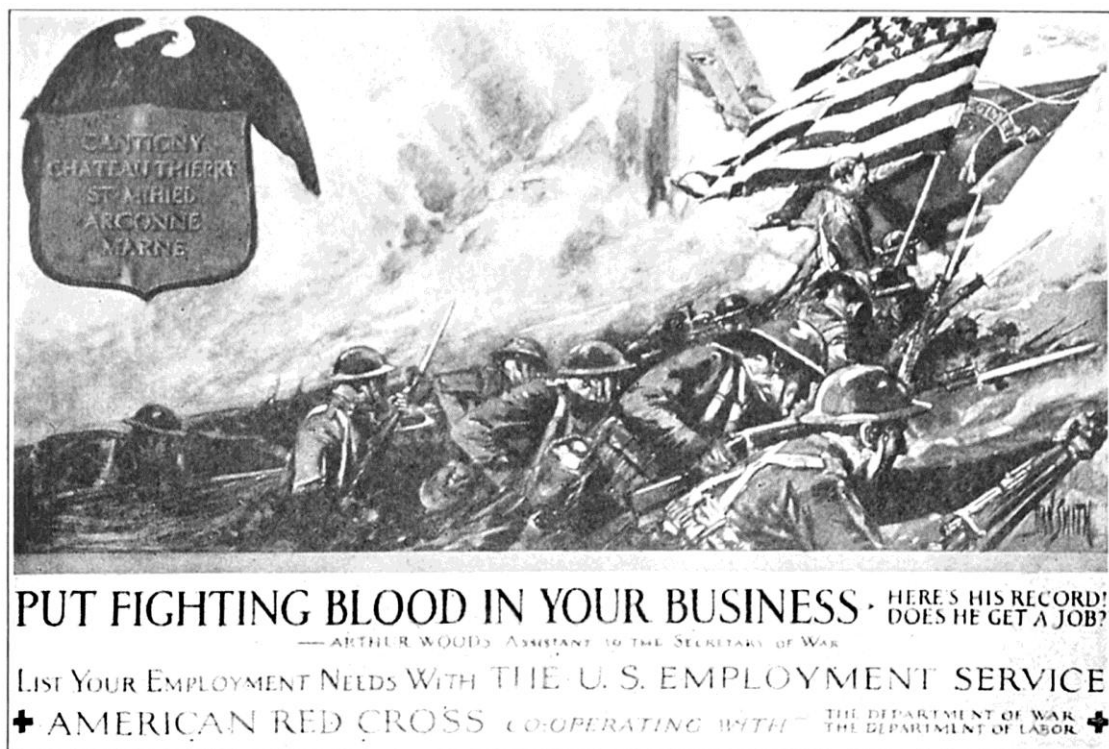


Фото Корпуса связи

ПЛАКАТ, ИСПОЛЬЗОВАННЫЙ В КАМПАНИИ ПО ПОВТОРНОМУ РАЗВЕРТЫВАНИЮ

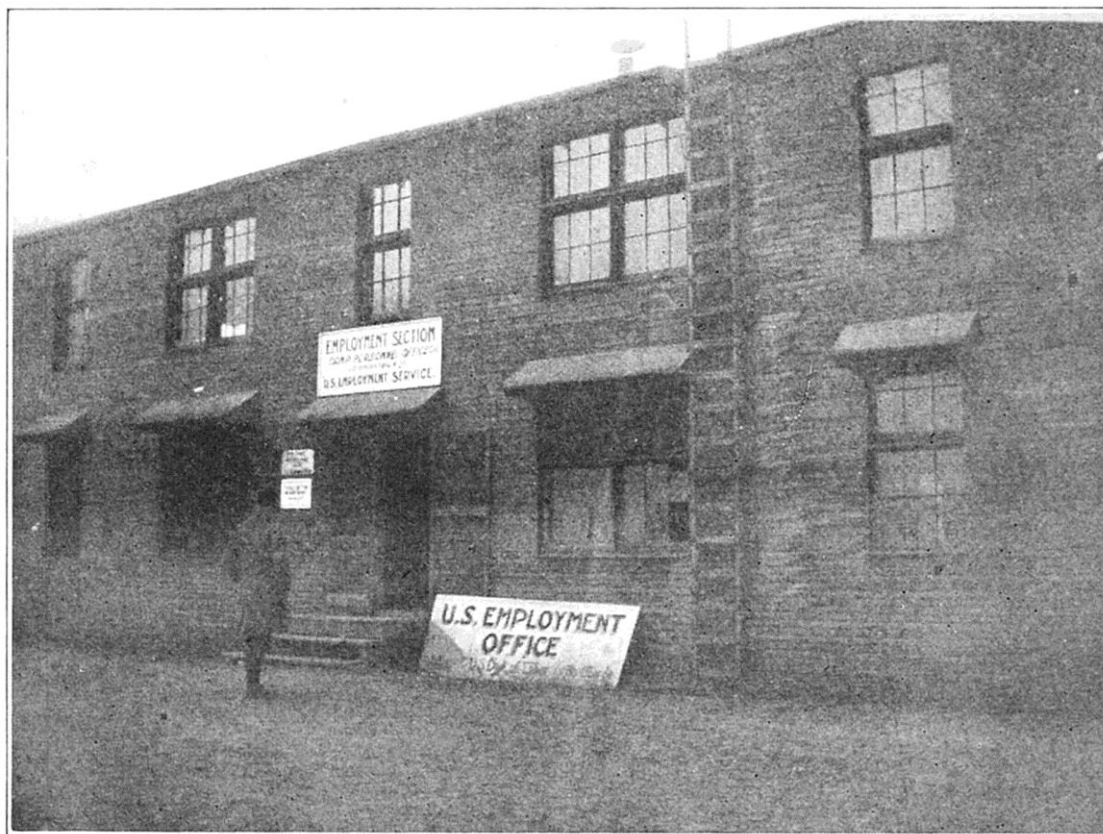


Фото Феликса Дж. Коха

БЮРО ПО ТРУДОУСТРОЙСТВУ В КЭМП - ШЕРМАН

Американский Красный Крест выступил спонсором плаката художника Дэна Смита, обращенного к работодателям со слоганом: “Привнесите боевую кровь в свой бизнес!” Шеренга янки в шлемах наискось под щитом, на котором были начертаны названия основных сражений, в которых участвовали ВВС; под этим строчки: “Вот его послужной список. Он устраивается на работу?” — таков был показ.

Всевозможные издания, кинотеатры, священники на своих кафедрах и школьные учителя в своих классах объединились в попытке заставить все Соединенные Штаты задуматься о своих обязательствах перед возвращающимися войсками. Военное министерство предоставило так называемую льготу работодателям, которые согласились принять обратно всех своих бывших сотрудников, вступивших в Армию или военно-морской флот. Ведущие деловые организации страны работали со своими членами над тем, чтобы обеспечить полное трудоустройство бывших военнослужащих. Тщательность этой работы в значительной степени определяет ее успех.

В то же время Военное министерство представляло собой агентство по трудоустройству для размещения солдат с технической подготовкой на лучших должностях, которые могли быть для них получены. Такие солдаты обычно были офицерами. Департамент попросил этих людей прислать в Вашингтон заявления об их квалификации и пожеланиях относительно трудоустройства. Затем Департамент распространил информацию примерно о 25 000 коммерческих фирмах Соединенных Штатов относительно их потребностей в мужчинах с технической подготовкой. С помощью этого метода около 8000 человек были назначены на ответственные должности с хорошей зарплатой.

Организация по трудоустройству столкнулась со злоупотреблением армейской формой, которое было особенно вопиющим в первые несколько месяцев после перемирия, и преодолела его. На улицах большинства крупных городов были люди в форме с красными шевронами, указывающими на их почетное увольнение со службы, которые продавали дешевые или ничего не стоящие вещи или попрошайничали напрямую. Возможно, в первые недели зимы 1918-1919 годов этому было какое-то оправдание; но по мере того, как промышленность восстанавливалась и возрождалась, для каждого бывшего военнослужащего, желавшего получить респектабельную работу, появилась возможность получить ее. Уличное домогательство, однако, было весьма прибыльным занятием, и многие профессиональные попрошайки и шулеры, которые вообще никогда не были на Службе, раздобыли форму и выдавали себя за уволенных солдат. Американский легион начал кампанию против этих людей, призывая общественность не давать им денег. Силы повторного развертывания убедили местные власти отказать мужчинам в форме в выдаче лицензий на торговлю вразнос. Таким образом, через несколько месяцев зло было в значительной степени искоренено.

Даже гарантия немедленного получения работы и другие официальные стимулы, которые делали дорогу домой путем наименьшего сопротивления, не всегда могли побудить демобилизованного солдата отправиться домой напрямую, особенно если он покидал демобилизационный лагерь с карманами, полными денег. Вокруг некоторых демобилизационных центров орудовали банды воров и преступников, которые, уклонившись от военной службы, теперь, во время демобилизации, носили армейскую форму и выдавали себя за демобилизованных солдат, чтобы охотиться на бывших военнослужащих. Если солдат, покидающий лагерь, прислушивался к их братскому "Привет, приятель!" и присоединялся к ним, позже он обычно оказывался обобранным до последнего пенни. Чтобы компенсировать это зло, Американский Красный Крест создал сеть солдатских банков в основных центрах демобилизации. В этих банках демобилизованные мужчины могли вносить свои деньги, получая их чеком по возвращении домой. Сумма депозитов в лагерных банках превысила 4 000 000 долларов.

Только в одном отношении кампания по повторному развертыванию оказалась неудачной. Военное министерство надеялось использовать демобилизацию войск как некоторую компенсацию неуклонного оттока населения с американских ферм в города. Преследуя эту цель, правительство распространило среди военнослужащих в центрах демобилизации почти 1 000 000 экземпляров брошюры, озаглавленной *"Вперед, на ферму!" Почему бы и нет?* Тем не менее, хотя большинство деревенских парней, служивших в армии, были готовы вернуться на фермы, правительство не могло убедить городских жителей вернуться к сельской жизни. Однако примечательно, что в июне 1919 года, когда урожай пшеницы в Канзасе оказался под угрозой из-за нехватки рабочей силы для сбора урожая, организация по повторному трудоустройству смогла отправить почти 50 000 бывших военнослужащих в канзасскую пшеничную страну во время сбора урожая с зарплатой от 5 до 7 долларов в день, включая проживание и питание.

ГЛАВА VIII

ВОЕННЫЕ КОНТРАКТЫ

Из всех деловых мероприятий американского правительства во время Мировой войны ни одно не вызывало у деловых людей Америки большего интереса или озабоченности, чем выполнение правительством своей функции заключения контрактов с промышленностью на производство и доставку военных припасов. Нет особой опасности придавать слишком большое значение военному контракту. После объявления войны правительство быстро приобрело беспрецедентную власть над бизнесом, пока в тяжелые продуктивные месяцы 1918 года оно не заняло верховное положение. Совет военной промышленности фактически реквизирует все важные сырьевые материалы и распределял их по фиксированным ценам. Правительство стало единственным торговцем шерстью; оно строго регулировало цены и определяло приоритеты в использовании таких товаров, как медь и сталь; через Управление по топливу Соединенных Штатов оно полностью контролировало производство, распределение и использование топлива; и его положение было столь же монопольным по отношению ко всем другим важным основным материалам. Из рабочей силы, оборудования и процессов, которые обычно превращали эти материалы в товары американской торговли, правительство стало почти единственным работодателем; только теперь оно вплело эти средства, промышленные средства крупнейшей из промышленно развитых стран, в сложную структуру арсенала. Машиностроение для частных предприятий почти исчезло. В день перемирия заводы Соединенных Штатов работали практически как единое целое по производству боеприпасов. В то время как Военно-морской флот, Совет по судоходству Соединенных Штатов и военные миссии основных союзников также осуществляли обширные военно-промышленные проекты в Америке, только Военное министерство заключило около 30 000 контрактов непосредственно со строителями и производителями, эти контракты по их завершении обязывали правительство выплатить сумму, превышающую 7 500 000 000 долларов. Из этого производства менее половины (если пересчитать его в денежном выражении) было завершено в день перемирия.

Отсюда следует, что инструмент, который руководил всеми этими усилиями и привел их в движение, — военный контракт, — должно быть, был чрезвычайно важен для Америки. 30 000 контрактов военного министерства, как совокупность, сами по себе составляли хартию, в соответствии с которой преобладающая часть американской промышленности существовала почти два года. По мере того, как мудрость или неразумие казалось прописанным в положениях военных контрактов, дела шли хорошо или плохо не только у половины населения, непосредственно связанной с промышленностью, но и у другой половины, а также у правительства. Например, с некоторой долей справедливости было предъявлено обвинение в том, что один большой класс контрактов военного министерства, так называемые контракты "затраты плюс", был главным фактором быстрого роста стоимости жизни во время войны. Эти труды, определившие условия существования американской промышленности, глубоко затронули каждого человека в Соединенных Штатах и в других отношениях. Мы можем оставить юристам и экономистам обсуждение академических юридических вопросов, связанных с военными контрактами, и по-прежнему находить в них много общего для всех интереса.

Когда частное лицо выходит что-либо купить, оно обычно приобретает это по цене, установленной продавцом. Коммерческие предприятия также обычно следуют этому обычаю при закупке своих обычных товаров. Однако, если частное лицо или коммерческая организация собирается заняться какой-либо относительно крупной операцией, в ходе которой ему потребуются товары и услуги в большом количестве, то обычно запрашивают

предложения у тех, кто в состоянии удовлетворить потребности, и впоследствии заключают контракт с концерном, который предлагает поставлять товары и услуги по наилучшей цене. Закон требует, чтобы правительство соблюдало эту процедуру при закупке практически всех своих товаров. Каждое федеральное ведомство должно публично объявлять о своих потребностях, предоставляя полные спецификации, должно публично объявлять тендеры на поставку указанных материалов и должно передать бизнес тому, кто предложит лучшую цену; при условии только, что участник тендера несет ответственность и, как известно, способен производить товары желаемого качества. Суды постановили, что контракт, составленный на любых других условиях, является недействительным.

Закон, однако, допускает определенные исключения. Например, Военному министерству законом разрешено увеличивать размер контракта, уже заключенного надлежащим образом. Он может иметь дело напрямую, без рекламы, с производителем, который является единственным источником поставок, при условии, что предыдущая реклама не вызвала никаких предложений. Эти исключения являются отражением опыта управления, исключений, предоставленных Конгрессом с той целью, чтобы необходимая деятельность правительства не могла быть затруднена действием правовых сдержек и противовесов.

Теперь из правила о федеральных контрактах было еще одно исключение, которое для наших целей здесь было самым важным из всех. Закон разрешал военному министру заключать контракты без формальной рекламы и запроса предложений, *в случае чрезвычайного положения в стране*. Не прошло и недели, как мы находились в состоянии войны с Германией, когда военный министр издал прокламацию, объявляющую о существовании такого чрезвычайного положения. Его подпись под этим документом сняла самые серьезные юридические ограничения, которые ограничивали полномочия Военного министерства по заключению контрактов. Влияние Министерства было еще более усилено Законом о национальной обороне (принятым в 1916 году), который уполномочивал военного министра “во время войны или когда война неизбежна” приказывать производителю производить товары для Соединенных Штатов по ценам, установленным самим Военным министерством; и если производитель отказывался от этого соглашения, то Закон уполномочивал министра реквизировать и взять на себя бизнес производителя, выплачивая производителю, однако, справедливую компенсацию.

Конкуренция за государственные контракты при обычной процедуре была бы фатальной как для скорости, так и для секретности закупок военных припасов, и поэтому закон мудро разрешил Военному министерству отказаться от конкуренции в чрезвычайных ситуациях войны. Но, учитывая, что конкурсное предложение было отклонено, разумно предположить, что офицеры военного министерства, если бы они были верными слугами общества, попытались бы защитить правительство от вымогателя путем замены его другими средствами, не вызывающими возражений ни из-за задержки программы военного производства, ни из-за предательства ее характера и масштабов. Так они и сделали. И хотя методов применения защиты было множество, суть ее заключалась в том, что по условиям его контракта подрядчик должен был производить военные припасы по себестоимости плюс получать прибыль для себя, причем прибыль исчислялась различными способами. Контракт такого рода был известен как контракт “затраты плюс”. Обычные, старые контракты, по которым правительство заключало сделки с участником, предложившим наименьшую цену, или с производителем, с которым закон уполномочивал федеральных закупщиков заключать сделки напрямую, без конкуренции, были известны как контракты с фиксированной ценой или единовременной выплатой.

Контракт "затраты плюс" не был полностью неизвестен американскому бизнесу до войны, но использовался крайне редко. Война придала этой форме большое значение, поскольку большая часть важнейших военных операций велась по плану "затраты плюс". Примечательно, что эта форма в некоторой степени сохранилась в американском частном бизнесе, и особенно в строительной отрасли, после перемирия.

Хотя в сложившихся обстоятельствах контракт "затраты плюс" был необходимостью, а его преимуществ было много, тем не менее эта форма была наделена неотъемлемым недостатком (с точки зрения правительства), который было труднее всего преодолеть. При единовременном контракте прибыль подрядчика увеличивалась в зависимости от того, насколько он мог снизить свои расходы. Если его расходы были слишком высокими, он сталкивался с фактическими убытками. В контракте "затраты плюс" самой простой формы — себестоимость продукции плюс процент от затрат в виде прибыли — все было как раз наоборот. Чем выше издержки производителя, тем больше его прибыль; и хотя производитель может и не стремиться намеренно увеличивать свои издержки, все же, если бы он был освобожден от необходимости поддерживать обычную деловую осторожность, торговаться за свое сырье и сопротивляться повышению заработной платы, интересы правительства могли бы быть нарушены. Нет никаких сомнений в том, что элементарная форма военного контракта "затраты плюс" в первые месяцы войны придала значительный импульс процессии повышения стоимости жизни, более высокой заработной платы и снова более высоких издержек в порочном круге. Именно для того, чтобы сдержать эту тенденцию, стимулировать производителя контролировать свои расходы и снижать их, правительство разработало множество модификаций и усовершенствований контракта "затраты плюс".

В нескольких местах этих повествований мы привлекли внимание к череде зол, последовавших за попыткой Военного министерства в 1917 году организовать свое предприятие по производству боеприпасов с организацией феодального характера и, можно сказать, почти античной. Пять фактически независимых бюро — Департамент боеприпасов, Квартирмейстерский департамент, Инженерный корпус, Корпус связи и Медицинский департамент — а позже, после создания Строительного отдела, Службы авиации и Службы химической войны, всего восемь, начали закупать собственные военные припасы в качестве конкурентов, каждое из которых было преисполнено решимости достичь своих целей за счет, при необходимости, других. Этот план действий вскоре оказался на грани катастрофы, поскольку фабрики и более доступные промышленные районы были перегружены военными контрактами из-за нецелевого распределения бизнеса правительства, а перевозки как по железной дороге, так и по океану были почти остановлены из-за скопления грузов на различных морских и внутренних терминалах.

И здесь, рассматривая военные контракты, мы снова натываемся на следы этой порочной организации. Военные контракты были практически столь же разнообразны по своим положениям и типам, сколь многочисленны были государственные подрядные организации; и здесь следует отметить, что некоторые из основных закупочных бюро, в свою очередь, подразделялись на более мелкие закупочные агентства, каждое из которых оформляло свои военные контракты в соответствии со своими собственными представлениями. Все, что объединяло ранние военные контракты, — это правовые положения, защищающие правительство от мошенничества и взяточничества. Не существовало такого понятия, как стандартный контракт, и нигде не было единообразия. Правительство было обязано заключать контракты на миллиарды долларов офицерами-подрядчиками, почти не имевшими связи с ответственными главами администрации.

Вскоре правительство было вынуждено принять к сведению такое положение дел. Весной 1917 года министр торговли созвал так называемую Межведомственную конференцию для рассмотрения военных контрактов — первая попытка внести гармонию в запутанную деловую ситуацию. На конференцию приехали представители различных департаментов, советов директоров и администраций, заинтересованных в контрактах, и на заседаниях конференции также выступили противники контракта с оплатой затрат плюс свои возражения против него. Были те, кто считал его почти единолично ответственным за значительный рост всевозможных расходов в течение 1917 года.

Однако вскоре участникам конференции стало очевидно, что контракт "затраты плюс" остался в военном бизнесе, несмотря на его очевидные опасности и недостатки. Если это зло, то оно было необходимым. Верно, правительство все еще могло заключать контракты с фиксированной ценой на закупку многих важных предметов военного назначения. Это были такие предметы снабжения, как продовольствие, одежда и инструменты — товары, по сути, аналогичные тем, которые производились и потреблялись в мирное время. Производители этих товаров не были озадачены затратами; их оборудование и процессы были готовы к началу производства; и поэтому Военное министерство могло закупать такие товары по контрактам с фиксированной ценой, заключенным после проведения конкурсных торгов, и делало это до окончания военных действий (за исключением случаев, когда из-за нехватки приходилось иметь дело с отдельными ответственными производителями, чтобы добиться досрочных поставок). Но такие поставки, хотя и составляли значительную часть остатка наличности, мало способствовали решению основной проблемы с боеприпасами. Контракт "цена плюс" стал необходимостью в производстве артиллерии, самолетов и авиационных двигателей, боеприпасов, взрывчатых веществ и даже зданий, в которых размещались предприятия военного министерства.

Не было никакой возможности заранее сказать, каковы будут затраты на производство этих более важных материалов. Многие из них были совершенно новых типов и конструкций для американского производственного опыта. Правительственным агентам было достаточно сложно убедить производителей заключить эти контракты даже на условиях "затраты плюс". Если бы Военное министерство попыталось разрекламировать технические характеристики такого механизма, как французский гидropневматический рекуператор, он никогда бы не получил заявки. Единственно возможными условиями, на которых любой здравомыслящий производитель заключил бы такой контракт, были бы оплата его издержек плюс получение прибыли.

Многие контракты на более сложные виды поставок должны были действовать в течение длительного периода, прежде чем могли быть осуществлены все поставки. Для таких подрядчиков часто было невозможно заранее взять на себя обязательства по всему своему сырью. Поэтому они столкнулись с растущим рынком и ценами, которые они не могли заранее определить. Они также столкнулись с почти неизбежным повышением заработной платы, выплачиваемой их сотрудникам; однако и здесь они не могли предвидеть, каким будет это повышение. Расходы производителя оптических инструментов для армии частично зависели от того, сколько ему придется заплатить за оптическое стекло, но стекло должно было поступать из новой военной промышленности, которая еще не начала производство и поэтому не могла оценить, сколько она будет взимать за стекло. Разрабатывая проекты боевых орудий, Военное министерство сделало все, что могло, основывая свои спецификации на последней и наилучшей информации, имеющейся в его распоряжении. Однако эволюция военных материалов в результате их интенсивного использования была настолько быстрой, что иногда Министерство обнаруживало, что та или иная конструкция

устарела еще до того, как было начато ее производство. Поэтому его конструкторы внесли изменения в технические характеристики на заводе, и эти изменения повлекли за собой большие производственные затраты. Каждый подрядчик знал, что его работа должна быть подвержена таким изменениям в спецификациях, но никто не мог предсказать, будут ли внесены изменения и во что они обойдутся.

Этих чисто производственных соображений было достаточно самих по себе, чтобы объяснить преобладание контрактов "затраты плюс". Другим элементом было время, необходимое для подготовки спецификаций и объявления о приеме заявок, — время, которого нельзя было экономить на войне. Но все еще оставалась еще одна причина для учета контракта "затраты плюс", причина в области военных финансов, еще более убедительная. Успешное ведение войны означало, что практически все промышленное оборудование Соединенных Штатов должно было быть направлено на производство военных припасов. До войны только крупные концерны, располагавшие большими финансовыми ресурсами, были способны реализовать крупные правительственные проекты, сроки сдачи которых были далеки от дат начала работ. Военный контракт часто предполагал огромные предварительные денежные затраты на расширение фабрики и обязательства по закупке сырья. Практика правительства заключалась в оплате поставок только по факту их доставки. При таких условиях мелкий производитель не мог работать на правительство. В обычные времена, возможно, наличие государственного контракта позволило бы ему финансировать свою деятельность через банки обычным способом, но поскольку каждый производитель нуждался в специальном финансировании, это привело к тому, что банки стали менее либеральными в своих коммерческих займах. Банкам в первую очередь приходилось заботиться о своей собственной платежеспособности.

Контракт "затраты плюс" оказался одним из решений этой проблемы. Большинство контрактов "затраты плюс" предусматривали, что Военное министерство могло оплачивать производственные затраты по мере их накопления, частями. Таким образом, заручившись частичными авансовыми платежами от правительства, мелкие производители, да и крупные тоже, смогли финансировать свои проекты и даже воспользоваться денежными скидками при закупке сырья. Естественно, Военное министерство старалось заключать подобные соглашения только с признанными добросовестными подрядчиками, людьми, заслуживающими доверия, но которым часто не хватало оборотных средств, позволяющих им стать успешными производителями военных припасов.⁶

Межведомственная конференция, отнюдь не осуждая контракт "затраты плюс" и не пытаясь его отменить, признала его необходимость, но отдала предпочтение таким его формам, которые наилучшим образом защищали интересы людей и правительства. Контракт *elemental cost-plus* обязывал правительство оплачивать производственные затраты плюс согласованный процент от затрат в виде прибыли. Затраты включали не только оплату труда и материалов, но также определенные накладные расходы и амортизационные отчисления. Эта форма контракта была порочной в принципе, и Конференция ее не одобрила. Тем временем различные государственные подрядчики совершенствовали контракт "затраты плюс", добавляя положения, которые либо устраняли тенденцию подрядчика увеличивать свои расходы, либо добавляли ему стимулов снижать свои расходы. Одним из таких улучшений была форма "затраты плюс", предусматривающая фиксированную прибыль подрядчику, независимо от того, каковы могут быть его затраты. Эта форма устранила стимул к увеличению затрат. Еще одно усовершенствование принесло подрядчику материальную выгоду в снижении своих затрат и наказало человека, который был небрежен в отношении затрат. В этой форме правительство согласилось оплатить все расходы и зафиксировать

прибыль, но в контракте также заранее была установлена предполагаемая цена за единицу продукта, эта цена была известна как “пугало”, термин, заимствованный из древней и почетной игры в гольф. Если подрядчику удавалось удержать свои затраты плюс фиксированную прибыль на уровне минимальной цены за единицу продукции, ему выплачивалась доля сэкономленных средств. Однако, если его расходы и прибыль превышали бoгеу, то он был оштрафован на определенный процент от превышения, причем штраф вычитался из его фиксированной прибыли, когда Военное министерство приходило оплачивать поставки. Такая форма не только повышала эффективность завода, но и стимулировала скорость производства; ведь чем короче производственные процессы на заводе, тем, как правило, меньше затраты и тем скорее подрядчик получит свои деньги. Межведомственная конференция утвердила обе эти формы.

Это еще не было желанием стандартизации контрактов, но это был шаг в этом направлении и, возможно, максимум того, что можно было сделать в такой плохо сформулированной организации, какой в то время было Военное министерство. Межведомственная конференция обладала лишь консультативными полномочиями, но она смогла выработать политику правительства в области заключения контрактов. Указывая на более желательные формы контрактов, его доклад был, по крайней мере, моральной силой в обеспечении большего единообразия в военных контрактах. Следует также помнить, что большинство сотрудников, работавших по контракту, были людьми со значительным деловым опытом и способностями. Многие ведущие бизнесмены страны служили Соединенным Штатам либо в военной форме, либо в качестве сотрудников таких ведомств, как Совет национальной обороны и Совет военной промышленности, а бюро закупок пользовались их исследованиями и советами при заключении контрактов.

В таких условиях во второй половине 1917 года и в первые месяцы 1918 года был передан большой объем дел военного министерства. Затем условия военной промышленности, наконец, вынудили провести реорганизацию Военного министерства, подчинив всю его деятельность по снабжению (за одним или двумя важными исключениями) единому руководству Отдела закупок, хранения и перевозок Генерального штаба. Подразделение Р., S. и Т., как оно называлось, было создано в начале 1918 года. Одним из первых действий его директора было назначение комитета для изучения различных используемых форм контрактов военного министерства и рекомендации стандартных форм, которые должны свести ошибки к минимуму и обеспечить постоянную уверенность Военного министерства в своих правах по контрактам.

Одновременно новое Подразделение взяло на себя централизованный контроль над контрактами военного министерства. В начале июня военный министр назначил инспектора по контрактам, который, в свою очередь, назначил комиссию по проверке контрактов в каждом бюро закупок. Правление бюро должно было одобрить все предлагаемые контракты, заключенные должностными лицами по контрактам, за исключением нескольких контрактов, в которых участвовало правительство за ничтожные суммы денег. Эта система, при которой Инспектор по контрактам диктовал политику и передавал ее дальше через советы бюро, обеспечивала эффективный контроль над контрактной функцией под единым руководством; но в конце июля военный министр еще больше усилил схему, назначив Высший совет по проверке контрактов. Директор по закупкам и снабжению и Инспектор контрактов были постоянными членами этого Совета, и каждое бюро закупок направляло в него своего члена, который был либо главным сотрудником бюро по закупкам, либо членом комиссии бюро по проверке контрактов. Этот Высший совет по проверке контрактов стал

важным органом, формирующим политику Военного министерства в отношении его контрактной деятельности.

Однако следует отметить, что до сих пор не было никакой стандартизации контрактов. В начале августа комитет, назначенный директором по закупкам, хранению и транспортировке для изучения военных контрактов и рекомендации стандартов, представил свой отчет. Высший совет по рассмотрению контрактов получил этот отчет и в начале сентября обнародовал на основе отчета серию из двадцати четырех стандартных контрактных положений, девятнадцать из которых должны быть включены во все контракты военного министерства с фиксированной ценой и стоимостью плюс, а также пять конкретных положений, относящихся либо к контрактам с фиксированной ценой, либо к контрактам с фиксированной ценой, но не к обоим. Большинство стандартных положений, за исключением, возможно, их фразеологии, не были новыми, но по существу использовались должностными лицами по контракту по-разному. Важность стандартизации заключалась в том, что она требовала использования их всех в военных контрактах, а также диктовала фразеологию. Один или два стандартных пункта, особенно те, которые предвосхищали окончание войны и свертывание военной промышленности, были новыми и наиболее важными.

Первые шесть положений касались обязательств правительства по поставке сырья и комплектующих производителю, упаковки и маркировки расходных материалов, изменения спецификаций и допущения правительством увеличения затрат или экономии, вызванной этим, инспекций, хранения готовой продукции на заводах и продления срока действия контракта при определенных условиях.



Фото Корпуса связи

ВРУЧАЮ ЗВЕЗДНО - ПОЛОСАТЫЙ ФЛАГ

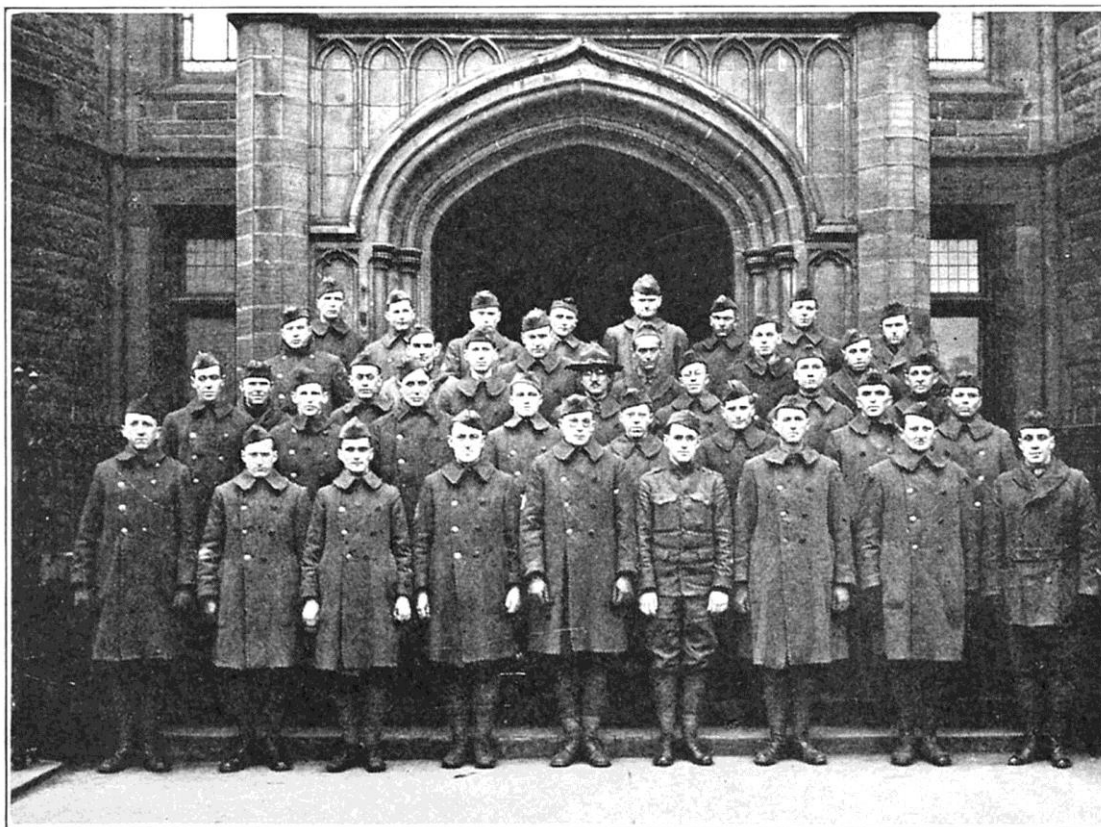


Фото Корпуса связи

ВЫПУСКНИКИ А. Е. Ф. ЭДИНБУРГСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Седьмое положение предвосхищало окончание войны, предусматривая расторжение контрактов при определенных обстоятельствах, одним из которых было то, что этого требовали общественные интересы. Это было новшеством в военных контрактах. В этом положении оговаривались компенсации, которые подрядчик должен получить в случае расторжения.



Фото Говарда Э. Коффина

СМОТР “ЛИЧНОГО ПОЛКА ПЕРШИНГА” В КОБЛЕНЦЕ



Фото Корпуса связи

ИГРЫ В ЗОНЕ ПОСАДКИ В ЛЕ-МАНЕ

Восьмой запрет запрещал подрядчикам получать авансовые платежи от правительства для закладывания или иным образом передавать в залог частично завершённые работы. Таким образом, в случае расторжения контракта правительство могло бы взять на себя незавершённые работы, не ввязываясь в сеть юридических осложнений. Следующее положение касалось защиты военных заводов. Следующим был закон, запрещающий передачу контрактов.

Одиннадцатое положение касалось субподрядчиков, обычно не представляющих никакого интереса для правительства, но представляющих жизненно важный интерес в войне, поскольку неудача субподрядчика может значительно задержать весь проект, а также поскольку контракт "затраты плюс" даёт возможность главному подрядчику вступить в сговор с субподрядчиком для увеличения затрат. Это положение предоставляло правительству полный контроль над заключением субподрядов и распространяло на субподрядчиков права правительства на расторжение контракта.

Двенадцатым был закон, запрещающий любому члену Конгресса участвовать в выгодах от контракта, за исключением того, что конгрессмену разрешалось владеть акциями корпорации, заключающей военные контракты.

Следующее положение уничтожило орду ночных комиссионеров, которые стекались в Вашингтон, чтобы разбогатеть на комиссионных, выплачиваемых доверчивыми

продюсерами, принявшими теорию о том, что для заключения военного контракта нужны сила и влияние. Поскольку эти комиссионные включались в расходы производителя и, следовательно, в конечном итоге оплачивались правительством, Генеральный прокурор издал постановление, запрещающее правительственным ведомствам оплачивать производственные расходы, которые включали комиссионные брокеров. Признанные торговые агентства, однако, были освобождены от этого правила. Тринадцатое положение стандартного контракта прописало этот запрет в самих контрактах.

Следующее положение касалось возмещения убытков за нарушение патентных прав. Пятнадцатое предусматривало урегулирование споров и претензий, возникающих в связи с вопросами исполнения или неисполнения обязательств по контрактам. Позже для выполнения этой функции был организован Совет по корректировке контрактов. Следующие три положения касались продолжительности рабочего дня, урегулирования споров о заработной плате и условий труда на военных заводах. Затем появилось положение, требующее от производителя представлять периодические отчеты о ходе своей работы, одно из которых определяло, какие расходы будут разрешены в контракте "затраты плюс", другое позволяло подрядчику подать апелляцию в Совет по корректировке контрактов в случае, если сотрудник Департамента по контрактам не допустил затрат, превышающих 5000 долларов, одно предусматривало единообразие в учете затрат подрядчиков, другое запрещало выплату заработной платы выше текущих местных ставок, и последнее положение, предоставляющее в Соединенных Штатах право собственности на все материалы, находящиеся в процессе производства, по контракту "затраты плюс".

Таковы были стандартные положения контракта, защищающие и справедливые как по отношению к правительству, так и по отношению к производителям. Они не были приняты до конца лета 1918 года, и поэтому ни одно важное государственное предприятие не было поставлено на их идентичные условия. Однако, как уже говорилось, большинство их требований по существу были прописаны в ранее заключенных контрактах военного министерства.

Контракт "затраты плюс", по которому осуществлялась огромная программа строительства зданий Военного министерства, имел особую форму, нигде не используемую. Он был известен как контракт "затраты плюс" со скользящей шкалой и фиксированной максимальной платой. Отличительной особенностью этого было то, что каждому подрядчику выплачивался процент от затрат в виде прибыли в размере фиксированной максимальной прибыли, и ему не могло быть выплачено больше этой прибыли, какой бы ни была стоимость работы. Процент прибыли уменьшался по скользящей шкале по мере роста затрат. В своей последней форме этот контракт приносил подрядчикам прибыль в размере 7% при выполнении работ стоимостью менее 100 000 долларов, и прибыль постепенно снижалась в процентах, пока не достигла низкой отметки в 2½%, выплачиваемой в качестве прибыли за работу стоимостью более 9 650 000 долларов. Однако ни один строительный подрядчик не мог получить прибыль более 250 000 долларов за работу, какой бы ни была ее стоимость; и из своей "прибыли" он все равно должен был оплачивать накладные операционные расходы.

В своей строительной программе Военное министерство стало одним из крупнейших работодателей рабочей силы в стране, и его строительный контракт подвергся резким нападкам как главный элемент быстрого повышения заработной платы. Чтобы противостоять этой атаке, Департамент созвал совет инженеров-строителей и других экспертов для изучения контракта. Вместо того чтобы осудить форму контракта, отчет этого правления безоговорочно одобрил ее и заявил, что, во всяком случае, контракт имеет тенденцию сдерживать излишества в работе.

В то время как все стремились к форме контракта "затраты плюс фиксированная прибыль", когда дело доходило до производства материалов, совершенно новых и непривычных для нашей промышленности, Военное министерство не могло избежать формы "затраты плюс процент". Государственные заводы по загрузке пороха в мешки работали на основе оплаты эксплуатационных расходов плюс 14 процентов. Несколько заводов по производству снарядов работали по контрактам, предусматривающим оплату затрат плюс 10 процентов. Шелковая ткань для патронов производилась по себестоимости плюс 10 процентов прибыли. По мере роста мастерства ткачей эта прибыль постепенно снизилась до 3%. Модифицированные винтовки "Энфилд" производились по себестоимости плюс 10%. Когда Военное министерство реквизировало заводы, оно привлекло эксплуатирующие компании для управления ими на основе оплаченных затрат плюс фиксированного ежемесячного вознаграждения. Некоторые патриотически настроенные подрядчики построили для правительства крупные заводы по производству боеприпасов по себестоимости плюс установленный законом 1 доллар в качестве прибыли.

Затем был заключен комбинированный контракт, принятый для работы, новой для нашего производственного опыта, — форма "затраты плюс", переходящая в форму с фиксированной прибылью по мере того, как фактическая работа определяла, каковы будут затраты. Пулеметы Браунинг производились по контрактам подобного рода.

Контракты на производство самолетов не были переданы в ведение централизованного управления контрактами военного министерства. Контракты на самолеты предусматривали оплату затрат правительством плюс фиксированную прибыль с бонусами для производителей, если они не превышали сметных затрат.

ГЛАВА IX УРЕГУЛИРОВАНИЕ ВОЕННЫХ КОНТРАКТОВ

В предыдущей главе мы обсуждали главным образом письменный, формальный контракт, осязаемый, видимый документ, должным образом подписанный и засвидетельствованный, который может быть представлен в любой суд в качестве *prima-facie* доказательства обязательств как производителя, так и правительства. Если, однако, создалось впечатление, что весь военный бизнес велся под руководством таких инструментов, пусть теперь оно будет развеяно; потому что тысячи производителей выполняли военную работу для правительства, и само правительство было вовлечено в нее на сотни миллионов долларов в соответствии с другим набором договоренностей, которые после перемирия стали известны как неофициальные, или "Bevo", контракты. Эти соглашения, хотя и содержат те же условия, что и официальные контракты, были составлены без такого внимания к тонкостям федеральной процедуры, без которых закон гласит, что государственный контракт не подлежит исполнению. Неофициальные контракты были результатом спешки, связанной с выполнением поставленных задач. Их было несколько видов: некоторые были формальными по форме, но несовершенными в деталях, другие существовали в письменных документах, таких как переписка, но не в официальных контрактах, а третьи были просто устными соглашениями между производителями и агентами правительства относительно того, какая работа должна быть выполнена.

Теоретически закон предполагает, что военный министр сам заключает и подписывает контракты на производство армейских припасов. Однако закон разрешает ему делегировать свои функции по заключению контрактов аккредитованным заместителям, которые называются сотрудниками по заключению контрактов. В обычное время эти офицеры-контрактники способны заключать все необходимые контракты; но во время войны, когда вся промышленность сосредоточилась на производстве боеприпасов, обычным офицерам-контрактникам стало физически невозможно вести все дела, и они, в свою очередь, назначили заместителей или доверенных лиц и наделили их (совершенно незаконно, как выяснилось впоследствии) правом подписывать контракты. Затем, ввиду срочности случая, сотрудники по закупкам, которые часто были бизнесменами, призванными на военную службу, приняли обычный деловой прием, разрешив использовать переписку в качестве доказательства договорных обязательств, рассчитывая дополнить эту переписку официальными контрактами, когда тяжеловесная исполнительная машина Департамента сможет до этого добраться. Иногда производитель даже не имел возможности переписки, но, достигнув устной договоренности с сотрудником по контракту относительно того, что должно быть сделано и на каких условиях, спешил обратно на свою фабрику, чтобы потратить, возможно, сотни тысяч долларов на подготовку к какому-то крупному производственному мероприятию, не имея ни малейшего письменного подтверждения своих инвестиций. Наконец, существовал обширный класс контрактов, которым не хватало правильной формы. Новые сотрудники, незнакомые с ограничениями, которые накладываются на правительственные административные акты, ограничениями, которые общественность называет бюрократией, пошли коротким путем оформления прямых заказов на поставку, в которых оговаривались качество, количество, цена, способ оплаты, время доставки и так далее; и производители добросовестно принимали такие заказы как обязательные соглашения.

Все шло хорошо в рамках этой неофициальной процедуры, пока перемирие не привело к необходимости прекращения военных действий. Вопрос заключался в том, как можно урегулировать устные и другие неофициальные контракты? И тогда контролер Казначейства вынес совершенно ошеломляющее решение о том, что все эти неофициальные договоренности, включая официальные контракты, которые были подписаны доверенными лицами официальных должностных лиц-подрядчиков, были незаконными и не представлялись Казначейству, и что ни пенни государственных денег не могло быть выплачено в счет погашения обязательств правительства по условиям этих соглашений, за исключением того, что правительство могло оплатить фактически поставленные товары. В то время невыполненные контракты и соглашения всех видов касались правительства на сумму примерно 7 500 000 000 долларов. Неофициальные контракты, объявленные таким образом недействительными, составили 1 500 000 000 долларов из этой суммы. Правительство, если бы захотело, могло бы отказаться возместить хотя бы доллар из сотен миллионов, безвозмездно потраченных патриотически настроенными промышленниками, пренебрегающими собственными интересами в своем стремлении оказать максимальную услугу ведению войны.

Конечно, отказ от этих соглашений был немыслим, хотя бы по той причине, что такие действия вызвали бы беспрецедентную панику в бизнесе и привели бы многие концерны к банкротству. Тем не менее, единственным средством правовой защиты было законодательство, позволяющее правительству выполнять свои обязательства по этим контрактам точно так же, как если бы они были изначально заключены надлежащим образом. Такой закон, известный как Закон Дента, в конечном итоге был принят Конгрессом, закон был одобрен президентом 2 марта 1919 года. В промежутке между перемирием и

указанной датой держатели неофициальных и нерегулярных контрактов подвергались неизбежной несправедливости, природа которой станет ясна, когда мы в некоторой степени изучим метод Военного министерства по ликвидации своей военной промышленности.

Современный контракт - это краеугольный камень промышленности и коммерции. Если целостность этого фундамента будет нарушена, мы окажемся в состоянии анархии, о которой англосаксонская цивилизация ничего не знает. Человек, нарушивший контракт, может быть привлечен к ответственности в суде для возмещения ущерба другой стороне, и само правительство не может избежать такой ответственности. В первый день перемирия насчитывалось 30 000 невыполненных контрактов военного министерства. Три тысячи из них, на которые правительство потратило более 1 500 000 000 долларов, либо были настолько близки к завершению, либо требовали производства материалов, столь необходимых для содержания демобилизуемой армии или для обеспечения будущей готовности Соединенных Штатов, что им позволили пройти без помех. Остальные 27 000 контрактов имели номинальную стоимость в 6 000 000 000 долларов. В соответствии со многими из них правительству осуществлялись обширные поставки готовой продукции, стоимость этих поставок (включая поставки, произведенные в то время, когда промышленность сокращала производство и приспособлялась к мирным условиям) составила приблизительно 2 000 000 000 000 долларов. Таким образом, на Военное министерство были возложены контрактные обязательства в размере 4 000 000 000 долларов, и эта огромная сумма должна была пойти на оплату огромной массы материалов, которые правительство не могло использовать. Было крайне желательно расторгнуть неисполненные части этих контрактов; однако лишь немногие контракты содержали положения о расторжении. Следует помнить, что стандартное положение о расторжении не появлялось в качестве общей черты военных контрактов до последних шести недель боевых действий. Таким образом, большинство из 27 000 подрядчиков обладали простым юридическим правом продолжать выполнение своих контрактов, даже несмотря на то, что война закончилась, и после этого требовать от правительства полной выплаты номинальной стоимости контрактов. Сумма такого решения, если бы оно было единогласным, обошлась бы Соединенным Штатам в 4 000 000 000 долларов, и за это не было бы ничего, кроме огромной коллекции бесполезных боеприпасов, которые можно было бы продать старьевщикам.

На администрации Военного министерства лежала ответственность сохранить для людей столько из этой суммы, сколько можно было спасти. Не все это можно было спасти. Подрядчики потратили миллионы долларов на машины и другое оборудование, на материалы и на оплату производственных затрат на ранних стадиях производства. Эти миллионы правительство было обязано возместить в любом случае, вместе с разумной прибылью от уже проделанной работы. Чем ближе администрация могла бы подойти к оплате этих законных расходов и ничего больше, тем успешнее было бы проведение ею промышленной демобилизации. Вопрос заключался в том, какую процедуру принять.

Конечно, руководители департаментов могли бы взять на вооружение политику полного расторжения контрактов; но такой курс означал бы разорение для многих производителей, привел бы к массовым судебным разбирательствам, которые затянули бы их на следующие два поколения, и это пошатнуло бы веру бизнеса в правительство и затруднило бы все государственные контракты в будущем. Вместо этого главы военного министерства приняли хитрую меру, потребовав от производителей приостановить работу по их контрактам. Они сделали расторжение контракта добровольным актом со стороны подрядчика. Очевидно, что в интересах производителей, как и в интересах правительства, было ликвидировать военный бизнес полюбовно и, можно сказать, недорого, поскольку именно эти люди были

бы призваны внести наиболее значительный вклад в виде налогов в выплату военного долга. Тем не менее, к чести американских бизнесменов в значительной степени было то, что их ответ на общую просьбу расторгнуть военные контракты был почти единодушным. Едва ли нашелся хоть один, кто отстаивал свои законные права в полной мере. Процесс промышленной демобилизации в значительной степени сводился к ведению переговоров с отдельными производителями относительно условий, на которых они соглашались бы расторгнуть свои контракты. Когда условия были приняты, они были прописаны в первоначальных контрактах в качестве дополнительных соглашений и, таким образом, получили юридическую силу. Решение, которое привело к этой процедуре, было одним из важнейших административных актов военного правительства. Это сэкономило правительству миллиарды долларов и отправило производителей оружия восвояси, вполне довольных тем обращением, которое они получили.

Предварительные шаги по демобилизации промышленности были предприняты еще до заключения перемирия. Во-первых, в те последние дни, когда стало очевидно, что конец близок, Военное министерство приняло политику расторжения военных контрактов по соглашению сторон. С этой целью администрация военного министерства добавила к стандартным контрактным положениям уже принятые стандартные формы дополнительных соглашений, с тем чтобы ликвидация военной промышленности могла осуществляться единообразно. 9 ноября все производственные бюро Департамента были уведомлены о том, что они должны быть готовы привести в исполнение положения о расторжении контрактов после окончания боевых действий. Этот приказ, конечно, применялся только к тем контрактам, которые содержали положения о расторжении; но в то же время было предусмотрено приостановление военных работ, когда этого требовали общественные интересы. Эта приостановка должна была предшествовать принятию мер, согласно которым военная промышленность могла быть постепенно остановлена и перенастроена легкими этапами. В этот день Департамент также принял политику, от которой впоследствии никогда не отступал: не выплачивать производителю никакой прибыли от предполагаемого производства по его контракту, но допускать получение прибыли в размере 10% от стоимости фактически выполненной работы, которая могла бы не привести к реальному производству. Таким образом, с самого начала правительство демонстрировало дух примирения, который сулил много хорошего производителям военных припасов.

Утром 11 ноября, после получения официальных новостей о перемирии, военный министр, министр военно-морского флота и директор Совета по судоходству Соединенных Штатов объявили после конференции, что все воскресные работы и сверхурочные работы по государственным контрактам будут немедленно прекращены, и что различные агентства по закупкам сократят военную промышленность по согласованию с Министерством труда и Советом военной промышленности. Эти две организации, одна из которых поддерживала контакты с работодателями, а другая - с рабочей силой, были в состоянии защищать интересы как рабочей силы, так и промышленности. Тем временем бюро закупок Военного министерства, следуя недавним инструкциям, в целом разослали просьбы приостановить производство боеприпасов. Вскоре эти заказы были изменены, чтобы позволить продолжить производство на большинстве военных заводов, но краткий перерыв в работе дал офицерам по закупкам время оценить ситуацию, а также послужил уведомлением производителям о том, что война закончилась и что они больше не должны брать на себя никаких обязательств по своим контрактам.

Одновременно с отправкой запросов о приостановке работы бюро закупок в Вашингтоне начали составлять так называемые графики расторжения контракта. Это были подробные

отчеты о предлагаемых сокращениях военных работ, составленные по отдельным контрактам, по производственным проектам, по целым товарам, которые потребляла армия, и по целым производственным программам. Эти графики были сначала отправлены на утверждение директору отдела закупок, хранения и перевозок, который также заручился одобрением Совета военной промышленности и Министерства труда. Затем утвержденные графики были отправлены обратно в бюро для принятия мер, за исключением того, что бюро были проинструктированы прекращать производство постепенно, чтобы не нарушать работу промышленности в каких-либо конкретных населенных пунктах. Прекращение производства, разумеется, было произведено по соглашению с производителями, причем соглашения включали условия, на которых производство прекращалось.

Эта работа была начата так быстро, что первые графики прекращения поставок поступили директору по закупкам, хранению и транспортировке 12 ноября, и с тех пор графики сыпались на него каждый день. В течение нескольких дней подготовленные графики предусматривали прекращение работ стоимостью в миллиард долларов. Каждый график был результатом всестороннего исследования затронутых отраслей, проведенного производственными бюро, которые были в тесном контакте с этими отраслями. 5 декабря общая сумма сокращений достигла 2 500 000 000 долларов. Значительная часть военной промышленности была сокращена или прекращена без серьезного ущерба для условий ведения бизнеса и занятости. Следовательно, было решено, что больше не требуется принимать никаких мер предосторожности, и изменение в системе ликвидации вступило в силу. После этого остановка военной промышленности была полностью передана в руки окружных производственных офицеров Военного министерства. Эти люди должны были консультироваться с местными сотрудниками Министерства труда относительно влияния увольнений на трудоустройство, а также регулярно отчитываться перед директором по закупкам, хранению и транспортировке. В остальном они были вольны действовать в соответствии со своим собственным разумением.

Различные бюро снабжения были хорошо организованы для проведения демобилизации таким образом. До 1917 года бюро руководили производством припасов непосредственно из своей штаб-квартиры в Вашингтоне. После начала войны объем бизнеса превысил возможности такой системы эффективно с ним справляться; и в связи с этим основные производственные бюро разделили страну на производственные округа и возложили ответственность за них на районные организации, дочерние к штаб-квартире бюро в Вашингтоне. Бюро в Вашингтоне продолжали выполнять контракты, но работа по надзору за производством, проверке продукции и оплате поставок была передана в руки районных организаций. Департамент боеприпасов, например, учредил двенадцать производственных округов в Соединенных Штатах и один в Канаде. Директор по закупкам, отвечающий за производство предметов снабжения для интендантов, учредил четырнадцать таких округов, которые были названы зонами. Воздушная служба имела восемь округов, а Служба химической борьбы - четыре. Всем производством для Корпуса связи, инженеров, строительного отдела и медицинского департамента управляли непосредственно из Вашингтона.

Такая децентрализация управления военной промышленностью на местах оказала заметное влияние на ее эффективность. Административные чиновники, отвечающие за производственный район, были людьми, занимавшими высокое положение в бизнесе и промышленности своих соответствующих регионов. Они знали производителей в этих регионах. Они всегда оказывались на месте, когда возникали трудности с обеспечением сырьем и топливом, а также с приоритетами доставки. Что еще более важно, в каждой

окружной организации был представитель Финансовой службы армии. Военное министерство было уполномочено производить авансовые платежи по контрактам в размере значительного процента от стоимости выполненной работы или фактически доставленных припасов. Эти достижения, как мы уже говорили ранее, позволили производителям боеприпасов финансировать свои проекты. Районные организации, сохранив финансовых сотрудников на местах, как они это делали, позволили производителям получить эти авансы в минимальные сроки.

Часто главными исполнительными директорами производственных округов были гражданские лица. В каждом окружном совете был сильный юридический отдел, а также множество технических помощников, не в последнюю очередь среди которых были бухгалтеры-сметчики. Поскольку большая часть военных припасов производилась по плану "затраты плюс", война выдвинула бухгалтера-сметчика на первое место как в период производства, так и в период последующей ликвидации.

Эти районные организации, находившиеся в непосредственном контакте с производителями, составляли организацию, готовую к деликатной работе по ликвидации военной промышленности. Вашингтон мог бы определить политику и виды поставок, производство которых должно быть прекращено, и виды, которые должны были производиться после перемирия в полном объеме или в сокращенных количествах. Именно районные администрации должны были сказать, как следует проводить увольнения и сокращения. Следовательно, после перемирия организации, отвечающие за производственные районы, были преобразованы в то, что по-разному называлось окружными советами по претензиям и окружными контрольными комиссиями. Как бы они ни назывались создавшими их бюро, их обязанности были, по сути, одинаковыми — расторгать контракты по взаимному согласию, договариваться с производителями об условиях урегулирования, принимать от имени Военного министерства такие готовые продукты, сырье и полуфабрикаты, машины, здания и другое оборудование, которые становились государственной собственностью в соответствии с условиями урегулирования, и распоряжаться захваченными таким образом материалами, некоторые из которых отбирались для постоянного хранения среди военного имущества страны, некоторые передавались другим ветвям власти, которые могли их использовать, а другие выбывали путем продажи. Чтобы помочь ему в этой работе, каждый окружной совет содержал дочернюю организацию, известную как окружной совет по утилизации, которая собирала государственное имущество и распоряжалась им.

Для надзора за этой деятельностью на местах каждое бюро закупок Военного министерства учредило в штаб-квартире в Вашингтоне вышестоящий совет, известный как совет по претензиям бюро. Каждый из этих наблюдательных советов, в свою очередь, создал в качестве дополнения к себе совет бюро по спасению, который осуществлял исполнительный контроль над окружными советами по спасению. В течение нескольких недель не существовало специального исполнительного органа, который руководил бы работой этой организации, за исключением того, что все бюро и районные советы находились в общем ведении директора по закупкам, хранению и транспортировке. Он унифицировал и контролировал их работу с помощью так называемых циркуляров по снабжению - административного средства, которое приобрело большое значение после создания Отдела закупок, хранения и перевозок. Посредством циркуляров по снабжению администрация военной промышленности издавала свои общие и классовые указания производственным бюро. Стандартные положения контракта, например, были доведены до сведения

должностных лиц по контрактам путем публикации в циркулярах по снабжению. Таким образом, серия циркуляров о снабжении стала кодексом единого армейского снабжения.

У директора по закупкам, хранению и транспортировке, однако, было много обязанностей, помимо руководства демобилизацией, хотя и не более важных. Было осознано, что системе нужен контролирующий руководитель, единственной функцией которого было бы руководить всей ликвидацией военной промышленности. Поэтому в конце января 1919 года военный министр создал Комиссию по претензиям Военного министерства, в которой должны были сосредоточиваться, через советы бюро, все полевые мероприятия по демобилизации промышленности. Помощник военного министра стал президентом этого совета. Мистер Г. Х. Дорр, который также был помощником директора по боеприпасам, и бригадный генерал (позже генерал-майор) Джордж В. Берр, сменивший генерала Г. В. Геталса на посту директора по закупкам, хранению и транспортировке, были первыми постоянными членами Комиссии по претензиям Военного министерства. В состав Совета также входили три специальных члена и регистратор, и со временем состав Совета расширился за счет создания подкомитетов экспертов по различным юридическим и промышленным вопросам.

Таким образом, процесс ликвидации был инициирован районными правлениями. При расчете с подрядчиком районное правление оценило все работы, выполненные по контракту. В нем были проанализированы расходы, произведенные подрядчиком, и обязательства, которые он взял на себя в связи с завершением производства. В соответствии с принятой политикой демобилизации правительство несло ответственность за обе эти затраты. Он оплачивал завершенные поставки (цена включает прибыль подрядчика), сырье, приобретенное для контракта, но не использованное, полуфабрикаты, обязательства подрядчика перед его субподрядчиками (включая расходы на расторжение субподрядов) и, наконец, все общие эксплуатационные расходы, включая “накладные” расходы подрядчика, затраты на амортизацию завода и оборудования, а также амортизацию новых объектов, построенных по распоряжению правительства. К наиболее важным производственным расходам (но не включая амортизационные отчисления или проценты по деньгам, вложенным в материалы) комиссии по рассмотрению претензий были уполномочены добавлять 10 процентов от суммы в качестве прибыли подрядчика. Правительство выплачивало не предполагаемую прибыль, а только справедливое вознаграждение за фактически выполненную работу.

Это было предложение, сделанное производителю, когда правительство предложило ему добровольное расторжение контракта. Большинство подрядчиков восприняли условия благосклонно: они не хотели собирать деньги за невыполненную работу, хотя технически у них было законное право делать это. Если какой-либо производитель не соглашался с этой политикой, у него всегда было средство защиты - потребовать свой полный фунт мяса в Суде по искам. Однако медлительность процедуры в Суде по искам сделала это слабым средством правовой защиты; и даже если Суд по искам в конце концов удовлетворил его требования, то он должен ждать своих денег, пока Конгресс не примет закон, выделяющий их из Казначейства. Только недавно Конгресс принял законопроект о возмещении имущества давно умершего человека, который был неправомерно лишен лошади во время Гражданской войны. Такова была перспектива, с которой столкнулся подрядчик, не желавший принимать условия соглашения Военного министерства. Учитывая такой потенциал принуждения в позиции правительства, правительство само установило условия урегулирования, по крайней мере в общих чертах; но условия были, в основном, справедливыми для всех заинтересованных сторон.

Оказалось, что окружные советы смогли расторгнуть большинство контрактов без споров. Из этих советов мировые соглашения направлялись на утверждение сначала в советы по претензиям бюро и, наконец, в Совет по претензиям Военного министерства, с некоторыми исключениями, которые будут отмечены позже. Если окружные советы не могли достичь соглашения, апелляции могли быть поданы в советы бюро, а после них - в Комиссию по претензиям Военного министерства. Последний поименованный орган назначил одного из своих членов заседать в каждом совете бюро и осуществлять полномочия Совета по претензиям Военного министерства при утверждении всех расчетов после действий совета бюро. Одобрение специального члена, действующего от имени военного министра, представляло собой заключительный шаг в урегулировании, который затем передавался финансовым чиновникам для оплаты. Таким образом, только несколько из 27 000 приостановленных контрактов поступили в Комиссию по претензиям Военного министерства для детального рассмотрения. Почти все они поступали в высшие инстанции в качестве согласованных соглашений, нуждаясь лишь в одобрении соответствующего специального члена Комиссии по претензиям Военного министерства, прежде чем быть включенными в первоначальные контракты в качестве дополнительных соглашений. Иногда возникали фактические вопросы относительно точности выполнения подрядчиком условий своего контракта. Такие вопросы рассматривались путем апелляции не в Комиссию по претензиям Военного министерства, а в Комиссию Министерства по корректировке контрактов, которая, как следует из вывода, была создана в качестве арбитра по таким вопросам одним из стандартных положений контракта. Как будет показано ниже, у Совета по корректировке контрактов были другие, более важные обязанности в связи с ликвидацией предприятия.

Теперь эта система поселений смогла оказать важную услугу американской промышленности во время демобилизации. Многие подрядчики исчерпали свои ресурсы при закупке зданий, оборудования, материалов и выполнении работ по выполнению своих контрактов. Пока производство продолжалось, правительство могло финансировать расширение за счет авансовых платежей подрядчикам, оплачивающим дополнительные расходы, и за счет авансирования денег другим через Совет по военным кредитам. Но когда контракты были расторгнуты, правительство больше не могло следовать этой системе финансирования, и подрядчикам потребовались месяцы или даже годы, прежде чем они смогли заключить свои расчеты с правительством. Все это время их вложенные деньги были бы связаны. В результате некоторые из наиболее глубоко вовлеченных компаний — и это были крупные концерны — оказались на грани фактического банкротства.

Для оказания помощи таким производителям Военное министерство при демобилизации продолжало осуществлять свой план авансовых выплат, с некоторой разницей, конечно. До заключения перемирия правительство, внося авансовые платежи, выплачивало процент от стоимости фактически выполненных работ. После перемирия не велось никакой работы, о которой можно было бы говорить; тем не менее практически во всех поселениях существовало множество статей расходов, которые были признаны законными и по поводу которых не возникало споров. Это были такие статьи, как материалы, находящиеся в поле зрения, оцененные и выставленные счета Военному министерству, а также такие статьи, как обязательства подрядчика перед его субподрядчиками. Военное министерство приняло политику осуществления платежей до окончательного расчета в размере до 75 процентов от своих принятых обязательств. Эти выплаты, составившие в общей сложности более 143 000 000 долларов, позволили производителям пережить период между прекращением работ и окончательным расчетом с правительством. Практика сохранения сотрудников Финансовой службы в качестве членов окружных комиссий по рассмотрению претензий способствовала

оперативной выплате этих авансов. Разумеется, при окончательных расчетах правительство вычло из сумм, причитающихся производителям, все авансы, предоставленные им.

Из этого плана видно, что Военное министерство, установив баланс с военной промышленностью, создало внутри себя то, что по сути было системой судов с регулярной процедурой обжалования и — для таких решений стала Комиссия по рассмотрению претензий Военного министерства — свод законов и прецедентов. Судебная система, однако, обладала преимуществом гибкости, простоты и быстроты действий, поскольку ей не препятствовало ни одно из правил и обычаев, которые ограничивают деятельность обычных судов. Суды военного министерства, если мы можем так назвать комиссии по рассмотрению претензий, были примирительными судами. Истцы воспользовались своими льготами добровольно. При определенных условиях они могли в любое время подать апелляцию в обычные федеральные суды; но там им пришлось столкнуться с многолетними судебными разбирательствами, прежде чем они смогли достичь окончательного урегулирования. Это дало системе военного министерства большое преимущество, которое Министерство использовало для получения выгодных условий для себя; однако следует сказать, что вся ликвидация проводилась в духе желания возместить подрядчикам все их расходы.

Теперь мы в состоянии понять неизбежный ущерб, нанесенный держателям неофициальных контрактов в первые месяцы после перемирия. Когда контролер Казначейства постановил, что неофициальные контракты недействительны, он запретил Военному министерству производить какие-либо авансовые выплаты этим жертвам патриотизма и спешки. Многие из них были так же сильно связаны финансовыми обязательствами, как и держатели действующих контрактов, и их платежеспособность была столь же ненадежной. Тем не менее, ни доллара государственных денег они не могли получить до тех пор, пока колесики законодательства не закрепили полномочия для урегулирования их претензий. Некоторые из их обстоятельств были особенно печальными.

В начале октября 1918 года одно из бюро военного министерства заказало определенному производителю изготовить 5000 рам для армейских грузовиков под гарантии того, что “последует официальный контракт”. Он ожидал получения этого документа, который оправдал бы его принятие обязательств по приобретению материалов, когда получил срочное сообщение из Вашингтона, в котором его умоляли как можно скорее доставить кадры. Он уступил и, не дожидаясь официального заключения контракта, потратил более 500 000 долларов на оборудование и материалы. Перемирие было подписано до того, как был выполнен его официальный контракт, а затем, когда производство было остановлено, он не смог получить ни пенни из причитающихся ему денег. Другой мужчина потратил 400 000 долларов на выполнение контракта только для того, чтобы после перемирия обнаружить, что его явно действующий контракт был подписан ненадлежащим образом и поэтому был отнесен к числу недействительных контрактов.

Закон о Денте придавал всем подобным претензиям юридическую силу, но этот закон вступил в силу только 2 марта 1919 года. Однако тем временем ликвидационный механизм Военного министерства занялся урегулированием неофициальных контрактов наряду с другими. Окружные советы определили для многих из них, какая часть работ была завершена, какие суммы правительство должно выплатить за поставленные материалы, какие компенсации производители должны получить за расходы, произведенные при подготовке к производству, и во многих случаях достигли полных соглашений относительно окончательного расчета единовременной суммой. Когда Закон о Денте был принят, этим соглашениям для вступления в силу требовалось только окончательное одобрение; и

поэтому урегулирование неофициальных претензий шло с большой скоростью после принятия разрешительного акта.

Закон о Денте наделил военного министра полномочиями корректировать неофициальные контракты на справедливых условиях с оговоркой (уже принятой в качестве политики при заключении действующих контрактов), что никакая предполагаемая прибыль не должна выплачиваться. Эти полномочия Госсекретарь делегировал Совету по претензиям Военного министерства, за двумя исключениями. Недействительные контракты, заключенные с канадскими производителями, должны были быть скорректированы Имперским советом по боеприпасам, подразделением Британского министерства боеприпасов, которое действовало в качестве агента Военного министерства при закупке армейских припасов в Канаде. Все контракты с другими иностранными производителями — в основном это были французские и британские производители — должны были заключаться различными иностранными агентствами и представителями Военного министерства.

Неофициальные контракты с американскими продюсерами были двух видов — те, о которых имелись письменные подтверждения, и те, о которых письменных доказательств не было. Первые были известны как контракты класса А, а вторые - как контракты класса В. Контракты класса А представляли собой контракты, которые казались формальными, но были оформлены ненадлежащим образом, или заказы на закупки, или переписку, в которой излагались условия контракта. Контракты класса В были соглашениями, полностью или частично устными. Контракты класса А не представляли трудностей для Комиссии по претензиям Военного министерства, и они были урегулированы в соответствии с обычной процедурой. Требовалось получение свидетельских показаний для установления условий контрактов класса В, а Комиссия по претензиям Военного министерства со своими вспомогательными комиссиями была слишком занята рутинной ликвидацией, чтобы добавлять к своему бизнесу эту новую объемную работу; и поэтому она, в свою очередь, делегировала обязанность по установлению условий контрактов класса В Комиссии по корректировке контрактов, о создании которой говорилось выше.

Комиссия по корректировке контрактов заслушала свидетелей, а затем вынесла решение относительно условий контракта класса В. После этого он сделал одно из двух: передал заключенный в настоящее время контракт в соответствующий окружной совет для урегулирования, или же он сам определил финансовые обязательства правительства и назначил премию производителю. В дополнение к этой работе Совет по корректировке контрактов Военного министерства, как удобное учреждение, также урегулировал всевозможные контракты, заключенные такими президентскими учреждениями, как Совет военной промышленности и Управление продовольствия Соединенных Штатов.

После вступления в силу Закона о Денте Военное министерство также предоставило неофициальным подрядчикам привилегию получать частичные платежи до окончательного расчета.

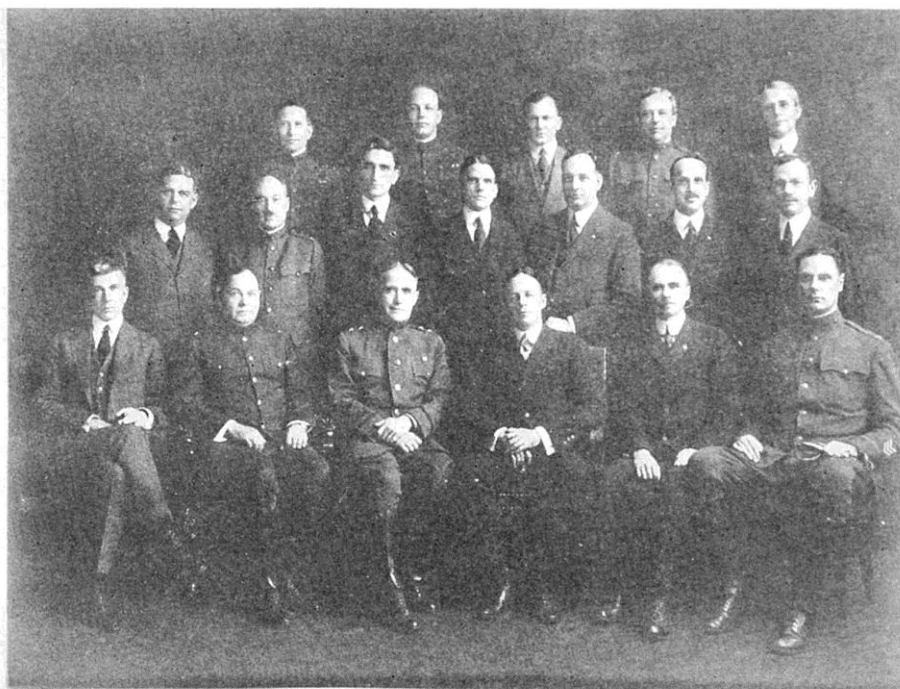
Такова, в общих чертах, была система, ликвидировавшая военную промышленность и установившая баланс между Военным министерством и производителями боеприпасов. Следует отметить несколько организационных деталей. Совет по претензиям Военного министерства значительно расширил свою собственную организацию во время этого эпизода, создав различные вспомогательные органы. Одним из них был его Постоянный комитет (состоящий из членов Правления), который выполнял большую часть фактической работы для Правления и представлял свои акты на рассмотрение всего Правления в форме резолюций. Эти резолюции со временем стали прецедентом для стандартизации всей

процедуры. Для решения инженерных и других технических вопросов Комиссия по претензиям Военного министерства создала свой Технический отдел, который, в свою очередь, учредил внутри себя Группу оценки оборудования, состоящую из людей, специально квалифицированных для оценки современной стоимости установок, возведенных производителями для Военного министерства, при том понимании, что Министерство оплатит эти установки или согласованную часть их стоимости. Специальный ревизионный комитет Правления также провел важную работу. Во время войны многие производители заключали контракты с двумя или более производственными бюро Военного министерства. После перемирия они подали отдельные иски об урегулировании таких контрактов. Всегда существовала опасность, что в этих исках будут дублироваться статьи таких расходов, как накладные расходы и износ оборудования. Комитет по аудиту объединил претензии отдельных производителей и, таким образом, позволил Комиссии по претензиям Военного министерства вычеркнуть дублирующие статьи затрат. Многочисленные подрядчики следовали старой процедуре мирного времени подачи претензий аудитору Военного министерства. Из этого источника поступило так много претензий, что Комиссия по претензиям Военного министерства учредила в офисе финансового директора Классификационную комиссию для разделения всех претензий, поступающих аудитору, и направления их в соответствующие комиссии бюро.

Эта система не имела никакого отношения к урегулированию претензий, возникающих в связи с операциями Военного министерства с недвижимостью во время войны. Поступили тысячи исков о возмещении ущерба, нанесенного имуществу, связанному с обучением армии. Для урегулирования таких претензий Военный министр использовал существующую Комиссию оценщиков Военного министерства, которая была создана для установления стоимости реквизированного имущества. Командующие военными постами проверили обоснованность претензий на недвижимость и рекомендовали присуждение премий. Они, после одобрения Советом оценщиков и Военным министром, были оплачены аудитором Военного министерства. Многочисленные претензии к недвижимости возникали по неофициальным и недействительным соглашениям, и состояние таких заявителей обычно было особенно беспомощным. Когда Военное министерство начало строить свой огромный завод по производству тринитротолуола в Расине, штат Висконсин, большое количество людей, домовладельцев и арендаторов, покинули стройплощадку без оформления письменных контрактов. Многие из этих людей продали своих сельскохозяйственных животных и предметы домашнего обихода. Перемирие прервало строительство завода, а затем владельцы недвижимости обнаружили, что они не имеют юридической силы перед правительством. Закон о Денте позволил Департаменту урегулировать эти и другие претензии по недвижимости, возникшие в соответствии с неофициальными контрактами, и Совет оценщиков произвел расчеты.

Канадские контракты, как официальные, так и неофициальные, были скорректированы Имперским советом по вооружениям, действовавшим совместно с двумя американскими офицерами, называемыми ассессорами, один из которых был специальным членом Комиссии по претензиям Военного министерства. Г-н Д. К. Джеклинг, директор государственных заводов по производству взрывчатых веществ Соединенных Штатов, скорректировал все невыполненные контракты и заказы в связи со строительством порохового завода в Нитро (Западная Вирджиния). Более 3200 фирм и частных лиц получили заказы на материалы для завода, а пожар на заводе сразу после перемирия уничтожил записи обо всех открытых заказах. Условия этих заказов были восстановлены путем переписки с подрядчиками. Специальный расчетный совет при Департаменте боеприпасов скорректировал расторгнутые контракты на строительство установок азотфиксации, санкционированных в

1 июля 1920 года Комиссия по претензиям Военного министерства, которая проводила ликвидацию военного бизнеса Министерства (за небольшими исключениями, отмеченными выше), прекратила свою работу и расформировалась, передав регулярной военной организации Военного министерства остатки оставшейся работы. Из 27 000 военных контрактов 26 000 были расторгнуты и урегулированы Министерством. На рассмотрении по-прежнему находилось 995 претензий, или менее 4 процентов от первоначального числа; но более половины аудиторской и другой предварительной работы по этим 995 претензиям было выполнено. Таким образом, ликвидация была завершена более чем на 98 процентов, и это спустя немногим более полутора лет после того, как правительство остановило самое мощное промышленное предприятие, за которое когда-либо брался народ. Оперативность и мудрость, проявленные при этом урегулировании, позволили военной промышленности свернуться и остановиться без потрясений для экономической структуры страны, стабилизировали бизнес, освободили банки страны от огромного бремени долгов, которые они несли производителям военной продукции, и, таким образом, безопасно и легко провели страну через то, что в противном случае могло бы стать самым острым деловым кризисом, который она когда-либо знала. Конкретно, в долларах и центах, эта работа принесла огромную материальную пользу правительству и народу Соединенных Штатов. Коэффициент ликвидации незавершенных частей военных контрактов составлял в среднем четырнадцать центов за доллар, то есть выплата правительством четырнадцати центов удовлетворяла контрактным обязательствам в размере одного доллара. При таком соотношении расчетов, произведенных Советом по претензиям Военного министерства, народ этой страны был избавлен от необходимости выплачивать более 3 300 000 000 долларов.



Wm. B. Shaw, J. S. May, A. H. Threlkeld, Wm. A. Starnes, Geo. W. Beaver, President Council, Thos. Stearns, John Ross, Related

Phomo Harris & Ewing

КОМИССИЯ ПО ПРЕТЕНЗИЯМ ВОЕННОГО МИНИСТЕРСТВА



Фото Корпуса связи

ЧТЕНИЕ ДЛЯ ВЫЗДОРАВЛИВАЮЩИХ ЗВЕЗДЫ И ПОЛОСЫ



Фото Корпуса связи

ПОЕЗД-ГОСПИТАЛЬ В США

ГЛАВА X

ДЕМОБИЛИЗАЦИЯ ПО БОЕПРИПАСАМ

Когда обычный человек говорит о боеприпасах, он имеет в виду боеприпасы и, еще более конкретно, ружья и амуницию. В этом он почти наполовину прав. Технически, слово “боеприпасы” включает в себя поставки для армии всех видов, даже конфет и сигарет, и в этом смысле это слово используется в этих томах; но из общего объема военных операций, проводимых для армии, закупки боеприпасов составляли 42 процента. Боеприпасы были, безусловно, самым крупным классом боеприпасов. Четыре тысячи американских заводов-производителей работали по контрактам на поставку боеприпасов во время войны. На этих заводах работало почти 3 000 000 человек.

Сам по себе размер индустрии военного снаряжения сделал бы проблему его демобилизации серьезной, но она также была осложнена особыми трудностями. Производство большинства артиллерийских материалов радикально отличалось от производства любых изделий, известных в обычной американской промышленности. Квартирмейстерский отдел закупал для армии продовольствие, одежду, обувь, ручные инструменты и многие другие предметы снабжения, которые, хотя часто имели специальную конструкцию, тем не менее мало отличались от тех товаров, с которыми подрядчики уже были знакомы. Инженерный корпус использовал множество материалов, обычно используемых в мирных целях. Помимо боеприпасов, одно только производство самолетов вывело нашу промышленность на нетронутые просторы.

Таким образом, те заводы, которые производили для армии продукцию, по существу аналогичную продукции, потребляемой гражданским населением, были готовы после перемирия вернуться к нормальной торговле с небольшими внутренними изменениями. Но артиллерийские заводы — это была совсем другая история. В производстве боеприпасов война стала свидетелем самых жестоких преобразований на заводах. Производители печатных станков изготавливали орудийные лафеты новой и сложной конструкции; производители швейных машин и автомобилей взялись за трудную задачу производства гидropневматических рекуператоров для поглощения отдачи полевых орудий; производители пишущих машинок и водометов изготавливали запалы замедленного действия для снарядов; фабрики по производству женских плащей шили шелковые мешочки для пороха; производитель фонографов производил авиационные бомбовые прицелы; а один производитель отказался от современного бизнеса по изготовлению корсетов и занялся древним занятием изготовления палаток. Почти для всех этих заводов контракты на поставку боеприпасов фактически подразумевали физическое переоборудование их заводов для совершенно других производственных процессов. Для них демобилизация также означала не менее серьезное нарушение оборудования и процессов при возвращении к их прежней работе.

После перемирия перед Департаментом боеприпасов стояла задача ликвидировать свой крупный военный бизнес — остановить работы, избавиться от сырья и заготовок, оставшихся наполовину готовыми, когда колеса останавливались, что-то сделать со специальными заводами и даже целыми городами, построенными правительством или для правительства в рамках ведения военного предприятия, возместить миллионы, авансированные на финансирование производителей боеприпасов, и, наконец, погасить наличными обязательства правительства перед производителями, возникшие после расторжения контрактов.

Хотя по размерам и сложности эта проблема была ужасающей, при ее решении не было никаких колебаний, не было периода, когда предприятие зависало в нейтральном положении, не двигаясь ни вперед, ни назад. Производство боеприпасов достигло новых пиков, когда Департамент боеприпасов в Вашингтоне предпринял первые шаги к своему расчленению. В конце октября 1918 года, когда наступление Аргонн-Маас достигло цели и стало очевидно, что занавес на театре военных действий может в любой момент опуститься, главные артиллерийские офицеры провели секретное совещание однажды воскресным днем в Вашингтоне и впервые рассмотрели возможную демобилизацию. На этом совещании начальник артиллерийского управления назначил комиссию для быстрого изучения организации Артиллерийского управления, чтобы определить, способна ли эта организация без изменений перейти к остановке работ и восстановлению отрасли на ее прежней основе. Эта же комиссия позже стала Советом по претензиям в связи с боеприпасами, агентством, которое контролировало всю индустрию демобилизации боеприпасов. Конечно, как и все другие советы по претензиям бюро, она была дочерней структурой Совета по претензиям Военного министерства. Совет по претензиям в связи с боеприпасами был официально создан приказом от 2 ноября и, таким образом, просуществовал девять дней, когда было подписано перемирие. Его начальником был бригадный генерал У. С. Пирс. Его членами были полковник Р. П. Ламонт, который был президентом Американской металлургической корпорации до и после своей военной службы в Мировой войне; полковник Г. Х. Стюарт, офицер-артиллерист Регулярной армии; подполковник М. Ф. Бриггс, юрисконсульт из Нью-Йорка; подполковник Ф. Р. Айер, регистратор Восточной производственной компании из Бангора, штат Мэн; и мистер Уолдо Х. Маршалл, президент Американской локомотивной компании, Нью-Йорк.

Комиссия пришла к выводу, что существующая организация — полевые администрации тринадцати районов производства боеприпасов — превосходно приспособлена к работе по закрытию военного бизнеса. Окружные организации были созданы для того, чтобы дать Департаменту боеприпасов механизм, с помощью которого он мог поддерживать непосредственный контакт с процессом производства, не перегружая штаб-квартиру в Вашингтоне до такой степени, что компетентное управление становилось невозможным. Их грубо сравнили с пожарными выходами в театре, распределенными так, чтобы предотвратить скопление людей у парадных дверей. В районных организациях было занято 33 000 гражданских лиц, офицеров в форме и рядовых, и благодаря этим огромным силам офис в Вашингтоне поддерживал такой тесный контакт с работой, испытаниями и достижениями своих производителей, как если бы он пользовался услугами всего лишь одной фабрики. Люди, работавшие на артиллерийских заводах, знали военные заводы так же хорошо, как свои собственные офисы. Они были знакомы с подрядчиками, с субподрядчиками, с начальниками цехов и бригадами, а часто и с самими рабочими. Очевидно, что они были компетентны судить о том, с какой скоростью производство может быть остановлено без ущерба для отрасли или ее работников, и определять корректировки в расчетах, которые были бы справедливы для обеих сторон.

Стоит остановиться на минутку, чтобы изучить тринадцать артиллерийских округов и отметить города их штаб-квартир, их протяженность, характерные виды боеприпасов, производимых в каждом из них, и главного специалиста по производству в каждом.

Торонто. Охватил всю Канаду. Производил в основном снаряды, обработанные и готовые к заряданию, особенно 75-миллиметровые снаряды. Как отмечалось в предыдущей главе, вся промышленная демобилизация в Канаде проводилась Имперским управлением по боеприпасам, два члена которого были специальными представителями Совета по

претензиям Военного министерства, направленными в Канаду после перемирия с этой целью.

Бриджпорт. Включал Коннектикут и четыре округа Массачусетса. В первую очередь стрелковый округ, производящий все пистолеты и револьверы, все штыки, все автоматические винтовки, более миллиона служебных винтовок, большую часть крупнокалиберных пулеметов и почти все боеприпасы к стрелковому оружию, поставляемые по военным контрактам. Г-н Уолдо К. Брайант из Бриджпорта был главой округа.

Бостон. Включал остальную часть Новой Англии. Главный производитель солдатских ремней, ранцев, столовых комплектов и другого личного артиллерийского снаряжения; производил большое количество боеприпасов для стрелкового оружия, а также ускорители и адаптеры (для снарядов) и лафеты для 155-миллиметровых гаубиц. Г-н Леви Х. Гринвуд, глава округа.

НЬЮ-ЙОРК. Включал Нью-Йорк, Лонг-Айленд и девять других округов Нью-Йорка и двенадцать округов Нью-Джерси. Основной производитель боеприпасов для позиционной войны. Производил много толуола и был изготовителем снарядов, запалов и гильз. Загружено более трети всех артиллерийских боеприпасов, отправленных за границу. Шеф, мистер Джордж Дж. Робертс, вице-президент Корпорации государственной службы Нью-Джерси.

Филадельфия. Включала восточную Пенсильванию, часть Нью-Джерси и весь Делавер. Главный производитель служебного оружия и главный производитель бризантных взрывчатых веществ. Огромная деятельность по заряданию снарядов. Шеф, мистер Джон К. Джонс, президент Harrison Safety Boiler Works.

Балтимор. Включал весь Мэриленд, кроме двух западных округов, и весь округ Колумбия, а также штаты Вирджиния, Северная и Южная Каролина. Ведущий район зарядания шрапнелю и большой район загрузки снарядов. Здесь находился крупнейший завод по производству нитрата аммония. Производились все 37-миллиметровые орудия. Шеф, подполковник А. В. Барнс, бывший президент Американской книжной компании.

Рочестер. Охватывал весь штат Нью-Йорк, а не район Нью-Йорка. Основным производством были пулеметы Льюиса, винтовки Энфилда, 75-миллиметровые полевые пушки, шрапнель, пикриновая кислота и оптическое стекло. Шеф, г-н Фрэнк С. Ноубл, исполнительный директор компании Eastman Kodak Company.

Кливленд. Северный Огайо и три северо-западных округа Пенсильвании. Производил готовые крупнокалиберные орудия, взрыватели для снарядов, 75-миллиметровые лафеты, крепления для железнодорожной артиллерии и 6-тонные танки. Шеф, мистер Сэмюэл Сковил, бывший президент Cleveland Electric Illuminating Company.

Детройт. Включал штат Мичиган. Производил рекуператоры отдачи орудий, артиллерийские машины, крупнокалиберные снаряды и мины для траншейных минометов. Шеф, мистер Фред Дж. Робинсон, президент лесозаготовительной компании "Лоури-Робинсон".

Чикаго. Включал северный Иллинойс и группу штатов на северо-западе вплоть до Монтаны. Производил гусеничную тягу для танков и артиллерии, орудия, лафеты, рекуператоры, снаряды и гранаты; округ также был насыщен контрактами на оборудование для восточных заводов по производству боеприпасов. Шеф, мистер Э. А. Рассел, вице-президент лифтовой компании Otis.

Питтсбург. Включал западную Пенсильванию, за исключением трех округов, двух округов западного Мэриленда, двух округов Огайо и всю Западную Вирджинию. Главный субподрядный район по производству необработанной стали и стальных поковок. Здесь располагался проект артиллерийского завода на острове Невилл. Производилось оптическое стекло в больших количествах. Шеф, мистер Ральф М. Драво, из компании Dravo Brothers, contractors, Питтсбург.

Цинциннати. Южный Огайо, Индиана и Южнее. Был главным районом азотфиксации и главным производителем бездымного пороха. Включая Дейтон с 200 заводами, занимающимися исключительно производством боеприпасов. Производил танки, снаряды, взрыватели, оптические приборы и станки для военных заводов. Окружной глава, мистер К. Л. Харрисон, капиталист из Цинциннати.

Сент-Луис. Включал южную Индиану и шестнадцать западных штатов. Производил черный грецкий орех, толуол и пикриновую кислоту. Шеф, мистер Марвин Э. Синглтон, бывший президент East St. Louis Cotton Oil Company.

После перемирия производственные комитеты, отвечающие за двенадцать американских артиллерийских округов, стали, без существенных изменений в своей организации, комиссиями по претензиям артиллерийских округов. Каждое правление состояло из семи членов — бизнесменов и, по крайней мере, одного юриста — с такими техническими помощниками, какие им были необходимы. Первым исполнительным актом по демобилизации, который должны были принять эти советы, было определение того, какие военные контракты должны быть немедленно расторгнуты, какие из них должны быть сокращены с минимальными затратами для правительства и минимальным ущербом для промышленности и рабочей силы, а какие из них должны быть доведены до завершения.

Часто было выгодно позволить подрядчикам действовать без помех. Некоторые из этих боеприпасов, которые будут ценными и необходимыми элементами нашей военной техники на долгие годы вперед, только что достигли стадии производства на заводах после многих месяцев дорогостоящих экспериментов и подготовки. Очевидно, было неразумно прерывать эти проекты, не имея ничего, что можно было бы показать, кроме больших расходов. Кроме того, правительству иногда было выгодно довести контракт до конца с финансовой точки зрения. Например, подрядчик в округе Чикаго,, почти завершил изготовление нескольких крупных машин для установки на восточном заводе по производству боеприпасов. Расторжение контракта обошлось бы правительству в 90 000 долларов в качестве компенсации и оставило бы на его руках некоторое количество полуфабрикатов, имеющих лишь бросовую ценность. Правительству больше не нужны были готовые машины, и все же их доработка обошлась бы всего в 14 000 долларов больше. Это было сделано, и позже Департамент вооружения смог продать машины частному покупателю более чем за 100 000 долларов, таким образом вернув практически все деньги, которые он заплатил подрядчику.

Чтобы обеспечить фактическую основу для всех подобных административных действий при демобилизации, окружные советы сначала провели быструю, но тщательную инвентаризацию ситуации в сфере производства боеприпасов. Это они сделали с помощью анкет, разосланных всем подрядчикам. Каждая анкета, возвращенная в окружной совет, показывала статус контракта на тот момент и то, как расторжение контракта повлияет на бизнес подрядчика и его сотрудников. Общая политика в области боеприпасов заключалась в том, чтобы разрешить подрядчикам (после первой чрезвычайной приостановки, которая, как следует помнить, была запрошена сразу после подписания перемирия) продолжать свою работу в уменьшающихся масштабах в течение нескольких недель, пока они не примут меры

для возобновления коммерческой деятельности. Некоторые контракты, включая все просроченные стандартные контракты, предусматривали прекращение работы по уведомлению за тридцать дней. Однако, если применение этого положения привело бы к значительному росту безработицы, районные советы разрешили таким подрядчикам завершить производство в среднем за тридцать дней, но распределить работу на более длительный период времени.

Существовали вариации общей политики, когда она применялась к специальным классам артиллерийской промышленности. Например, многим подрядчикам, которые занимались механической обработкой артиллерийских снарядов, было разрешено поддерживать свои заводы в полном режиме до 31 января 1919 года, когда работы пришлось резко прекратить. Все исходные отрасли, то есть отрасли, производящие грубые поковки и другое сырье и полуфабрикаты для изготовления боеприпасов, были немедленно сняты с производства на войне. Затем, также, как уже отмечалось, в различных классах крупнокалиберных боеприпасов или боеприпасов чрезвычайно сложного изготовления заказы были значительно сокращены, и подрядчикам было разрешено продолжать и достраивать остатки, независимо от того, сколько времени это могло занять. Такие боеприпасы включали лафеты, рекуператоры, резервуары, оптические приборы и другие предметы снабжения в том же роде. Это сокращение производства продолжалось более года после общей остановки военной промышленности. Некоторые танки Mark VIII (англо-американской конструкции) были поставлены в Армию уже 1 июня 1920 года.

Работа по прекращению производства велась в других классах производства так быстро (а они составляли большую часть артиллерийской промышленности), что к 1 января 1919 года почти все производство военных боеприпасов было либо прекращено полностью, либо сократилось до нулевой отметки в соответствии с конкретными соглашениями. После 1 февраля действовали только заводы по производству военных боеприпасов, упомянутые в предыдущем параграфе.

Несмотря на то, что производство боеприпасов было остановлено, правительство достигало взаимопонимания с подрядчиками по производству боеприпасов относительно урегулирования их претензий. С этой целью в большинстве производственных районов члены правления ездили из города в город, выступая на больших собраниях подрядчиков и разъясняя им общую политику ликвидации, принятую Военным министерством. В общих чертах эта политика заключалась в следующем: правительство забирало у подрядчика по себестоимости все материалы, которые он специально закупил для своего контракта, но которые он не использовал. Правительство возместило бы ему всю работу, выполненную по его контракту, за все использованные материалы, за все деньги, выплаченные в виде заработной платы, и за все законные накладные расходы, а правительство, в свою очередь, взяло бы на себя все материалы на различных этапах их завершения. Кроме того, правительство будет рассматривать как надлежащие расходы все, чего подрядчику стоило бы расторгнуть и урегулировать свои субподрядные договоры, и оплатит эти расходы. Наконец, в определенных случаях правительство выплачивало деньги в качестве компенсации стоимости машин и инструментов, приобретенных специально для использования в военных целях, причем сумма должна была быть пропорциональна объему выполненных работ. И все остальное, что у подрядчика было не по карману на законных основаниях, оплачивало правительство. Когда различные расходы объединялись в единовременную сумму, к этой сумме правительство добавляло 10 процентов в качестве прибыли. Более того, это позволило бы получать 6-процентный процент на деньги, которые

подрядчик вложил в материалы, считая от среднего времени покупки до даты расчета; но это не позволило бы дополнительно получать 10-процентную прибыль от этих инвестиций.

Эти условия получили широкое признание, хотя и не приносили предполагаемой прибыли, и в связи с этим различные округа стали аренами большой активности, поскольку артиллерийские офицеры работали с подрядчиками, чтобы ускорить предъявление последними требований об урегулировании. Инспекторы и агенты, нанятые окружными правлениями, проверяли товарно-материальные запасы производителей, упаковывали и откладывали материалы для доставки правительству, в то время как районные бухгалтеры проверяли отчеты о расходах. Каждый полевой агент окружного совета был назначен ответственным за несколько конкретных претензий. Он стоял рядом с подрядчиком и помогал ему придать иску надлежащую форму. Преобладал дух дружелюбия. По многим причинам подрядчик хотел произвести расчет как можно быстрее, и окружной агент был рядом, чтобы сообщить ему, какие пункты его претензии были бесспорными, а какие, скорее всего, будут оспорены, тем самым отложив окончательное урегулирование. Когда окружной агент и подрядчик договорились относительно претензии, они неофициально направили ее одному из членов окружной комиссии по рассмотрению претензий, чтобы узнать его мнение. Если он считал, что его правление вряд ли разрешит определенные пункты, подрядчика обычно можно было убедить не включать такие пункты. Претензии, подготовленные в таких условиях, не представляли особых трудностей для различных комиссий по рассмотрению претензий, и большинство из них были урегулированы без сучка и задоринки в ходе разбирательства.

Большинство подрядчиков были готовы отказаться от своих технических прав, чтобы избавить правительство от оплаты бесполезного производства, но некоторые были упрямы. Один человек, работавший по контракту с оговоркой о расторжении в течение тридцати дней, намеренно увеличил объем производства в пять раз, чтобы получить от правительства максимальную сумму. Когда Департамент боеприпасов узнал о его плане, это сразу нарушило контракт и позволило продюсеру подать жалобу, если он продолжит ее лелеять, в суд. Редкий пример такого рода, однако, приводится только для того, чтобы по контрасту показать преобладающее отношение к промышленному сотрудничеству с правительством. Многочисленные производители опустили в своих заявлениях многие пункты, обоснованность которых, вероятно, можно было бы подтвердить на будущих переговорах, но которые, однако, подлежали тщательному изучению и, следовательно, являлись фактором задержки расчетов.

Колеса военной промышленности не перестали вращаться до того, как правительство начало производить авансовые платежи в счет погашения промышленных претензий. Если подрядчики были щедры, то и правительство тоже. Первое достигнутое урегулирование полностью проиллюстрировало позицию Военного министерства. Нью-Йоркский подрядчик подал иск на сумму около 15 000 долларов. 20 января 1919 года он сообщил в окружную комиссию по претензиям Нью-Йорка, что через два дня ему предстоит выплатить вексель на сумму 10 000 долларов - долг, возникший в связи с исполнением его военного контракта. Член Совета по претензиям Нью-Йорка лично передал эту претензию в Вашингтон и на следующий день добился ее одобрения Советом по претензиям по боеприпасам вместе с разрешением на аванс в размере 10 000 долларов подрядчику до окончательного утверждения и урегулирования Советом по претензиям Военного министерства. Финансовый инспектор округа Нью-Йорк вовремя заплатил более 10 000 долларов, чтобы предотвратить распространение записки в знак протеста.

Шли недели, и бедственное положение нью-йоркского производителя повторялось снова и снова. Производители боеприпасов после расторжения своих контрактов столкнулись с огромными финансовыми обязательствами, которые им пришлось бы выполнить задолго до того, как механизм ликвидации смог бы удовлетворить их требования. Таким производителям система частичных авансовых платежей приносила большое облегчение. Политика авансовых платежей не только спасла многочисленные концерны от финансового краха, но и стимулировала общую коммерческую реконструкцию и возобновление нормального бизнеса, высвободив крупные суммы денег и снова пустив их в обращение. И, не следует забывать, система в значительной степени помогла правительству добиться от подрядчиков благоприятных условий расчетов, предложив вознаграждение в виде досрочных выплат тем, чей военный бизнес был быстро ликвидирован.

Поскольку расчеты по субподрядам основных подрядчиков были признанными расходами, которые правительство было обязано оплатить при первичных расчетах, было жизненно важно, чтобы Департамент вооружения вмешался, чтобы добиться для основных подрядчиков максимально благоприятных условий при расчете по их субподрядам. Разумеется, каждый субподрядчик имел законное право настаивать на полном выполнении своего контракта, и его нельзя было принудить к этому пугалом в виде Суда по рассмотрению претензий и его длительной процедуры. Он мог обратиться в суды штата и обеспечить соблюдение своих прав в разумные сроки. Таким образом, о духе военной промышленности свидетельствует тот факт, что отделы по рассмотрению претензий артиллерийского округа без особых трудностей рассчитались с субподрядчиками на выгодных условиях. Основные подрядчики не были так заинтересованы в этих условиях, как правительство, поскольку, какими бы ни были расходы по урегулированию субподряда, правительству пришлось бы их оплатить. Представители районных советов с готовностью убедили субподрядчиков в качестве спортивного предложения добровольно отказаться от предполагаемой прибыли и принять прибыль в размере 10% от фактически выполненной работы, даже если на это были готовы пойти основные подрядчики, которые в первую очередь взяли на себя основной риск. Усилия полевых агентов в этом направлении сэкономили правительству многие миллионы.

Первая полная претензия, полученная Советом по претензиям в связи с боеприпасами, поступила из округа Детройт 10 января 1919 года. Первый иск, который должен был быть окончательно урегулирован Советом по претензиям в связи с боеприпасами, был принят 20 февраля. Окружные советы по претензиям отправили объемистые и ценные документы об урегулировании в Вашингтон курьером, вместо того чтобы доверить их почте. Когда система вошла в привычный режим, Комиссия по претензиям на боеприпасы приняла решение по средней претензии в течение недели после ее прибытия в Вашингтон. В среднем правительство выплачивало в рамках урегулирования претензий артиллерийских подрядчиков сумму, равную примерно 12 процентам от номинальной стоимости незавершенных частей контрактов. Средний контракт на поставку боеприпасов влек за собой государственные обязательства на сумму где-то от 100 000 до 250 000 долларов, но многие из них были намного больше. Корпорация "Марлин-Роквелл" из Нью-Хейвена, штат Коннектикут, один из основных производителей пулеметов и стрелкового оружия, предъявила иск почти на 14 000 000 долларов. Одним из крупнейших военных контрактов был контракт с Американской автомобильной и литейной компанией номинальной стоимостью более 100 000 000 долларов. Напротив, Комиссия по претензиям Нью-Йоркского артиллерийского округа, которая урегулировала этот контракт, урегулировала другой (субподряд) за 1,50 доллара. Иск компании DuPont Powder Company против Департамента боеприпасов составлял около 3 280 000 долларов — это в рамках урегулирования контрактов на сумму 50 000 000 долларов. Нью-Йоркская компания Air Brake Company предъявила в

Комиссию по претензиям в отношении боеприпасов Рочестера претензии на общую сумму 9 000 000 долларов. Окружной совет Нью-Йорка урегулировал 206 претензий на сумму 1,00 доллара КАЖДАЯ, подрядчики добровольно воздержались от предъявления каких-либо претензий сверх установленной законом суммы в долларах, которая должна была быть выплачена для придания урегулированию законного характера.

Во время ликвидации боеприпасов произошло много интересных эпизодов. Округ Сент-Луис был основным источником древесины черного ореха, добытой во время войны. Из грецкого ореха делали ружейные затворы и пропеллеры самолетов. Во время охоты за грецким орехом в этом районе мы обнаружили, что собираем урожай там, где Германия пожинала плоды до нас. Бывшие массивные насаждения грецкого ореха в этом районе были вырублены в последние годы, большая часть древесины была отправлена в Германию через порты Персидского залива. И все же наш сбор был успешным. Деревья грецкого ореха, растущие поодиночке или небольшими группами, все еще можно было встретить вдоль проселочных дорог, на фермерских участках, по краям фруктовых садов и затеняющих территорию усадеб. Нигде не было обнаружено более тридцати деревьев в группе. Следовательно, достаточный запас грецкого ореха для заводов по производству боеприпасов зависел от тщательного обследования всей американской сельской местности в ореховых регионах. В этой работе правительству помогали десятки тысяч добровольцев, привлеченных широкой оглаской. Бойскауты превратили свои походы в охоту за грецкими орехами. Сельский врач, разъезжающий по окрестностям священник, охотник за пчелами и охотник на ондатр - все они взяли на себя труд обнаружить насаждения орехового дерева и сообщить о них. В результате неожиданно большое количество древесины было получено из регионов, предположительно лишенных ее. В день перемирия торговцы древесиной обнаружили, что запаслись достаточным количеством черного ореха, чтобы удовлетворить все коммерческие потребности на пять лет вперед.

Один из лесозаготовительных крейсеров Министерства боеприпасов обнаружил рощу черных ореховых деревьев, затенявших фермерский дом женщины, живущей в Миссури. Она терпеть не могла жертвовать своими деревьями, но прислушалась к призыву патриотизма и приняла предложение в размере 1100 долларов за них. Затем, когда агент ушел с ее подписанным соглашением в кармане, она раскаялась в своей сделке и так сильно горевала о предстоящей потере, что деревенский священник предложил средство правовой защиты. Он сказал ей, что предполагаемая выручка от продажи пойдет на покупку автомобиля, в котором она сможет ездить по стране и среди приятных сельских пейзажей забывать о разрушениях, которые вскоре разыграются в ее собственном дворе. Она последовала этому предложению, купила машину за 1080 долларов и в качестве оплаты дала записку, которую согласилась снять, когда правительство заберет деревья и заплатит ей деньги. Перемирие наступило до того, как появились лесорубы, и Департамент вооружения расторг контракт с лесоторговцем. В результате у женщины осталась наполовину подержанная машина, вексель в банке, на погашение которого у нее не было средств, и роща грецких орехов, в которой правительство не нуждалось. Комиссия по рассмотрению претензий округа Сент-Луис не смогла облегчить ее страдания, но один из членов комиссии довел дело до сведения собрания военных подрядчиков; и было решено, что леди Миссури сохранит и свой автомобиль, и ореховые деревья.

Окружная комиссия по рассмотрению претензий Нью-Йорка удовлетворила на сумму 275 000 долларов иск китайской торговой корпорации Wah Chang Trading Corporation, которая поставила большое количество сурьмы, используемой при изготовлении шрапнельных пуль.

В нью-Йоркском округе также был заключен контракт с Японской бумажной компанией на поставку бумажных парашютов для перевозки плавучих сигнальных огней. Контракт был небольшим, однако при его заключении было раскрыто, что насчитывалось около 10 000 субподрядчиков — отдельных японских семей, работающих в своих собственных домах в Японии. В сложившихся обстоятельствах правление отказалось от обычного правила, согласно которому к каждой претензии по основному контракту должны быть поданы заявления об урегулировании, заверенные каждым субподрядчиком.

Каждая из окружных комиссий по рассмотрению претензий вела в своих помещениях график выполнения работ, который каждый день графически показывал объем выполненных работ по ликвидации предприятий и сумму, которую еще предстоит выполнить. В одиннадцати округах этот график имел форму термометра, где поднимающаяся стрелка ртутного столба показывала объем выполненных работ. На двенадцатом — в Кливленде — на диаграмме была изображена бутылка со знаменитым напитком, который в эти засушливые дни заменяет пиво, и задачей правления было опорожнить эту тару.

В первую годовщину перемирия система промышленной демобилизации Департамента боеприпасов ликвидировала значительную часть военного бизнеса. Окружные советы удовлетворили 94 процента всех предъявленных претензий подрядчиков, а Совет по рассмотрению претензий по боеприпасам в Вашингтоне удовлетворил 73 процента претензий по боеприпасам. Расчеты на тот момент обошлись Соединенным Штатам почти в 131 000 000 долларов, но на эту сумму были урегулированы незавершенные части контрактов на сумму примерно в 1 000 000 000 долларов; и при определении чистых затрат на ликвидацию для Соединенных Штатов из суммы, выплаченной в рамках этих расчетов, еще предстояло вычесть поступления от продажи материалов, приобретенных в рамках расчетов. К концу 1919 года окружные советы удовлетворили 97 процентов всех претензий, а Совет по претензиям в связи с боеприпасами - 81 процент. К тому времени общая сумма, утвержденная к выплате при корректировке претензий, составила более 166 000 000 долларов.

Однако во второй половине 1919 года вступила в силу иная система расселения. К тому времени около трех четвертей претензий по боеприпасам были урегулированы, по существу, в духе заключения сделок и компромисса, при этом правительство уступало баллы, а подрядчики уступали их для скорейшего достижения соглашений. Те, кто торговался от имени правительства, были по большей части первоначальными членами районных организаций, людьми, которые были связаны с отраслью с самого начала. Однако по мере того, как количество незаконченных дел уменьшалось, члены окружных советов по рассмотрению претензий один за другим покидали государственную службу и возвращались к своим собственным делам, пока к осени 1919 года советы не стали состоять в основном из новых членов, большинство из которых были армейскими офицерами в форме, которые не имели таких близких отношений с подрядчиками. Внутри правительства также нарастал дух критики переговорного метода урегулирования контрактов, даже несмотря на то, что сделки были весьма выгодны правительству. Было высказано мнение, что следует использовать более традиционные методы. Результатом стало заметное замедление темпов промышленной демобилизации в Департаменте боеприпасов.

Кажется уместным здесь сказать несколько слов в честь людей, производивших наши боеприпасы во время войны. Популярный образ военного подрядчика - это образ человека, раздутого новым богатством и тратящего свои деньги на буйную расточительность. Это обвинение, во всяком случае, не может быть предъявлено производителю боеприпасов. Вместо того, чтобы получать прибыль, средний артиллерийский подрядчик был рад уйти с предприятия с целым финансовым фондом. Многим повезло меньше. Беспристрастное расследование, проведенное Департаментом боеприпасов по всей сфере военного производства, показало, что не более чем у одного подрядчика из трех или четырех, когда бизнес закрывался, было что показать за свой военный опыт, кроме чувства удовлетворения от того, что он служил своей стране.

В свете того факта, что так мало из них вообще извлекли выгоду и так много понесли фактические убытки, примечательно, что они не были более разборчивыми в дембельских соглашениях; но непреложным фактом остается то, что они были склонны просить меньше, а не больше, чем полагалось им по их законным правам. Такое отношение соответствовало всему их поведению во время войны. В истории американской промышленности нет главы, более достойной похвалы, чем история отношения и достижений производителей боеприпасов во время Мировой войны. Эти люди взялись за дело с рвением, непревзойденным ни в одной другой части военной организации. Работая в условиях, с которыми американская промышленность никогда прежде не сталкивалась, они смирились с препятствиями, которые были поставлены перед нацией ее собственными миролюбивыми традициями, и работали вместе, как единое целое, чтобы преодолеть эти препятствия. Они преобразовали свои производственные предприятия, не задумываясь о бизнесе, который им однажды придется возобновить. Они взялись производить в количествах, которые ранее даже не предполагались, сложные боевые материалы, сами названия которых были им незнакомы. Несмотря на растущие затраты на материалы и рабочую силу, им удалось сбить цены на винтовки, пулеметы, взрывчатку, шрапнель и другие важные товары, поставляя правительству не только продукт высшего качества, но и продукт, который обходился правительству дешевле, чем другие страны, находящиеся в состоянии войны, платили за те же товары. Чтобы достичь этого результата, они выбросили свое обычное соперничество на свалку, раскрыли друг другу свои коммерческие секреты и фактически стали партнерами в едином предприятии по снабжению американских войск лучшими боеприпасами, которые могла производить американская промышленность.

Как правило, прибыльным военным подрядчиком был тот, кто поставлял товары, по сути, аналогичные тем, которые производились в обычное время. Но поставки такого рода были почти неизвестны во всем ассортименте боеприпасов. Типичным случаем было обнаружить в день перемирия артиллерийский завод, который еще не был запущен в производство в полном объеме по первоначальному контракту. Это произошло из-за трудностей, возникших при производстве более важных боеприпасов. Месяцы войны были отмечены большими затратами денег на расширение заводов и разработку технологических процессов, и перемирие остановило разработку до того, как она достигла прибыльной стадии.

Производители не пытались отыгаться при последующей ликвидации бизнеса. Эти приговоры не предназначены для того, чтобы полностью оздоровить всех производителей боеприпасов — некоторые из них стремились получить больше, чем имели моральное право получить; некоторые, такие как сельский торговец лошадьми, применили старую процедуру бартера, запросив больше, чем они ожидали получить. Но там, где один человек отстаивал свои права до последнего пенни, можно было найти с полдюжины других, которые вообще не претендовали на деньги, на которые они имели законное право. Великая сталелитейная

промышленность, в частности, демонстрировала аристократическое презрение к тому, чтобы требовать по заслугам. Многие производители стали, не говоря ни слова, прикарманили свои убытки: фактически, правительство заключило удивительное количество контрактов на поставку боеприпасов по установленному законом одному доллару за штуку и таким образом сэкономило себе миллионы, за которые оно несло юридическую ответственность. Когда любопытные артиллеристы спросили некоторых из этих подрядчиков, почему они не заявили о своих полных правах, те ответили, что победа над Германией была для них достаточной компенсацией. Как выразился один из них, достижения американских мальчиков во Франции дали ему возможность побороться за свои деньги.

В Питтсбургском районе два производителя стали заключили контракты практически на один и тот же вид материала и примерно в одном и том же масштабе. Одним из них был небольшой концерн, который большую часть времени находился в тупике, чтобы финансировать свое военное предприятие. Другой была одна из крупнейших корпораций Соединенных Штатов, обладавшая достаточными финансовыми ресурсами. В Совет по претензиям в связи с боеприпасами поступили два иска о расторжении контрактов примерно идентичных характеристик. Один из исков был в несколько раз больше другого, и, естественно, власти Вашингтона поставили под сомнение более крупный иск. Они пришли к выводу, что последнее требование было справедливым во всех деталях. Было обнаружено, что меньшее из двух требований требовало сумму в качестве компенсации, намного меньшую, чем имел право получить производитель. Более крупный иск был подан производителем, чьи финансы не могли понести никаких потерь; меньший - крупной корпорацией, упомянутой выше. Оба иска были удовлетворены в полном объеме.

Из 317 крупных контрактов на поставку боеприпасов в округе Питтсбург правительство заключило 149 контрактов на общую сумму более 23 000 000 долларов по 1,00 доллара каждый. В этом и других округах тысячи субподрядчиков простили основным подрядчикам их юридические обязательства, не перечислив ни копейки. В округе Филадельфия главные подрядчики расторгли тысячи своих субподрядов и ничего не сказали о них в своих требованиях о ликвидации. Эти случаи щедрости были обнаружены только тогда, когда Департамент боеприпасов проверил, почему окончательные расчетные расходы были намного ниже предварительной оценки этих расходов, составленной в первые поспешные дни после заключения перемирия.

Рекорд американского производства боеприпасов не был безупречным — он был слишком велик для этого, — но, принимая во внимание общее отношение производителей, утверждается, что участие в этой военной промышленности было выдающейся честью.

ГЛАВА XI Артиллерия

Демобилизация индустрии военных боеприпасов заключалась в гораздо большем, чем простая офисная операция по расчету с подрядчиками. Она включала в себя огромную полевую деятельность, представляющую огромный практический интерес как для Военного министерства, так и для общественности. Перемирие застало Соединенные Штаты в состоянии промышленной подготовки к войне, которое было бы недостижимо при любых

других обстоятельствах. Мировая ситуация вынудила нас превратить американскую промышленность в огромный завод по производству боеприпасов, который после прекращения военных действий только начинал выпускать некоторые из наиболее необходимых материалов для ведения войны. Этот завод был приобретен только за счет крупной ипотеки (в форме государственных военных облигаций), размещенной на будущее, и, следовательно, было бы глупостью полностью закрывать бизнес, не имея ничего, что могло бы принести плоды всех усилий, кроме долгов и осознания того, что существование бизнеса оказало психологическое влияние на победу в войне и защиту Соединенных Штатов. Разумнее всего было спасти от демонтажа военной промышленности материальное оборудование, которое должно было обеспечить национальную военную страховку на долгие годы; и именно это и сделало Министерство боеприпасов.

При создании этого оборудования Департамент боеприпасов столкнулся с тремя основными вопросами: (1) какое количество материалов должно позволить промышленности продолжать производство до окончательного закрытия, (2) что делать со зданиями и оборудованием, которые правительство предоставило предприятию, и (3) как распорядиться излишками как материалов, так и оборудования сверх будущих потребностей правительства.

Артиллерия является наиболее важным из всех военных припасов. На производство артиллерии и боеприпасов к ней правительство потратило больше денег, чем на любой другой отдельный класс материалов. С точки зрения производства артиллерийская установка состоит из трех основных частей — самой орудийной трубы, рекуператора (или возвратного механизма) и лафета с прилегающими к нему кессонами. Каждая из этих производственных фаз вызвала к существованию в течение 1917-1918 годов огромные отрасли промышленности. В день заключения перемирия девятнадцать заводов, построенных заново, выпускали орудийные и гаубичные трубы со скоростью почти 800 штук в месяц - цифра, которую можно сравнить с ежегодным производством в АМЕРИКЕ семидесяти пяти орудий до 1917 года. Пять крупных заводов, построенных заново ценой многих миллионов, были заняты изготовлением рекуператоров французской конструкции, а другие производители изготавливали возвратные механизмы американского и британского типа. Каретки, передние части и кессоны, будучи, в конце концов, колесными транспортными средствами, не представляли особой производственной проблемы, и поэтому не было необходимости создавать новую промышленность для их производства. Тем не менее, в контрактах на перевозку была задействована значительная часть автомобилестроительной промышленности Соединенных Штатов. Тем не менее, по той причине, что производители транспортных средств могли быстро перейти к производству артиллерийских лафетов, физическая демобилизация этой отрасли промышленности не представляла особых трудностей, основные проблемы были связаны с прекращением производства орудийных стволов и рекуператоров. Эти проблемы включали вопросы о запасах, которые необходимо было произвести до роспуска отраслей промышленности, и последующем хранении производственных мощностей, чтобы предоставить Соединенным Штатам потенциальный производственный потенциал, который можно было бы быстро использовать в случае новой войны.

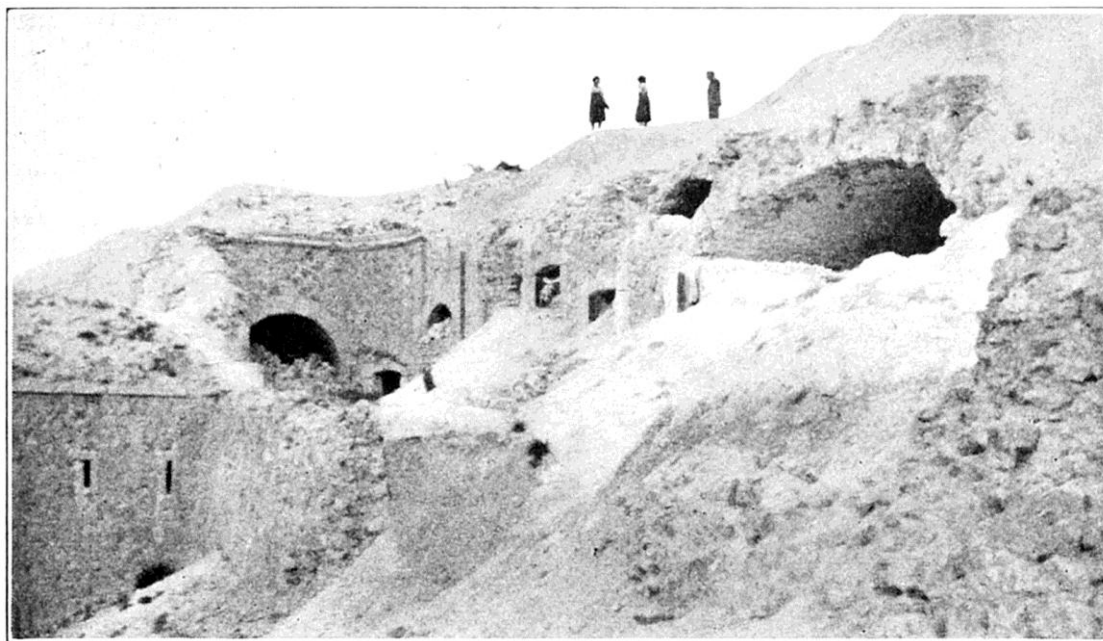


Фото Говарда Э. Коффина

ОПУСТОШЕНИЕ , ПРОИЗВЕДЕННОЕ НЕМЕЦКИМИ ОРУДИЯМИ В ФОРТЕ БЛИЗ РЕЙМСА

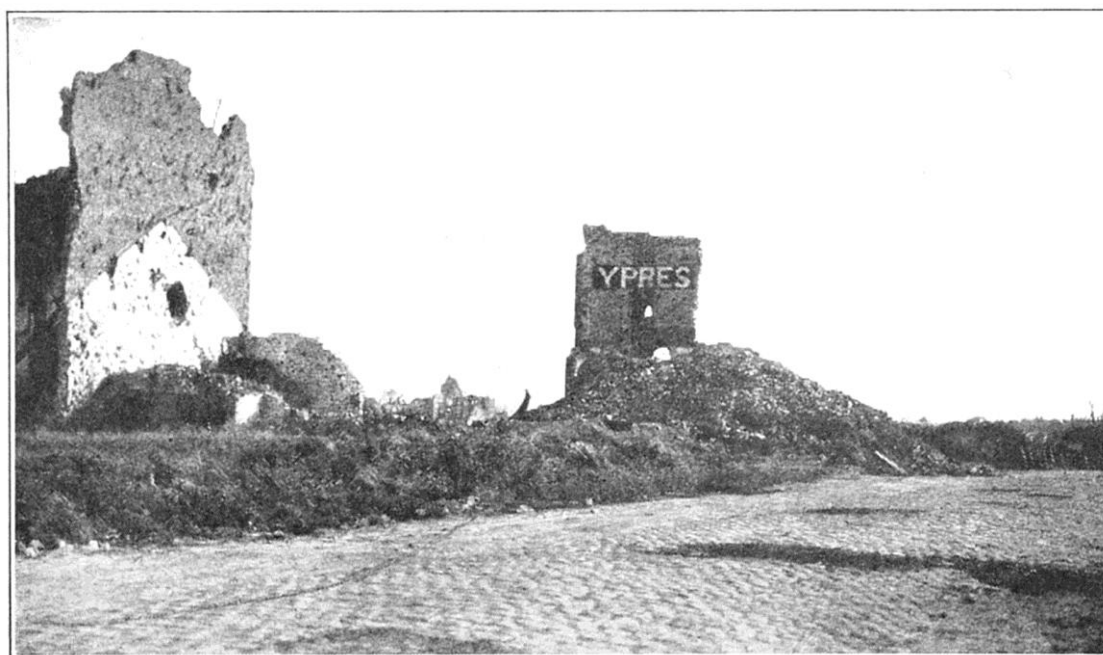


Фото Говарда Э. Коффина

“ДВОРНИКИ” ГОТОВЫ ДЛЯ ТУРИСТОВ

Несколько важных соображений повлияли на ответы на эти вопросы. Во-первых, весь наш проект по производству артиллерии был нацелен на 1919 год, и тем временем американские экспедиционные силы закупили большое количество артиллерии во Франции и Англии — в общей сложности около 5500 полевых орудий новейших конструкций. Включая захваченную технику, после перемирия ВВС отправили обратно в Соединенные Штаты около 6000 орудий с их полным снаряжением - передками, кессонами и транспортными средствами снабжения. Этого самого по себе было достаточно, чтобы вооружить крупные полевые силы; и, на первый взгляд, этот резерв, казалось, делал ненужным вообще какое-либо производство

боеприпасов на наших собственных заводах после перемирия. Однако в качестве противовеса существовала ситуация в промышленности. Оружейные заводы были тяжелыми работодателями рабочей силы. Немедленное закрытие их всех могло бы привести к серьезному росту безработицы в ущерб национальному процветанию. Кроме того, было выгодно отдать приказ о почти полном завершении *оснащения* в день перемирия, и эта процедура была принята в качестве общей политики.



Фото Говарда Э. Коффина

ФРАНЦУЗСКИЕ И НЕМЕЦКИЕ АВИАЦИОННЫЕ ДВИГАТЕЛИ ПОСЛЕ БОЯ



Фото Говарда Э. Коффина

РАЗРУШЕННЫЕ ТАНКИ БЛИЗ КАМБРЕ

Общие правила и политика в лучшем случае могли служить оперативникам Артиллерийского управления лишь приблизительными ориентирами. Каждый из девятнадцати оружейных

заводов решал свои особые задачи при демобилизации. Процесс закрытия заводов можно проиллюстрировать на примере того, что происходило после перемирия на заводе Bullard Engineering Works в Бриджпорте, Коннектикут.

Это был завод по производству 155-миллиметровых пушек — только ствольных. 155-я, французское оружие, была самым мощным полевым орудием, использовавшимся ВВС, железнодорожные пушки не считались полевыми орудиями. Предложение полезной модели 155 никогда не соответствовало спросу. Французские заводы не могли поставить столько, сколько требовалось ВВС; и из-за сложности производства рекуператора нашей собственной промышленности не удалось выпустить ни одного полностью собранного агрегата до перемирия, хотя все детали были успешно изготовлены готовыми к сборке. Таким образом, это был важный класс артиллерии, в котором существовал дефицит, и поэтому Департамент боеприпасов проявил щедрость, разрешив производство после перемирия.

Компания Bullard Engineering Works заключила контракты на производство 1400 155-миллиметровых орудийных стволов. В первый день перемирия было поставлено сорок пять готовых труб, и еще 500 труб проходили через завод на различных стадиях завершения. Многие из этих незавершенных объектов прошли через сложный процесс усадки. Пистолеты изготавливаются из слоев стали, каждый из которых нагревается, накладывается на соседний, а затем подвергается усадке в различных процессах охлаждения, таким образом создавая в стальных слоях сжатие, которое позволяет пистолету выдерживать огромное внутреннее давление без деформации. Офицеры-артиллеристы ознакомились с ходом работ на заводе в Булларде и приказали завершить строительство 500 единиц, находящихся в процессе производства, расторгнув остальную часть большого контракта.

Эта акция была предпринята на одиннадцатый день перемирия. Компания ожидала, что сможет завершить производство оставшихся 500 пистолетов за шесть месяцев - курс, который позволил бы свернуть производство и оружейникам найти другую работу. Два месяца спустя было обнаружено, что другие отрасли промышленности с готовностью поглощают избыточную рабочую силу оружейного завода, и поэтому в предполагаемом производстве было произведено еще одно сокращение, количество заказанных доработок было сокращено до 262. Они должны были быть закончены к 15 апреля 1919 года, после чего военные работы на заводе должны были полностью прекратиться.

Теперь обратите внимание на меры, принятые для прекращения работы. Очевидно, что в ходе операции после заключения перемирия правительству планировалось доставить 262 готовых орудия и 238 незаконченных. Последнее потребовало бы от правительства затрат в миллионы долларов. Как промышленный товар эти незавершенные трубы имели бы ценность только как стальной лом, который можно было бы переплавить и превратить в другие изделия. Однако для правительства они имели реальную военную ценность. В случае новой войны, которая начнется до того, как современные типы артиллерии устареют, армии понадобятся не только запасы готовых к использованию орудий, но и другая крупная оружейная промышленность для производства оружия для неограниченно расширяющихся полевых сил. Следовательно, надлежащие военные запасы должны состоять не только из пушек, но и из резервных мощностей для производства оружия — машин и инструментов, конструкций, планов и инструкций, и, особенно, черновых поковок элементов оружия, чтобы в момент организации и оснащения нового оружейного завода он мог начать работу, не дожидаясь недель и месяцев, пока с кузнечных заводов поступят исходные материалы. Заводу Булларда было поручено прекратить работы над незавершенными установками в таких местах, которые позволили бы будущим оружейникам, при необходимости, возобновить работу без затруднений. Однако все незавершенные узлы перед

выбрасыванием должны были пройти процесс усадки. Различные обручи и оболочки, которые усаживаются на оружейные трубки, обрабатываются с точностью, выраженной в тысячных долях дюйма. При обработке тяжелых металлов такая точность обычно неизвестна. Очевидно, что даже небольшая ржавчина нарушила бы прилегание контактных поверхностей и испортила бы разобранные кожухи и обручи, и поэтому компании было поручено собрать эти скоропортящиеся элементы, прежде чем прекращать работу. После усадки все незавершенные детали были промыты жиром, упакованы для защиты и убраны на хранение для использования, согласно плану, в производстве, которое будет необходимо при обслуживании артиллерийского оборудования в мирное время. Некоторые из незавершенных трубок Булларда 155-х годов позже были переданы в арсенал Watervliet и там закончили установку оборудования. После перемирия арсенал пополнился 300 орудиями такого размера.

По сути, в том, что касалось частично готовых единиц, это была процедура, которой следовал Департамент боеприпасов на всех девятнадцати аварийных оружейных заводах. Хотя заводы, производящие черновые поковки для оружейных заводов, были изъяты из этой отрасли военных работ сразу после перемирия, Департамент боеприпасов зарезервировал и хранил запас поковок, чтобы поддерживать будущие оружейные заводы в рабочем состоянии до тех пор, пока не будут запущены в производство новые кузнечные заводы.

Семнадцать аварийных оружейных заводов были полностью закрыты после перемирия. Два остаются среди военных активов Соединенных Штатов, находящихся, как говорится, “в обычном пользовании”, что означает, что они закрыты, но готовы с оборудованием и материалами на всех стадиях завершения, чтобы начать полноценную эксплуатацию, как только будут наняты рабочие и начнутся пожары. Эти два дополнения к нашей арсенальной системе были названы Оружейным заводом в Рочестере и гаубичным заводом в Эри; и на этих двух заводах и в правительственных арсеналах Департамент боеприпасов сосредоточил огромное количество машин, инструментов, чертежей и материалов, оставшихся в его распоряжении после роспуска оружейной промышленности, созданной войной, и все это хранилось так систематически, что Военное министерство в любое время на долгие годы вперед, во всяком случае, теоретически, может быстро восстановить оружейную промышленность в масштабах, известных в 1918 году. Недавно было предложено перенести объекты в Рочестере в какое-нибудь другое место.

Наличие этого производственного оборудования в распоряжении Министерства боеприпасов дает Соединенным Штатам более мощный военный потенциал, чем когда-либо прежде. Впервые в нашей истории само правительство в мирное время располагает обширными мощностями для производства легкой и среднетяжелой артиллерии. До войны армия закупала все свои полевые орудия (да и те лишь в незначительных количествах) в основном у частных производителей. Два его оружейных арсенала, Уотертаун и Уотервлит, производили в основном крупные орудия для стационарной установки в прибрежных фортах. Прежде чем показать, что было сделано на заводах в Рочестере и Эри, стоит сделать паузу, чтобы отметить наследие, полученное от военной промышленности 1917-1918 годов двумя созданными оружейными арсеналами.

Арсенал Уотертауна сегодня является главным постоянным предприятием Военного министерства по производству оружейных поковок. Watervliet - крупнейший завод по отделке оружия. Ценой многих миллионов эти два учреждения были построены и расширены в огромных масштабах во время войны. После перемирия эти два арсенала получили резервные поставки оборудования и материалов, используемых для изготовления более тяжелых полевых орудий — в основном 155-миллиметровых пушек и 240-миллиметровых

гаубиц, — кузнечного оборудования в Уотертауне, отделочного оборудования в Уотервлите. Оборудование для производства более легких орудий хранилось в основном на заводах в Нью-Рочестере и Эри.

Благодаря новому оборудованию, установленному на арсенале Уотервлит во время войны, это учреждение достигло производственной мощности в шестьдесят 155-миллиметровых орудий в месяц и шестьдесят 240-миллиметровых гаубиц. Сегодня эти объекты установлены и готовы к немедленной эксплуатации. Но в дополнение к собственному заводу арсенала, Департамент боеприпасов имеет в Уотервлите запас оборудования, достаточный для производства пятидесяти двух 155-миллиметровых гаубиц, семнадцати 4,7-дюймовых орудий и сорока девяти 75-миллиметровых пушек ежемесячно. Это оборудование в случае новой войны должно быть отправлено на аварийные военные заводы и установлено на них. Кроме того, в Уотервлите хранилось все оборудование военного времени для производства зенитных орудий. Одним из более поздних изобретательских достижений Мировой войны было увеличение мощности и без того мощной 155-миллиметровой пушки за счет увеличения ее калибра до 194 миллиметров и увеличения ее длины, что позволило создать совершенно новое оружие, но того же типа, что и 155-я пушка. Ни одно из этих орудий на самом деле не было построено во время войны, но оборудование, способное производить двадцать таких орудий ежемесячно, входит в состав оборудования Watervliet, треть этого оборудования установлена и нуждается лишь в небольшой перестройке и модификации, чтобы быть готовой к немедленной эксплуатации.

Все это оборудование на заводе Watervliet для производства полевых орудий среднего веса простаивает и, вероятно, будет оставаться таковым до тех пор, пока огромный запас готовой артиллерии, накопленный во время войны, продолжает иметь военную ценность. Если не случится еще одной большой войны, которая нарушит планы, единственным производством легкой полевой артиллерии в этой стране на долгие годы впредь будет то, что является результатом работы небольшого экспериментального оружейного завода в Уотервлите, который будет поддерживаться в рабочем состоянии с единственной целью, чтобы Соединенные Штаты могли идти в ногу с прогрессом артиллерийского производства. Всякий раз, когда разрабатываются усовершенствования, необходимые изменения, если Конгресс выделит средства и нынешние амбиции будут реализованы, будут внесены в резервную технику, чтобы позволить ей выпускать улучшенные модели с самого начала эксплуатации.

Между тем Уотервлит и Уотертаун останутся такими же, какими они были до 1917 года — главной опорой армии на ее орудия самых крупных калибров для использования в прибрежных фортах и на железнодорожных креплениях. В лучшем случае производство такого оружия является медленным и сложным процессом, и единственный способ обеспечить его поставку - это продолжать производить его постоянно. Уотертаун производит поковки для этих пушек, а Watervliet, располагая собственным отличным оборудованием, дополненным машинами с демонтированных военных заводов, теперь может производить пушки калибром до 16 дюймов и гаубицы от 12 до 16 дюймов. На Уотервлите также хранилось кое-что из оборудования со склада американской базы боеприпасов во Франции для переоснащения крупнокалиберных орудий и приведения их в рабочее состояние.

Теперь давайте посмотрим на два главных вспомогательных предприятия двух оружейных арсеналов, оружейный завод в Рочестере и гаубичный завод в Эри, которые в настоящее время являются “резервными” заводами по производству полевой артиллерии меньших размеров — 75-миллиметровых и 4,7-дюймовых пушек и 155-миллиметровых гаубиц. Оружейный завод в Рочестере, располагающий собственными боевыми инструментами и оборудованием, сосредоточенным там во время демобилизации, теперь оснащен для

выпуска 360 75-миллиметровых орудий ежемесячно. Его оборудование включает в себя не только сложное отделочное оборудование, но и цех, способный производить термическую и черновую обработку 200 комплектов черных поковок для пистолета ежемесячно. Один только этот завод может производить 75 единиц оружия, чтобы соответствовать потребностям великой армии, включая ее боевые потери, пока не появится новая оружейная промышленность. Все здания построены из новых стальных и бетонных конструкций. Завод был построен на двенадцати с половиной акрах земли в Рочестере во время войны компанией "Симингтон-Андерсон" для правительства. Сейчас этот участок арендован правительством. Его покупка гарантировала бы дальнейшее существование этого важного военного актива.

Завод в Рочестере работает совершенно обычным образом: оборудование смазано и упаковано в коробки, материалы в каждом цехе готовы к механической обработке, но единственными обитателями зданий являются сторожа. Не менее важной частью оборудования завода является книга, содержащая подробное механическое описание каждой из 521 производственной операции по производству 75-миллиметрового орудия и включающая даже схему, показывающую правильную организацию рабочих сил на заводе. Однако даже такие полные планы не могут быть составлены так, чтобы включать небольшие перегибы и короткие пути цеховой практики, которые должны быть разработаны и усвоены на основе реального опыта работы на станках. Таким образом, любая будущая группа работников завода должна была бы изучить малоизвестные секреты производства, прежде чем завод смог бы достичь высокой эффективности.

На заводе по производству гаубиц в Эри применялась аналогичная процедура. Здесь, на одиннадцати акрах того, что в августе 1917 года было пустырем, Американская компания Brake Shoe & Foundry Company шесть месяцев спустя выпустила готовые 155-миллиметровые гаубицы и перед перемирием достигла производственной мощности в двенадцать гаубиц в день. Сегодня завод представляет собой полноценный оружейный завод, хотя все его оборудование смазано и размещено по местам, а в его отсеках слышны только шаги сторожей. Хотя он был выбран в основном как резервный завод по производству 155-миллиметровых гаубиц, в цехе было сосредоточено оборудование и оснастка, используемые Северо-Западной артиллерийской компанией для производства 4,7-дюймовых орудий на ее военном заводе в Мэдисоне, штат Висконсин. Производительность этого оборудования составляла четыре таких орудия в день. Гаубичный и оружейный цеха занимают отдельные здания. В третьем корпусе было установлено оборудование для производства снарядов для 155-миллиметровых пушек.

Оборудование, установленное в Эри, спроектировано таким образом, чтобы обеспечить увеличение мощности двух видов оружия, которые будут производиться там. Гаубица может быть увеличена в длину (тем самым увеличивая ее дальность), а калибр 4,7-дюймовой пушки может быть увеличен до 5 дюймов, не требуя фундаментальных изменений в механизме.

Текущее промышленное положение Соединенных Штатов в отношении производства мобильной полевой артиллерии можно увидеть в следующей таблице, обобщающей предыдущие параграфы:

*Место
производства*

Типа оружия

*Ежемесячная
производственная*

		<i>мощность</i>
Оружейного завода в Рочестере	75-миллиметровая пушка	360
Ватервлит Арсенал	75-миллиметровая пушка	49
Гаубичный завод Эри	4,7-дюймовая пушка	100
Ватервлит Арсенал	4,7-дюймовая пушка	17
Гаубичный завод Эри	155-миллиметровая гаубица	200
Ватервлит Арсенал	155-миллиметровая гаубица	52
Ватервлит Арсенал	155-миллиметровая пушка	60
Ватервлит Арсенал	240-миллиметровая гаубица	60
Общая мощность производства оружия в месяц		898

Это прекрасное оружие, все, кроме одного, разработанное французами, создателями лучшей из известных полевых артиллерийских установок, и производившееся до войны только во Франции, было бы бесполезно без рекуператоров, механизмов поглощения отдачи, которые делают возможной современную быструю стрельбу. Вместе с пушками к нам поступили проекты четырех французских гидропневматических рекуператоров. Французы вначале колебались, предоставлять ли нам свои планы восстановления сил - не потому, что они не хотели, чтобы у нас была лучшая артиллерия, но потому что они думали, и вполне обоснованно, что мы никогда не сможем построить их вовремя, чтобы они могли пригодиться в Мировой войне, хотя было возможно, что после войны, путем долгих и решительных усилий, мы могли бы подготовить механиков, которые могли бы их изготовить. Однако только внезапное окончание войны помешало французским рекуператорам американского производства служить на фронте, поскольку все они были успешно произведены в этой стране до перемирия, включая единственный экземпляр вызывающего недоумение 75-миллиметрового рекуператора. Их производили три огромных, специально оборудованных завода и два правительственных арсенала.

Миллионы долларов были потрачены на подготовку к строительству французских рекуператоров. Производственная компания Singer построила отличный завод в Элизабетпорте, штат Нью-Джерси, для производства 75-миллиметровых рекуператоров. Арсенал Рок-Айленда оборудовал новый цех для создания такого же механизма. Братья Додж потратили 11 000 000 долларов на огромный завод в Детройте по производству рекуператоров для 155-миллиметровых пушек и гаубиц, отдельных конструкций и отдельных производственных предложений. Четвертый тип, 240-й, был запущен в производство на заводе, оборудованном для этой цели компанией Otis Elevator Company в Чикаго. Только один из механизмов, 155-миллиметровый гаубичный рекуператор, достиг стадии серийного производства до заключения перемирия. На миллионы, потраченные на другие, у правительства был только опыт и некоторое количество поковок и полуфабрикатов-рекуператоров, имевших лишь металлоломную ценность в том виде, в каком они существовали на день перемирия. Поэтому Департамент боеприпасов не остановил это жизненно важное производство сразу после заключения перемирия.

Компания Singer работала над заказами на 2500 75-миллиметровых рекуператоров. Хотя к 11 ноября 1918 года компании не удалось создать ни одного приемлемого рекуператора, ее технологические процессы были усовершенствованы почти до такой степени, что они могли начать производить эти прекрасные металлические скульптуры в большом количестве. К моменту заключения перемирия компания Willys-Overland построила около 300 вагонов для

75-й французской армии, и было решено разрешить компании Singer построить рекуператоры для этих вагонов и еще 450 в качестве резерва. Позже соображения экономии вынудили компанию Singer произвести в общей сложности 247 рекуператоров, что привело к дефициту по сравнению с вагонами.

Тем временем, следует помнить, арсенал Рок-Айленда работал над 75-миллиметровыми рекуператорами. Было решено сохранить отдел рекуперации в качестве действующего подразделения арсенала. Arsenal немного опередила компанию Singer в разработке, поскольку она фактически произвела приемлемый рекуператор еще до перемирия; и в цехе находилось в процессе производства 542 других. Таким образом, производство самого арсенала было ограничено этим количеством, но неполные установки из Элизабетпорта позже были переведены на Рок-Айленд, и арсенал в конечном итоге завершил производство 555 75-миллиметровых рекуператоров, прежде чем закрыть отдел. Они были объявлены во всех отношениях равными французскому продукту.

Военное министерство не предоставило арсенальных мощностей для производства рекуператоров для 155-миллиметровых пушек и гаубиц, но сосредоточило всю свою программу производства обоих механизмов на заводе Dodge в Детройте. После перемирия сначала было решено сохранить завод Dodge в качестве резервного завода по производству рекуператоров. Все оборудование и материалы были защищены от износа, и завод, находящийся под охраной, был добавлен в систему arsenal, став дочерним предприятием Rock Island Arsenal. Позже завод Dodge был продан, и почти половина его оборудования была перевезена на Рок-Айленд.

План демобилизации артиллерии и промышленной подготовки в этом направлении теперь очевиден. Арсенал Уотертауна является центром разработки сырья для артиллерийского производства. Арсенал Watervliet с его резервными заводами в Рочестере и Эри является центром производства оружия. Арсенал Рок-Айленда - центр производства лафетов и рекуператоров.

Следует отметить одно исключение из этой схемы. Производителями 240-миллиметровых рекуператоров военного времени были две компании — лифтовая компания Otis в Чикаго и арсенал Уотертауна. Завод Otis, первоначально имевший заказы на 1000 рекуператоров, получил приказ закончить 250 из них после перемирия. После этого часть его оборудования была передана и хранилась в арсенале Уотертауна, который, таким образом, остается центром производства этого тяжелого механизма.

Во время демобилизации Департаменту боеприпасов не было необходимости проявлять такую заботу о будущем производстве артиллерийских лафетов, и по упомянутой причине изготовление лафетов было проще, чем изготовление орудий и рекуператоров. Вагоны могут быть изготовлены с использованием оборудования, по сути, того же, что используется при производстве грузовиков, уличных трамваев и других тяжелых транспортных средств. Следовательно, Военное министерство ограничилось резервированием достаточного количества техники для оснащения в арсенале Рок-Айленда образцового вагоностроительного цеха, достаточно большого, чтобы поддерживать существующие запасы артиллерии и экспериментировать с новыми конструкциями. Теперь этот завод может ежемесячно производить сто лафетов для более легкой полевой артиллерии — для 75-х, 4,7-х и 155-х калибров, как гаубиц, так и пушек. Кроме того, на Рок-Айленде сосредоточены приспособления, калибры и специальные инструменты, используемые военными заводами, это оборудование упаковано в коробки, занесено в каталог и готово к немедленной отправке на коммерческие заводы, которые могут быть привлечены для срочного изготовления

артиллерийских лафетов. Однако никаких станков, использовавшихся в вагоностроении, сохранено не было.

Те же экономические, военные и деловые причины, которые повлияли на производство пушек и рекуператоров после перемирия, привели также к закрытию заводов по производству лафетов. После того, как непосредственная военная потребность в них отпала, было налажено значительное производство лафетов полевой артиллерии.

Военные заказы на артиллерию предусматривали производство около 20 000 комплектных единиц, состоящих из пушки, рекуператора, лафета и сопутствующих передних частей и кессонов. Общий объем производства, связанный с войной, составил 6663 полных единицы, произведенных примерно наполовину до перемирия и наполовину после. Стоимость этого *материала* вместе с сохраненными полуфабрикатами составила около 300 000 000 долларов.

После перемирия Генеральный штаб принял политику, согласно которой при демобилизации должно быть сохранено достаточное количество мобильной полевой артиллерии для оснащения армии из двадцати дивизий — 800 000 человек — резервами для покрытия боевых потерь в течение шести месяцев, в течение которых будет создана новая артиллерийская промышленность. Интересно отметить, насколько полно Департамент боеприпасов соблюдал эту политику. Включая 6000 полевых орудий, привезенных американскими экспедиционными силами (эта цифра не включает захваченную *технику*), в настоящее время армия располагает примерно 10 000 артиллерийскими единицами.⁷ В штабном плане указано 2583 75-миллиметровых орудия, которые должны находиться в резерве: фактически армия располагает 6000. Планируемая армия из двадцати дивизий нуждается в 986 155-миллиметровых гаубицах: Военное министерство располагает 2171. Планируемые силы должны располагать 976 155-миллиметровыми орудиями: на сегодняшний день армия располагает 993. Эти значительные преимущества обеспечиваются во всем диапазоне действия мобильных полевых орудий.

Исходя из теории (и это правильная теория), что все деньги, вложенные в артиллерию до перемирия, должны быть списаны как часть стоимости победы, производство полевой артиллерии после перемирия было разумной сделкой для Военного министерства. Потратив 6 000 000 долларов на доработку 75-миллиметрового *оборудования* после перемирия, правительство получило имущество стоимостью более 14 500 000 долларов. Потратив 11 000 000 долларов на проект создания 155-миллиметровой пушки после перемирия, правительство обеспечило артиллерию на сумму 18 000 000 долларов. Потратив 9 000 000 долларов на 155-миллиметровые гаубицы после перемирия, правительство получило *материальные средства* стоимостью 15 000 000 долларов.

Хранение огромных запасов полевой артиллерии представляло особую проблему для Департамента боеприпасов после заключения перемирия. Требовалось хранить не только само оружие, но и вспомогательные транспортные средства, а последних было в несколько раз больше, чем пушек. Например, американские заводы изготовили 18 000 кессонов и 20 000 ограничителей кессонов только для 75-миллиметровых орудий, а вспомогательные транспортные средства в таких же пропорциях были доставлены из Франции А.Е. Ф. Для размещения всего *материального* оборудования требовалось около 5 000 000 квадратных футов складских площадей. Арсенал Рок-Айленда был выбран в качестве центра хранения полевой артиллерии, дополненного складскими помещениями, созданными на испытательном полигоне Саванна в Иллинойсе, испытательном полигоне Эри в Огайо и испытательном полигоне Абердин в Мэриленде. Часть артиллерии хранилась в арсенале

Раритан в Нью-Джерси и в форте Д. А. Рассел в Вайоминге. Для хранения артиллерии Департамент боеприпасов использовал кирпичные склады, а также переносные стальные хранилища, первоначально построенные для защиты резервной американской артиллерии во Франции. Департамент боеприпасов сохранил полную инженерную коллекцию трофейной артиллерии противника, по одному экземпляру каждого типа, и это было выставлено в качестве экспоната в Абердине. Коллекция включает в себя полный комплект знаменитой немецкой 42-сантиметровой гаубицы, использовавшейся против укреплений Льежа и Вердена.

Демобилизуя промышленность, производившую нашу железнодорожную артиллерию, Департамент боеприпасов снова воспользовался возможностью обеспечить будущую оборону Соединенных Штатов; и в этой отрасли военной промышленности мы также обнаруживаем тот же процесс сокращения производства после перемирия, завершение производства некоторых материалов, которые приближались к завершению на момент перемирия, и сохранение оборудования для обеспечения возможной будущей промышленности. В результате этих мер Атлантическое побережье теперь защищено системой мощных орудий, установленных на железнодорожных вагонах и способных перемещаться по обычным железнодорожным путям, дополненным новыми путями, проложенными как во время, так и после войны Корпусом береговой артиллерии, в любую точку, которая может нуждаться в обороне. До 1917 года все наши орудия береговой обороны были установлены на стационарных огневых точках в фортах. Лагерь Абрахам Юстис, возникший во время войны как посадочный лагерь артиллерии в Ньюпорт-Ньюсе, был передан на постоянной основе корпусу береговой артиллерии и в настоящее время является штабом железнодорожной бригады береговой артиллерии. К счастью, железнодорожные узлы, которые ближе всего были достроены в день перемирия, лучше всего подходили для использования на морском побережье.

Следует понимать, что проект создания железнодорожной артиллерии заключался в изготовлении креплений для орудий, большинство из которых уже существовало. Эти орудия поступали в основном со стационарных установок береговой обороны, но некоторые из них поступали от военно-морского флота и из других источников. Размеры орудий варьировались от 7-дюймовых винтовок, закупленных у военно-морского флота, до 16-дюймовых гаубиц, одна из которых была экспериментально сконструирована Департаментом боеприпасов до 1917 года. Два или три железнодорожных проекта — например, проект 7-дюймовых военно-морских орудий и проект трех 12-дюймовых орудий, первоначально произведенных для Чили, но реквизированных на оружейном заводе Соединенными Штатами, — были завершены в день перемирия. Когда Департамент боеприпасов столкнулся с задачей ликвидации отрасли, в железнодорожной артиллерии было восемь незавершенных проектов. Два были полностью отменены; в трех других было разрешено частичное производство после перемирия; а последние три были завершены полностью.

Одним из проектов, завершенных после перемирия, было изготовление железнодорожных креплений для сорока семи 8-дюймовых винтовок 35 калибра для морского побережья. Два подрядчика — Morgan Engineering Company из Альянса, штат Огайо, и Harrisburg Manufacturing & Boiler Company из Гаррисберга, штат Пенсильвания, — построили восемнадцать полных единиц, каждая из которых состояла из оружейного вагона и многочисленных вспомогательных амуниционных и ремонтных вагонов, целого поезда в отдельности, и изготовили все детали для остальных. Эти детали были заказаны в собранном

виде. Это чисто американское крепление обладает преимуществом, позволяющим орудию вести огонь под любым углом, поскольку крепление вращается на барбетном лафете, и недостатком, заключающимся в том, что при движении по узкоколейным путям (таким, какие прокладываются в изолированных местах вдоль побережья) его орудие необходимо переносить на специальный орудийный вагон — перенос, однако, быстро осуществляется оборудованием, которое имеется в самом орудийном поезде. Семьдесят семь вагонов с боеприпасами к этим орудиям, построенных специально для использования во французских железнодорожных составах и, следовательно, бесполезных в этой стране, были проданы французскому правительству примерно за 250 000 долларов - цена, которая покрывала каждый цент, затраченный на их производство.

Во втором проекте, завершенном после перемирия, двенадцать 12-дюймовых орудий были установлены на французских железнодорожных установках Batignolle. Это крепление поглощает отдачу оружия в огромном гидropневматическом рекуператоре, обеспечивая быструю стрельбу и крепление орудийной тележки к гусенице во избежание любого движения назад. (Несколько железнодорожных креплений соскользнули назад, и их приходилось восстанавливать для прицеливания после каждого выстрела.) 12-дюймовая установка, однако, допускает лишь небольшой поперечный разворот орудия, которое, следовательно, для правильного прицеливания должно двигаться по изогнутым гусеницам, или *epis*, как их еще называют. Эти крепления были построены компанией Marion Steam Shovel Company с использованием оборудования, частично принадлежащего правительству. По завершении работ это оборудование было отправлено в арсенал Уотертауна.

Последним завершенным проектом была установка девяти 12-дюймовых минометов (берегового вооружения) на железнодорожные вагоны. Инженерная компания Morgan Engineering Company построила специальный завод стоимостью 3 500 000 долларов для этой единственной работы, обеспечив мощность по изготовлению монтажных, в двенадцать раз превышающую мощность Арсенала в Уотертауне до 1917 года — и этот арсенал был единственным источником крупнокалиберных установок для армии. 11 ноября 1918 года этот завод изготовил все детали для всех девяти креплений, и поэтому была заказана сборка этих креплений. Около 100 вагонов с боеприпасами французского дизайна были проданы французскому правительству примерно за 350 000 долларов, таким образом вернув большую часть вложенных в них денег. Сам завод Alliance был слишком большим и дорогим, чтобы содержать его в качестве резервного; и после отправки большей части специального оборудования в арсенал Уотертауна Департамент боеприпасов передал здание частному покупателю.⁸

Перемирие прервало совместный франко-американский проект по установке тридцати шести американских 10-дюймовых орудий *seacoast* на железнодорожную установку Schneider французской конструкции, Америка производила детали для установок, а Франция - их сборку. Четыре полных комплекта запчастей были отправлены во Францию еще до заключения перемирия. Подрядчиков было трое: Harrisburg Manufacturing & Boiler Company (mounts), Pullman Car Company (грузовики для оружейных вагонов) и American Car & Foundry Company (вагоны для боеприпасов). Оружие не идеально подходит для береговой обороны, поскольку крепление не позволяет прицеливаться поперек, и поэтому автомобиль должен использоваться на криволинейной трассе. Подрядчикам было разрешено закончить всего восемнадцать таких креплений.

Гигантским боезапасом была 16-дюймовая гаубица, установленная на железнодорожном грузовике во время войны. В рамках проекта по созданию шестидесяти одного такого оружия к 1920 году правительство потратило 6 000 000 долларов на специальный завод на заводе

Midvale Steel Company недалеко от Филадельфии. Весь проект был заброшен после перемирия, но одно здание было возведено, а металлоконструкции для остальной части завода находились на земле. Тем временем производители инструментов по всей стране работали над огромным проектируемым производственным оборудованием для этого завода; и небольшое количество этого оборудования было завершено после перемирия и отправлено на арсеналы Уотервлит и Уотертаун.

Оружейный завод на острове Невилл был спроектирован в 1918 году как источник поставок орудий самого большого размера для установки на железнодорожные вагоны. Завод, стоимость которого должна была составить 150 000 000 долларов - сумма, которая сделала бы его на сегодняшний день крупнейшим оружейным заводом в мире, — как ожидалось, в течение 1919 и 1920 годов изготовит более 450 орудий самых больших размеров - больше железнодорожных орудий, чем было у немцев в целом. Предприятие, которое было полностью заброшено после перемирия, обошлось правительству примерно в 9 000 000 долларов. Однако каждый офицер-артиллерист считает, что сам по себе активно начатый проект привел к прекращению войны, снизив моральный дух противника. Война обходилась нам примерно в 50 000 000 долларов в день. Таким образом, если проект Невилла сократил продолжительность войны на целых три дня, он списал всю ее сметную стоимость.

Проект, каким бы незрелым он ни был на момент завершения, разместил в военных резервах определенное оборудование для обработки стали самого тяжелого типа. Один кузнечный пресс весом 6500 тонн стоимостью 500 000 долларов был завершен и передан Военно-морскому ведомству для установки на оружейно-ковочном заводе ВМС в Чарльстоне, Западная Вирджиния. Определенное дорогостоящее оборудование для изготовления снарядов было завершено после перемирия и либо продано частным покупателям (по более выгодным ценам, по сравнению с тем, что Департамент боеприпасов мог бы получить за недостроенные машины), либо хранилось в арсенале Уотертауна.

Таким образом, Уотертаун стал центром производства железнодорожной артиллерии будущего. Ликвидация военной промышленности чрезвычайно расширила этот институт. До 1917 года государственные инвестиции в арсенал Уотертауна составляли менее 4 000 000 долларов. После сосредоточения там специального оружейного оборудования, приобретенного правительством во время войны, арсенал стоил, по самым скромным оценкам, 20 000 000 долларов.

ГЛАВА XII

БОЕПРИПАСЫ И ДРУГАЯ АМУНИЦИЯ

Перемирие привело к созданию в Соединенных Штатах огромной промышленности, занимающейся производством боеприпасов для артиллерии. Включая пороховые заводы и заводы по производству порохового сырья, десятки заводов по производству снарядов и зарядных установок, эта отрасль затмила по вложенным деньгам и нанятым специалистам даже проект по производству артиллерии. Таким образом, демобилизация этого крупного предприятия стала для Департамента боеприпасов одной из главных проблем после заключения перемирия.

Производство порохов, как фугасных, так и метательных, в котором на момент заключения перемирия было занято около 70 000 человек, было прекращено в удивительно короткие

сроки. Когда перемирию исполнилось шесть недель, все производство бризантных взрывчатых веществ по военным контрактам было прекращено, а через две недели после этого был произведен последний метательный (бездымный) порох военного времени. Это прекращение деятельности оставило в руках Департамента боеприпасов значительное количество техники специального назначения, которая практически не имела рыночной стоимости. Поэтому это оборудование было сохранено на различных арсеналах, в частности на арсеналах Фрэнкфорда и Пикатинни, постоянных центрах производства армейских боеприпасов.

Некоторое время Старый пороховой завод Hickey в Нэшвилле, штат Теннесси, производительностью 900 000 фунтов бездымного пороха в сутки, что делало его крупнейшим пороховым заводом в мире, сохранялся в качестве резервного, но позже был продан. Пороховой завод Нитро (Западная Вирджиния), еще одно государственное учреждение, почти такое же по размерам, как Олд-Хикори, был продан после перемирия, в результате чего на его месте вырос новый промышленный город. Огромный завод Военного министерства по производству нитрата аммония в Перривилле, штат Мэриленд (нитрат аммония использовался при производстве широко используемого боевого взрывчатого вещества "аматол"), оборудование которого включало несколько сотен типовых жилых домов, после перемирия был передан Службе общественного здравоохранения для использования в качестве госпиталя для бывших военнослужащих. Три государственных завода по производству пикриновой кислоты — в Литл-Роке, Арканзас, Гранд-Рapidсе, Мичиган, и Саванне, Джорджия — были проданы. Компания Briggs & Turivas, чикагские производители стали, купила завод, построенный правительством в Сентере, штат Мичиган, для производства тетрила, взрывчатого вещества, используемого в качестве заряда в ускорителях в осколочно-фугасных оболочках. Департамент боеприпасов также закрыл и продал оборудование в Баунд-Брук, штат Нью-Джерси, для производства тетранитроанилина, еще одного ускорителя заряда.

В целом, установки и оборудование, используемые для производства пороха, могли также в некоторой степени использоваться для производства товаров мирного назначения, и поэтому у Департамента боеприпасов не возникло особых трудностей с утилизацией этих излишков оборудования по хорошим ценам. Например, предприятия по производству пороха, созданные во время войны компанией DuPont Powder Company близ Уилмингтона, почти сразу после перемирия перешли на производство красителей. Другой пороховой завод, оснащенный практически таким же оборудованием, в настоящее время производит искусственный шелк - целлюлозный продукт, сходный по химическому составу с бездымным порохом. Третий производит целлулоид и искусственную слоновую кость; четвертый - бумагу.



Фото Говарда Э. Коффина

АМЕРИКАНСКИЕ ПОЛЕВЫЕ ОРУДИЯ на РЕЙНЕ

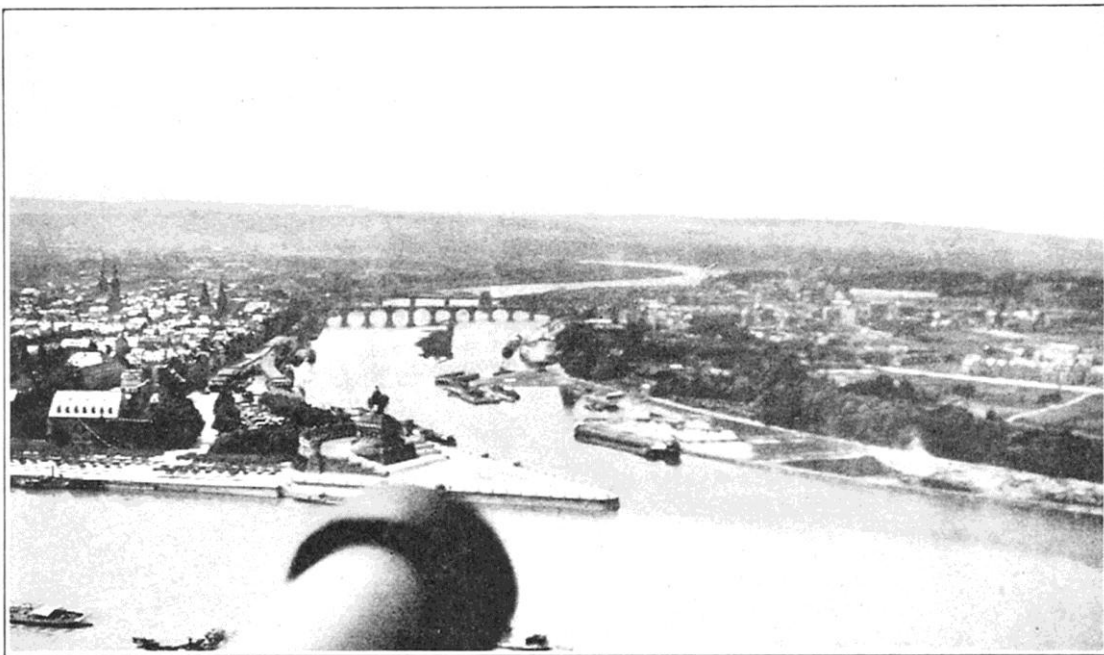


Фото Говарда Э. Коффина

AMERICAN GUN ON EHRENBREITSTEIN, COBLENZ

Поскольку тринитротолуол (Т. Н. Т.) был наиболее широко используемым из всех боевых взрывчатых веществ, Департамент боеприпасов был вынужден заняться производством самого основного толуола, а также его нитрованного соединения. Одним из военных источников толуола был угольный газ, и для получения химического вещества из этого источника Департамент боеприпасов установил очистные установки на газовых заводах тринадцати американских городов. Девять газовых компаний закупили это оборудование после перемирия. Остальные четыре завода были проданы на рынке, и оборудование в конечном итоге нашло применение в новой отрасли, которая использует бензин из

природного газа. Правительство полностью распродало два своих завода Т. Н. Т., которые были расположены соответственно в Расине, штат Висконсин, и Джайанте, Калифорния.



Фото Корпуса связи

УНИЧТОЖЕНИЕ ТРОФЕЙНЫХ НЕМЕЦКИХ БОЕПРИПАСОВ



ЗАХВАЧЕННЫЙ СКЛАД БОЕПРИПАСОВ

Одним из наиболее заметных мероприятий во всей ликвидации военной промышленности было закрытие военного проекта по фиксации атмосферного азота и перевод этого предприятия на постоянную мирную основу. Чтобы разумно провести это предприятие, военный министр отобрал определенных ученых и людей с опытом работы в бизнесе для изучения каждого этапа вопроса военной и коммерческой фиксации азота и рекомендации Военному министерству, как распорядиться установками для военной фиксации. Это правление было известно как Администрация фиксированного азота.

В 1916 году Соединенные Штаты, почти полностью зависевшие от иностранных источников поставок коммерческого азота, сделали первый шаг к независимости, выделив 20 000 000 долларов на развитие отечественной индустрии фиксации. На эти деньги Инженерный корпус примерно в то время, когда мы объявили войну Германии, начал строительство огромной плотины, чтобы остановить мощь реки Теннесси в Мускул-Шоулс, штат Алабама. Этот проект, включающий в себя гидроэлектростанцию, было намечено завершить в 1923 году. Ожидается, что напор воды на Muscle Shoals будет непрерывно обеспечивать от 100 000 до 200 000 лошадиных сил, и в течение девяти месяцев в году при половодье вторичная мощность будет почти такой же высокой.

Осознавая, что эта разработка, по всей вероятности, не будет реализована вовремя для программы использования военных взрывчатых веществ, вскоре после объявления войны правительство приступило к реализации грандиозного проекта по переработке атмосферного азота с помощью энергии, вырабатываемой из угля. Пять фиксирующих установок такого типа были разрешены от начала до конца. Три из них были полностью построены, а две другие были частично построены до того, как их проекты были отменены.

Осенью 1917 года Военное министерство начало строительство азотного завода в Шеффилде, штат Алабама, и в 1918 году завершило его стоимостью около 13 000 000 долларов. На этом заводе производился пригодный для использования азот в виде нитрата аммония, продукта, используемого вместе с тринитротолуолом при производстве важного снарядного взрывчатого вещества аматол. В нем использовался модифицированный немецкий процесс Хабера, объединяющий водород и азот с образованием аммиака, который окисляется до азотной кислоты, которая, в свою очередь, соединяется с аммиаком с образованием нитрата аммония. Этот завод произвел свой первый аммиак в сентябре 1918 года, а первую аммиачную селитру - на второй день перемирия. Однако этот процесс так и не был разработан удовлетворительным образом на этом заводе.

Второй проект установки фиксации был запущен осенью 1917 года, примерно в то же время, когда Соглашение о межсоюзнических боеприпасах возложило на Соединенные Штаты бремя производства большей части пороха и взрывчатых веществ, используемых союзниками, что значительно увеличило нашу потребность в азоте. Не было времени экспериментировать с процессами. Единственным процессом фиксации, доказавшим свой успех, известным в Соединенных Штатах, был цианамидный процесс, используемый Американской компанией Cyanamid Company на ее заводе в Ниагарском водопаде. Поэтому правительство привлекло этот концерн к строительству огромной фиксирующей установки на Мускул-Шоулс, которая должна была использовать энергию пара до тех пор, пока не станет доступной гидроэлектростанция из реки. В день перемирия этот завод, известный как завод по производству нитратов № 2, был почти завершен: в течение двух недель после этого он произвел первую аммиачную селитру. Установка стоила 70 000 000 долларов и

производила 110 000 тонн нитрата аммония в год. Тестовые запуски показали, что установка может перерабатывать азот по коммерчески приемлемой цене.

Два других завода, оба для использования цианамидного процесса, были спроектированы в 1918 году, и правительство начало строительство обоих из них. Один находился в Толедо, штат Огайо, а другой - в Цинциннати. Их совокупная мощность должна была равняться мощности завода Muscle Shoals. Во время перемирия строительство этих заводов шло полным ходом, но правительство прекратило оба проекта, чистая стоимость которых составила 12 000 000 долларов.

Пятый завод был построен Горным бюро для Службы химического оружия в Солтвилле, штат Вирджиния. Он использовал процесс Бухера, производящий фиксированный атмосферный азот в форме цианида натрия, химического вещества, используемого при производстве токсичных боевых газов. На момент заключения перемирия она была практически завершена и обошлась правительству в 2 500 000 долларов. Тестовый запуск показал, что процесс Bucher был слишком дорогостоящим, чтобы быть осуществимым в обычное время.

Управление по фиксированному азоту в своем отчете рекомендовало отказаться от завода в Солтвилле, но сохранить завод в Шеффилде и завод в Muscle Shoals на постоянной основе, а модифицированный процесс Хабера на заводе № 1 разработать путем дальнейших исследований. Завод № 2 в Muscle Shoals был определен как основной источник нитратов в мирное время в Соединенных Штатах, и в отчете Соединенным Штатам рекомендовалось продолжать заниматься производством нитратов в качестве коммерческого производителя удобрений, а правительству - действовать через корпорацию, аналогичную той, которая управляет Панамской железной дорогой и связанной с ней паровой линией. Этот отчет был основан на исследованиях, которые направили комиссию экспертов в Европу для изучения процессов фиксации там, и которые даже проводили экспериментальные фермы в Соединенных Штатах, чтобы определить путем практических испытаний при выращивании сельскохозяйственных культур ценность различных форм фиксированного атмосферного азота для внесения удобрений.

Перемирие привело к тому, что десятки американских заводов и механических мастерских, как больших, так и малых, были заняты исключительно производством металлических снарядов, используемых полевой артиллерией. Это само по себе было огромной отраслью промышленности. Промышленность еще не достигла своего производственного пика, но быстро приближалась к этой точке; настолько близко, что во время процесса свертывания производства фабрики работали всего по восемь часов в сутки (по сравнению с трехсменным круглосуточным рабочим днем до перемирия), объем производства был огромным. Возьмем, к примеру, только 75-миллиметровый размер. За шестнадцать месяцев до заключения перемирия заводы, работающие непрерывно двадцать четыре часа в сутки, произвели около 10 000 000 поковок для 75-миллиметрового снаряда. Те же самые заводы после перемирия, работающие теперь только по восемь часов в день и сокращающие объем своей работы настолько быстро, насколько это возможно, за два месяца до остановки колес произвели 5 000 000 дополнительных поковок.

Общий объем производства металлических элементов артиллерийских снарядов, как до, так и после перемирия, достиг фантастических размеров. Следует помнить, что по большей части наши боевые снаряды были европейского типа с носовым взрывателем и, следовательно, отличались от любых снарядов, которые Военное министерство когда-либо производило прежде. Казалось бы, простое производственное решение оказалось чрезвычайно сложным, особенно при изготовлении двух небольших, но важных элементов

корпуса головного взрывателя: ускорителя, который увеличивает скорость взрыва, и переходника, который удерживает ускоритель на месте. Прошли месяцы, прежде чем наши производители смогли успешно производить ускорители и адаптеры, но затем усилия были предприняты в спешке. Когда производство прекратилось, Департаменту боеприпасов предстояло утилизировать 26 000 000 ускорителей и адаптеров. Другими излишками для утилизации были 60 000 000 поковых снарядов, 60 000 000 деталей для обработки снарядов, 60 000 000 гильз от пушек, почти 70 000 000 металлических деталей для гранат и более 6 000 000 металлических деталей для траншейных минометных мин.

Политика демобилизации заключалась в хранении запасов снарядов, достаточных для удовлетворения потребностей армии численностью в 1 000 000 человек в течение шести месяцев действительной полевой службы. При 75-миллиметровом калибре, например, такой запас означал 2 500 000 снарядов. Поскольку мы произвели 15 000 000 75-миллиметровых снарядов, очевидно, что Департамент боеприпасов обнаружил в своих руках 12 500 000 таких снарядов, подлежащих какой-либо утилизации. Излишки других размеров также были велики. Забастовка металлургов осенью 1919 года пришлось как нельзя кстати для тех, кто утилизировал излишки оболочек, поскольку позволила продать излишки металла по хорошим ценам в качестве металлолома для переплавки. Оживленный спрос на гильзы в качестве сувениров также поглотил удивительно большое количество избыточных материалов.

Как и при демобилизации артиллерийской промышленности, здесь, в промышленности по производству снарядов, мы видим в действии ту же политику обеспечения готовности, заключающуюся в том, что установленные арсеналы и сохраненные резервные заводы являются производственным резервом на случай какой-нибудь чрезвычайной ситуации в войне в будущем. Арсеналы Фрэнкфорда и Пикатинни были выбраны для наследования мощностей по производству снарядов, созданных на частных заводах во время войны. Во Франкфордском арсенале было сосредоточено оборудование, способное производить ежедневно 6000 снарядов калибром от 75 до 240 миллиметров. Завод Frankford shell был создан как полноценное подразделение, способное принимать стальную заготовку, отковывать заготовки для оболочек, подвергать их механической обработке и выпускать оболочку, готовую к загрузке. В арсенале Пикатинни был создан экспериментальный завод по производству снарядов с суточной производительностью 300 снарядов всех размеров.

В дополнение к двум арсеналам, но как дочернее предприятие Франкфордского арсенала, Департамент боеприпасов сохранил завод по производству 155-миллиметровых снарядов компании Symington-Anderson Company в Чикаго и оборудовал его как огромный резервный завод по производству снарядов с оборудованием для одновременного производства 155-миллиметровых и 240-миллиметровых снарядов. Этот завод был назван Чикагским складом. Здесь была сосредоточена большая часть оборудования для изготовления снарядов специального назначения, приобретенного Департаментом боеприпасов во время войны. Сегодня он состоит из двух отделов. Действующий производственный цех существует в обычном режиме, все оборудование готово к немедленной эксплуатации. В отделе хранения имеется специальное оборудование, способное производить около 70 000 гильз в день. Это оборудование занесено в каталог и собрано в заводских макетах, практически полностью, за исключением обычного коммерческого оборудования, используемого в производственных процессах, так что в кратчайшие сроки Департамент боеприпасов может отгрузить со склада подразделения по изготовлению снарядов любой мощности, которую пожелает взять на себя любой будущий военный подрядчик. Установленное оборудование действующего производственного цеха имеет ежедневную производительность 12 000 снарядов. В 1917

году мощности по производству снарядов в Соединенных Штатах были невелики, и прошел год, прежде чем удалось создать производственные мощности и начать серийное производство. Имеющийся сегодня резерв промышленного оборудования позволяет нам производить почти 90 000 снарядов в день, что является достаточным запасом для полевой армии численностью в 1 000 000 человек до тех пор, пока не появится новая промышленность по производству снарядов.

Порох и гильзы после изготовления поступали на различные виды зарядных установок, метательный порох загружался в гильзы (для полевых орудий меньших калибров) или мешки (для орудий большего размера), а бризантное взрывчатое вещество заливалось или упаковывалось в гильзы, ускорители или взрыватели. Осуществляя это предприятие, правительство либо построило, либо способствовало созданию семнадцати крупных погрузочных установок, восемь из которых, на которых занято 35 000 человек, большинство из которых составляли женщины, полностью принадлежат правительству. Они стоили от 5 000 000 до 12 000 000 долларов за штуку. Некоторые из этих правительственных учреждений были сохранены Военным министерством после перемирия. Завод по производству снарядов в Аматоле, штат Нью-Джерси, был добавлен в систему арсенала под названием Amatol Arsenal, но оборудование было списано. Арсенал Аматола используется в основном как склад для хранения резервной техники для заряжания снарядов, приобретенной во время войны. Пожар в октябре 1918 года уничтожил правительственный завод по производству снарядов в Моргане, штат Нью-Джерси, и на этом месте был возведен склад временного хранения. Два завода по погрузке мешков в Вудбери, штат Нью-Джерси, и Севен Пайнс, штат Вирджиния, были ликвидированы после перемирия; но третий, в Таллитауне, штат Пенсильвания, как Таллитаунский арсенал, был сохранен в качестве склада боеприпасов. Четыре других завода по заряжанию снарядов были сохранены в качестве складов, и в этих нескольких пунктах хранятся большие запасы снаряженных боеприпасов и компонентов боеприпасов, оставшихся после войны.

Почти вся погрузочная техника была сосредоточена на арсеналах Аматола и Пикатинни. В Пикатинни также был создан экспериментальный завод по разработке процессов заряжания пороха и взрывчатых веществ. Этот завод также содержит оборудование для заряжания пиротехники в ракеты, звездообразные снаряды и патроны для сигнальных пистолетов. Одним из элементов оборудования является темный туннель, в котором можно проверить мощность свечей полевых осветительных приборов. Завод включает в себя оборудование для загрузки гранат, запалов и ускорителей.

Американские экспедиционные войска после заключения перемирия имели на руках около 65 000 тонн полевых боеприпасов, в основном французского производства, помимо нескольких тысяч тонн немецких боеприпасов, захваченных при продвижении к Рейну в соответствии с условиями соглашения о перемирии. Сначала считалось, что французские боеприпасы, отправленные в Соединенные Штаты, будут военным активом на несколько последующих лет; но по прошествии месяцев стало очевидно, что вместо того, чтобы быть активом, эти боеприпасы были помехой и обузой, и, наконец, Военное министерство было достаточно радо заплатить различным иностранным правительствам, чтобы они избавились от них.

Считалось, что газовую оболочку, например, хранить нельзя, потому что содержащиеся в ней химические вещества вскоре разрушат металл, и из оболочки начнет вытекать их смертоносное содержимое. Однако более поздний опыт показал, что для такого опасения не

было никаких веских оснований. В ходе наступления через Бельгию, Эльзас-Лотарингию, Люксембург и германский Рейн американские войска собрали около 7000 тонн немецких боеприпасов, ни один из которых не подходил для наших собственных пушек и большая часть которых состояла из газовых снарядов. Газовый снаряд не мог быть уничтожен на свалках из-за опасности для мирных жителей по соседству. Единственным безопасным методом уничтожения было вывезти его в море и затопить на большой глубине; но у ВВС не было свободных рабочих рук для этой работы, и, кроме того, французское правительство отказалось разрешить перевозку газовых снарядов по французским железным дорогам. Наконец, за определенную плату французы сами обязались утилизировать этот немецкий газовый боеприпас.

В Бельгии у нас было 6000 тонн трофейных немецких боеприпасов. Бельгийцы не могли его использовать, запрещали его уничтожение на свалках, потому что эти свалки находились на территории, которая не была опустошена войной, и не разрешали перевозить его по железной дороге в опустошенные районы из-за предполагаемой опасности от газового снаряда. Таким образом, у ВВС было 6000 тонн боеприпасов, которые они не могли использовать, раздать, уничтожить или переместить. Наконец, согласившись передать бельгийцам большое количество немецких инженерных и строительных материалов, найденных в этом районе, американские власти побудили бельгийское правительство взять на себя ответственность за эти боеприпасы.

Найденные в Германии немецкие боеприпасы были проданы немецким подрядчикам и на глазах американских инспекторов превращены в полезную коммерческую продукцию.

Что касается собственных 65 000 тонн снаряженных снарядов ВВС, было решено уничтожить все газовые снаряды, все разрывные гильзы и патроны, снаряженные взрывчатыми веществами сомнительной стабильности, а остальное вернуть Соединенным Штатам. Работа по доставке исправных боеприпасов домой фактически началась, но продвигалась медленно из-за нехватки как рабочей силы, так и судов с боеприпасами. Пожар уничтожил одну из трех мусорных свалок в районе Шато-Тьерри. По мере того как корабли возвращали ВВС все быстрее и быстрее, различные армейские районы эвакуировались один за другим, но было необходимо оставить охрану на различных складах боеприпасов. Затем Военное министерство приступило к изучению проблемы с практической точки зрения. Почти все эти боеприпасы были “военного качества”: достаточно хороши для быстрого использования в полевых условиях, но изготавливались наспех неопытными рабочими в условиях, которые ставили под сомнение их постоянную стабильность. Оказалось невозможным отделить более качественные боеприпасы от боеприпасов сомнительной стабильности. Было признано, что при идеальных условиях эти боеприпасы могут безопасно храниться в течение пяти лет. Кое-что из этого уже хранилось в течение восемнадцати месяцев; потребуется по меньшей мере год, чтобы перевезти все это в Соединенные Штаты; и поэтому в этой стране оно будет годно лишь на короткое время. Соответственно, власти А. Е. Ф. вели переговоры с французами о принятии на себя ответственности за боеприпасы, и все это вошло в общее соглашение 1919 года с французами, но в качестве обязательства Америки, уменьшающего финансовую ответственность французов по соглашению.

Главными постоянными выгодами, полученными Соединенными Штатами от их обширной военной промышленности, занятой производством приборов для наведения и управления огнем полевых орудий, были (1) запас оптических инструментов самых передовых типов, некоторые из которых ранее производились только французами, (2) большая коллекция

оборудования для изготовления этих и подобных инструментов и (3) производство оптического стекла, более чем достаточное для удовлетворения обычных потребностей страны. До 1914 года в Соединенных Штатах практически не производилось оптического стекла, если оно вообще производилось. Демобилизуя эту отрасль, Департамент вооружения позаботился о том, чтобы все эти военные средства были должным образом включены в план готовности.

Мы снова видим в действии политику сосредоточения будущего производства на арсенале. Франкфордский арсенал был назначен военным центром средств управления огнем, и сюда были доставлены запасы материалов и инструментов, приобретенных правительством в ходе предприятия.

Оказалось, что изготовление некоторых артиллерийских прицелов практически неподвластно механическим возможностям американских рабочих. Для изготовления панорамных прицелов потребовались усилия трех квалифицированных организаций. Компания Warner & Swasey из Кливленда изготовила эти прицелы, но была вынуждена обратиться к компании J. A. Brashear Company из Питтсбурга за призмами из оптического стекла для их установки. У этой компании, в свою очередь, не было достаточно квалифицированных специалистов, чтобы скорректировать углы наклона крыши всех необходимых призм. Департамент боеприпасов нашел человека, который разбирался в коррекции оптических плоских поверхностей, в лице доктора Г. В. Ричи из обсерватории Маунт-Уилсон, Пасадена, Калифорния. Он обучил несколько человек этому малоизвестному ремеслу, и они укомплектовали важный отдел обширного оптического магазина, который Институт Карнеги построил за государственный счет в Пасадене.

После перемирия и до расторжения контрактов было разрешено широкое производство военных оптических приборов. Работа по изготовлению некоторых из этих инструментов была долгой и сложной, сами инструменты не портились при хранении, а эволюция и совершенствование таких инструментов происходит медленно. Более того, затраты на рабочую силу на сегодняшний день являются самыми большими затратами при изготовлении оптических приборов. Стоимость незавершенных компонентов в виде металлолома даже для такой крупной отрасли, как созданная в 1917-1918 годах, с восьмьюдесятью тремя заводами, работавшими по контрактам на сумму 50 000 000 долларов, была почти ничтожной. В результате этого разрешения промышленность достигла своего пика производства в конце января 1919 года. Единственными расторгнутыми контрактами были те, по которым производство не начиналось до перемирия, те, владельцы которых просили о расторжении, и те, по которым уже были произведены неоправданные излишки изделий легкого изготовления.

Крупнейший производитель армейских оптических инструментов, компания Bausch & Lomb Optical Company из Рочестера, заключила контракты на сумму более 6 000 000 долларов и произвела до перемирия материалы на сумму более 3 000 000 долларов. Военное министерство не получало оборудования с этого завода, когда контракты были расторгнуты, но оно получило и отправило во Франкфордский арсенал большое количество готовых деталей инструментов. Нынешний оптический цех во Франкфорде был в значительной степени оснащен оборудованием, первоначально закупленным компанией Recording & Computing Machines Company из Дейтона. Эта компания, которая до войны никогда не производила оптических приборов, заключила контракты на сумму 4 000 000 долларов, построила и оснастила полноценный оптический завод и стала производителем, среди

прочего разработав механический метод фрезерования стекла для призм. Аналогичные методы демобилизации применялись на всех военных заводах, производивших прицелы и приборы управления огнем: необходимое оборудование и незаконченные компоненты собирались во Франкфордском арсенале, а излишки материалов продавались. В соответствии с этим планом в военные резервы поступили тысячи инструментов, которых было достаточно для поддержания военного истеблишмента в течение многих последующих лет. Для некоторых важных классов инструментов количество, получаемое от военной промышленности, является недостаточным.

Между 1914 годом, когда началась война, прекратившая экспорт оптического стекла из Германии, и 1917 годом, когда Соединенные Штаты вступили в войну, пять американских организаций — Бюро стандартов, Питтсбургская компания по производству листового стекла, Keuffel & Esser, Spencer Lens Company и Bausch & Lomb — наладили производство оптического стекла в небольших масштабах, но по качеству стекло не соответствовало европейским стандартам. Весной 1917 года ученые из Института Карнеги в Вашингтоне вмешались, чтобы помочь производителям решить их проблемы со стеклом, и полное сотрудничество на всех этапах производства привело к успешному развитию отрасли не прошло и нескольких месяцев. Четыре коммерческих производителя в конечном итоге выпускали оптическое стекло быстрее, чем его могли использовать Армия и флот. Часть этого стекла не уступала ни одному из когда-либо производившихся в Германии, и большая его часть, хотя и была "военного качества", все еще была достаточно хороша для многих применений. Контракты на поставку армейских боеприпасов были полностью заключены с Bausch & Lomb и компанией Pittsburg Plate Glass Company на ее заводе в Шарлеруа (Пенсильвания). Производство стекла по военным контрактам было прекращено сразу после заключения перемирия. Во Франкфорде хранилось большое количество стекла, еще не сформированного для комплектов оптики. Питтсбургская компания по производству листового стекла не возобновляла производство, но Bausch & Lomb продолжала производить оптическое стекло для собственного использования.

Те, кто полагает, что, поскольку мы создали обширную промышленность оптического стекла во время войны, Соединенные Штаты навсегда избавятся от зависимости от иностранных источников этого товара, вероятно, слишком оптимистичны. Существует множество причин, по которым производство оптического стекла вряд ли выживет в Соединенных Штатах, по крайней мере, в сколь-нибудь крупных масштабах. Общее нормальное потребление оптического стекла в Америке составляет менее 1 000 000 долларов в год — этого недостаточно для поддержки многих предприятий по производству стекла. Во-вторых, почти все союзники развили собственную стекольную промышленность, и в результате в мире образовался большой избыток оптического стекла, которое, если оно хорошего качества, не портится при хранении. В-третьих, военная экспансия мировой промышленности создала мощности, превышающие нынешние нормальные мировые потребности. В-четвертых, отрасль является ненадежной, подверженной большим потерям из-за небрежности или неумелости на производстве. В-пятых, нет тарифной защиты для американского стекла - закона, разрешающего свободный ввоз прецизионной оптики для научных целей. Наконец, существует давнее предубеждение в пользу научных приборов европейского производства, предубеждение, с которым американской промышленности пришлось бы бороться. Однако, как говорят, три американских производителя производят оптическое стекло для своей торговли.

В ожидании возможного краха отрасли Бюро стандартов перевезло в Вашингтон стекольное производство, которое оно разместило на специальном военном заводе в Питтсбурге. Этот

завод может производить две тонны оптического стекла в месяц. Он должен управляться правительством как с целью улучшения процессов, так и с целью создания в правительстве экспертных знаний об этой жизненно важной военной отрасли.

Соединенные Штаты продвинулись дальше, чем любая другая нация в войне, в замене тягловых животных механической силой при перемещении полевой артиллерии. Ничто в оснащении нашей армии во Франции не вызывало у французов, которые сами являются ведущими артиллеристами мира, большего восхищения, чем наша моторизация артиллерии. Общая сумма контрактов на артиллерийские машины составила 400 000 000 долларов. Программа фактически поставила 13 000 автомобилей в ВВС, произвела до перемирия такое же количество готовых к отправке за границу автомобилей, и на момент остановки в производстве находилось еще 60 000 автомобилей. Завод Maxwell-Chalmers в Детройте и завод Reo в Лансинге, работающие совместно, производили 1100 5-тонных тракторов в месяц, и это производство представляло военную мощь 12 000 тягловых животных и 4000 человек.

Демобилизация этой отрасли была проведена быстро. Заказы были сокращены до минимума, производство после заключения перемирия было разрешено лишь в объеме, достаточном для того, чтобы заводы могли увязать свой военный бизнес с возобновлением коммерческой деятельности. Поскольку для производства военных тракторов требовалось мало специальной техники, Департамент боеприпасов после перемирия не создавал производственного центра в качестве источника будущих поставок. Война, однако, оставила армии ряд инженеров, которые приобрели опыт в адаптации механической мощности к военным действиям в полевых условиях, и эти люди продолжают разработку, которая, несомненно, со временем устранил лошадь из наших артиллерийских полков.

Одним из нововведений войны стала передвижная ремонтная мастерская с механическим приводом для ремонта артиллерии в полевых условиях. Каждый цех состоял из двух секций, с пятнадцатью грузовиками и четырнадцатью прицепами в каждой секции - почти шестьдесят машин на весь цех. На прицепах были установлены тяжелые станки, а по одному прицепу каждой секции было оборудовано электрическим генератором света и электроэнергии. Когда магазин был открыт для бизнеса, он представлял собой зрелище двух колец транспортных средств, выстроенных вокруг двух электростанций и соединенных электрическими кабелями. В рамках производственной программы, как до, так и после перемирия, было изготовлено шестнадцать таких мастерских, состоящих из 600 автомобилей. Шесть из этих мастерских были сохранены; десять используются постоянными представительствами. Кроме того, при расторжении контрактов Департамент боеприпасов получил во владение разобранные, но готовые компоненты восьми дополнительных магазинов. Тысячи приспособлений и мелких инструментов, использованных в этом производственном проекте, были сохранены и занесены в каталог.

Производство танков было резко сокращено сразу после перемирия. На контракты на танки было потрачено 175 000 000 долларов. Общий объем производства 6-тонных танков Renault был ограничен 950 экземплярами, из которых шестьдесят четыре были произведены до перемирия. Контракты с Ford Motor Company на постройку 15 000 3-тонных танков были расторгнуты сразу после перемирия, производство было ограничено пятнадцатью опытными машинами, произведенными до 11 ноября 1918 года. Из больших 36-тонных танков англо-американского дизайна Департамент боеприпасов построил 100 в арсенале Рок-Айленда после перемирия, купив у британцев для этой цели корпус и орудия. Завод по сборке танков в Шатору, Франция, перешел французскому правительству в результате общего урегулирования в 1919 году и сейчас используется как мастерская по ремонту автомобилей.

Никакие соображения о будущих запасах готовых материалов не повлияли на демобилизацию обширной военной промышленности, производившей наши винтовки, пулеметы, пистолеты и боеприпасы к ним. Производство этих изделий было настолько успешным, что к моменту окончания войны имевшихся запасов было достаточно для постоянной армии на долгие годы вперед, а резервных запасов было достаточно, чтобы вооружить большие полевые силы. Следовательно, интересы армии, рассматриваемые исключительно как таковые, требовали немедленного прекращения всего этого производства после заключения перемирия; но экономические соображения и требования надлежащей деловой практики сделали целесообразным постепенное сворачивание этого производства, даже ценой производства большего количества материалов, чем Военное министерство могло бы использовать.

Особые проблемы возникли при ликвидации этой великой отрасли промышленности. Во-первых, заводы, производившие винтовки и пулеметы, были резко специализированы именно на этой работе, что затрудняло им переход к какому-либо коммерческому производству с тем же оборудованием. Некоторые из этих заводов были специально созданы для военных работ, и поэтому у них не было довоенного занятия, к которому они могли бы обратиться. Им было необходимо либо полностью закрыться (как на самом деле сделал стрелковый завод Eddystone компании Midvale Steel & Ordnance Company недалеко от Филадельфии), либо разработать какой-нибудь новый продукт. На двух заводах стрелкового оружия после перемирия появились цеха по производству шарикоподшипников, один занялся производством автомобильных аксессуаров и спортивного оружия, а четвертый (производивший штыки) занялся производством столовых приборов. Было необходимо дать этим проблемам время для проведения этих преобразований, если мы хотели избежать острой проблемы безработицы.

Резкая централизация производства стрелкового оружия на Востоке была еще одним фактором, который заставил правительство разрешить нежелательное производство после перемирия. Большинство винтовок, например, производилось на небольшой территории в штате Коннектикут. На заводе в Винчестере в Нью-Хейвене работало 20 000 человек, на заводе в Ремингтоне в Бриджпорте - 12 000, и было еще несколько таких же предприятий. Немедленное закрытие их всех привело бы к ухудшению промышленной ситуации в этой оживленной и процветающей части Новой Англии.

Таким образом, принятая политика заключалась в сокращении производства таких материалов. После подписания перемирия десять американских заводов были заняты исключительно производством автоматического оружия. В них работало 20 000 человек. Они достигли ежедневного выпуска более 1100 пулеметов и автоматических винтовок по контрактам, предусматривающим поставку 650 000 единиц такого оружия, прогнозируемой стоимостью 193 000 000 долларов, из которых 465 000 единиц оружия еще не были доставлены. Окончательные отмены остановили производство 382 000 единиц оружия, в результате чего всего было произведено 268 000 единиц оружия. На различных заводах правительство инвестировало в оборудование 11 000 000 долларов.

К 15 января 1919 года темпы производства пулеметов сократились вдвое. К 28 июня все производство пулеметов прекратилось. Арсеналы Спрингфилда и Рок-Айленда, которые всегда были армейскими центрами разработки и производства стрелкового оружия, были выбраны для получения резервного производственного оборудования, приобретенного Департаментом боеприпасов в рамках реализации проекта по производству пулеметов. В арсенале Рок-Айленда хранилась одна единица оборудования, достаточная для ежедневного производства 100 крупнокалиберных пулеметов Browning, и еще одна единица

для ежедневного производства 200 автоматических винтовок Browning. Это резервное оборудование стоило около 4 275 000 долларов.

Аналогичные меры были приняты при демобилизации военной стрелковой промышленности. Производство постепенно сворачивалось, полностью прекратившись в марте 1919 года. Три крупных частных завода и два государственных завода (Springfield Armory и Rock Island Arsenal) производили наши боевые винтовки. Военное министерство инвестировало в оборудование более 22 000 000 долларов. С помощью этого оборудования стрелковые цеха Спрингфилдской оружейной палаты и арсенала Рок-Айленда были практически переоборудованы для производства винтовки модели 1903 года (Спрингфилд). Оружейный завод Спрингфилда (главный будущий производственный центр для этого оружия) был оснащен оборудованием, позволяющим производить 1000 таких винтовок за 8-часовой рабочий день, а Рок-Айленд - 600. Работая на полной скорости, оба центра могут производить 3500 винтовок Springfield каждые двадцать четыре часа. Кроме того, на Оружейном складе Спрингфилда хранились специальные мелкие инструменты, приспособления и приспособления, достаточные для производства 1000 винтовок модели 1917 года (Энфилд) ежедневно, а в Спрингфилде также хранилась единица производственного оборудования для производства 500 автоматических пистолетов ежедневно.

Четыре пятых невыполненных заказов на 5 250 000 000 винтовочных и пистолетных патронов были прекращены после заключения перемирия. Принятая политика заключалась в том, чтобы разрешить заводам по производству боеприпасов к стрелковому оружию работать до 1 сентября 1919 года, если они того пожелают; но их производство за это время не могло превышать количество, равное тому, которое они могли бы произвести, если бы работали двадцать четыре часа в сутки с момента перемирия до 1 февраля 1919 года. Такая политика позволила заводам медленно обходиться без военного труда. В качестве будущего резерва было сохранено около 1 600 000 000 патронов к стрелковому оружию. Военное министерство закупило оборудование общей производительностью около 3 000 000 патронов за 8-часовой рабочий день. Вся универсальная специальная техника и все специальные инструменты, приспособления и приспособления были сохранены, и вместе с ними Франкфордский арсенал превратился в крупный центр по производству боеприпасов для стрелкового оружия. До 1917 года годовая производственная мощность арсенала составляла не более 100 000 000 патронов для винтовок и пистолетов. Департамент боеприпасов увеличил эту мощность до 750 000 патронов за 8-часовой рабочий день. Огромное количество патронташей, обойм, гильз, металла и других компонентов боеприпасов, приобретенных при ликвидации, было сохранено для использования в будущем.

ГЛАВА XIII ЛЕТАТЕЛЬНЫЙ АППАРАТ

После производства боеприпасов производство самолетов, воздушных шаров и принадлежностей к ним было крупнейшим военным предприятием американской промышленности. Сто тысяч рабочих трудились на авиационных заводах, бизнес которых был представлен более чем 5000 военными контрактами номинальной стоимостью в несколько сотен миллионов долларов. Что касается самих самолетов, то контракты Военного министерства обошлись в сумму 196 000 000 долларов, но эта отрасль промышленности

была лишь небольшой частью всей авиационной программы. Только в отношении грузовых автомобилей авиакомпания взяла на себя обязательства на сумму 45 000 000 долларов. Инвестиции в летные поля, школы аэростатов и другие физические сооружения, возведенные во время войны в Соединенных Штатах, составляли по состоянию на 11 ноября 1918 года приблизительно 75 000 000 долларов. Почти 20 000 человек были обучены летать, а численность всех офицеров и рядового состава Воздушной службы составляла 175 000 человек — организация более крупная, чем регулярная армия в 1916 году. В День перемирия Авиационная служба потратила 43 000 000 долларов на производство ели для наших собственных авиационных заводов и заводов союзников. Для этих инвестиций компания должна была продемонстрировать отличное лесозаготовительное оборудование, включая лесопилки, три железнодорожные системы (протяженностью 130 миль), отели и жилье для тысяч лесорубов. Компания также принимала активное участие в планах по производству другого сырья, используемого в производстве самолетов — 30 000 000 долларов было инвестировано или обязано в развитие сети химических заводов по производству “допинга”, лака, который растягивает и делает водонепроницаемой ткань крыльев самолетов; и 8 000 000 долларов вложено в саму ткань или в хлопок-сырец для изготовления ткани. Служба потратила на бензин и масло более 25 000 000 долларов. Крупнейшим предприятием из всех было производство авиационных двигателей, общая стоимость контрактов на которые достигла 450 000 000 долларов.

Эти цифры приведены для того, чтобы показать огромный масштаб нашего авиационного проекта, показать также, насколько незначительной частью сбалансированной авиационной программы является производство самих самолетов, и, наконец, опровергнуть широко распространенное, почти всеобщее, впечатление, что вся авиационная программа Америки во время войны была провалом, скандалом и пятном на честном имени нашей военной промышленности.

Средний американец, если он не изучал отчет о нашей программе военной авиации, вероятно, придерживается мнения, что миллиард долларов или больше, выделенные на самолеты, растворились в воздухе во время войны, и что все, что у нас было, чтобы компенсировать огромные расходы, - это несколько сотен самолетов низшей конструкции. По сей день подобные заявления продолжают делать безответственные журналисты и другие неосторожные критики ведения войны. Против таких утверждений мы возражаем утверждению, что производство аэронавтических материалов во время войны было столь же успешным, как и любая другая крупная отрасль военной промышленности, что мы получили ценность, полученную за наши деньги — “военную ценность”, то есть - и что понесенные потери были естественными и неизбежными потерями, ожидаемыми любой страной, неподготовленной к войне. Общее обвинение в шокирующем расточительстве и провале не основывается ни на чем более существенном, чем слухи и мутное впечатление. За этим ответом мы можем систематизировать факты, которые, поскольку демобилизация отрасли практически завершена, теперь подлежат оценке в целом.

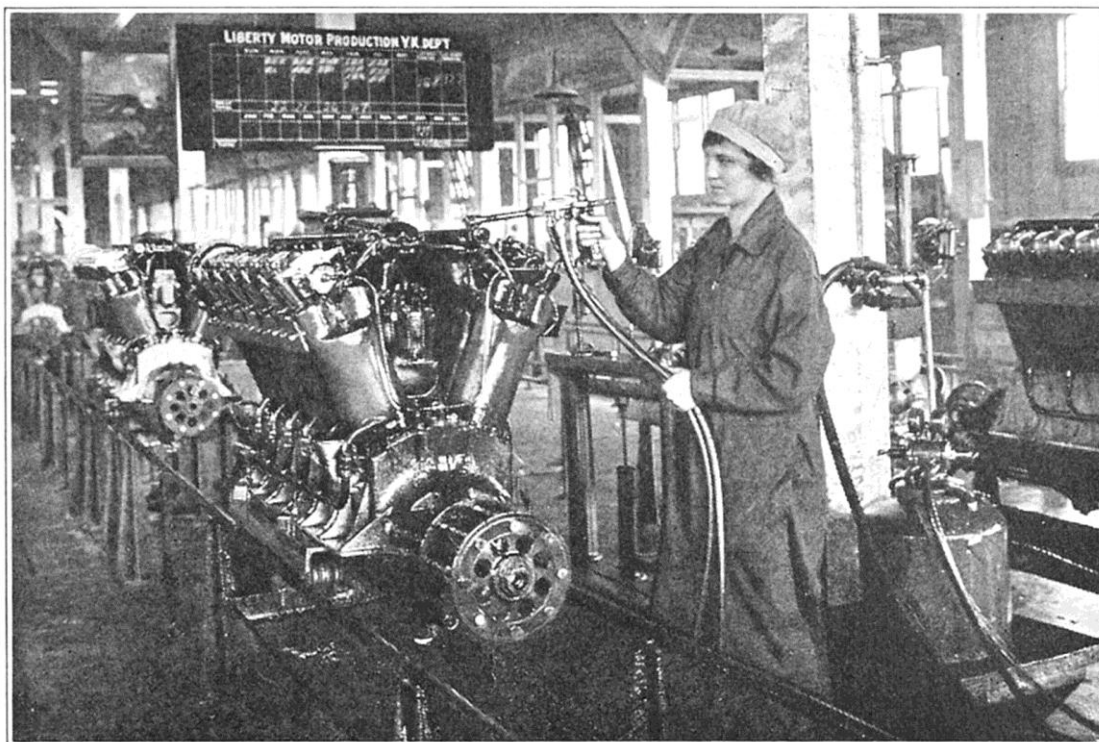


Фото компании Packard Motor Car Co.

ПОДГОТОВКА ДВИГАТЕЛЕЙ LIBERTY К ХРАНЕНИЮ

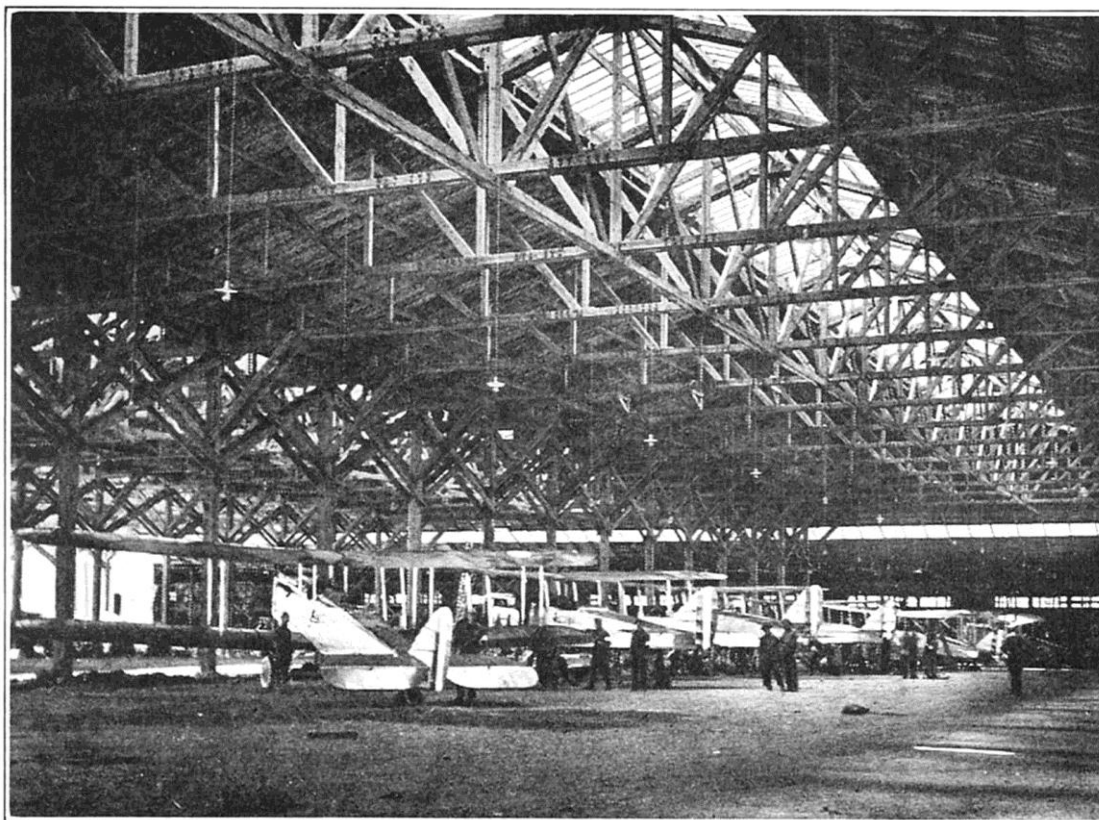


Фото Корпуса связи

СБОРОЧНЫЙ ЗАВОД В РОМОРАНТЕНЕ

Во-первых, сколько денег мы на самом деле потратили на реализацию великой авиационной программы? Полтора миллиарда? Миллиард? Вовсе нет. Военные ассигнования на авиацию широко рекламировались; акты Конгресса, покрывающие возврат в Казну неизрасходованных остатков, переводы средств авиасообщения на другие цели, а также возмещение убытков от продажи излишков материалов, рекламировались не так хорошо. Широко разрекламированные ассигнования составили в общей сложности 1 691 854 758 долларов. Но большая часть этих ассигнований была произведена, когда Воздушная служба была подразделением Корпуса связи, и значительная сумма пошла на закупку сигнальных материалов, вообще не связанных с самолетами. Более того, когда наступило перемирие, несколько сотен миллионов долларов из этих разрешений были еще нетронуты теми, кто закупал самолеты, и Конгресс отозвал все такие ассигнования. Когда сделаны вычитания из-за надлежащего ведения бизнеса Корпуса связи и из-за аннулированных ассигнований, мы обнаруживаем, что чистые ассигнования на эфирную программу составили 1 158 070 773 доллара.

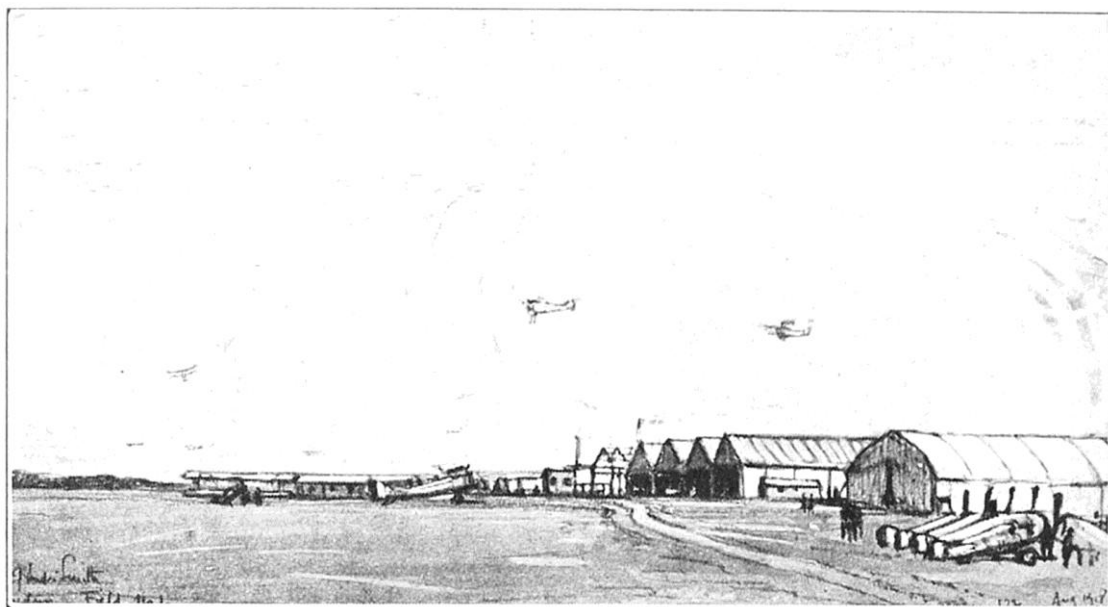


Фото Корпуса связи с рисунка Дж . Андре Смита

ЛЕТНОЕ ПОЛЕ В ИССУДЕНЕ

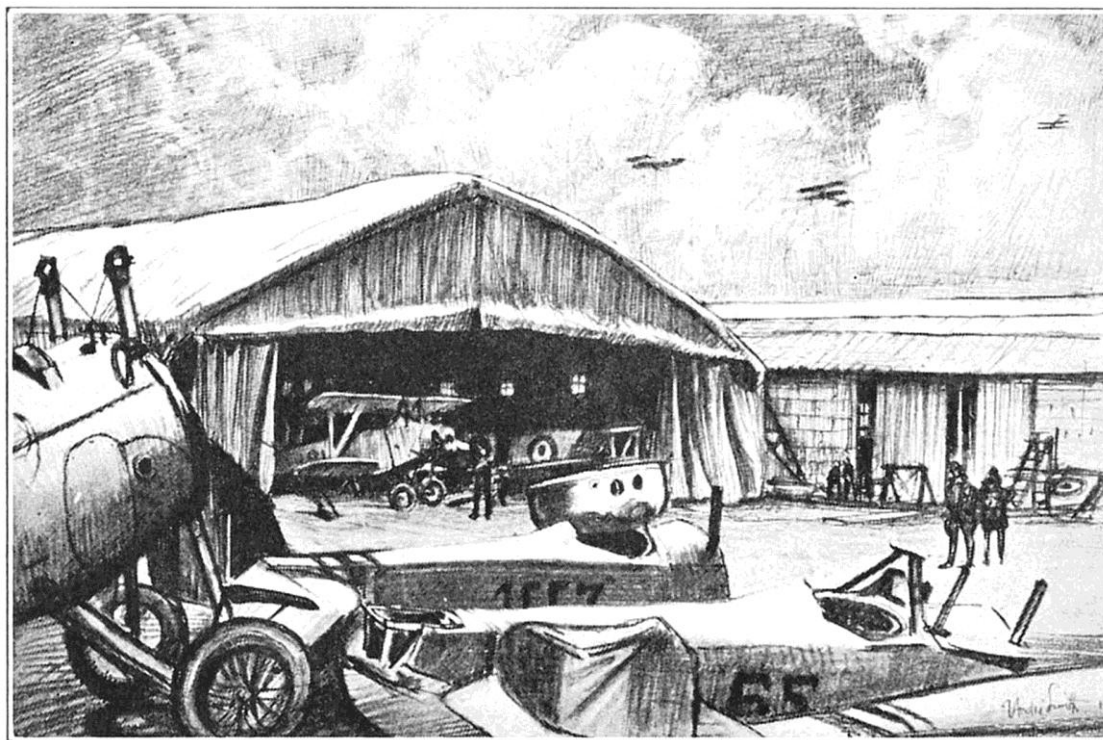


Фото Корпуса связи с рисунка Дж . Андре Смита

ХРОМЫЕ УТКИ

Но эта огромная сумма все равно намного превышает фактически потраченную. В день перемирия практически по всем ассигнованиям, выделенным Воздушным службам, были большие неизрасходованные остатки, и эти остатки оставались большими после ликвидации отрасли. Поскольку неизрасходованные остатки в конечном итоге будут возвращены в общие фонды Казначейства, здесь уместно их вычесть; и, произведя вычитание, мы обнаруживаем, что военные расходы на авиационную программу составили приблизительно 868 000 000 долларов. Однако даже это не было чистыми расходами. Из этой суммы еще предстоит вычесть миллионы, полученные от продажи и передачи излишков материалов, возмещения переплат подрядчикам и другие статьи. Полное вычитание этих кредитов оставляет нас с чистыми военными расходами на самолеты примерно в размере 720 000 000 долларов.

Эта цифра, действительно, является приблизительной, но это приблизительная оценка. Это приблизительная оценка, потому что на момент написания этой статьи (июль 1921 г.) ликвидация военной авиационной промышленности еще не была полностью завершена. Претензии четырех подрядчиков все еще не урегулированы, а излишки на сумму менее 18 000 000 долларов остаются непроданными. Следовательно, даже если предполагаемая стоимость урегулирования претензий и предполагаемое возмещение от продажи излишков являются крайне неточными, такие ошибки не могут существенно повлиять на общую оценку. Последний официальный финансовый отчет о военном бизнесе Авиасообщения, датированный 23 апреля 1921 года, показал, что чистые затраты на тот момент составляли 738,133,972,28 доллара, в результате чего в Казначействе на тот момент оставался неизрасходованный остаток в размере 419,936,801.20 долларов, и эти затраты еще предстояло сократить за счет возмещения от продажи излишков и возмещения переплат, произведенных подрядчиком при расчетах.

Таким образом, мы имеем в качестве стоимости программы военной авиации цифру 720 000 000 долларов — а не полтора миллиарда, которые, как утверждают критики, были потрачены впустую. Но что случилось с 720 000 000 долларов? Они были потрачены впустую? Что мы получили за это? Ответы на эти вопросы могут стать откровением для тех, кто согласился с распространенным заблуждением о том, что весь проект закончился колоссальным провалом.

Во-первых, самолеты. За потраченные деньги Армия получила не несколько сотен самолетов, а примерно 19 000. Когда деньги были выделены, те, кто отвечал за воздушную программу, и общественность тоже ожидали, что на эти средства будут произведены самолеты в количестве, достаточном для того, чтобы затемнить небо. Что ж, вот их туча, затмевающая небо, — 19 000 самолетов, произведенных и поставленных армии. И по крайней мере половина этого числа состояла из “служебных” самолетов, в отличие от учебных машин. Средняя стоимость самолета без двигателя может быть консервативно установлена на уровне 6000 долларов. Таким образом, самолеты, поставленные по военным заказам, стоили 114 000 000 долларов, что составляет почти шестую часть общих военных расходов, понесенных Авиацией. В круглых цифрах американская промышленность произвела 12 000 таких самолетов до перемирия, а впоследствии, во время прекращения работ, завершила производство 1500 незаконченных. Остальные 5500 были закуплены у французской, британской и итальянской промышленности. Те, кто критикует руководство этой отраслью нашей военной промышленности, обычно упускают из виду тот факт, что все закупленные нами иностранные самолеты были куплены на средства, выделенные для Воздушного сообщения.

Однако самолеты - это мелочь по сравнению с некоторыми другими материалами, закупленными на сумму 720 000 000 долларов. Американская промышленность произвела 30 000 авиационных двигателей до перемирия и более 11 000 впоследствии по военным заказам во время прекращения деятельности отрасли - точная цифра, отражающая общий объем военного производства, составляет 41 590. Из них 20 478 были двигателями Liberty, 15 572 из которых были произведены до 30 ноября 1918 года. Только двигатели Liberty имели мощность более 8 000 000 лошадиных сил. Кроме того, на потраченные 720 000 000 долларов мы купили несколько тысяч авиационных двигателей в Европе. Всего за свои деньги мы получили около 45 000 двигателей. При цене 6000 долларов за штуку — справедливой средней цене — на эту закупку пришлось 270 000 000 долларов США. На самолеты и двигатели вместе было потрачено 384 000 000 долларов, или более половины общих расходов.

Это была вся полученная ценность. Но нам еще предстоит рассмотреть многие важные статьи расходов, необходимые для реализации такого авиационного проекта, каким был наш. Например, на поддержание Воздушного сообщения Американских экспедиционных сил ушло 190 000 000 долларов. В рамках ассигнований было закуплено 1100 воздушных шаров как до, так и после перемирия, на сумму, скажем, 11 000 000 долларов. Как мы отмечали выше, 75 000 000 долларов было вложено в здания для воздушного сообщения в этой стране, еще большая сумма была вложена в грузовики, еще одна сумма - в топливо и смазочные масла, и свыше 80 000 000 долларов — в разработку сырья для производства самолетов - ели, допинга и ткани. Это последнее было необходимой и оправданной тратой, поскольку оно поддерживало авиастроение не только Соединенных Штатов, но и основных союзников. Кроме того, разработка сырья была в таких масштабах, которые предвосхитили значительное расширение производства самолетов в 1919 и 1920 годах. Итак, мы можем пункт за пунктом просмотреть список дочерних предприятий авиационного проекта и

обнаружить, что мы получили большую отдачу за свои деньги и что почти единственными отходами были ожидаемые военные отходы, в основном из-за нашей неготовности к войне. Эти отходы были представлены в виде высоких цен, уплаченных за материалы, произведенные в такой спешке и в таких масштабах. Эти высокие цены за единицу продукции, конечно, покрыли затраты на создание почти всего производственного оборудования отрасли. Однако мы обеспечили сохранность материалов.

Здесь мы также можем остановиться, чтобы исправить другое заблуждение, получившее известность: а именно, что миллиард был не только позорно потрачен на самолеты, но и потрачен впустую так называемыми людьми, зарабатывающими доллар в год, вызванными в Вашингтон и назначенными ответственными за авиационную программу. Единственными людьми с доходом в доллар в год, которые были связаны с этой программой в заметном качестве, были гражданские члены Авиационного совета - г-н Говард Э. Коффин, председатель, и господа. Ричард Ф. Хоу и Гарри Б. Тейер, два других члена. Но Авиационный совет выполнял только консультативные функции и не обладал абсолютно никакими административными или исполнительными полномочиями. Он выступал в качестве координационного центра в усилиях по координации производства самолетов Военного и военно-морского ведомств. Фактическая работа по закупке самолетов — проектирование, заключение контрактов, инспектирование и получение материалов — всегда находилась в руках вооруженных сил. Авиационный совет не имел никакого контроля над расходованием ассигнований, за исключением относительно незначительных ассигнований в размере 100 000 долларов, предоставленных ему Конгрессом для покрытия его служебных расходов.

Промышленность, которая поставила рекорд по производству самолетов, набирала обороты на момент подписания перемирия, хотя она еще не достигла производственных мощностей. Однако за последние тридцать один день активных боевых действий было произведено 1582 самолета (1081 из которых были служебными самолетами De Havilland для использования во Франции), 5177 двигателей (из которых 3034 были двигателями Liberty) и 249 воздушных змеев. Покончить с этой отраслью было непросто. Принятый план ликвидации был по сути аналогичен тому, который использовался Департаментом боеприпасов. До перемирия производственное подразделение Air Service было разделено на восемь производственных районов со штаб-квартирами соответственно в Бостоне, Буффало, Чикаго, Дейтоне, Детройте, Нью-Йорке, Питтсбурге и Сан-Франциско. В районных организациях было занято пять тысяч человек. После перемирия районные производственные советы стали окружными комиссиями по претензиям в отношении воздушного сообщения, и они выполняли большую часть фактической работы по прекращению производства и организации расчетов с подрядчиками. Их расчеты были поданы на утверждение сначала в Комиссию по претензиям к воздушным перевозкам и, наконец, в Комиссию по претензиям Военного министерства.

Невыполненные контракты на авиасообщение в первый день перемирия обязывали правительство принять завершенные материалы на сумму 767 423 308,50 долл. Стоимость готовых материалов, а также сырья и полуфабрикатов, принятых правительством в рамках расчетов с подрядчиками после заключения перемирия, достигла 259 733 874,30 долл. Таким образом, контракты и части контрактов, расторгнутых в результате ликвидации, привели к отмене работ на сумму 509 689 434,20 долл. В дополнение к приему и оплате материалов, правительство выплатило производителям наличными в порядке урегулирования их претензий сумму в размере 94 013 776,51 долларов. Сотни подрядчиков приняли установленные законом 1,00 доллара и освободили правительство от всех финансовых обязательств.

С единственной или ведущей целью создания запасов для будущего использования армией после перемирия практически не производилось авиационных запасов. Оставляя в стороне все вопросы устаревания конструкции, ни один крупный класс военных материалов не является менее долговечным при хранении, чем авиационные материалы. Подобно яйцу, самолет или воздушный шар не могут быть слегка испорченными и при этом пригодными для использования. Она должна быть безупречной на 100%, иначе это опасно. Срок службы резины невелик даже при самых благоприятных условиях. Резина из баллонной ткани не избежит этого быстрого повреждения. Резиновые шины самолетов изнашиваются с такой же быстротой. Ламинированные и клееные соединения деревянных балок крыла самолетов расширяются, сжимаются и расшатываются при различной влажности окружающего воздуха и вскоре ослабевают ниже точки безопасности. Пропеллеры также очень чувствительны к изменениям влажности и температуры. Аккумуляторные батареи, сложенные вместе на складе, изнашиваются в течение нескольких месяцев, очевидно, что каждая ячейка работает на своих соседях и оказывает негативное влияние на них. Скрепленная болтами обшивка крыла в сложенном виде становится непрочной по складкам. Из всех авиационных принадлежностей двигатели наименее подвержены порче при хранении.

С учетом этих соображений такое производство самолетов и авиационных принадлежностей, которое было разрешено после заключения перемирия, осуществлялось почти исключительно в интересах подрядчиков и их сотрудников. Большинству заводов было разрешено продолжать работу по военным контрактам только до тех пор, пока они не израсходуют материалы в процессе производства, когда будет подписано перемирие. Даже эта операция проводилась по сниженной ставке. Всего по контрактам на поставку самолетов предусматривалась поставка 27 000 самолетов. Производство по этим контрактам, в точных цифрах, составило 11 754 самолета до перемирия и 1732 самолета после, в общей сложности 13 486 самолетов, произведенных американскими заводами. Расторжение контрактов привело к отмене производства примерно такого же количества.

Производство авиационных двигателей после перемирия было несколько больше, как пропорционально, так и по количеству поставленных единиц. Отчасти это было связано с большим импульсом, приобретенным проектом двигателя, отчасти с тем фактом, что двигатели можно было безопасно хранить и они сохраняли бы хорошую военную ценность в течение многих последующих лет, а отчасти с необходимостью поддерживать производителей двигателей на работе, пока их заводы переходили на нормальное производство. Общий объем американского производства авиационных двигателей по военным контрактам был следующим: поставки до 31 октября 1918 года - 28 509; поставки после этого - 13 081; общее военное производство - 41 590. Из этих двигателей 20 493 были двигателями Liberty, из которых около 5000 были произведены после перемирия.

После перемирия было произведено около 300 аэростатов наблюдения, прежде чем производство удалось прекратить.

В одном важном аспекте политика, принятая при демобилизации военной авиационной промышленности, была прямо противоположной той, которая использовалась при демобилизации артиллерийской промышленности. Возвращаясь к мирным отношениям, Департамент боеприпасов придерживался политики резервирования комплектного производственного оборудования и создания резервных заводов для производства некоторых наиболее важных материалов для снабжения боеприпасами. С другой стороны, при демобилизации авиационной промышленности правительство придерживалось политики отказа от сохранения каких-либо производственных мощностей вообще. За

обеими этими политиками стояли серьезные стратегические причины. На полевые орудия, рекуператоры, снаряды и другие важные боеприпасы нормальный коммерческий спрос невелик или вообще отсутствует; и единственный способ, которым Департамент боеприпасов мог гарантировать будущее существование предприятий по производству этих материалов, заключался в сохранении оборудования, созданного во время войны. Но есть или может быть некоторый коммерческий спрос на самолеты, и когда-нибудь на них, несомненно, будет большой коммерческий спрос. Для военного благополучия Соединенных Штатов важно, чтобы эта страна занимала ведущее место в совершенствовании конструкций и в производстве летательных аппаратов для коммерческого использования. Только благодаря развитию крупной независимой авиационной промышленности в этой стране правительство может быть уверено в существовании средств, на которые оно может положиться, чтобы придать этой стране огромную мощь в воздухе. В нынешних условиях само правительство должно быть главным заказчиком авиационной промышленности, и по правительственным заказам отрасль должна существовать до тех пор, пока коммерческие полеты не начнут развиваться в масштабах, сопоставимых, по крайней мере, с ранним развитием железнодорожного транспорта в Соединенных Штатах. Если бы Авиация сохранила военные производственные мощности в качестве государственных и резервных заводов, этот закон нанес бы сокрушительный удар по зарождающейся коммерческой отрасли в самый неопределенный период ее существования.

Было сделано только одно исключение. Во время войны авиационная корпорация Райт-Мартин построила завод в Лонг-Айленд-Сити для производства двигателей Hispano-Suiza. Этот завод был приобретен Военным министерством и сохраняется в качестве резервного завода под названием "Завод авиационных двигателей Соединенных Штатов". Будущее этого заведения, однако, неопределенно.

Несмотря на то, что Авиационная служба безжалостно отказалась от военных производственных мощностей, после демобилизации она сохранила значительную часть оборудования, созданного для нее во время войны. Из двадцати шести летных площадок, использовавшихся при подготовке военных авиаторов, шесть были сохранены в качестве летных площадок. Это летные поля в Боллинге, Лэнгли, Мазере и Келли, а также поля для подготовки пилотов в Карлстроме и Марче. Нынешнее оборудование также включает три школы аэростатов, три площадки для аэростатов, одну школу механиков (Шанют Филд), одну школу наблюдения, различные станции для защиты наших островных владений и патрулирования мексиканской границы, девятнадцать складов снабжения, хранения и ремонта и различные другие станции.

Хранение резервных запасов, сохраняемых Воздушными службами, сопряжено с некоторыми интересными проблемами, поскольку почти каждый класс запасов требует особого обращения при хранении. Двигатели, например, были тщательно покрыты изнутри и снаружи густым смазочным составом, предотвращающим образование ржавчины, перед хранением на сухих, прохладных бетонных складах. Резервные воздушные шарики были посыпаны тальком, тщательно свернуты, чтобы придать как можно меньший вес складкам, заключены в запечатанные резиновые конверты, упакованы в деревянные ящики, которые затем были запечатаны так, чтобы они были практически водонепроницаемыми и воздухонепроницаемыми, а затем уложены в сухих помещениях, в которых воздух средней температуры постоянно циркулирует между ящиками. Тем не менее, длительный срок службы воздушных шаров не ожидается. Ткань для крыльев, как хлопчатобумажная, так и льняная, была откручена, свернута в картонные трубочки, завернута в бумагу и подвешена на

вешалках в помещениях, отапливаемых зимой. меховая и шерстяная одежда авиаторов хранилась в защищенных от мух и моли помещениях, застеленных рубероидом, полы которых были густо покрыты нафталином. Ткань была снята с крыльев самолета перед хранением, чтобы обеспечить свободную вентиляцию древесины; склеенные соединения были покрыты дополнительным слоем лака; все металлические детали были окрашены свинцово-красным или белилами; а крылья хранились на стеллажах, предназначенных для того, чтобы их края оставались прямыми. Тысячи пропеллеров хранились на складе авиационного снабжения в Миддлтауне, штат Пенсильвания, в помещении, в котором влагораспылители поддерживают постоянную влажность, а термостат - постоянную температуру.

Претензии авиационных подрядчиков оказалось довольно легко скорректировать, за исключением одного, так называемого случая с клещевиной. Это оказалось одним из самых неприятных споров, которые рассматривались Комиссией по претензиям Военного министерства. Из своего скромного положения нежелательного лекарственного средства в питомнике касторовое масло во время войны поднялось на высоту незаменимой смазки для роторных двигателей, используемых в приводе самолетов. Предполагаемый спрос на касторовое масло в 1918 году намного превысил мировое предложение. К июлю 1919 года нам понадобилось 6 000 000 галлонов. Поэтому Авиасообщение предприняло беспрецедентный шаг, попытавшись выращивать клещевину в Америке, хотя здесь никогда раньше не выращивали клещевину в товарных количествах. Тем не менее, в Южных Штатах у нас был подходящий климат, и, казалось, никаких препятствий на пути к успешному сбору урожая не было.

Соответственно, через двадцать три основных подрядчика Air Service договорилась примерно с 12 000 южных фермеров о посадке касторовых бобов на 100 000 акрах земли. Открывались блестящие перспективы: тридцать бушелей с акра - это всего лишь средняя урожайность, и правительство щедро заплатит за бобы. Таким образом, клещевина отвоевала 100 000 акров хорошей американской земли у риса, хлопка и кукурузы, даже при военных ценах на эти товары. Ко времени посева в 1918 году все было готово — поля, земледельцы и инструменты — все, кроме семян. В конце концов, фермерам нужны были семена; и чтобы получить их, правительство конфисковало груз касторовых бобов из Индии, первоначально предназначавшийся для более зловещих целей. Эти бобы правительство распределило среди 12 000 потенциальных производителей, которые их посадили; и тогда, как метко заметил карикатурист, началось самое интересное.

Некоторые производители, например садоводы из пригородов, следили за побегами фасоли, которые так и не появились. Некоторые из этих инопланетных бобов, казалось, черпали нечто вроде цветочного безумия из пьянящего суглинка персидского залива и поднимали настоящие стволы на высоту двадцати, тридцати и сорока футов. Но никогда еще бобовый стручок не венчал такой пышной поросли. То ли из-за недостатка опыта у производителей, то ли из-за неблагоприятного климата, то ли, что более вероятно, из-за некачественных семян, в Америке редко случался более тотальный неурожай, чем этот. Собрав все бобы, производителям удалось собрать 181 000 бушелей, или 1,8 бушеля с акра.

Как только стал известен результат падения цен, 12 000 разгневанных фермеров осаждали правительство с требованиями возмещения ущерба. Иски составили миллионы. Фермеры не только возложили ответственность за потерю урожая на правительство, но и сами, десятки из них, подали иски о возмещении материального ущерба и затрат на восстановление, утверждая, что при расчистке своих земель после уборки бобов им пришлось использовать корчеватели и динамит, чтобы выкорчевать огромные стебли. Один фермер саркастически

приписал Военному министерству свой зимний запас дров, который, по его словам, он смог нарубить на своей грядке с фасолью. Военное министерство, наконец, урегулировало претензии на общую сумму 1 540 638 долларов, что составляло 8,50 доллара за бушель полученных бобов. Так закончился первый урок по выращиванию клещевины в Америке. Пройдет еще некоторое время, прежде чем Министерству сельского хозяйства придется создать подразделение для сбора статистических данных по отечественному урожаю клещевины.

Работа по демобилизации воздушной службы Американских экспедиционных сил разветвлялась на несколько основных направлений: аннулирование наших зарубежных контрактов и урегулирование наших счетов с правительствами союзников, возникших в результате взаимных закупок материалов; продажа установок и излишков движимого имущества, приобретенных Службой во время войны; утилизация изношенного оборудования; и отправка в Соединенные Штаты самолетов и другого оборудования, оставленного Воздушной службой для использования в будущем. Большая часть избыточного имущества Авиасообщения за рубежом досталась Франции в результате массовой продажи всего избыточного имущества ВВС, хотя часть была приобретена другими правительствами Европы в виде более мелких покупок. Эти продажи были осуществлены Ликвидационной комиссией Соединенных Штатов, которая также завершила финансовые расчеты по счетам наших авиакомпаний с правительствами союзных стран. Эти операции будут более подробно описаны в следующей главе. Утилизация всех авиационных материалов, оставшихся у ВВС, была произведена самой Авиационной службой.

Производственный центр ВВС до перемирия находился на большом летном поле в Роморантине, недалеко от Тура. Здесь были получены, собраны, оборудованы и отправлены на фронт все новые самолеты, приобретенные ВВС либо у американской промышленности, либо на заводах в Европе. Для выполнения этой работы потребовалось более 10 000 офицеров и рядовых. После заключения перемирия Роморантен был превращен в пункт сосредоточения всех поставок американской авиации во Франции, и здесь все материалы для возвращения в Соединенные Штаты были упакованы в коробки и отправлены в порты. В Соединенные Штаты было отправлено около 1000 авиационных двигателей и 2097 самолетов, из которых 347 были немецкими, 1139 британскими и французскими и 611 американскими De Havillands.

Сама по себе упаковка этого оборудования была работой огромного масштаба. Для изготовления ящиков потребовалось, например, 7 500 000 футов закаленных досок, помимо большого количества гвоздей, болтов, зажимов, троса, краски и кровельной бумаги, а также инструментов для упаковщиков. Лесозавод, на котором работало 195 человек, был создан только для того, чтобы перепиливать, шпунтовать и канавить пиломатериалы для изготовления коробок и обрешетки.

2000 самолетов, возвращенных в Соединенные Штаты, представляли собой практически все огромное воздушное оборудование ВВС, которое было сохранено для использования после войны. Продажи наших подержанных самолетов за границу после перемирия как правительствам, так и частным лицам практически ничего не стоили. Оставшиеся тысячи самолетов, на которых когда-то были нанесены американские опознавательные знаки, были разобраны на пригодные для использования материалы и сожжены в огромных кострах, на которых первоначальные инвестиции исчислялись миллионами долларов. Это кажущееся расточительство подверглось резкой критике со стороны тех в этой стране, кто не понимал условий; но когда ответственные за разрушение выступили в их защиту, критика прекратилась.

Срок службы самолетов в эксплуатации или на хранении в лучшем случае невелик. Тысячи самолетов ВВС США отлично зарекомендовали себя либо на полигонах, либо на фронте. Средняя продолжительность жизни этих кораблей, вероятно, составляла менее трех месяцев. Продажи их за границу не было — Франция уже владела гораздо большим количеством самолетов, чем могла использовать, и попытки Авиасообщения продать поддержанные самолеты частным лицам закончились полным провалом. Разобрать эти машины, упаковать их в коробки, еще раз подвергнуть ухудшающемуся воздействию соленой влажности во время трансатлантического перелета и снова собрать их в Соединенных Штатах означало бы еще больше ухудшить их состояние и еще больше сократить средний срок службы. Также необходимо было учесть расходы на содержание солдат во Франции для защиты этой *техники* в течение нескольких месяцев, расходы на подготовку ее к отправке и, наконец, — основные расходы — расходы на транспортировку ее в Соединенные Штаты. Вопрос заключался в том, выгодно ли было тратить все эти деньги ради возвращения в Соединенные Штаты материалов, срок службы которых в лучшем случае составлял бы всего несколько недель и которые из-за излишков новых или малоиспользуемых самолетов, уже имеющихся в наличии, могли вообще никогда не быть использованы. Военное министерство не колебалось в своем ответе. Он предписывал продать или уничтожить все самолеты ВВС этого класса; и, поскольку продажа оказалась невозможной, приказ означал их уничтожение.

Ответственные за работу, понимая, что, скорее всего, последует критика, действовали максимально осторожно. Для отправки домой были зарезервированы только самые новые, наименее используемые и лучше всего оборудованные самолеты. Авиаэскадрильи Оккупационной армии получили обильный запас самолетов. Остальные, предназначенные к уничтожению, были подвергнуты нескольким проверкам различными комитетами и инспекционными комиссиями, чтобы у начальника Воздушной службы могло быть множество экспертных заключений, на которых основывались бы его приказы об осуждении.

Материалы класса D, как называлось это запрещенное имущество, были сосредоточены в трех центрах — Роморантене, Иссудене (где у ВВС была крупнейшая летная школа в мире) и Коломби-ле-Бель (демобилизационный склад в зоне наступления). Здесь проводились заключительные проверки. Многие из списанных самолетов представляли на неопытный взгляд идеальный внешний вид. Места для хранения в зоне наступления после перемирия всегда было мало, и эти, по-видимому, хорошие машины пострадали от воздействия погодных условий. Они пропитались водой; клееные соединения разошлись, деревянные детали были деформированы и так далее. Их пришлось бы полностью перестроить, чтобы обеспечить безопасность. У других были сломаны стойки, поперечные скобы и другие поврежденные детали. Все такие машины были отправлены на утилизацию.

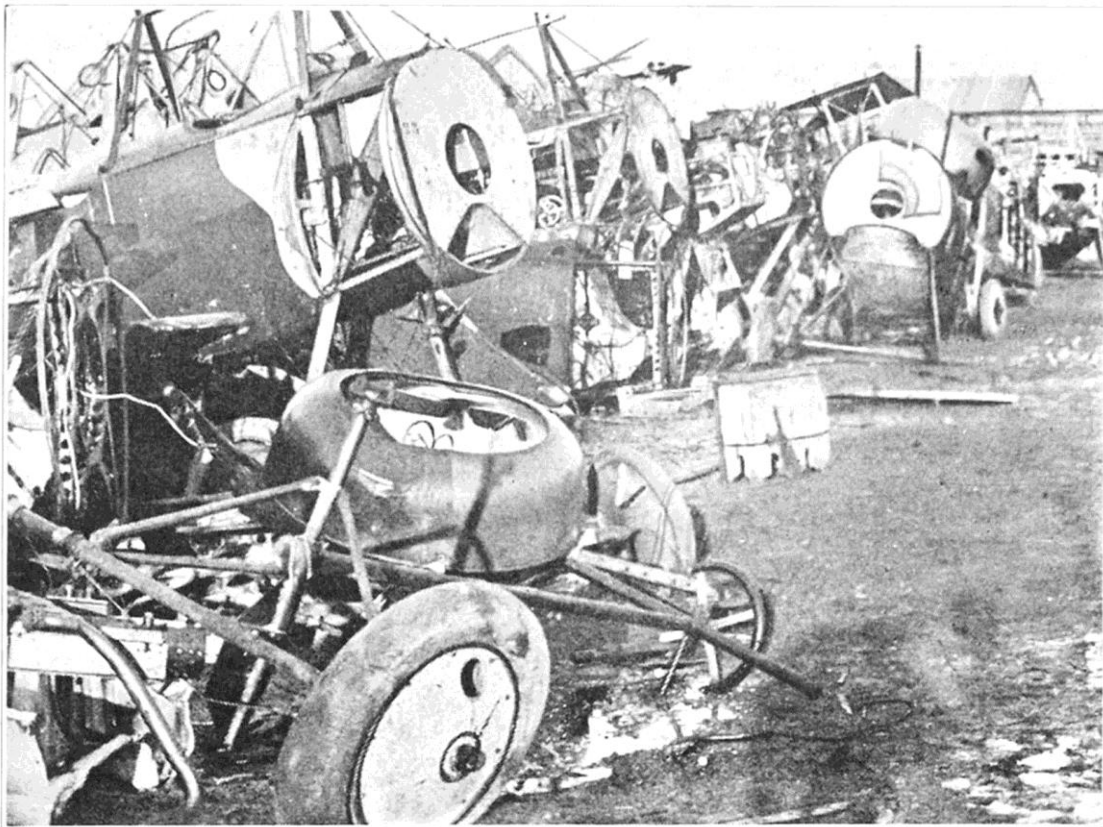


Фото с сайта Air Service

ОБЛОМКИ АМЕРИКАНСКОГО САМОЛЕТА

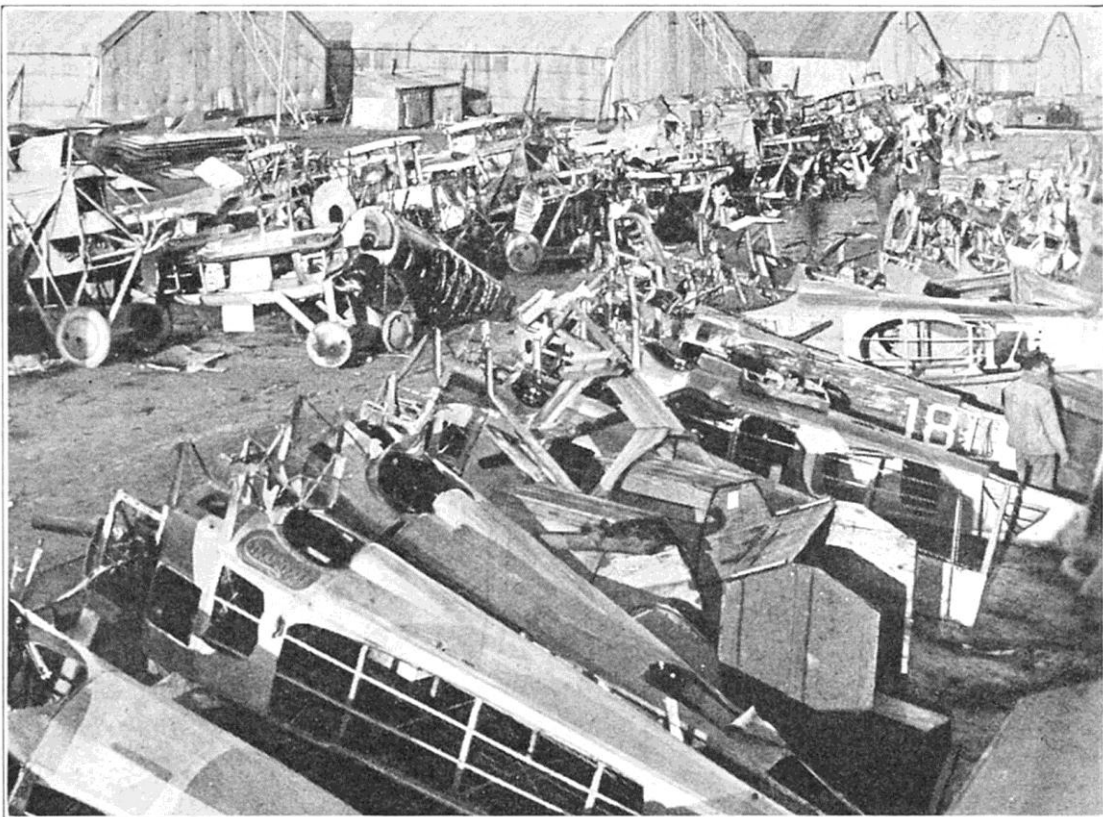


Фото с сайта Air Service

ТОПЛИВО ДЛЯ КОСТРА

Затем списанные самолеты переходили от экипажа к экипажу, которые их разбирали. Все различные металлические детали были сняты и отправлены на склады интендантов для продажи как металлолом. Двигатели были сняты и сохранены, как и пропеллеры, шасси, колеса, шины, оси, капоты, бензобаки и масляные баки, органы управления, приборы, радиоаппаратура, пулеметы, бомбодержатели и многие другие пригодные для эксплуатации предметы. Даже целые крылья, когда они были в хорошем состоянии, были сняты и упакованы для отправки в Соединенные Штаты. Оставшиеся обломки, состоявшие лишь из легковоспламеняющихся деревянных элементов конструкции и пропитанной допингом обшивки крыльев, были сложены в большие кучи и сожжены. Таким образом, было утилизировано более 2300 самолетов.

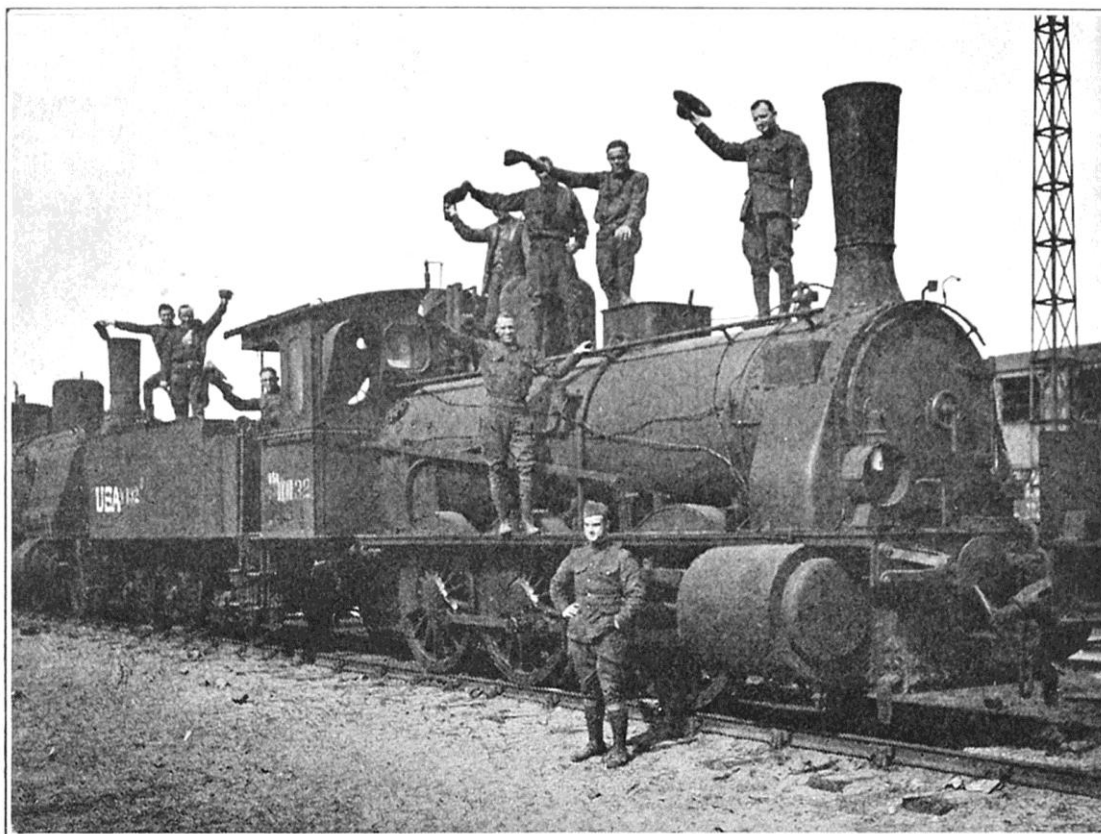


Фото Корпуса связи

НЕМЕЦКИЙ ЛОКОМОТИВ , ПЕРЕДАННЫЙ ИНЖЕНЕРАМ А. Е. Ф.



Фото Корпуса связи

ИНЖЕНЕРЫ, СТРОЯЩИЕ УНИВЕРСИТЕТ БОН

Сотня аэростатов наблюдения была разорвана и использована для изготовления брезента, чехлов для фургонов и тому подобного. Остальные аэростаты были возвращены в Соединенные Штаты.

Аэродромы на арендованных землях, занятые малыми авиационными подразделениями ВВС, были возвращены владельцам собственности после того, как войска демонтировали все военные сооружения. За исключением этого, все заводское оборудование Воздушных служб Франции, состоящее из учебных станций, школ наблюдения, складов снабжения и тому подобного, было передано французскому правительству. Излишки американских самолетов в Англии были утилизированы британским правительством, действовавшим в качестве агента Соединенных Штатов.

ГЛАВА XIV ТЕХНИЧЕСКИЕ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ

Проблема демобилизации инженерного корпуса была двухуровневой, поскольку, хотя инженеры закупают большое количество материалов в Соединенных Штатах, они использовали эти материалы в основном во Франции, где также были заключены контракты на поставку большого количества инженерных материалов, которые нецелесообразно было отправлять в ВВС из Соединенных Штатов. Когда наступило перемирие, оно обнаружило, что крупные инженерные производственные проекты успешно продвигаются как в нашей

стране, так и за рубежом, по обе стороны океана имеются большие излишки материалов, а во Франции ведется огромная деятельность по строительству зданий и других более или менее постоянных объектов для экспедиции. Во Франции инженерному корпусу было поручено строить доки, портовые терминалы, склады для хранения, больницы, казармы, железные дороги и другое оборудование для армии, а также строить дороги и мосты, прокладывать минные туннели и натягивать проволоку для войск на фронте. Задачей инженеров после перемирия было завершить весь этот обширный бизнес, расторгнув контракты, рассчитавшись с подрядчиками, избавившись от излишков припасов и накапливая резервы для возможного использования будущей армией большого размера.

На момент заключения перемирия инженеры были задействованы более чем в 600 отдельных строительных проектах во Франции. Работы на 246 из них были немедленно прекращены, и единственным разрешенным строительством после перемирия было строительство объектов, которые должны были использоваться во время демобилизации ВВС. Эти отмены привели к экономии в размере 135 000 000 долларов. Отмены касались проектов строительства 450 миль железной дороги. Были аннулированы контракты с французскими производителями инженерных материалов на сумму 30 000 000 долларов. При расчете с подрядчиками инженеры следовали принципу, согласно которому американское правительство компенсировало иностранным производителям все понесенные ими убытки, но не выплачивало ожидаемой прибыли. В конечном итоге претензии французских подрядчиков были урегулированы выплатой менее 1 500 000 долларов. Заказы на поставку, размещенные у французских производителей, предусматривающие поставку материалов на сумму около 13 000 000 долларов, были отменены и оплачены менее чем за 90 000 долларов, из которых около 60 000 долларов было выплачено за материалы, принятые в рамках соглашения.

Инженерам во Франции после перемирия предстояла значительная конструктивная работа. Предстояло построить лагеря в американских портах высадки во Франции, отремонтировать почти 10 000 миль дорог, построить школы, театры и спортивные площадки, включая стадион "Першинг" под Парижем. Эти объекты, а также сооружения, возведенные до перемирия, составляли для ВВС физическое оборудование, на которое американское правительство потратило сотни миллионов долларов; однако после возвращения Экспедиционных сил физическое оборудование во Франции, взятое в целом, было скорее помехой для Соединенных Штатов, чем преимуществом. Некоторые из железных дорог, доков и других крупных строительных объектов, несомненно, обладали огромной внутренней будущей ценностью для французов, и мы могли ожидать, что нам хорошо заплатят за передачу их французскому правительству; но в качестве компенсации были десятки объектов, вообще не имевших ценности в мирное время - дороги, военные железные дороги и обширные лагеря непрочной постройки, построенные на плодородных сельскохозяйственных землях. На А.Е.Ф. лежала обязанность вернуть эти оккупированные французские земли в их первоначальное состояние; но таким образом было занято примерно 50 000 акров французских ферм, и на восстановление этих земель потребовалось бы время 30 000 человек в течение нескольких лет.

Большие запасы инженерных материалов во Франции, в отличие от постоянных установок, действительно были преимуществом, но не таким большим, как можно было бы подумать. Во-первых, продажа их частным покупателям на европейских рынках потребовала бы нескольких лет работы, в течение которых американскому правительству пришлось бы содержать во Франции силы численностью около 5000 человек. Более того, все это время

запасы техники постоянно приходили бы в упадок, так что их средняя стоимость и близко не была бы такой высокой, как во время перемирия.

Именно эти соображения привели к решению продать все американские инженерные объекты во Франции, как предметы снабжения, так и постоянные или полупостоянные установки, в рамках единой единовременной сделки с французским правительством. Установки достались французам по цене, которую трудно точно установить, потому что в эту же сделку было включено все остальное имущество А. Е. Ф., не возвращенное в Соединенные Штаты и не проданное другим зарубежным странам, при этом французы заплатили фиксированную цену в 400 000 000 долларов за весь лот. Подсчитано, что на объекты американской армии во Франции пришлось 32 000 000 долларов из общей выплаченной суммы. Если мы примем эту цифру, то должны назвать это выгодной сделкой; поскольку французское правительство также взяло на себя наши обязательства перед французскими владельцами собственности, тем самым освободив нас от работы по приведению их ферм в пригодное для использования состояние, замене водопровода и других современных удобств, которыми мы осквернили некоторые из их самых древних замков и монастырей, и выполнению тысячи подобных работ или, вместо такой работы, выплате владельцам стоимости восстановления наличными.

Немногочисленные инженерные материалы, накопленные американцами в Англии, были проданы частным покупателям. Вражеские инженерные *материалы*, захваченные во Франции ВВС, были отправлены во Францию для единовременной продажи. В Бельгии захваченные *материальные средства* состояли в основном из пиломатериалов и лесопильного оборудования стоимостью около 250 000 долларов, и они были отправлены в Бельгию в качестве оплаты этой стране за то, что она взяла на себя ответственность за немецкие боеприпасы, захваченные нашими войсками в Бельгии.

Из-за нехватки транспортных средств было принято не возвращать в Соединенные Штаты тяжелые инженерные материалы, а возвращать такое легкое техническое оборудование, как прожекторы, устройства для определения дальности вспышки и звука, инструменты и тому подобное. Однако было целесообразно вернуть большое количество стальных рельсов и балок, поскольку они могли служить балластом на судах; и правительство также распорядилось вернуть большое количество дорожно-строительной техники для использования Бюро автомобильных дорог общего пользования. Инженеры позаботились о том, чтобы образцы большей части инженерного оборудования, использовавшегося другими армиями в мировой войне, были отправлены в Соединенные Штаты для изучения здесь.

Сделка о собственности с Францией урегулировала все, за исключением двух крупных исков к Соединенным Штатам: один - за использование американцами французских железных дорог, а другой - за ущерб, причиненный лесозаготовительными работами А. Е. Ф. во французских лесах. Претензия железной дороги была наиболее запутанной из-за неточности записей и по другим причинам, но в конце концов она была полностью урегулирована, предоставив французскому правительству кредит в размере около 61 000 000 долларов (435 000 000 франков стоимостью семь к доллару). Иск лесного хозяйства был урегулирован путем предоставления французам кредита в размере 10 000 000 долларов.

Претензии французских подрядчиков, поставлявших нам инженерные материалы, были урегулированы, наряду с претензиями почти всех других французских подрядчиков, Ликвидационной комиссией Соединенных Штатов в ходе общих переговоров с французским правительством. Однако одна инженерная претензия осталась неурегулированной.

Подрядчик согласился поставить для ВВС 6000 разборных казарм, но к началу перемирия он не поставил ни одного здания и практически не продвинулся в выполнении своего контракта. Тем не менее, он предъявил иск о возмещении ущерба на сумму 600 000 долларов. Ликвидационная комиссия предложила ему 1200 долларов, но он отказался. Его подробные расходы включали покупку спиртных напитков, дамских туалетных столиков и восточных ковров, и он даже устно признал, что одной из его “издержек” была таинственная выплата 4000 долларов французскому переводчику в офисе американского инженера-закупщика во Франции.

В первый день перемирия в Соединенных Штатах было произведено почти 200 000 тонн инженерных военных материалов, которые ожидали отправки во Францию. Это накопление составило 31 000 000 долларов. Оно включало сотни локомотивов, тысячи вагонов и десятки тысяч тонн путевых материалов, строительных материалов, общего оборудования и инструментов. Между тем американские контракты на производство таких поставок достигли стоимости свыше 365 000 000 долларов, а производство достигло таких темпов, что составляло 300 локомотивов и 1800 железнодорожных вагонов в месяц. Этот бизнес был прекращен с предельной быстротой, которая соответствовала потребности производителя перевести свою фабрику на другую работу без неоправданных помех для своей рабочей силы, а также потребности правительства приобрести достаточные военные запасы таких материалов и максимально использовать деньги, которые оно вложило в предприятие.

Когда военной промышленности пришел конец, Военное министерство, таким образом, обнаружило в своих руках огромное количество инженерных материалов. Некоторые из этих предметов снабжения, такие как краны и дорожно-строительные материалы, были переданы другим правительственным ведомствам для использования на общественных работах. До 15 мая 1920 года инженерное оборудование и расходные материалы были проданы на рынке с валовой денежной прибылью более 110 000 000 долларов. Поскольку стоимость этих материалов составила около 128 000 000 долларов, рентабельность продаж составила около 85% от стоимости, что является чрезвычайно высоким показателем окупаемости. Иностранные правительства были крупными покупателями, особенно железнодорожных локомотивов и вагонов. Инженеры зарезервировали для продажи и хранили на различных внутренних складах огромный запас припасов для возможного использования в военных целях в будущем. Основными предметами этого резерва являются следующие:

- 9197 Локомотивов консолидационного типа.
- 912 750 вагонов, включая полувагоны, платформы, ящики, цистерны и думпкары.
- 736 миль пути из железнодорожных материалов стандартной колеи.
- 353 мили пути из легких железнодорожных материалов.
- 35 единиц тяжелого понтонно-мостового оборудования.
- 6 Единиц оборудования для легких понтонных мостов.
- 1067 единиц оборудования.
- 81 60-дюймовые прожекторные установки открытого типа (грузовики Cadillac).
- 154 36-дюймовых прожекторных установки бочкообразного типа (грузовики Mack).
- 1 Набор звуковых диапазонов.
- 10 наборов для записи Bull-Tucker.
- 25 наборов для съемки со вспышкой.
- 35 наборов для съемки с земли.

Финансовая ликвидация американского военного инженерного бизнеса была необычайно удовлетворительной как из-за быстроты, с которой она была проведена, так и из-за низкой стоимости ее прекращения для правительства. Незадолго до перемирия многие из наиболее важных закупочных функций инженеров были переданы директору по закупкам, хранению и перевозкам, за исключением того, что начальник инженеров продолжал закупать железнодорожное оборудование и несколько других видов тяжелых материалов, а также прожекторы и дальномерное оборудование. После перемирия инженерные контракты были расторгнуты и урегулированы двумя агентствами — самими инженерами и Отделом закупок, хранения и перевозок. Совет по претензиям инженеров был создан для ликвидации военной машиностроительной отрасли в интересах Инженерного корпуса, действуя, однако, как дочернее предприятие Совета по претензиям Военного министерства. К 15 мая 1920 года Комиссия по претензиям инженеров, наконец, урегулировала 168 из 171 военного иска. На эти иски приходилось общая сумма военного бизнеса в размере 238 000 000 долларов. Производство после перемирия привело к поставке припасов на сумму 17 000 000 долларов, которые Военное министерство оплатило по контрактным ценам. Сумма расторжения составила 218 500 000 долларов, и для этого расторжения правительству пришлось оплатить расходы на аннулирование лишь немногим более 1850 000 долларов, или менее 1 процента от первоначального обязательства.

Заказы на инженерные материалы, принятые на себя директором по закупкам, хранению и транспортировке, составили 138 000 000 долларов. Значительной части этого производства было позволено дойти до завершения, а часть бизнеса была передана другим подразделениям Военного министерства для урегулирования. Директор по закупкам и хранению полностью прекратил деятельность на сумму 29 600 000 долларов и выплатил в качестве платы за расторжение договора 2 800 000 долларов — около 9 процентов от первоначального обязательства.

Один инженер-подрядчик, строитель локомотивов, чьи контракты составили 55 000 000 долларов, отменил весь бизнес без каких-либо затрат для правительства.

БОЕВЫЕ ХИМИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ

Перемирие и приказ о начале демобилизации на какое-то время разрушили Службу химической войны, поскольку первое предположение состояло в том, что использование ядовитых газов на войне возникло и получило развитие во время Мировой войны и закончится вместе с ней. 29 ноября 1918 года директор Службы химической борьбы получил официальное уведомление о том, что “количество такого [химического боевого] оборудования для нужд армии после прохождения нынешнего чрезвычайного положения будет равно нулю”. Подразделение по производству противогазов Службы химической войны было высокоорганизованным и высокоэффективным органом, и после перемирия оно заработало так быстро, что ему удалось демонтировать свои заводы по производству противогазов и продать почти все оборудование, прежде чем Конгресс заблокировал этот план и с помощью нового законодательства сделал Службу химической войны постоянным подразделением регулярных вооруженных сил. Газодобывающий отдел Службы, однако, поступил не столь опрометчиво и сохранил приобретенные во время войны мощности по производству отравляющих газов и химикатов.

Подразделение противогазной защиты, производившее противогазы и другое защитное снаряжение, в основном занималось собственным производством; но оно заключало обширные контракты на материалы, используемые при изготовлении. В день заключения перемирия сумма невыполненных контрактов составляла 5 000 000 долларов. К концу 1918 года, или менее чем через восемь недель, эти контракты были сокращены в результате расторжения примерно до 150 000 долларов. Продажа излишков материалов принесла около 8 000 000 долларов. Прекращение производства противогазов на двух крупных заводах на Лонг-Айленде было полностью продиктовано наилучшими интересами тысяч сотрудников, ни один из которых не был уволен до тех пор, пока одно из официальных агентств по трудоустройству не нашло для него место в коммерческой жизни. Через шесть месяцев демобилизация этого подразделения Службы химического оружия была завершена.

Что касается служащих, то демобилизация газодобывающей промышленности не была сложной проблемой. Все заводы принадлежали правительству, и большинство оперативников были рядовыми в форме. Более того, почти за месяц до перемирия производство боевого газа было почти полностью приостановлено из-за нехватки гильз для заправки газом.

Оборудование Военного министерства для производства газа состояло из арсенала Эджвуда и ряда вспомогательных заводов, расположенных в различных частях страны. Арсенал Эджвуда был сохранен, поначалу в готовом состоянии, все механизмы были вымыты и смазаны, все уличное оборудование размещено на безопасном хранении, а все поверхности, подверженные износу, окрашены. Вспомогательные предприятия, здания и оборудование были проданы, в основном, производителям химикатов и красителей. Продажи проводились методом аукциона, и правительство получило хорошие цены.

Даже некоторые эксперты Службы химической войны после перемирия согласились с распространенным, но, как оказалось, ошибочным мнением, что большие количества боевых газов, накопленные этой страной и другими странами во время войны, будут представлять опасную угрозу, пока они хранятся, и что их придется уничтожить, предположительно сбросив в море. Предполагалось, что эти яды будут настолько разъедающими по своему действию, что никакие металлические емкости не смогут долго их удерживать. Поскольку большое количество боевых газов, имевшихся в наличии после перемирия, было загружено в стальные гильзы, предполагалось, что эти гильзы и их содержимое будут безвозвратными потерями, за исключением, возможно, некоторой незначительной стоимости для утилизации.

События после перемирия, казалось, усилили это впечатление. Утечка, например, несомненно происходила в газовых баллонах, хранившихся на наших складах снарядов во Франции; и людям без масок было опасно работать рядом с некоторыми из этих складов. Еще более убедительная демонстрация нестабильности заряженных газовых снарядов была случайно продемонстрирована в Эджвудском арсенале после перемирия. Среди военных запасов, объявленных излишками, была одна партия из 500 000 ручных гранат, заряженных хлоридом олова, химическим веществом, вызывающим образование дыма. Они были возвращены из Франции и, несомненно, находились в плохом состоянии. По пути из Франции химикат начал проедать дыры в металле гранат, и несколько тысяч гранат пришлось выбросить за борт. Служба химической войны продала эти гранаты химической компании. Когда локомотив сдал назад, чтобы подогнать вагоны с гранатами, от небольшого толчка взорвалась добрая половина снарядов, и в течение двух или трех дней никто не мог приблизиться к этому боковому пути.

Этот инцидент, очевидно, показал непостоянство боевых газов. На самом деле это продемонстрировало непостоянство только хлорида олова, который вызывает сильную коррозию металла; а хлорид олова в произведенных количествах был относительно неважным военным химическим веществом. Тем не менее, опасаясь, что другие, более высокотоксичные газы также могут вызвать коррозию и проесть их контейнеры, Служба химической войны сбросила в океан около двадцати тонн фосгена и большое количество снарядов с ипритом. Вероятно, это было явным расточительством, как оказалось, потому что последующие эксперименты установили тот факт, что самый смертоносный из боевых газов можно безопасно хранить годами, если удалить всю влагу из самих химикатов и выпустить весь воздух из контейнеров, оставив только чистые химикаты в контакте с металлом контейнеров. Было обнаружено, что коррозия вызвана присутствием влаги внутри контейнеров.

Почти 1400 тонн фосгена, хлорпикрина, иприта и других смертоносных газов, произведенных во время войны, сейчас хранятся в Эджвуде; и сегодня, спустя почти три года после перемирия, их контейнеры все еще находятся почти в идеальном состоянии. Подсчитано, что они не испортятся при хранении по крайней мере в течение десяти лет, что свидетельствует о том, что отравляющие газы столь же долговечны при хранении, как бездымный порох. В Эджвуде также хранятся большие партии снаряженных газовых снарядов, произведенных во время войны. Их часто проверяют и тестируют, и тесты показывают, что они хорошо хранятся. По оценкам экспертов, снаряженный газом снаряд будет находиться в хорошем состоянии до тех пор, пока линкор может нести службу, с момента ввода корабля в эксплуатацию до того момента, когда он будет признан устаревшим.

Другие запасы химического боевого снаряжения, которые сейчас хранятся в Эджвуде, включают 51 000 прожекторов Livens, 88 траншейных минометов, 3 000 000 незаполненных газовых снарядов и 700 000 незаполненных ручных гранат. Также на складе имеется более 2 000 000 противогазов и 1000 тонн активированного угля для использования в качестве абсорбента газов в баллонах для масок. Маски хранятся в герметично закрытых коробках - метод консервации, который, как мы надеемся, защитит прорезиненную ткань от порчи на долгие годы. Другие припасы, хранящиеся на складе, включают защитные костюмы, защитную мазь и устройства газовой сигнализации.

Такие химикаты, которые Служба химической войны продавала после перемирия, приносили хорошие цены. После перемирия цены на многие химические вещества выросли, и Служба химической войны получила соответствующую прибыль. Служба получила 100-процентную прибыль от проданного фосгена, а также нашла хороший рынок сбыта для своего хлора.

Среди запасов, хранящихся в Эджвуде, было значительное количество войлока, который был разработан американцами для защиты от мышьякового дыма, смертоносного химического вещества, никогда не испытывавшегося на поле боя, но рассматривавшегося как неизбежное развитие событий в ожидаемой кампании 1919 года. Производство токсичного дыма было одним из самых интересных этапов истории химического оружия в Мировой войне. Свечи, от которых исходил этот дым, были, пожалуй, самым страшным оружием, изобретенным любой из воюющих сторон во время конфликта, и перемирие прервало англо-американский проект, который шел полным ходом, по удушению ими немецкой армии весной 1919 года. Эта разработка была одной из самых глубоких военных

тайн как в Англии, так и в Соединенных Штатах. Кроме Франции, даже другие союзники не были допущены к этой тайне.

В дымовых свечах использовалось соединение мышьяка, известное как дифенолхлорарсин. В лаборатории это вещество не было новым — фактически, ни один из боевых газов, фактически использовавшихся в полевых условиях, не был новой разработкой; а из предполагаемых ядов, насколько известно, только смертоносный люизит, изобретение капитана У. Ли Льюисом в лаборатории Службы химической войны в Вашингтоне, было создано новое химическое вещество, разработанное специально для использования на войне.¹¹ Все другие боевые газы были известны органической химии, некоторые из них в течение многих лет. То же самое и с дифенолхлорарсином. Впервые он был произведен в Германии в прошлом веке, и немцы также начали использовать его в качестве боевого оружия.

Немцы производили и использовали дифенолхлорарсин в качестве твердого вещества. Вещество было разлито по стеклянным бутылкам, которые, в свою очередь, были вставлены в наполнитель T. N. T. shell. Взрыв превратил химическое вещество в туман, преимущество которого заключалось в том, что он мог проходить через хлопчатобумажные перегородки в баллончике обычного противогаза. Этот туман сильно раздражал слизистую оболочку носа и горла и вызывал чихание, что не позволяло солдату, отравившемуся им, надеть маску, так что он становился жертвой более смертоносных газов, выпущенных одновременно.

Британцы раздобыли “неразорвавшийся” снаряд, содержащий дифенолхлорарсин, и сразу же признали это химическое вещество потенциально самым смертоносным из всех, когда-либо использовавшихся в химической войне. Но было очевидно, что немец использовал его неправильно, таким образом, чтобы полностью раскрыть его токсический эффект. Вопрос заключался в том, как распылять дифенолхлорарсин гораздо тоньше. Британским химикам и инженерам-механикам в конце концов удалось получить вещество в виде свечей, которые горели и выделяли густой дым. Этот дым представлял собой дифенолхлорарсин, настолько мелкодисперсный, что американский противогаз, самая эффективная маска из всех, был совершенно бессилён против него. Частицы дыма свободно проходили через перегородки; и, поскольку частицы представляли собой мельчайшие твердые частицы, а вовсе не настоящий газ, на них не воздействовали газопоглощающий древесный уголь и известь из баллона маски.

Каждый экспериментатор в маске, отравленный этим дымом, заявлял, что маска хуже, чем полное отсутствие защиты. Примечательно также, что каждый из подвергшихся отравлению газом, не зная, что он просто повторяет то, что говорили другие до него, заявлял, что, если бы он не смог быстро выйти из зоны концентрации, он скорее застрелился бы, чем дольше терпел агонию. Что касается стойкости и рассеиваемости дыма, то во время одной демонстрации, когда в безлюдном месте в Англии горели две свечи, гражданские лица слегка отравились газом в деревне в нескольких милях отсюда.

Вот и все о веществе, которое превзошло все ужасы самой ужасной из всех войн. Но оружие было бесполезно, если не удавалось разработать защиту от него. Америка изобрела войлок толщиной с защиту, который стал текстильным триумфом в том смысле, что он полностью улавливал и удерживал частицы дыма, но при этом позволял довольно легко дышать через себя. План состоял в том, чтобы выпускать этот войлок небольшими кусочками, которые солдаты могли бы обернуть вокруг своих баллонов, чтобы все вдыхания происходили через войлок. Затем обернутую войлоком канистру помещали обратно в рюкзак. В рамках совместного проекта мы должны были производить защитный войлок, а британцы - свечи.

Британцы заказали несколько миллионов таких устройств и фактически производили их в больших количествах на момент заключения перемирия. К тому времени американские фабрики выпускали войлок тысячами ярдов, а наша Служба химической войны также планировала построить фабрику по производству дифенолхлорарсиновых свечей. Вся эта деятельность держалась в строжайшем секрете в обеих странах. Программа была рассчитана на определенную неделю весной 1919 года, когда в благоприятный час, когда войска на нашей стороне были надежно защищены от дыма, было предложено зажечь свечи повсюду по всему фронту. Организации по газовой войне Великобритании и Америки уверенно ожидали, что, когда это смертоносное вливание прекратится, немецкая армия практически прекратит свое существование и война будет окончена.

Есть основания полагать, что немец также осознал неэффективность дифенолхлорарсина при обжиге в оболочках и пошел по независимой линии развития, которая привела его к производству свечей. Утверждается, что такие свечи производились в Германии до перемирия. Однако сомнительно, удалось ли немцам разработать защиту от дыма.

После перемирия наша Служба химической борьбы продолжила независимую разработку мышьякового дыма. Проблема была механической. Химическое вещество выводится в виде дыма с помощью тепла. Если нагрев слишком силен, вещество сгорит и превратится в нетоксичные соединения. Если нагрев слишком слабый, дым не будет эффективно отводиться. Эту проблему мы решили.

Следует упомянуть также о другом химическом секрете войны - люизите. В некотором смысле люизит можно назвать разновидностью иприта, поскольку лабораторный процесс изготовления иприта подсказал капитану Льюису некоторые аналогичные химические реакции, в результате одной из которых получилась доселе неизвестная жидкость, названная в его честь. Подобно горчице, люизит является так называемым везикантом, веществом, вызывающим образование волдырей на коже, но оно гораздо более сильное; поскольку, в то время как горчичный газ просто обжигает, люизит всасывается через кожу в организм. Три капли этого химического вещества, нанесенные на брюхо крысы, убьют животное через два-три часа, и считается, что такое же количество вещества было бы нанесено на кожу человека. Как и горчица, люизит медленно выделяет пары, и эти пары обладают жгучим, смертоносным действием.

До и после перемирия в этой стране были разработаны другие боевые газы, и для некоторых из них, а также для некоторых более известных газов есть или могут быть использованы в гражданских целях. Полагая, что химическая война будет продолжаться до тех пор, пока будут войны, Служба химической войны после заключения перемирия стремилась разработать способы использования боевых газов в мирное время, чтобы обеспечить их непрерывное производство с одновременной подготовкой химиков, на которых правительство может положиться во время войны. Был разработан новый слезоточивый газ, который называется хлорацетофенон. Присутствие незначительного количества этого газа в воздухе оказывает ослепляющее слезоотделяющее действие на глаза человека, оказавшегося в нем; однако газ не токсичен. Различные подразделения столичной полиции экспериментируют с этим газом, чтобы определить его действие при разгоне толпы. Другой вызывающий беспокойство, но не опасный газ носит ошеломляющее химическое название дифениламинхлорарсин. Он временно ослепляет и вызывает тошноту и рвоту, но не считается смертельным газом. Предлагается использовать его для защиты хранилищ, в которых хранятся ценности. Фосген используется в производстве блестящих красителей, а также его можно использовать для уничтожения крыс. Хлор - широко используемое дезинфицирующее средство. Другими боевыми газами предлагается уничтожать

многочисленные виды долгоносиков и других насекомых-вредителей, которые ежегодно наносят большой ущерб американским посевам.¹²

СРЕДСТВА ПОДАЧИ СИГНАЛОВ

Количество контрактов корпуса связи на день перемирия составляло 1244. Они предусматривали производство припасов на сумму свыше 45 000 000 долларов. Телефоны, телеграфное оборудование, радио, полевые бинокли, фотоаппараты, голуби, наручные часы — вот что закупал Корпус связи.

Прекращение деятельности этой отрасли было обусловлено почти исключительно промышленными условиями. При наличии большинства сигнальных средств было практически невозможно создать крупные военные резервы. Пожалуй, нет такой отрасли современного машиностроения, которой прикладная наука уделяла бы больше внимания, чем совершенствованию средств связи. Прогресс идет быстрыми темпами, и поэтому любые большие запасы припасов, выделенные Корпусом связи, скорее всего, устареют и потеряют ценность через несколько лет. Более того, хотя военная промышленность Корпуса связи добилась наибольших результатов в производстве таких обычных вещей, как телефонные и телеграфные приборы и провода, все это оборудование было особой конструкции, неизвестной в обычном коммерческом использовании, и поэтому не представляло для него ценности. Следовательно, не было обычной веской коммерческой причины для продолжения производства по хорошо проработанным контрактам корпуса связи, а именно того, что от продажи готовой продукции можно было получить большой денежный доход, чем от бросовой продажи полуфабрикатов. Наконец, многие принадлежности корпуса связи — и это особенно относится к радиосвязи — были надежно защищены действующими патентами. Этими патентами правительство пользовалось бесплатно во время войны, но существование патентов практически не позволяло правительству продавать излишки своего радиооборудования после войны. По этим и другим причинам военная деятельность корпуса связи была прекращена именно с той скоростью, с какой производственное оборудование и его рабочие могли быть перенаправлены на другую работу.

В отличие от Департамента боеприпасов и Воздушной службы, Корпус связи до перемирия не был организован по производственным округам, а вел все свои дела из центрального офиса в Вашингтоне. Штаб-квартира в Вашингтоне, однако, поддерживала тесный контакт с подрядчиками через свою так называемую летучую эскадрилью, организацию офицеров, которые посещали военные заводы, инспектировали их работу и сотрудничали с производителями в решении их цеховых проблем. Эта же организация после перемирия проводила полевые работы по ликвидации промышленности, действуя под руководством Совета Корпуса связи по расторжению контрактов, который, в свою очередь, был дочерним предприятием Совета по претензиям Военного министерства.

Новые и неиспользованные материалы, приобретенные до прекращения производства, были утилизированы различными способами. Достаточные военные запасы были размещены на надежном складе. Во время войны Корпус связи построил большую учебную школу в лагере Альфред Вейл в Нью-Джерси. Этот лагерь был сохранен в качестве постоянного дополнения к Корпусу связи. На склады Кэмп-Вейла было отправлено большое количество излишков снаряжения корпуса связи, как готовых изделий, так и частично изготовленных приборов, которые должны были быть изучены и разработаны в лабораториях лагеря. Почтовое ведомство приобрело определенное количество радиотелефонных и телеграфных аппаратов для использования на своих почтовых самолетах. Лесная служба

забрала радио, а также несколько почтовых голубей для использования в противопожарной службе в национальных лесах. Другие принадлежности были проданы населению.

Корпус связи, в качестве одной из своих обязанностей, создал и скомпилировал фотографическую историю участия Америки в Мировой войне, как в виде кинофильмов, так и в виде “натюрмортов”. Сотни тысяч негативов в этой истории были собраны в Вашингтоне после перемирия и хранились в специально построенном здании, которое не только пожаробезопасно, но и обеспечивает равномерную температуру и сухость воздуха, чтобы предотвратить быстрое ухудшение качества негативов. Был подготовлен полный каталог видов, и была разрешена продажа дубликатов для широкой публики. Многие иллюстрации в этих томах взяты из этой коллекции.

Утилизация излишков сигнального оборудования А. Е. Ф. была примечательна тем, что включала крупную продажу французскому правительству оборудования, не охваченного общей массовой распродажей 1919 года. Когда наступило перемирие, BBC были обеспечены сотнями миль магистральных телефонных и телеграфных кабелей, соединяющих полную сеть ответвлений, проводов и станций, все это американского производства и эксплуатируется американцами. Вопрос состоял в том, разобрать ли все это, после чего оно было бы представлено несколькими тысячами тонн хлама, или продать в целости и сохранности; и был только один возможный заказчик - французское правительство, которое монополизирует телеграфную и телефонную связь во Франции. Офицеры корпуса связи во Франции обсудили с французским правительством сразу после заключения перемирия вопрос о продаже этих установок Франции, и весной 1919 года, когда прибыла Ликвидационная комиссия Соединенных Штатов (которая проводила полную продажу), переговоры продвинулись настолько успешно, что продажа корпуса связи была специально освобождена от массовой продажи. Франция заплатила за установку 6 400 000 долларов. Франция и Англия совместно заплатили 130 000 долларов за американский межканальный кабель, проложенный с большим трудом (и по приблизительной стоимости 238 000 долларов) между Какмером, Англия, и Кап д'Антифер, Франция. ¹³ Также велись переговоры о закупке французским правительством большого количества американских строительных материалов для проволочных систем, но в конечном итоге они были включены в поставки, поставленные по условиям оптовой продажи. Продажи другим правительствам и частным лицам были небольшими.

АВТОТРАНСПОРТНЫЕ СРЕДСТВА

Все излишки автотранспортных средств А.Е.Ф. (классификация, включающая велосипеды и прицепы, а также грузовики, легковые автомобили, мотоциклы и коляски), поскольку эти излишки существовали в августе 1919 года, перешли французскому правительству на условиях оптовой продажи. Продажная стоимость этих автомобилей была оценена нашими оценщиками в 100 000 000 долларов, оценка получилась следующей: первоначальная стоимость покупки составляла 310 000 000 долларов. Однако износ снизил полезную стоимость для армии до 220 000 000 долларов. Однако подержанная машина должна быть продана по цене подержанной машины, которая не будет отражать стоимость машины для владельца, утилизирующего ее. Справедливая подержанная стоимость этого оборудования (при условии, что транспортные средства будут проданы частным покупателям) оценивалась в 132 000 000 долларов. Но продажа транспортных средств оптом французскому правительству освободила Соединенные Штаты от затрат на продажу транспортных средств партиями различного размера частным покупателям. Было подсчитано, что накладные

расходы на продажу автомобилей частным лицам составят приблизительно 32 000 000 долларов. В качестве одной из статей этих расходов на продажу потребовались бы услуги 3000 военнослужащих в течение одного года для обслуживания непроданных транспортных средств. За этот промежуток времени произошло бы дальнейшее снижение стоимости транспортных средств. Таким образом, А. Е. Ф. был готов пожертвовать 32 000 000 долларов и предложить французскому правительству фиксированную цену в 100 000 000 долларов за оборудование.

Однако до этой продажи были продажи другим лицам, как правительствам, так и спекулянтам. Поляки и некоторые из новых славянских народов купили около 3000 автомобилей у А. Е. Ф. Американские автомобили в Англии (их было немного) были проданы на аукционе. Итальянское правительство закупило около 200 грузовиков, машин скорой помощи и мотоциклов. Поскольку наши войска были демобилизованы из оккупационной армии в Германии, у них остался излишек в размере более 14 000 автомобилей. Они были проданы британскому синдикату за 25 000 000 долларов. Более 1200 грузовиков немецкого производства, приобретенных ВВС в соответствии с условиями перемирия, были проданы немецкому дилеру.

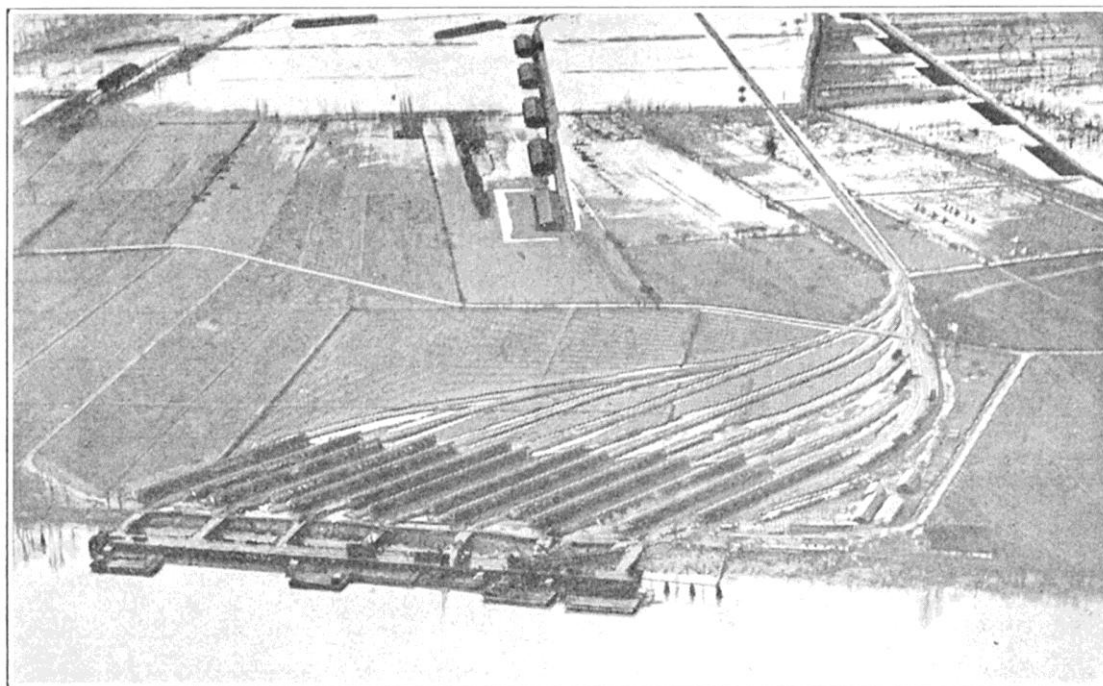


Фото из инженерного отдела

ВИД АРТИЛЛЕРИЙСКИХ ДОКОВ ВВС С ВОЗДУХА



Фото предоставлено Air Service

ДЕМОНСТРАЦИЯ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ГАЗА

Военные заказы на автомобили (включая велосипеды и прицепы) всех видов на американских заводах предусматривали производство 434 000 из них. Из этого числа примерно 110 000 были велосипедами и прицепами, остальное составляли собственно автомобили. Военная промышленность произвела большое количество этих машин до перемирия, 118 000 были отправлены в ВВС, в то время как тысячи других либо использовались армией внутри Соединенных Штатов, либо ожидали отправки за границу в день перемирия. К четвертому дню перемирия запросы о прекращении производства остановили производство 178 000 автомобилей по военным заказам. Остальным было разрешено завершить производство. Добавив к запасам, имевшимся на момент подписания перемирия, производство после перемирия, мы обнаруживаем, что результатом военной промышленности стало обеспечение армии этой страны 138 000 автомобилей, ни один из которых не пересекал океан.

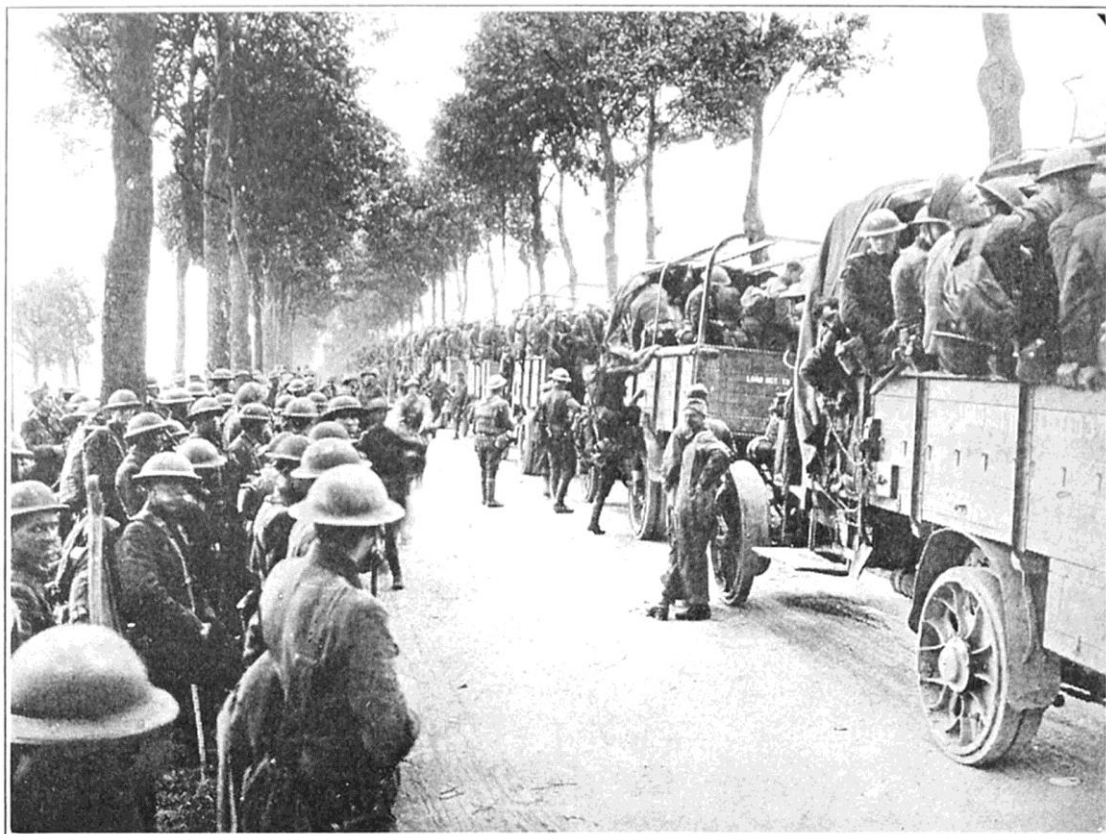


Фото Корпуса связи

АВТОМОБИЛЬНЫЙ ТРАНСПОРТ ВО ФРАНЦИИ



Фото Корпуса связи

ЧАСТЬ ИЗЛИШКОВ АВТОМОБИЛЬНОГО ОБОРУДОВАНИЯ А. Е. F.

Продолжение производства после перемирия было разрешено по многим причинам. Грузовой автомобиль - это товар, который можно легко продать по хорошей цене. Однако его изготовленные детали имеют небольшую ценность, за исключением металлолома. Более того, разрешение на завершение контрактов избавило правительство от уплаты сборов за расторжение контракта. Например, в результате этих деловых соображений один заказ на 8000 грузовиков стандарта В, производство которых началось примерно 1 ноября 1918 года, был разрешен к выполнению. Стандартный грузовик В представлял собой сборку стандартных деталей. Многие заводы производили детали, а некоторые по контракту с правительством собирали детали и выпускали готовое шасси. Расторжение контрактов привело бы к тому, что на руках правительства осталась бы масса деталей сомнительной стоимости для продажи и, кроме того, обязательство оплатить большие сборы за расторжение контракта. Готовые грузовики можно было продать почти за все, если не за все, деньги, вложенные в них правительством. То же самое можно было сказать и о некоторых других стандартных грузовиках.

В некоторых случаях производство продолжалось, чтобы передать в руки армии определенные типы грузовиков, которых армии не хватало даже после того, как масштабное производство закончилось перемирием. Наконец, многие заводы грузовых автомобилей работали исключительно по государственным контрактам, и немедленное прекращение этой работы привело бы к потере работы десятками тысяч человек. Примечательно, однако, что два крупнейших подрядчика, Ford Motor Company и Dodge Motor Company, оба из Детройта, согласились согласиться на прекращение всех незавершенных работ 16 ноября 1918 года без каких-либо затрат для правительства, за исключением стоимости незавершенных материалов, которые они не смогли бы использовать на своих коммерческих предприятиях.

Весь огромный военный бизнес по созданию автомобилей для армии был прекращен, что обошлось правительству в 12 300 000 долларов. В качестве компенсации этих затрат правительство закупило материалы на сумму 4 100 000 долларов, в результате чего чистая стоимость расторжения договора составила около 8 200 000 долларов.

МЕДИЦИНСКИЕ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ

Перемирие превратило то, что было недостаточным количеством медикаментов для растущей, сражающейся американской армии, в огромный излишек для демобилизуемой армии и будущего постоянного военного учреждения. Общий объем закупок Медицинского корпуса достиг почти 250 000 000 долларов. Из этих закупок расходные материалы на сумму около 11 000 000 долларов были закуплены в Европе, главным образом во Франции. Запасы, имевшиеся в наличии в день перемирия и поставленные по контракту впоследствии, стоили 110 000 000 долларов.

Поскольку склады были заполнены больничным оборудованием, медикаментами, машинами скорой помощи и другими предметами, которыми пользовались военные хирурги, военная промышленность, производящая эти вещи, была быстро прекращена после перемирия. В Соединенных Штатах более 1400 контрактов и заказов на поставку, предусматривающих производство расходных материалов на сумму 60 000 000 долларов, были расторгнуты с чистыми расходами на аннулирование в размере 3 000 000 долларов. Поставки после перемирия с американских заводов дали Медицинскому корпусу расходных материалов на сумму 32 000 000 долларов. Во Франции и Англии расторжение контрактов сэкономило 3 500

000 долларов. Эти отмены положили конец, среди прочего, проекту, который со временем должен был доставить в А. Е.Ф. двадцать девять укомплектованных поездов скорой помощи, в каждом по шестнадцати вагонов. Девятнадцать таких поездов были доставлены в ВВС до заключения перемирия.

В ходе общей массовой продажи имущества А. Е. Ф. французскому правительству были проданы американские медицинские принадлежности на сумму 34 000 000 долларов. Медицинский корпус передал Американскому Красному Кресту во Франции припасы на сумму 9 000 000 долларов для оказания помощи пострадавшему населению Европы. Другим правительствам А. Е. Ф. продал медикаментов на сумму 6 000 000 долларов. Остальные медикаменты, находившиеся в Европе, были возвращены в Соединенные Штаты. В этой стране излишки медикаментов распределялись различными способами — в Государственную службу здравоохранения, в армейские резервы и (путем продажи) населению.

ГЛАВА XV ПРИПАСЫ КВАРТИРМЕЙСТЕРА

Квартирмейстер не выделяется на героическом фоне войны. Армейский снабженец продуктами и одеждой получает мало *боевых крестов*, и его интерес к Почетной медали Конгресса безличен. Пока его работа идет хорошо, о нем мало что слышно; но пусть он хоть раз поставит войскам на поле боя испорченную говядину или не доставит вовремя армейское зимнее белье, и тогда страна обратит внимание на квартирмейстера.

Бог в наши дни на стороне армии с наилучшей организацией бизнеса, что мог бы признать даже сам Наполеон, если бы ему пришлось просмотреть остатки наличности в конце войны. Таким образом, интендантская служба стала главным фактором победы, потому что эта организация стала примерно деловым центром армии. На чисто земные удобства — еду, одежду и кров — армия тратила гораздо больше денег, чем на оружие и боеприпасы; но деятельность армейских интендантов охватывала гораздо более широкий спектр поставок, чем эти. Сколько бы вы ни теоретизировали об эволюции армейских закупочных служб во время войны, пока они не были объединены в единое централизованное закупочное агентство, факт остается фактом: конечным закупочным агентством была, по сути, Интендантская служба, увеличенная во власти. Генерал Джордж В. Геталс был генерал-квартирмейстером, когда Отдел закупок, хранения и перевозок Генерального штаба (который объединил все армейские закупки и навел порядок в ситуации со снабжением) был построен вокруг его личности и способностей, и с тех пор его главный помощник носил титул “Генеральный квартирмейстер, директор по закупкам и хранению”. Новое подразделение сохранило за собой все обязанности по закупке припасов для интендантов, а также взяло на себя обязанность закупать все другие припасы, кроме сугубо технических. И даже они были приобретены старыми бюро снабжения под полным контролем Отдела закупок, хранения и перевозок.

Когда мы подходим к вопросу о демобилизации военной промышленности, производившей предметы снабжения для интендантов, мы сталкиваемся с тем, что было, измеряемым в тоннах, долларах и центах, величайшим коммерческим предприятием войны. Эти страницы

были заполнены историей захватывающего состязания американского промышленного гения с неодушевленными ресурсами, из которых он производил самолеты, артиллерию и боеприпасы; но то, что заполняло товарные поезда и трюмы трансатлантических грузовых перевозок и целые флотилии ревущих грузовиков на дорогах Франции, не было оружием и техникой разрушения в той степени, в какой это были съестные припасы и носимые вещи, палатки, плиты и плиты—плиты, кастрюли и сковородки - запасы интендантов. Там был основной вес и объемность; на них уходило больше всего денег.

Военный бизнес Директора по закупкам был представлен почти 16 000 контрактами. Общая номинальная стоимость этих контрактов составила почти 8 000 000 000 долларов. Они представляли собой все продовольствие, закупленное армией во время войны и после нее, весь корм для армейского скота, всю одежду, все текстильные изделия всех видов, всю обувь, сбрую и другие изделия из кожи, всех приобретенных животных, все автомобили, все фургоны всех видов, все тележки ручной тяги, инженерные принадлежности многих видов, весь уголь, масло, бензин, краски, больничное оборудование, медицинские и хирургические принадлежности, скобяные изделия всех видов, инструменты, палатки и другое лагерное снаряжение, веревки, канцелярские принадлежности и многие менее заметные вещи. Следует отметить, что некоторые из этих классов состояли из боеприпасов, ранее закупавшихся отдельными бюро технического снабжения, но в основном это были традиционные запасы интендантов.

Чтобы получить всеобъемлющую и четкую картину демобилизации этой отрасли военной промышленности, давайте начнем с Франции и проследим за возвращением экспедиции на родину после того, как она закрыла свой бизнес за границей.

Во-первых, BBC стали крупными закупщиками припасов для интендантов за границей. Отдел закупок экспедиции превратился в крупную коммерческую организацию. Компания закупала припасы почти во всех доступных странах Европы, а ее агенты даже ездили в Африку и делали покупки в Алжире и Марокко. Эти припасы были закуплены не потому, что Америка не могла их предоставить, а ради привычной экономии драгоценного океанского тоннажа. И благодаря этим иностранным закупкам была сэкономлена значительная часть тоннажа. Квартирмейстерский корпус совместно с BBC закупил 400 000 тонн различных припасов, но в основном продуктов питания и одежды, на сумму 150 000 000 долларов. Кроме того, в Европе было закуплено много лошадей. Однако наибольшая экономия тоннажа из всех была достигнута благодаря соглашению, которое позволяло А. Е. Ф. закупать уголь на шахтах Уэльса. Флот, пересекавший Ла-Манш, перевез из Англии более 1 000 000 тонн угля. Это не только избавило трансатлантический флот от необходимости поднимать такое количество груза, но и позволило использовать в Канале суда, недостаточно приспособленные для трансокеанских перевозок. По скромным оценкам, закупки американских интендантов за границей позволили сэкономить на трансатлантической отправке 1 500 000 тонн груза, которого хватило бы на 300 крупных судов.

Естественно, что в результате перемирия Франция, в основном, и другие страны Западной Европы, в меньшей степени, были щедро снабжены контрактами А. Е. Ф. на производство предметов снабжения для интендантов. Шестьдесят шесть французских фабрик, например, работали исключительно на американцев, производя хлеб, печенье, макароны и конфеты. Немедленно возник вопрос о наилучшем способе прекращения всего европейского производства для А. Е. Ф. Склады экспедиции были забиты до отказа, а дополнительные припасы находились в океане на транспортах, направлявшихся во Францию. Месяцем, даже неделей ранее казалось невозможным, что промышленность Америки и Европы, взятые вместе, смогут производить избыточное количество этих боеприпасов, поскольку BBC

рассчитывали на численность в 4 500 000 человек в 1919 году. Но из-за внезапного перемирия экспедиция оказалась с запасом припасов, которые она никак не могла израсходовать.

По этой причине ее военная промышленность в Европе была внезапно прекращена. Сокращение производства, характерное для демобилизации в Соединенных Штатах, было незначительным. Военные власти далеко не так заботились о благополучии своих иностранных контрактников, как о тех, кто находился дома. Американский бизнес за рубежом был настолько мал по сравнению со всей военной промышленностью стран союзников, что прямое расторжение американских контрактов не могло вызвать общего промышленного спада. Но были и другие соображения. Военное министерство могло бы использовать большую часть отечественного производства после заключения перемирия либо в качестве военных запасов, либо в качестве товаров для продажи. В Европе каждый фунт интендантских припасов, произведенных после перемирия, скорее всего, обернулся бы для Соединенных Штатов безвозвратными потерями. В таких поставках не было необходимости для военных резервов, которых в Соединенных Штатах и без того было в избытке. Они не могли быть выгодно проданы за границу, потому что для них не было рынка сбыта, и армии союзников сбрасывали свои огромные излишки на тот же рынок. Они не могли быть отправлены в разумные сроки в Соединенные Штаты для продажи из-за нехватки океанского тоннажа. Следовательно, в то время как внутри Соединенных Штатов проводилась политика постепенного прекращения военной промышленности, лейтмотивом нашей промышленной демобилизации за рубежом была полная отмена. Было дешевле выплачивать компенсации за расторжение контракта, чем принимать поставки, которые в противном случае были бы произведены; и это была общая политика, принятая при расторжении всех наших зарубежных контрактов, за такими исключениями, особенно в некоторых контрактах на самолеты и артиллерию, которые отмечены в других разделах этого тома.

Для расследования претензий и ведения переговоров об урегулировании с европейскими подрядчиками А. Е. Ф. создала свой Совет по контрактам и корректировкам, который в течение нескольких месяцев выполнял функции ликвидационного агентства военного бизнеса. Позже неурегулированные дела были переданы для окончательного распоряжения Ликвидационной комиссией Соединенных Штатов.

Прекращение иностранного производства для ВВС было далеко не такой головоломной проблемой, как утилизация избыточных военных запасов во время экспедиции. Мы отправили из Соединенных Штатов в ВВС более 6 000 000 тонн военных припасов, и теперь эти грузы переполняли склады на территории Америки. После заключения перемирия первым шагом к распоряжению этими запасами была приблизительная, но довольно полная инвентаризация всего военного имущества, хранящегося на наших базах и складах. Этот перечень дал основу для оценки излишка в размере 1 500 000 000 долларов сверх того, что могли бы использовать сокращающиеся силы за рубежом. Почти половина этих избыточных запасов была припасами интендантов, следовательно, товарами более или менее скоропортящимися. Задолго до того, как американские грузовые суда смогли бы доставить эти припасы обратно в Америку, они потеряли бы ценность на сумму в неисчислимы миллионы долларов. Правительство понесло огромные потери. Все, что можно было с этим сделать, должно было быть сделано быстро. Единственным выходом было продать излишки в Европе, но был серьезный вопрос, удастся ли это вообще сделать успешно.

Во-первых, все наши армейские припасы были размещены во Франции без уплаты каких-либо импортных пошлин. Пока эти припасы потреблялись американскими солдатами, все было хорошо; но когда было предложено продать их частным покупателям за пределами ВВС, французское правительство настояло на своем праве взимать налоги на импорт с таких припасов, которые должны были быть проданы. Когда Соединенные Штаты не были готовы признать этот пункт, тогда французское правительство предложило альтернативу - разрешить Соединенным Штатам продавать свои излишки во Франции без уплаты импортных пошлин при условии, что продажи будут осуществляться исключительно самому французскому правительству. Соединенные Штаты сочли себя обязанными принять это условие.

Таким образом, при продаже наших излишков во Франции мы были ограничены одним покупателем; а когда вы можете продать свой продукт только одному покупателю, вы должны быть готовы принять шкалу цен покупателя. Конечно, запрет на продажи не распространялся на продажи другим иностранным правительствам; поскольку в этом случае американские товары рассматривались как находящиеся во Франции под залогом, и Соединенные Штаты не были обязаны платить французские импортные пошлины на них. С другой стороны, продаже магазинов в европейские страны за пределами Франции препятствовала физическая причина — ветхое и почти разрушенное состояние французских железных дорог. Поставка немцами локомотивов и вагонов по условиям перемирия фактически восстановила подвижной состав французских железных дорог, но во время войны колея пришла в негодность, а из-за введения воинской повинности рабочий персонал был некачественным и дефицитным в количестве. Переправить что-либо из Франции было практически невозможно. В первые месяцы после заключения перемирия Америка продала излишки продовольствия в различные страны Европы за пределами Франции — в частности, в Бельгию и освобожденные народы юго—Восточной Европы - на многие миллионы долларов; но до 1 августа 1919 года она смогла доставить менее пятой части этих запасов.

Еще одним преимуществом Франции как основного покупателя американских излишков было то, что А.Е.Ф. осуществлял то, что было равносильно принудительной продаже. Если что-то и было очевидно в поведении французского народа после заключения перемирия, так это то, что он искренне желал ускорить отъезд своих военных гостей из Франции. Американские войска не менее горячо желали уехать, и политика американского правительства заключалась в том, чтобы репатриировать их как можно быстрее. Утилизация припасов была второстепенным соображением. Если бы американцы попытались добиться благоприятных рынков сбыта и хороших цен на свои излишки при частичной продаже, им пришлось бы держать от 20 000 до 30 000 военнослужащих во Франции в течение нескольких лет для охраны непроданных запасов. Об альтернативе найма гражданской охраны не могло быть и речи, только с точки зрения расходов. Ничего другого не оставалось, как быстро распродать все по самым выгодным ценам, доступным в данных обстоятельствах.

Эти очевидные преимущества для французов в установлении выгодной цены на основную часть излишков американской собственности во Франции были в значительной степени уравновешены тем фактом, что из выставленных на продажу американских квартирных магазинов почти половина состояла из запасов продовольствия, причем самого высококачественного в то время в Европе. В Европе не было переизбытка продовольствия, а как раз наоборот. У Англии были излишки армейского имущества, оцениваемые более чем в 3 000 000 000 долларов; у самой Франции было почти столько же, от чего можно было избавиться; и Италия должна была стать крупным продавцом; но запасов продовольствия во всех этих союзнических излишках было недостаточно, чтобы утолить голод истощенного или

фактически страдающего от голода населения Европы. Столь желанное продовольствие использовалось американскими властями, чтобы побудить французов не только платить хорошие цены за материалы, в которых они не нуждались, и которых у них действительно были излишки, но и взять на себя ответственность за такие обязательства, как американские запасы нестабильных и опасных боеприпасов и наши накопления хлама.

Таковы были некоторые из условий массовой продажи излишков имущества А. Е. Ф. французскому правительству летом 1919 года. Эта продажа, как мы уже говорили, была осуществлена Ликвидационной комиссией Соединенных Штатов, деятельность которой будет более подробно рассмотрена далее. Тем временем спорадическая и разрозненная распродажа имущества А. Е. Ф. в Европе продолжалась под руководством Генерального торгового агента и Генерального совета по продажам А. Е. Ф. Генеральный торговый агент приступил к своей работе 1 января 1919 года. Ему помогал Генеральный совет по продажам, который состоял из представителей всех армейских организаций, у которых было что продавать. При этой организации продажи излишков материалов достигли в общей сложности примерно 175 000 000 долларов к концу июля 1919 года, как раз перед закрытием общей оптовой продажи. Из этих поступлений продажи припасов для интендантов составили 122 000 000 долларов. Припасы были проданы почти исключительно правительствам и комиссиям по оказанию помощи и социальному обеспечению. Продажи коммерческим фирмам и частным лицам были незначительными.

Почти сразу после подписания перемирия нуждающиеся страны Европы начали переговоры о закупке излишков квартирных припасов ВВС, особенно продовольствия. Полугодовая жизнь была хронической в большинстве недавно освобожденных стран Юго-Восточной Европы. Поляки все еще воевали и нуждались в припасах для своих солдат. Бельгия и северная Франция были разорены немецкой оккупацией. Австрия была охвачена настоящим голодом, и голодные толпы бунтовали в Вене. Фактически, часть первых излишков продовольствия А. Е. Ф. для продажи была отправлена в Австрию. Это была ситуация, которая требовала научного изучения, поскольку, независимо от того, насколько американские официальные лица в отдельности могли сочувствовать гражданским лицам Европы, их первейшей обязанностью было защищать интересы налогоплательщиков Соединенных Штатов; а это означало выяснить, кто из нуждающихся готов и способен платить лучшие цены. В результате Генеральный совет по продажам А. Е. Ф. создал свое информационное бюро, которое исследовало ситуацию по всей Европе и отчитывалось перед Советом. Эти расследования позволили А. Е. Ф. разумно распределить свои излишки.

До того, как была введена общая организация сбыта, сам Корпус квартирмейстеров во Франции в течение первых недель перемирия избавлялся от излишков товаров. Многие из этих первых продаж были сделаны мистеру Герберту Гуверу для Бельгийской комиссии по оказанию помощи. Когда в январе 1919 года Конгресс выделил 100 000 000 долларов на помощь голодающей Европе, г-ну Гуверу, которому принадлежали расходы на эти деньги, было настоятельно рекомендовано максимально использовать излишки поставок ВВС. Самая крупная разовая продажа излишков продовольствия А. Е. Ф. была осуществлена Бельгийской комиссией по оказанию помощи. В ходе сделки из рук в руки перешло около 30 000 000 долларов, и проданные продукты питания включали такие товары, как 60 000 000 фунтов бекона армейского производства, 122 000 000 фунтов муки, 6 000 000 фунтов риса и 600 000 000 банок сгущенного молока. Все это время Главное торговое управление также осуществляло продажи напрямую бельгийскому правительству; и Комиссия по оказанию помощи сотрудничала с армией, чтобы убедиться, что Бельгия через эти два канала поставок не получала чрезмерную часть армейских запасов. Всегда существовала

опасность, что бельгийские спекулянты могут приобрести запасы таких излишков продуктов, как жиры и мыло, и продать их в Германию по ценам, приемлемым для голода. Дважды этому сотрудничеству удавалось поставить мат планам хладнокровных спекулянтов. Помимо обеспечения выгодных продаж, главной заботой Генерального совета по продажам было справедливое распределение своей продукции среди стран, испытывающих наибольшую нужду.

Правительство Португалии закупило большое количество американской армейской обуви. Чехословакия забрала 10 000 армейских шинелей, много другой одежды и несколько сотен тонн продовольствия. Польская благотворительная корпорация закупила припасы для интендантов на сумму 1 500 000 долларов. Румыния приняла партию продуктов питания и одежды на сумму 7 150 000 долларов. Португалия отправила судно с картофелем из Ирландии. Эти страны, Сербия, Эстония и несколько других, постоянно находились на рынке американских поставок. Эстония закупила 3000 тонн армейского бекона. Французское правительство также было крупным покупателем во время этой разрозненной распродажи, однажды купив американские подтяжки на сумму 22 000 долларов, а также большое количество продуктов питания и одежды.

По большей части Соединенные Штаты принимали долговые обязательства, а не наличные деньги в качестве оплаты этих поставок. Очевидно, что получить наличные было невозможно, поскольку у малых стран их не было, и даже Франция не выплачивала проценты по своему пятимиллиардному долгу перед Соединенными Штатами. Американское правительство принимало казначейские векселя или другие официальные ценные бумаги по номиналу, подлежащие выплате в течение трех-пяти лет с процентами в размере 5%. И, хотя такие кредиты были бы сильно обесценены в торговых центрах, тем не менее Америка не пыталась покрыть их, взимая высокие цены за излишки в магазинах или требуя прибыли любого рода. Большая часть наших поставок была продана по стоимости производства в Соединенных Штатах плюс стоимость транспортировки в Европу, и больше ничего. Следовательно, продажи оказались отличным рекламным ходом для честного имени Соединенных Штатов.

Эшелон за эшелонам с припасами, проданными таким образом, покидали американские склады весной и в начале лета 1919 года; но все же, когда массовая продажа во Францию состоялась, эти поставки, казалось, не произвели почти никакого впечатления на массу излишков, настолько велики были запасы, созданные во Франции американской промышленностью. Утилизационная стоимость излишков армейского имущества во Франции оценивалась в 1 000 000 000 долларов. Из этого количества запасы интендантов (не включая животных) оценивались в 670 000 000 долларов. Из этих излишков сумма на сумму 87 000 000 долларов (состоящая в основном из новой одежды) была возвращена в Соединенные Штаты, а остальное, за исключением того, что было продано путем индивидуальной продажи, было передано французскому правительству, окончательная поставка была произведена 15 ноября 1919 года.

Ни одна из этих продаж не включала бывшие в употреблении расходные материалы, отремонтированные и восстановленные в армейских складах вторсырья во Франции. Утилизация была новым явлением на фоне вековой расточительности войны. После великих сражений Гражданской войны сельская местность была усеяна обломками боевых действий. Тела людей и животных были похоронены, и солдаты сделали все, что могли, чтобы навести порядок, сжигая мусор, который им удалось собрать; но по большей части распределение мушкетов, сабель, пушек, сбруи и одежды было предоставлено охотнику за сувенирами и медленному действию стихии. После наших сражений в Мировой войне на поле боя было

брошено гораздо больше материалов, чем после любого конфликта Гражданской войны, но эти материалы были подобраны и утилизированы настолько ценно, насколько Армия все еще могла извлечь из них пользу. И Армия обнаружила, что может с пользой использовать спасенные материалы, и особенно спасенную одежду. Экономия, полученная благодаря спасению, составила около 150 000 000 долларов наличными, помимо того, что это привело к значительной экономии места на морских перевозках.

В то время как до перемирия многие из найденных припасов поступали на армейские склады для переиздания, в 1919 году, когда численность ВВС быстро сокращалась, спасенные предметы были проданы, в основном французам. По всей Франции можно было увидеть крестьян обоего пола, одетых в вещи, когда-то принадлежавшие американской армии. Париж мог диктовать Америке женские стили; но Париж, штат Кентукки, где жили некоторые швеи, выполняющие домашнюю работу на большой фабрике армейских рубашек в Джефферсонвилле, штат Индиана, мог кое-что сказать о том, что носили француженки. Французская крестьянка, одетая в американскую армейскую рубашку с кусочком ленты вместо воротника, была достаточно распространенным зрелищем в некоторых бывших американских областях. Еще одной знакомой самоделкой была юбка, сшитая из бывшего армейского одеяла. Даже свалки, на которые были выброшены материалы, которые магазины вторсырья не могли использовать, были тщательно отсортированы крестьянами, которые иногда преодолевали целые мили со своими тележками, чтобы воспользоваться этой возможностью.

Также осуществлялись обширные коммерческие продажи утилизированных материалов. Измельченные жестяные банки тоннами продавались как металлолом. Тряпки отправлялись французским производителям бумаги, а отходы шерсти - английским текстильным фабрикам. Жир, испорченный овес, испорченная мука и изношенные резиновые шины также поступали в продажу. Польская армия закупала восстановленную американскую сбрую на развес. Большое количество верхней формы, которая при стерилизации уменьшилась настолько, что стала слишком маленькой для переиздания, была выкрашена в черный цвет и продана Бельгийской комиссии по оказанию помощи для ношения обездоленными гражданскими лицами. Немцы платили рекордные цены за жир и другие кухонные отходы. Продажи вторсырья в 1919 году принесли более 4 000 000 долларов.

Лошади и мулы, использовавшиеся ВВС, не были включены в оптовую продажу имущества французскому правительству. Их утилизация (поскольку лишь немногие животные А. Е. Ф., если таковые вообще были, были возвращены в Соединенные Штаты) была отдельной операцией, почти полностью проводимой Службой ремонта А. Е. Ф., подразделением Корпуса квартирмейстеров. А. Е. Ф. приобрела в общей сложности около 243 000 животных на сумму 82 500 000 долларов. Более двух третей из них были приобретены американцами за границей. Погоняло мулов 61 000 человек, и из них примерно половина прибыла из Соединенных Штатов, остальные в основном из южной Франции и Испании. Около 64 000 животных погибло на службе, а остальные были проданы в Европе либо различным правительствам, либо гражданским лицам, выручка от этих продаж составила чуть более 33 000 000 долларов. Таким образом, чистая военная стоимость животных, использовавшихся нашими войсками в Европе, составила приблизительно 50 000 000 долларов.

У американцев лошадь является (или предполагается, что является) универсальным животным, используемым исключительно из-за силы движения, будь то для достижения скорости или для тащенья груза. Для многих европейцев он также обладает гастрономической ценностью, и этот факт позволил Службе Перемонтажа получать хорошие цены на забытых лошадей из загонов экспедиции. Около 11 000 лошадей, разбитых по

службе, были проданы А. Е. Ф. французским и немецким мясникам по средней цене 50 долларов за голову.

Из-за нехватки сельскохозяйственных животных во Франции французское правительство не возражало против продажи излишков лошадей и мулов непосредственно частным покупателям. Главным выдвинутым условием было то, что животные должны быть сначала предложены (на аукционе) фермерам, чьи лошади были реквизированы во время войны. Если эти люди не предлагали приемлемых цен, то к участию в торгах допускался любой желающий. Затем французское правительство договорилось взять более 15 000 животных А. Е. Ф. и утилизировать их для участия в экспедиции. Цены, полученные от французского правительства в соответствии с этим соглашением, были настолько ниже тех, которые А. Е. Ф. получала на своих аукционах, что Ликвидационная комиссия Соединенных Штатов запросила и получила разрешение на продажу всех животных на аукционе. Из-за высоких налогов и комиссионных аукционистов даже аукционная продажа не была удовлетворительной; и Служба перемонтажа попросила разрешения продать животных на частной распродаже. Это разрешение так и не было официально предоставлено, но, тем не менее, Служба перемонтажа продолжила работу и продала тысячи животных непосредственно покупателям. Средняя цена, полученная от французского правительства, составила 77,58 доллара за голову, тогда как в результате аукциона и прямых продаж частным покупателям средняя цена составила 201,65 доллара.

Само французское правительство, путем прямых закупок у А. Е. Ф., забрало 50 000 животных по средней цене 190,21 доллара за голову. Тысячи излишков животных по выгодным ценам были переданы правительствам Бельгии, Польши, Чехословакии и Баварии. Гражданским лицам во Франции и Германии было передано 85 000 животных А. Е. Ф. Примерно последние из первоначальных 243 000 экземпляров были проданы, когда последние части ВВС отбыли в Соединенные Штаты в конце лета 1919 года.

Хотя мы отправили во Францию несколько лучших мулов в Америке (и, следовательно, в мире), поначалу были некоторые трудности с их реализацией французским покупателям. Фермеры юга Франции знали этого мула и по праву ценили его, и в первые месяцы демобилизации в этот регион постоянным потоком поступали мулы американской армии на продажу. В конце концов рынок мулов на юге Франции стал переполнен, и тогда возникла необходимость “продать” мула фермерам в американских районах на севере Франции. Французские крестьяне не держали зла на мула за его туманное происхождение, но против чего их бережливость возражала, так это против отсутствия у него надежды на потомство. Однако после того, как несколько крестьян купили армейских мулов и обработали их, хорошие качества животного стали широко рекламироваться, и впоследствии тысячи из них были куплены по хорошим ценам.

После перемирия первым шагом в ликвидации военного интендантского бизнеса и других предприятий, которыми руководил директор по закупкам в Соединенных Штатах, было прекращение производства и расчеты с подрядчиками, которых, как указано выше, насчитывалось примерно 15 900 — участниками соглашений, обязывавших Соединенные Штаты закупить материалы на сумму более 7 800 000 000 долларов. Большая часть из них была припасами интендантов, но они также включали автомобили и инженерные, медицинские принадлежности, средства связи и предметы общего назначения, закупка которых в рамках реорганизации Военного министерства была передана в руки директора по закупкам.

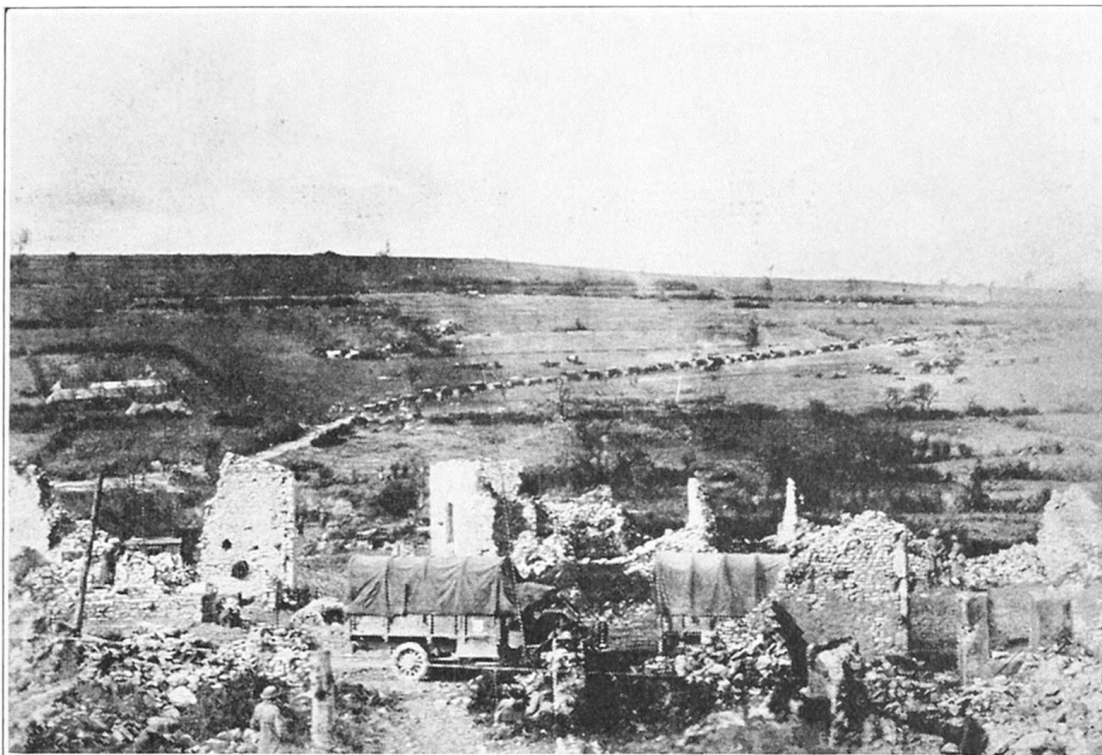


Фото Корпуса связи

ПОЕЗД СНАБЖЕНИЯ ВВС НА ПУТИ К СКЛАДУ ПАЙКОВ



Фото Корпуса связи

МУКА А. Е. Ф. НА ПУТИ В ГОЛОДАЮЩУЮ АВСТРИЮ

Непосредственным результатом перемирия стало прекращение деятельности на этих тысячах заводов. Директор по закупкам отправил по телеграфу общую просьбу приостановить все производство, пока Военное министерство не оценит свое положение. Через несколько дней заводам было разрешено возобновить производство. Впоследствии около 5000 контрактов были доведены до завершения. Остальные 11 000 были прекращены либо внезапно, как в случае с теми, при которых производство не начиналось, либо путем исключения, когда это было выгодно либо правительству, либо ситуации в промышленности.



Фото Корпуса связи

ЛОШАДИ А. Е. Ф. БУДУТ ПРОДАНЫ

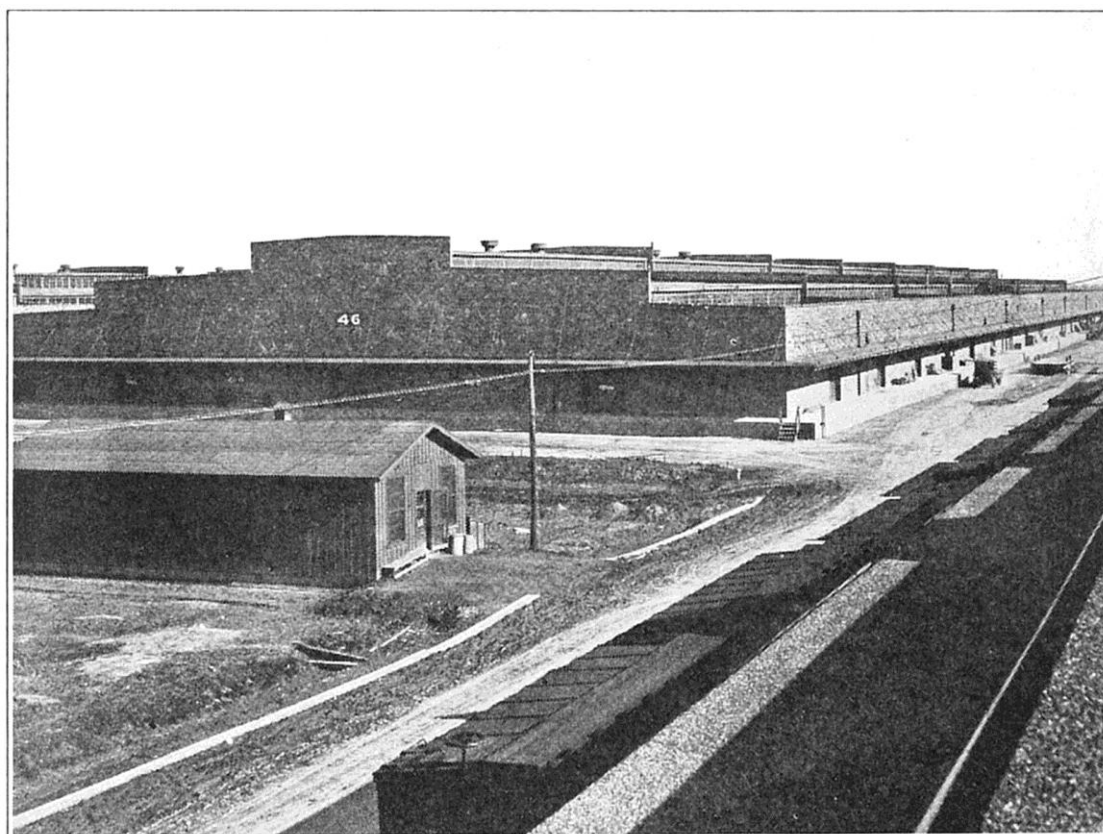


Фото из интендантского отдела

СКЛАДСКИЕ ПОМЕЩЕНИЯ В ДЕПО ДЖЕФФЕРСОНВИЛЛЯ

Подобно Департаменту боеприпасов и Воздушной службе, Корпус квартирмейстеров децентрализовал надзор за своей военной промышленностью по производственным районам — их было тринадцать, — которые назывались зонами. Когда большая часть закупочной деятельности Военного министерства была объединена под руководством директора по закупкам, эти зоны появились вместе с переданной организацией, как и семь отделов закупок, переданных другим бюро снабжения. Во время демобилизации во всех зонах и отделах закупок были созданы комиссии по рассмотрению претензий. Эти двадцать первичных комиссий были дочерними по отношению к генеральной комиссии по претензиям на закупки, которая, в свою очередь, была ответственна перед Комиссией по претензиям Военного министерства через представителя последней, прикрепленного к Комиссии по претензиям на закупки. Это была организация, которая вела обширные военные дела под руководством директора по закупкам.

В соответствии с общей политикой, применение которой к расторжению контрактов на поставку боеприпасов мы уже описали, была закрыта промышленность, производившая наши запасы для интендантов. Правительство не выплачивало никакой предполагаемой прибыли, но покрывало все законные расходы, которые производитель понес в связи с будущим производством готовой продукции.

Но это было не совсем расторжение договора и отсутствие покупок для Директора по закупкам после перемирия. В полевых условиях и лагерях все еще находилась огромная армия, которую нужно было содержать; и, хотя в одних отраслях снабжения существовали большие излишки, в других, таких как быстро портящиеся припасы, имеющих запасов хватало всего на несколько недель вперед. Закупки между датой перемирия и 24 января 1920

года, когда демобилизация войск была практически завершена, составили 611 000 000 долларов, из которых закупки продовольствия составили 420 000 000 долларов.

Одним из национальных наследий военного опыта закупки припасов для квартирмейстеров стало создание в Чикаго постоянной школы, в которую армия направляет офицеров и рядовых для подготовки в качестве инспекторов и закупщиков припасов. Другим является создание в Военном министерстве подразделения, которое изучает источники и поставки сырья, используемого военной промышленностью, а также определяет приоритет доступа к этим материалам для различных потребляющих отраслей Военного министерства. Когда началась война, Соединенным Штатам, к сожалению, не хватало тех самых знаний, которые позволят развить эти исследования. Во время войны разработкой сырья и определением приоритетов руководил Совет национальной обороны, а позже и более успешно - Совет военной промышленности, который стал, пожалуй, самой мощной и важной из всех чрезвычайных военных организаций. Таким образом, Военное министерство сохраняет ядро, вокруг которого в случае чрезвычайной ситуации в будущем может быть создана еще одна подобная организация.

Ни один план демобилизации "интендантских военных предприятий" не дает адекватной картины того, что произошло, если только в нем не говорится что-либо о прекращении правительственного шерстяного бизнеса. Для защиты своих военных интересов правительство реквизировало всю необработанную шерсть в Соединенных Штатах в 1917 и 1918 годах. Сам дядя Сэм стал торговцем шерстью, единственным дилером, единственным рынком сбыта. Хотя военно-морской флот и несколько других ветвей власти использовали шерсть, контроль над товаром осуществляло Военное министерство через своего администратора по шерсти в Бостоне, который подчинялся генеральному квартирмейстеру в Вашингтоне.

В первый день перемирия правительство имело на руках или было обязано принять поставку около 525 000 000 фунтов шерсти - количество, которое можно представить, сравнив его с общим годовым производством шерсти в Америке, составляющим менее 300 000 000 фунтов. Примерно пятую часть этого количества составляла австралийская шерсть, закупленная Иностранным представительством Совета военной промышленности. Около 100 000 тюков (33 000 000 фунтов) австралийской шерсти было отправлено в Соединенные Штаты. Таким образом, мы остались с обязательным контрактом на принятие 200 000 тюков от Антиподов, которые должны были прийти в дополнение к накоплению, которое составляло огромный избыток сверх обычного национального потребления. С помощью какой-то хитроумной деловой игры (у британцев были различные американские контракты, которые они также хотели расторгнуть) британское правительство было вынуждено отменить невыполненную часть контракта на поставку шерсти.

Даже с учетом этого вычета у Шерстяного администратора поздней осенью 1918 года оставалось около 460 000 000 фунтов шерсти на продажу. Обычная текстильная промышленность никогда прежде не была вынуждена поглощать такие заметные запасы, и возникал некоторый вопрос, сможет ли она это сделать. Производители, естественно, сразу же начали призывать правительство выбросить свою шерсть на рынок. С другой стороны, 700 000 американских производителей шерсти, которые получали высокую и стабильную цену на шерсть (цена, принятая 30 июля 1917 года), призвали правительство остаться в бизнесе по крайней мере еще на год и взять долю 1919 года по военной цене.

Решение в Вашингтоне состояло в том, чтобы немедленно продать шерсть и выйти из шерстяного бизнеса. Это вызвало недовольство фермеров; но, чтобы предотвратить резкое

падение цен на шерсть, Военное министерство решило продавать свою шерсть на аукционах, на которых правительство само устанавливало минимальные цены, ниже которых шерсть продаваться не будет. Эта акция гарантировала, что производители получат справедливую цену за обрезку 1919 года.

Примерно через месяц после перемирия начались аукционы шерсти — сначала в Бостоне, где за три дня (18, 19 и 20 декабря 1918 года) покупатели предложили более 10 000 000 фунтов шерсти из 17 000 000 фунтов, выставленных на продажу. Непроданные предложения, конечно, были лотами, за которые ни один покупатель не предлагал цену ниже минимальных фиксированных цен. Хотя цены были фиксированными, только в некотором смысле они поддерживались искусственно. Для каждого сорта шерсти правительство установило минимальную цену, равную стоимости импорта такого же количества и сорта шерсти и доставки ее на американский рынок. Таким образом, мировые цены фактически преобладали, за исключением того, что огромный американский профицит искусственно удерживался от того, чтобы стать угнетающим фактором мировых цен. Поддержание цен на более высоком уровне, чем эти, привело бы к массовому импорту и, таким образом, нанесло бы ущерб производителям. Позволить ценам опуститься ниже импортных цен также нанесло бы ущерб производителям шерсти в Соединенных Штатах.

В качестве еще одной уступки фермерам правительство объявило, что не будет вмешиваться в рынок шерсти, когда американская обойма 1919 года начала поступать на рынок в количествах, достаточных для снабжения фабрик. В соответствии с этим обещанием государственная продажа шерсти прекратилась 1 июля 1919 года и не возобновлялась до следующего ноября.

Когда аукционы были приостановлены 1 июля, было продано более 316 000 000 фунтов государственной шерсти. Аукционы проводились два раза в месяц в Бостоне и один раз в месяц в Филадельфии, а три распродажи были проведены в Портленде, штат Орегон, в пользу западных шерстяных фабрик. После возобновления продаж в ноябре шерсть продолжала хорошо продаваться, в результате чего к концу 1919 года продажи обошлись в 365 000 000 фунтов стерлингов, и успех полной ликвидации был гарантирован. Продажа этой шерсти стала триумфом мерчандайзинга. Торговля шерстью никогда раньше не имела таких продаж, даже в Англии, мировом центре производства шерсти, и американская торговля никогда прежде не поглощала такое количество шерсти за такое короткое время.

Подобно легендарной мельнице, которая молола соль до тех пор, пока она не затопила корабль вороватого торговца, мельницу, производившую припасы для интендантов до перемирия, впоследствии было трудно остановить, и ее производство ставило Военное министерство в неловкое положение из-за нехватки места для хранения излишков припасов. До тех пор, пока численность Армии крайовой и А.Е.Ф. увеличивалась, а конвои становились все крупнее и регулярнее, критической поддержки поставок не было. Однако сразу после заключения перемирия поступил приказ больше не отправлять грузы во Францию, за исключением продовольствия и других предметов первой необходимости, специально запрошенных. На момент заключения перемирия в доках этой страны находилось 600 000 тонн припасов, а 400 000 других тонн направлялись к морскому побережью. Поскольку заводы продолжали производить больше, поток новых материалов затопил службу снабжения в этой стране. В декабре 1918 года Служба хранения эксплуатировала 65 000 000 квадратных футов складских площадей в Соединенных Штатах. Год спустя он занимал почти 400 000 000 квадратных футов, три четверти из которых были сданы в аренду. Большая часть этого пространства была открытым хранилищем, незащищенным от непогоды. Эти цифры не включают количество складских помещений и открытых хранилищ, занимаемых различными

техническими бюро, такими как Департамент боеприпасов, Воздушная служба и Корпус связи. За эксплуатацию общих складских помещений отвечал директор по хранению, один из главных должностных лиц Отдела закупок, хранения и перевозок.

Еще большей проблемой, чем хранение, было избавление от огромных излишков товаров, накопившихся после перемирия. Первой заботой Военного министерства при подходе к этому вопросу было военное будущее Соединенных Штатов. В 1914 году много говорилось о тщательности военной подготовки Германии, которая была такова, что, когда пробил роковой час и призывники сотнями тысяч покинули свои дома и хлынули в немецкие казармы, для каждого человека там были наготове форма, обувь, шлем, нижнее белье и все необходимое для немедленной подготовки к службе в полевых условиях. То, чего Германия смогла достичь преднамеренными, длительными и дорогостоящими усилиями, Соединенные Штаты теперь получают как побочный продукт войны, которую Германия вынудила их вести. Америка тоже сейчас подготовлена к этим мельчайшим деталям. Прежде чем какие-либо излишки интендантских запасов были отложены для продажи или иного использования, полный и сбалансированный набор униформы, шинелей, нижнего белья, носков, кепок, обуви и других нескоропортящихся предметов личного обмундирования войск в количествах, достаточных для оснащения армии численностью примерно в 1 000 000 человек, был отложен и помещен на бессрочное хранение. Кроме того, запасы таких припасов были сохранены для будущего использования регулярной армией, Национальной гвардией и учебным корпусом офицеров резерва.

Военное строительство предоставило Военному министерству три огромных внутренних резервных склада, расположенных соответственно в Скенектади, штат Нью-Йорк, Нью-Камберленде, штат Пенсильвания, и Колумбусе, штат Огайо. В них хранятся многие запасы квартирмейстера. Все эти сооружения являются стационарными и просторными. Склады почти все одноэтажные, построены из пустотелой плитки и бетона и разделены на секции противопожарными перегородками. Для дополнительного хранения Военное министерство также использует многочисленные деревянные склады, построенные на сохранившихся участках расквартирования. Эти здания, хотя и хорошо построены, не являются огнеупорными, и их необходимо тщательно охранять, чтобы предотвратить их разрушение.

Далее было установлено, что различные ветви власти могли бы эффективно использовать припасы, первоначально закупленные для армии. Многие армейские госпитали были переданы Государственной службе здравоохранения, и вместе с госпиталями Военное министерство доставило большое количество медикаментов. Между прочим, здесь можно отметить, что армия сохранила достаточное количество полевого медицинского оборудования для армии численностью в 1 000 000 человек. Большие партии таких предметов первой необходимости, как скобяные изделия, инструменты, веревки, щетки и офисная мебель, поступили в Бюро автомобильных дорог общего пользования, Министерство внутренних дел, Панамский канал и другие федеральные агентства.

Затем нескольким иностранным правительствам было разрешено закупать из наших избыточных запасов. Одежда, текстиль, медицинское оборудование и другие расходные материалы на сумму 20 000 000 долларов были переданы различным российским обществам. Французское правительство забрало станки и другое оборудование, первоначально построенное для инженеров, на сумму 25 000 000 долларов. Бельгия закупила большое количество строительных материалов.

При продаже излишков материалов потребителям в Соединенных Штатах предпочтение отдавалось благотворительным организациям. Например, больничное оборудование

сначала было предложено государственным и муниципальным больницам, бесплатным клиникам и подобным учреждениям. Цены на медикаменты были установлены намного ниже преобладающих рыночных; и все же правительство изготовило это оборудование по такой низкой цене, что финансовое возмещение от продаж составило практически каждый пенни, который Военное министерство вложило в поставки. Товары первой необходимости были предоставлены благотворительным организациям, Молодой мужской христианской ассоциации, бойскаутам, больницам, санаториям и обществам милосердия.

После этого появилась публика. Частным дилерам было разрешено делать ставки на партии товаров. Для продажи различных классов товаров были выделены обычные дни: понедельник - текстиль и изделия из кожи; вторник - сырье, машины и инженерные принадлежности; среда - товары общего назначения; четверг - медикаменты и автомобили; пятница - одежда; и суббота - продукты питания. Эти торги заранее широко рекламировались, и заявки могли быть поданы либо в Военное министерство в Вашингтоне, либо в любое из зональных или окружных управлений снабжения. Частный потребитель мог приобрести армейское продовольствие, одежду, текстиль, инструменты и другие предметы домашнего обихода либо посылкой (при содействии Почтового отделения), либо в любом из армейских розничных магазинов, обширная сеть которых была открыта по всей стране.

Путем продаж и трансфертов армия в конце первого года усилий распорядилась припасами, первоначально закупленными под руководством Директора по закупкам, на сумму 357 000 000 долларов. Поставки и продажи вернули Военному министерству более семидесяти семи центов с каждого доллара, первоначально затраченного на производство этих товаров. Историю изобретательности, проявленной правительственными чиновниками при продаже этих и других излишков припасов (в частности, излишков, оказавшихся в руках Департамента вооружения и авиационной службы после перемирия), мы оставляем для другой главы.

Однако, прежде чем оставить тему демобилизации военного интендантства, мы не должны упускать из виду распределение лошадей и мулов, приобретенных армией, но не отправленных во Францию. Служба ремонта приобрела около 308 000 животных во время войны. Она начала войну, имея на руках около 90 000 животных. Военные потери составили 33 000 животных. Примерно 68 000 были отправлены во Францию. Таким образом, на момент заключения перемирия Ремонтная служба имела в своих конюшнях и загонах для скота почти 300 000 лошадей и мулов. Около 215 000 из них были объявлены излишками и проданы, а остальные были сохранены для постоянной армии.

Решение Ремонтной службы продать 200 000 животных на рынке так быстро, как только рынок сможет их поглотить, подверглось резкой критике со стороны horsemen, которые указали, что обычно американский рынок никогда не поглощал более 60 000 лошадей и мулов в год. Результатом было бы, заявляли критики, что правительство установило бы справедливые цены на первые 50 000 или 60 000 предлагаемых животных, и после этого излишки животных стали бы тормозом на рынке, не только вынудив правительство понести большие финансовые потери, но и снизив цены настолько, что пострадали бы дилеры повсюду. С другой стороны, кормление каждого из этих животных и уход за ними обходились правительству в доллар в день. Замедляя продажи, правительство могло бы добиться более высоких цен, но выгода была бы более чем покрыта затратами на содержание заведения в то же время.

И это сработало. Рынок, действительно, доказал, что способен поглощать излишки животных, и цены даже повысились по мере продвижения продаж. Средняя уплаченная цена составила 111 долларов за душу населения, или около 57 процентов от первоначальной средней стоимости в 192 доллара. С другой стороны, правительство избежало крупных расходов на содержание.

Все животные были проданы на публичных аукционах, 189 из которых прошли в тридцати девяти разных местах. На распродажах присутствовало множество покупателей, большинство из которых проводилось в лагерях, где были расквартированы животные. Местные почтовые пункты продавали покупателям сэндвичи и другие закуски. Хотя правительство гарантировало отсутствие животных, все они были тщательно осмотрены на наличие дефектов перед продажей, и их недостатки были отмечены в списках, зачитанных аукционистами. Правительство не могло позволить себе приобрести репутацию Дэвида Харума как торговца лошадьми, поскольку у него было слишком много животных для продажи. Если неудовлетворенность возникнет из-за предыдущих продаж, это негативно скажется на последующих. После продаж было подано всего пять жалоб от покупателей. Они были переданы в Комиссию по рассмотрению претензий о покупке для урегулирования.

Правительство инвестировало 74 000 000 долларов в животных, купленных в Америке во время войны. Чистый убыток от проданных животных составил 22 000 000 долларов, а от погибших - 6 000 000 долларов. Лучшие из имевшихся под рукой животных после перемирия были сохранены для использования постоянной армией.

ГЛАВА XVI ЗДАНИЯ И ЗЕМЛИ

Одним из основных видов промышленной деятельности, осуществлявшейся в Соединенных Штатах во время войны, было строительство зданий для армии. Физическая база армии в том виде, в каком она существовала на день объявления войны, была совершенно неадекватна для мобилизации сил — настолько неадекватна, что от нее почти не было никакой пользы. Даже старая штаб-квартира Военного министерства в Вашингтоне, в которой раньше размещались практически все административные учреждения, была не слишком велика, чтобы вместить только штат военного министра и его главных помощников, настолько велико было расширение центральной администрации; а что касается десятков тысяч офицеров, клерков, стенографисток, посыльных и другого *персонала*, нанятого крупными производственными и эксплуатационными бюро, они занимали буквально мили непрочных, неприглядных “военных зданий”, которые подобно порченной сыпи расползлись по прекрасным просторам столицы.

Еще большее расширение производства должно было наблюдаться по всей стране. Завод, созданный для армии, мобилизованной против Германии, был практически новым созданием, специализированным именно для того вида войны, в которой мы участвовали. Это была война, в которой наземные перевозки должны были быть связаны с морскими, и поэтому завод включал в себя обширные сооружения для посадки войск и ряд мощных экспортных терминалов, или баз, расположенных вдоль побережья, чтобы затруднить любую блокаду наших зарубежных линий снабжения. Это была война по существу промышленного

типа, с необычным акцентом на разработку специальных промышленных продуктов, таких как порох и взрывчатые вещества; и поэтому завод включал в себя десятки новых заводов и фабрик, некоторые из которых были промышленными центрами, настолько крупными, что сами по себе были практически небольшими городами, с жильем и современными коммунальными удобствами для своих сотрудников. Это была война, в ходе которой возникли новые, доселе неизвестные формы ведения боя, и поэтому завод включал в себя оборудованные поля для обучения солдат таким искусствам, как пилотирование и использование ядов в качестве оружия. Прежде всего, это была война, в которой были задействованы все ресурсы американской человеческой мощи; и, как оказалось, завод должен был быть достаточным для размещения, обучения, развлечения, ухода и содержания по меньшей мере двух миллионов человек, со всем, что это подразумевает в казармах, тренировочных площадках, парковках для транспортных средств, системах водоснабжения и канализации, системах освещения, дорогах, больницах и (в плане технического обслуживания) складах и хранилищах припасов.

Все это было свежим творением, новой конструкцией. Строительная промышленность Соединенных Штатов — а это одна из крупнейших и сильнейших наших отраслей — никогда прежде не была вынуждена обеспечивать такое расширение в равные сроки. Из этого следует, что вся строительная индустрия должна была быть задействована на строительном предприятии, что каждый доступный человек, который мог забить гвоздь или положить кирпич, должен был быть нанят на государственную работу. Если это было не так, то так и должно было быть; потому что те, кто отвечал за строительство, не смогли привлечь достаточное количество рабочей силы от всей строительной отрасли Соединенных Штатов, послали корабли в Порто-Рико и на Багамы и привезли обратно тысячи рабочих, чтобы помочь им. Строительное подразделение, порожденная войной организация, отвечавшая за эту деятельность, с 427 000 человек в платежных ведомостях подрядчиков на пике своего трудолюбия, уступило только Администрации железных дорог Соединенных Штатов звание крупнейшего работодателя рабочей силы на войне. Компания участвовала в 581 отдельном строительном проекте, на который было потрачено более 1 100 000 000 долларов; и она завершила большинство из них.

Мили доков, сотни акров крытых хранилищ, сотни электростанций и полных систем водоснабжения, тысячи миль автомобильных и железных дорог, водопроводов и канализационных линий — список становится монотонным просто из-за размера содержащихся в нем элементов, которые невозможно представить, обозначив их в акрах и милях. Активность достигла своего апогея после подписания перемирия, когда Строительное подразделение было обязано прекратить работы.

В день перемирия осуществлялось четыреста пятьдесят армейских строительных проектов. Сто тридцать один был завершен. Незавершенные проекты включали некоторые из самых крупных и дорогостоящих. Но остаточная стоимость зданий невелика, если только они не могут быть проданы покупателям, способным использовать их в том виде, в каком они находятся. Немногие военные здания были приспособлены для гражданского использования. Они были узкоспециализированы для чисто военного использования и не часто располагались там, где могли принести экономическую выгоду стране. Большая часть их стоимости представляла собой мимолетный элемент труда, ценность, полностью разрушаемая, когда здания разрушаются ради спасения их материалов. Военный завод, даже недостроенный, представлял собой огромную инвестицию, но она была бы почти полностью потеряна, если бы завод был разобран для утилизации. Поэтому правительству было выгодно продолжить неожиданно большой объем военного строительства после

перемирия ради получения потребительной стоимости от своих инвестиций, заняв эти объекты постоянной армией.

Но были и другие причины для продолжения работы. Одними из самых крупных и дорогостоящих строительных проектов были те, которые обеспечивали строительство океанских терминалов в Бостоне, Бруклине, Филадельфии, Норфолке, Чарльстоне и Новом Орлеане. Все эти сооружения имели прочную, огнеупорную конструкцию; и с их опорами, огромными складами, оснащенными трудосберегающим оборудованием, путевыми путями и тому подобным, они были последним словом современной строительной науки в разработках подобного рода. Выделяя деньги на эти портовые работы, Конгресс предусмотрел, что после войны они должны быть использованы для развития американской внешней торговли. Следовательно, Строительное подразделение продолжило работу после перемирия и достроило эти здания.

Одних только портовых работ было достаточно, чтобы покрыть значительную часть денег, затраченных на строительство после перемирия, но, кроме того, были реализованы и другие крупные незавершенные проекты. Как мы показали, проблема хранения стала острой только после перемирия, когда прекратилось расточительное расходование припасов в полевых условиях и материалы, поступающие с военных заводов, накапливались в этой стране. Каждый склад, незавершенный в день перемирия, впоследствии был доведен до конца, чтобы обеспечить укрытие для ценных и скоропортящихся материалов. Это была еще одна важная отрасль строительства после перемирия. Добавьте к этому продолжающееся строительство госпиталей (которые должны были быть подготовлены для приема тысяч раненых во Франции в день перемирия), и становится очевидным, почему тысячи военных строителей остались на работе после того, как сама война подошла к концу.

Судьба каждого незавершенного армейского строительного проекта в день перемирия передавалась в Оперативный отдел Генерального штаба, который оценивал процент завершения строительства, отмечал, принадлежит ли правительству земля, на которой продолжалось строительство, изучал доступность здания для коммерческого использования и определял, было ли это необходимо в военных планах, а затем рекомендовал прекратить строительство, свернуть его или завершить. В целом, были заброшены проекты, предусматривающие дополнительные помещения для сбора и обучения войск, а также проекты, предусматривающие заводы по производству разрушительных боеприпасов, таких как токсичный газ, порох и снаряженные гильзы. Из 450 незавершенных на день перемирия проектов 182 были заброшены, а 268 доведены до конца.

Завершение столь большого объема военных работ после перемирия позволило Строительному подразделению провести демобилизацию своей промышленности без накопления больших запасов избыточных материалов. Хотя, по крайней мере, формально Подразделение имело дело непосредственно только с подрядчиками, которые выполняли различные работы, фактически Подразделение само закупало для строителей пиломатериалы, цемент, кирпич, металлоконструкции, кровлю, скобяные изделия и тому подобное. Потребность военного строительства в поставках строительных материалов была настолько велика, что ничто иное, как централизованное стимулирование и контроль всего рынка, не могло обеспечить закупку материалов в необходимых количествах. Отдел закупок Строительного подразделения определил местонахождение расходных материалов, а затем заключил сделки с каждым строительным подрядчиком на их поставку, даже оговорив производителей, количество и цены, которые должны быть уплачены за материалы. Последнее было важно, потому что военные строители работали по строго гарантированной форме контракта "затраты плюс", и поэтому правительство было остро заинтересовано в

стоимости материалов. Помимо закупок материалов для подрядчиков, Отдел закупок также закупил оборудование для военных объектов — отопительные, вентиляционные и энергетические установки, огнетушители, холодильное оборудование, котлы, двигатели и различные механизмы. Ранней осенью 1918 года его закупки составляли 2 000 000 долларов в день.

После перемирия и временной приостановки усилий, запрошенной для того, чтобы дать Строительному подразделению время оценить свое положение, производство строительных материалов и припасов, которые правительство не смогло бы использовать, было быстро прекращено. Отдел закупок состоял из экспертов во всех отраслях строительства, и поэтому после перемирия это Подразделение было преобразовано в Совет по претензиям Строительного отдела в связи с ликвидацией его военного бизнеса под руководством Совета по претензиям Военного министерства. За шесть месяцев практически все расторгнутые контракты были окончательно урегулированы этой организацией, при этом средняя стоимость расторжения составила 5 процентов от номинальной стоимости контрактов.

Расторжение контрактов на поставку и контрактов со строителями зданий, в которых Военное министерство не нуждалось после перемирия, привело к тому, что Строительное подразделение оказалось с большим количеством припасов на руках. Но это ни в коем случае не были излишки. Завершение большого объема военных работ после перемирия избавило Строительное подразделение от необходимости решать проблему утилизации большого количества излишков. Запасы, накопленные для завершенных работ, были просто перенаправлены на заказанные выполненные и, таким образом, использованы.

Но, хотя у Дивизии не было большого количества строительных материалов для продажи, после перемирия на нее была возложена обязанность по утилизации объектов на 182 строительных объектах, которые были прекращены. Многие из этих проектов были крупными, причем объекты этой категории по большей части представляли собой тренировочные лагеря для военнослужащих. В 1918 году была нехватка лагерей, и Строительный отдел делал все, что в его силах, чтобы преодолеть ее. Мы отправляли солдат за границу из расчета 300 000 человек в месяц; и, поскольку было желательно, чтобы каждый солдат-иностранец проходил подготовку не менее шести месяцев, это подразумевало размещение в лагерях для 1800 000 человек в Соединенных Штатах. Фактически предоставленные помещения были рассчитаны менее чем на 1 370 000 военнослужащих. В 1918 году, после того как возросшие темпы погрузки стали фактом, с частыми интервалами открывались новые проекты тренировочных лагерей. Всего за несколько дней до перемирия Строительная дивизия приступила к строительству огромного нового лагеря, который должен был специализироваться на подготовке пехоты. Все лагеря национальной гвардии (их шестнадцать) и большинство лагерей специального назначения, независимо от того, полностью они построены или нет, были отправлены после перемирия на утилизацию. Большинство из них были настоящими городами, некоторые из них были достаточно большими, чтобы с комфортом разместить 40 000 человек в каждом — с ударением на наречии, поскольку комфорт был основан на таких существенных (и дорогостоящих) сооружениях, как системы водоснабжения и канализации, электрическое освещение, тротуары и даже магазины, театры и спортивные залы. Задачей Строительного отдела было передать эти города тем представителям общественности, которые захотели бы их купить.

Однако город - это нечто большее, чем скопление зданий и других материальных объектов. Город покоится на логике — логике своего местоположения в той же степени, что и на

каменном фундаменте. Естественно, правительство построило свои лагеря на дешевой земле, следовательно, на земле, не пользующейся спросом у населения, следовательно, на земле, расположенной не так удачно, чтобы сделать ее логичным местом для города. И вот, хотя поначалу считалось, что, возможно, некоторые из этих лагерей могут оказаться ядрами постоянных гражданских сообществ, от этой идеи вскоре пришлось отказаться по той причине, что возникло мало гражданских движений, которые постоянно занимали бывшие военные здания. Была предпринята и все еще предпринимается попытка использовать бывший завод по производству нитропорошка в качестве постоянного гражданского промышленного города, и их покупатели объединили один или два тренировочных лагеря на юге с идеей создания сообществ на их площадках. Остальные, однако, на которые правительство потратило сотни миллионов долларов, были проданы вредителям, которые купили их ради спасения строительных материалов.

Сейчас нет ничего более подержанного, чем подержанные строительные материалы. В досках полно отверстий от гвоздей, а иногда они покрыты выцветшей краской или уродливыми отметинами. Кирпичи загрязнены, выщерблены, изношены и покрыты камнеподобным раствором. Фурнитура и металлические приспособления проржавели. Такие материалы являются не только обломками и мусором, но даже не ценным хламом. Основными затратами при строительстве тренировочного лагеря были трудозатраты на укладку кирпича, установку подземных трубопроводов, выравнивание, возведение в квадрат и прибивание гвоздями досок, а также пайка швов в водопроводе. Вся эта трудовая ценность была утрачена, когда лагеря были спасены ради их материалов.

Однако это была не единственная потеря, которую вынуждено было понести правительство. Практически все лагеря изначально располагались на арендованной земле; и этот факт подразумевал, что при сносе лагерей правительство было обязано восстановить землю в ее первоначальном состоянии или, вместо этого, оплатить владельцам расходы на восстановление. Эти вопросы, связанные с материальным ущербом, сильно осложнили процесс демобилизации в учебных лагерях, поскольку установить размеры ущерба было очень трудно. Бетонные дороги были проложены через то, что первоначально было пастбищами; плодородные кукурузные угодья были пересечены глинистыми грядами, возвышающимися над водопроводными и канализационными канавами. С другой стороны, некоторые улучшения в лагере позволили осушить бывшие болота и использовать их для возделывания, и такие выгоды компенсировали бы ущерб в других местах. О том, чтобы правительство пыталось урегулировать эти тысячи дел в индивидуальном порядке, не могло быть и речи из-за времени, которое это заняло бы; и поэтому было оговорено, что покупатели лагерей должны взять на себя всю ответственность за материальный ущерб и обезопасить правительство от претензий, которые позже могли быть предъявлены в Суде по искам. Естественно, покупатели учитывали этот ущерб в своих заявках, и делали большие скидки, поскольку размер ущерба был в значительной степени предположительным. Это соображение еще больше снизило цены, уплаченные покупателями.

Результатом стало то, что восстановление заброшенных армейских лагерей вернуло правительству лишь малую часть вложенных в них денег. На самом деле во множестве случаев правительству было бы дешевле отказаться от улучшений в пользу землевладельцев в обмен на отказ от исков о возмещении имущественного ущерба. Государственная политика, однако, запрещала такой кратчайший метод. Некоторые из арендованных участков были переданы правительству до перемирия по номинальной арендной плате в 1,00 доллара в год или какой-то другой незначительной сумме; но впоследствии торговые палаты и другие общественные учреждения, которые пошли на эти уступки ради обеспечения

безопасности лагерей вблизи своих населенных пунктов, отказались продлевать соглашения, и Военное министерство было вынуждено регулярно выплачивать арендную плату. Рассматривался вопрос о принудительной продаже лагерей на любых возможных условиях. Главный урок, извлеченный из истории с военным строительством, состоял в том, что правительство должно покупать, а не сдавать в аренду участок, когда стоимость улучшений должна превышать стоимость самого участка. Только удерживая такую собственность для постоянного использования или постепенной продажи, правительство может получить ценность, полученную от своих инвестиций.

В целом, стоимость вторсырья из лагерей и других объектов, проданных после перемирия, составила около 15 процентов от суммы, вложенной в первоначальные строительные материалы. Все трудовые ресурсы были утрачены. Все потери материалов при строительстве и сносе были потерями. Многие материалы, такие как цемент и бетон, дорожные материалы, кровля, трубопроводы из деревянных досок, канализационные трубопроводы и так далее, были полностью потеряны. Вниманию читателя предлагается несколько типичных снижений стоимости.

<i>Первоначальная</i>	<i>стоимость</i> <i>проекта</i>	<i>Восстановление</i> <i>Кэмп Борегад</i>
4 300 000	долларов 43 000	
Кэмп Боуи	3 400 000	110 000
Кэмп Хэнкок	6 000 000	75 000
Кэмп Логан	3 300 000	137 000
Кэмп Уодсворт	4 000 000	95 000
Кэмп Уилер	3 200 000	144 000

Обратите, однако, внимание, что при ликвидации этих лагерей правительство сохранило практически все складские помещения и больницы.

В течение года, последовавшего за перемирием, Строительное подразделение располагало четырнадцатью лагерями национальной гвардии, тремя посадочными лагерями, шестнадцатью специальными и обычными тренировочными лагерями, четырьмя летными полями, четырьмя больницами и множеством небольших групп зданий. За них правительство получило около 4 215 000 долларов. Кроме того, были проданы части многих других лагерей, а также строительные материалы практически всех видов.

Самым впечатляющим достижением Строительного подразделения до заключения перемирия было строительство пунктов расквартирования, лагерей начальной подготовки, в которых размещались солдаты, призванные на военную службу в соответствии с Законом об отборе на военную службу. Это были гораздо более значительные сооружения, чем лагеря национальной гвардии, спасение шести из которых было отмечено в приведенной выше таблице. Лагеря национальной гвардии предоставляли войскам только палатки для укрытия, в то время как в пунктах расквартирования их обитатели размещались в прочных деревянных барачных зданиях. Расквартирование стоит в два-три раза дороже, чем лагерь национальной гвардии. Тем не менее, за три месяца, в начале которых еще не были выбраны и приобретены даже площадки, Строительное подразделение подготовило шестнадцать пунктов расквартирования, готовых принять первых призывников, призванных в армию.

Первоначально все военные городки были построены на арендованной земле. Было очевидно, что, если бы правительство было вынуждено уступить землю владельцам, расквартирования, спасенные ради их строительных материалов, принесли бы не больший процент возмещения их стоимости, чем палаточные лагеря. Потери правительства в таком случае в каждом пункте расквартирования были бы вдвое или втрое больше, чем в лагерях национальной гвардии. Еще до того, как стало видно окончание войны, Строительное подразделение предвосхитило демобилизацию, представив военному министру план покупки участков для расквартирования. Покупка позволила бы достичь нескольких желаемых целей. Пока пункты расквартирования использовались, это позволяло экономить на выплате арендной платы. После окончания войны, если бы пункты расквартирования были сохранены армией, это придало бы им полную потребительную стоимость, которая равнялась бы каждому пенни, который они стоили. С другой стороны, если бы было принято решение избавиться от них после наступления мира, то владение участками позволило бы правительству (1) постепенно продавать материалы и избегать сбивания цен за счет перенасыщения рынка; или (2) продавать здания неповрежденными вместе с землей, на которой они стояли; или (3) продавать целые воинские части в их нынешнем виде вместе с правом собственности на земли. Любой из этих методов утилизации принес бы гораздо большую прибыль от утилизации, чем принудительная продажа материалов и возмещение имущественного ущерба.

В марте 1919 года помощник военного министра распорядился, чтобы арендованные участки четырнадцати пунктов расквартирования, а именно лагерей Кастер, Девенс, Дикс, Додж, Гордон, Грант, Ли, Джексон, Мид, Пайк, Шерман, Тейлор, Трэвис и Аптон, были приобретены путем выкупа. Инвестиции в эти пункты расквартирования составили приблизительно 155 000 000 долларов. Продолжая использовать пункты расквартирования, Военное министерство могло получить полную стоимость затраченных денег. Спасая их таким же образом, как ликвидировали лагеря национальной гвардии, правительство могло бы возместить 4 000 000 долларов по внешней оценке. При постепенной продаже материалов или нетронутых зданий с земельными участками можно было ожидать, что выручка достигнет 48 000 000 долларов. Бизнес-логика предложения была неотразимой.

Покупкой этого огромного участка земли занялось Строительное подразделение. После того, как командиры в местах расквартирования указали, какие границы следует включить, дивизия отправила свои полевые войска — 21 апреля 1919 года. Первыми к работе приступили инженеры и геодезисты, которые должны были установить точные границы и обеспечить полное описание параметров и границ участков. Были заключены контракты с различными ответственными титульными компаниями на поиск прав собственности на землю и обеспечение их титульным страхованием. Затем последовали сотрудники отдела закупок, которые заключили договоры купли-продажи с частными владельцами. Договоры купли-продажи были, наконец, подписаны от имени правительства компетентными должностными лицами. Вместе с сотрудниками по приобретению выезжали сотрудники Финансовой службы, которые были готовы заплатить наличными за земли в момент подписания договоров купли-продажи. Эта работа велась так быстро, что за два месяца правительство приобрело в собственность более половины территории, на которой располагались четырнадцать воинских частей. Год спустя около 55 000 акров земли было передано fee simple Соединенным Штатам по цене 6 762 000 долларов. Значительная собственность еще не была приобретена; но, хотя было подсчитано, что участки обойдутся в конечном итоге в 9 657 000 долларов, тогда были признаки того, что правительство получит их не более чем за 8 115 000 долларов.

Однако оказалось невозможным обеспечить сохранность всего имущества так просто. Некоторые владельцы не хотели продавать по разумным ценам; других владельцев найти не удавалось; третьи были юридически неполноценны, что не позволяло им продавать. В таких случаях правительство прибегало к конфискации земель. В конечном итоге было возбуждено дело об изъятии около 22 000 акров земли для государственного использования. Процедура осуждения проводилась Министерством юстиции, которое сочло эту работу масштабной.

Одним из интересных военных событий в Соединенных Штатах стало изменение отношения Военного министерства к недвижимости. До войны различные бюро и другие учреждения Военного министерства приобретали свою собственную недвижимость путем аренды или покупки по мере необходимости и по мере того, как они могли получить полномочия на ее приобретение. Сама война привела к повышенному спросу на недвижимость со стороны Военного министерства в качестве площадок для строительства своих военных зданий или в качестве помещений, сдаваемых в аренду. Таким образом, недвижимость стала рассматриваться как товар для снабжения армии; такой же товар, как продовольствие или боеприпасы. И поскольку закупками других товаров в конечном итоге управляло централизованное агентство, централизованные закупки недвижимости были переданы в руки новой организации под названием Служба недвижимости.

Служба недвижимости действовала как армейский агент по недвижимости. Различные бюро по-прежнему разрабатывали проекты по приобретению недвижимости, а затем Служба недвижимости приобретала недвижимость в качестве агента бюро. Служба состояла из экспертов, которые следили за тем, чтобы документы об аренде были составлены правильно и чтобы правительство заключало выгодные сделки.

Перемирие, во всяком случае, означало увеличение усилий Службы недвижимости, поскольку проблему хранения излишков товаров можно было решить только путем приобретения помещения. Также было необходимо отказаться от дорогостоящих объектов размещения, столь необходимых во время реальных боевых действий, и заменить их более экономичными объектами. Многие военные заводы Военного министерства были построены на арендованных участках, и было необходимо приобретать эти участки везде, где Департаменту было целесообразно сохранить завод в качестве объекта обеспечения готовности или где покупка земли для выгодной продажи завода была выгодным бизнесом.

Хотя на пути Военного министерства к приобретению собственности было создано мало препятствий, после перемирия выяснилось, что из-за существующих и устаревших законов продать что-либо было сложнее всего. Вплоть до объявления войны закон, контролировавший эту функцию, предусматривал, что земли военного министерства, бесполезные для военных целей, должны быть проданы *министром внутренних дел*. Когда этот закон был принят (1884 г.), большая часть земель, занятых армией, перешла из общественного достояния, и было логично вернуть их обратно в этот источник, когда Военное министерство покончит с ними. В мае 1917 года Конгресс разрешил самому Военному министерству продавать полигоны национальной гвардии. В июле 1918 года Конгресс разрешил президенту продавать, *через главу любого исполнительного ведомства*, земли, приобретенные после объявления войны Германии для размещения военных заводов. В июле 1919 года Конгресс разрешил продажу на идентичных условиях земель, приобретенных для складских целей. Однако это были единственные исключения из первоначального правила. Фактически, когда Военное министерство приступило к покупке четырнадцати участков для расквартирования с возможной целью последующей продажи этих земель и, таким образом, получения более выгодных цен на расположенные на них

здания, оно сделало это, зная, что потребуются специальный акт Конгресса, чтобы санкционировать такую продажу.

Конгресс без предупреждения присоединил поправку к законопроекту об ассигнованиях, который был одобрен 11 июля 1919 года, запрещающую вообще тратить какие-либо дополнительные деньги на покупку недвижимости армией, за исключением лагерей национальной гвардии или мест расквартирования, которые использовались до 11 ноября 1918 года, а также за исключением случаев, когда покупка участков промышленных предприятий была необходима для защиты интересов правительства. Военный министр постановил, что приобретаемые на тот момент четырнадцать пунктов расквартирования освобождаются от этого запрета, но закон внезапно положил конец проектам Службы недвижимости по покупке около 300 000 акров земли стоимостью 8 000 000 долларов. В то время Служба покупала 115 000 акров земли в Колумбусе, штат Джорджия, для использования в качестве пехотного училища, 120 000 акров в Фейетвилле, штат Северная Каролина, под артиллерийский полигон и несколько других крупных площадей для различных военных целей. Проекту по приобретению Кэмп-Хамфриса, лагеря инженеров в Вирджинии недалеко от города Вашингтон, площадью около 4000 акров, было разрешено реализоваться.



Фото из Строительного отдела

РАБОЧИЕ ИЗ ВЕСТ - ИНДИИ ОТПРАВЛЯЮТСЯ ДОМОЙ

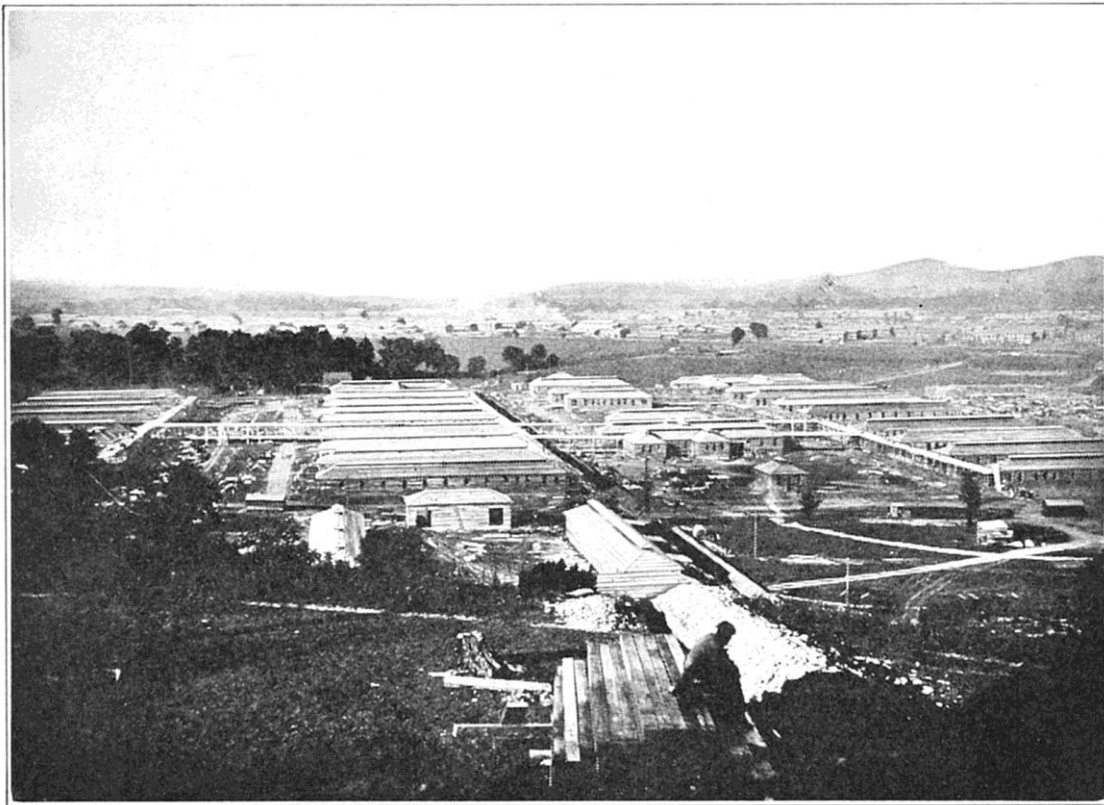


Фото из Строительного отдела

ВИД НА ЛАГЕРЬ ШЕРМАНА

В первый день перемирия Военное министерство было участником договора аренды, обязывающего его ежегодно выплачивать арендную плату в размере 13 000 000 долларов. К концу декабря 1919 года Служба недвижимости значительно сократила количество договоров аренды, и годовой счет за аренду снизился примерно до 5 000 000 долларов, хотя за этот промежуток времени Служба приобрела в аренду сотни миллионов квадратных футов новых складских помещений.

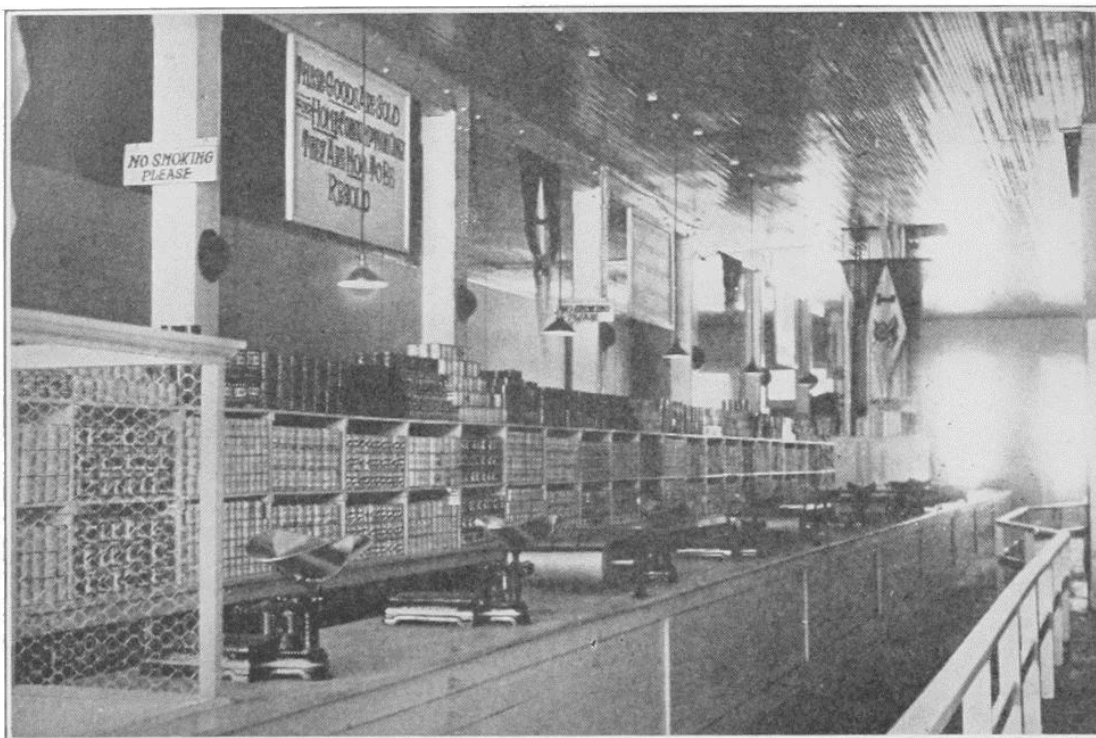


Фото из интендантского отдела
В АРМЕЙСКОМ РОЗНИЧНОМ МАГАЗИНЕ



Фото из интендантского отдела
ПОКУПАТЕЛИ НА ОТКРЫТИИ АРМЕЙСКОГО РОЗНИЧНОГО МАГАЗИНА

ГЛАВА XVII

ПРОДАЖА ИЗЛИШКОВ

В наших предыдущих главах часто и более или менее пространно упоминалось о распоряжении избыточным имуществом, приобретенным различными родами войск во время Мировой войны. Поскольку эти ссылки касались излишков в Американских экспедиционных войсках, мы стремились сделать заявления полными; но ссылки на продажу излишков военного имущества, накопленного в Соединенных Штатах, были лишь случайными и вставлены просто для того, чтобы читателю стало ясно, какие задачи стоят перед различными производственными бюро после перемирия. Это могло показаться бессистемным и сбивающим с толку изложением того, что было одним из самых интересных и важных этапов демобилизации военной промышленности. Поэтому в этой главе мы пользуемся случаем рассмотреть этот этап — утилизацию внутренних излишков военных материалов — в целом и настолько подробно, насколько это может оказаться целесообразным.

Та же тенденция к централизации, которая привела к тому, что закупки всех военных припасов были переданы в одно русло, а после перемирия - к ликвидации деловых обязательств правительства, также привела к единому контролю за продажей излишков материалов. Вскоре после перемирия в Отделе закупок, хранения и перевозок было создано Подразделение продаж под руководством сотрудника, называемого директором по продажам. Точно так же, как после образования “накладной” бизнес-организации, известной как Отдел закупок, хранения и трафика, различные производственные бюро все еще продолжали закупать большую часть своих припасов самостоятельно, но теперь под контролем и властью директора по закупкам, хранению и трафику, так и после перемирия эти же бюро продавали и иным образом распоряжались приобретенными излишками, но под наблюдением директора по продажам. За исключением нескольких сделок, совершенных напрямую с различными иностранными правительствами и компаниями (в рамках этих сделок было приобретено имущество стоимостью 63 450 000 долларов), сам Отдел продаж не занимался продажами, а просто руководил торговой деятельностью операционных бюро.

Здесь невозможно даже дать оценку стоимости излишков материалов, оставшихся на руках Военного министерства после прекращения работы военной промышленности, по той причине, что само Военное министерство никогда не было в состоянии прийти к оценке. Тема была настолько обширной, такой запутанной и настолько осложненной сменой *персонала* и эволюцией организации, что попытка провести инвентаризацию излишков проданного имущества и для продажи казалась безнадежной задачей. Однако мы можем получить некоторое представление о его количестве. Подсчитано, что в результате перемирия у армии оказался избыток военных припасов на сумму 2 000 000 000 долларов. Эти инвестиции представляли собой товары, фактически произведенные американской промышленностью до 11 ноября 1918 года, для содержания вооруженных сил в 4 000 000 человек и в ожидании численности почти в 5 000 000 человек в 1919 году. Но это, заметьте, был избыток внутри Соединенных Штатов. В тот же день — в день перемирия — ВВС за счет импорта из Соединенных Штатов и своих собственных зарубежных закупок накопили излишек припасов на сумму 1 330 000 000 долларов сверх того, что они вернут в военные резервы дома и за пределами того, что они будут потреблять, отдыхая на европейской земле во время демобилизации. Таким образом, мы имеем цифру в 3 330 000 000 долларов,

представляющую стоимость излишков припасов, боеприпасов, имевшихся в наличии на момент прекращения активных боевых действий.

Но это только начало полной инвентаризации; это был всего лишь излишек, существовавший на 11 ноября 1918 года. У военной промышленности, в соответствии с политикой прекращения ее производства путем прекращения сокращающегося производства, все еще оставались недели и месяцы для производства товаров, большая часть которых не использовалась в войне. Это сокращающееся производство на тысячах фабрик с миллионами работников добавило к излишкам материалов стоимость многих сотен миллионов. И все же история не рассказана. Военная промышленность развивалась за счет огромных федеральных инвестиций в здания и оборудование. Эти объекты также существовали в избытке, когда промышленность прекратила свое существование. Это огромное накопление было в значительной степени увеличено за счет оборудования и других производственных мощностей, переданных правительству в рамках соглашения с военными подрядчиками. Правительство закупило большое количество различного сырья, которое после перемирия осталось в избытке. Ликвидируя военную промышленность, она еще больше пополнила свои запасы сырья и, кроме того, приобрела огромную массу полуфабрикатов на всех стадиях изготовления. Когда на эту кучу мы сваливаем большую часть всего военного строительства, и на это автоматически создаются дополнительные излишки, когда политики в Конгрессе и в исполнительных органах власти сокращают численность постоянной армии одно за другим, тогда мы приближаемся к общей сумме излишков.

Все это было богатством, истинной сущностью нации, ее ресурсами, созданными ее трудом для особых целей войны; и с окончанием войны, при незначительном спросе или полном отсутствии использования этих специальных материалов, ими можно было распорядиться только ценой ужасающих жертв. Опять же, мы не можем оценить степень сокращения, но мы можем указать на это. До 1 марта 1920 года Военное министерство избавилось от излишков имущества, которые обошлись ему в 2 600 000 000 долларов. За это компания получила 1 633 000 000 долларов. Таким образом, возмещение составило 64 процента от стоимости; потери - 36 процентов. Сокращение ценностей - это одна из трат, которую любая нация должна обдумать и принять, когда она намеревается вести войну в современном масштабе. Нация может получить компенсацию стоимости своих боеприпасов, только используя их на войне.

Крупнейшая из американских компаний, United States Steel Corporation, в 1918 году, самом загруженном году своей деятельности, заработала 1 745 000 000 долларов. Стоимость излишков боеприпасов, произведенных до перемирия, была почти вдвое выше. Однако Стальная корпорация произвела всего несколько десятков видов продукции. Видов товаров и материалов, которые должны были быть утилизированы Отделом продаж, насчитывалось около 250 000, и этот ассортимент охватывал товары, известные во многих отраслях торговли. The Steel Corporation и другие крупные компании обычно продают продукцию относительно небольшой группе покупателей, которые приобретают ее оптовыми партиями. Рынок, на который вышел Отдел продаж, состоял из всех Соединенных Штатов со 110 000 000 возможными покупателями; отчасти проблема заключалась в том, чтобы избавиться от излишков материалов путем розничной продажи населению. В целом, это можно рассматривать как величайшее торговое предприятие, когда-либо предпринимавшееся в Америке.

250 000 каталожных позиций в списке продаж были разделены примерно на семь товарных групп следующим образом: (1) железнодорожные и строительные материалы, а также оборудование подрядчиков; (2) заводы-изготовители и производственные площадки; (3)

станки; (4) транспортные средства и самолеты, включая запасные двигатели и детали; (5) интендантские склады; (6) боеприпасы и техническое оборудование, включая офисное оборудование; и (7) сырье, металлолом и отходы.

С самого начала было признано, что выбрасывать на рынок огромное количество расходных материалов всех этих семи категорий означало навлечь катастрофу на ситуацию в промышленности. Бизнес и промышленность сразу после заключения перемирия оказались в щекотливом положении. Они столкнулись с полным переходом от войны к миру, неизведанным регионом, через который, казалось вероятным, они смогут безопасно пройти только под самым мудрым руководством. Если бы в дополнение к неизбежным трудностям восстановления промышленности пришлось столкнуться с беспощадной конкуренцией за излишки тех самых товаров, которые ее собственные фабрики производили во время войны, было очевидно, что трудности переходного периода могли бы удвоиться.

Чтобы максимально обезопасить бизнес и при этом избавиться от излишков материалов, Военное министерство приняло определенные общие принципы или политику. Первое из них заключалось в том, что правительство общей юрисдикции через свои несколько департаментов и в общественной работе, которую вели эти департаменты, должно было использовать все излишки военных материалов, которые они могли поглотить. Вторым и более важным было продавать все товары широкого потребления населению через предприятия, производившие эти товары, и таким образом избегать катастрофических скачков рыночных цен, а иногда даже поддерживать цены.

Эта последняя политика вызвала широкое неодобрение. Общественность в течение нескольких месяцев была уязвлена и раздражена ценами, которые многие рассматривали как поборы спекулянтов; и теперь, наконец, с огромными запасами товаров, которые нужно было продать или потерять, люди ожидали демпинга, который обрушил бы цены и привел в замешательство тех, кто, по-видимому, стал их жертвой. Но этому не суждено было сбыться. Правительство придерживалось мнения, что лучше поддерживать высокие (но обычно снижающиеся) цены и поддерживать работу промышленности, чем рисковать обвалом цен, который может привести к общей безработице и застою бизнеса.

Позже, когда стало очевидно, что бизнес благополучно переживает период реконструкции, большие запасы одежды и продуктов питания были проданы напрямую потребителям по ценам, значительно ниже среднерыночных.

Особенно в области сырья политика продажи через отрасль, затронутую продажей, или в сотрудничестве с ней, сработала так, как ожидало правительство. После перемирия Военное министерство оказалось с избытком в 125 000 000 квадратных футов мягких пиломатериалов сверх того, что ему потребовалось бы для завершения различных незавершенных строительных проектов. Этого было достаточно, чтобы построить 5000 домов. Выброс этого материала на рынок парализовал бы большую часть лесозаготовительной промышленности до тех пор, пока рынок не поглотил бы армейские пиломатериалы. Соответственно, Военное министерство заключило контракт с уполномоченными представителями лесной промышленности, в соответствии с которым было решено, что древесина должна продаваться постепенно и по ценам, установленным соглашением между правительством и промышленностью. В соответствии с этим соглашением все излишки продавались без помех для промышленности и по ценам, которые приносили хорошую прибыль правительству.

Весной 1919 года правительство располагало излишками меди, превышающими 100 000 000 фунтов. Медная промышленность находилась в тяжелом положении. У производителей был профицит в размере 1 000 000 000 фунтов стерлингов, но они все еще продолжали работу

шахт, плавильных и нефтеперерабатывающих заводов, чтобы предотвратить безработицу и в ожидании, что возобновление нормального бизнеса вскоре создаст спрос на медь. Любой сброс излишков военного министерства наверняка привел бы к закрытию шахт. Вместо этого правительство продало все излишки обратно производителям. Промышленность продолжала работать, и правительство получало в среднем семнадцать центов за фунт своей меди, что было значительным восстановлением.

Излишки серы Военного министерства в размере 161 000 000 фунтов были проданы через промышленность. Во время перемирия правительство располагало примерно 600 000 тоннами нитрата соды, импортированного из Чили для пороховых заводов. Примерно половина этого количества была сохранена в качестве военного резерва. Министерство сельского хозяйства передало 125 000 тонн этого вещества фермерам для использования в качестве удобрения. Около 142 000 тонн было продано Военному министерству по рыночным ценам импортерами нитратов, которые в первую очередь поставляли этот товар правительству. Запасы нитратов в количестве 59 000 тонн в Чили, являющиеся собственностью американского правительства, были доставлены в Соединенные Штаты и проданы импортерами на тех же условиях. Приблизительно 730 000 тюков хлопчатобумажных линтеров, находящихся в излишках военного министерства, используются коммерческой пороховой промышленностью на таких условиях, которые вернут правительству от трети до половины первоначальной стоимости линтеров. Излишек нитрата аммония в размере 66 000 000 фунтов был продан по ценам, которые возместили Военному министерству примерно треть его стоимости в военное время.

Следует иметь в виду, что все эти продажи фактически осуществлялись производственными бюро, в руках которых после перемирия оставались излишки поставок, а Отдел продаж просто координировал продажи и утверждал условия. Здесь будет невозможно вдаваться в подробности деятельности всех бюро по утилизации и сбыту, но можно рассказать достаточно, чтобы проиллюстрировать изобретательность и деловую предприимчивость, использованные при утилизации излишков времен великой отечественной войны. Как того требовали обстоятельства, правительственные продавцы должны были быть торговцами, бартерами, аукционистами и даже партнерами коммерческих организаций.

Производственные бюро были организованы для проведения аварийно-спасательных работ точно так же, как они были организованы для производства расходных материалов и, позже, для ликвидации деловых соглашений с подрядчиками. Те, кто создал производственные районы до перемирия, впоследствии учредили районные комиссии по утилизации, чтобы принимать излишки, накопленные районными комиссиями по претензиям при расчетах с подрядчиками, и распоряжаться ими. Эти районные советы по утилизации, в свою очередь, были дочерними предприятиями советов по утилизации главного бюро, которые, в свою очередь, подчинялись Отделу продаж Отдела закупок, хранения и перевозок. Например, излишки боеприпасов обрабатывались Советом по утилизации боеприпасов через его окружные советы по утилизации, и такая же система была внедрена в Авиасообщении и под руководством Директора по закупкам. Другие бюро утилизировали свои излишки через центральные советы по утилизации в Вашингтоне.

Возможно, главной проблемой для изобретательности правительственного продавца были излишки боеприпасов, поскольку они, вероятно, были наиболее специализированными из всех военных припасов; однако часто задачей Совета по утилизации боеприпасов был поиск гражданских нужд, для которых эти припасы можно было бы приспособить. Больших коммерческих успехов иногда добивались те, кто был способен найти новые способы применения и, следовательно, новые рынки сбыта производимых ими товаров. Подобным же

образом продавцы боеприпасов, поразмыслив, иногда могли превратить то, что считалось хламом, в товар, на который был большой спрос по хорошим ценам.

Эта деятельность увлекла продавцов далеко вперед. Они продавали пиломатериалы операторам Панамского канала, селитру правительству Голландии, превратили крупный завод по производству нитрата аммония в Перривилле в больницу, находящуюся в ведении Службы общественного здравоохранения в интересах бывших военнослужащих-инвалидов, передали олово Военно-морскому ведомству и продемонстрировали Министерству сельского хозяйства, что контейнеры, в которых предполагалось перевозить мины от траншейных минометов, могут служить так же хорошо, как контейнеры для обезвоженных овощей. Они передали веревку Министерству сельского хозяйства. Они продали тысячу револьверов полиции Вашингтона. Федеральным дорожным строителям они передали грузовики с бездымным порохом и тринитротолуолом для использования в качестве взрывчатого вещества.

Одним из крупнейших предприятий по утилизации боеприпасов была утилизация заводов-изготовителей, либо построенных непосредственно, либо оснащенных оборудованием, предоставленным правительством. Таких было около 300, и государственные инвестиции в них составили практически 525 000 000 долларов. Этот комплекс включал заводы по производству пушек и лафетов, заводы по производству снарядов, пороховые заводы, химические и кислотные заводы, заводы по производству толуола, заводы по производству стрелкового оружия, заводы по производству боеприпасов, заводы по фиксации нитратов и многочисленные заводы по производству снарядов. В ходе ликвидации артиллерийской промышленности большое дополнительное количество оборудования для производства боеприпасов, как нового, так и подержанного, попало в руки правительства. Все это, кроме того, что оставалось в военных запасах, пришлось продать. В течение первого года после перемирия продажа артиллерийских установок и механизмов принесла доход более 70 000 000 долларов. (Производственные мощности стоимостью в два раза большей либо хранились, либо были установлены на различных арсеналах, либо были переданы другим правительственным ведомствам.) Весной 1920 года половина огромного скопления артиллерийских заводов и механизмов была уничтожена.

Самой впечатляющей продажей, проведенной в этой отрасли утилизации боеприпасов, стала продажа завода по производству бездымных порохов в Нитро, Западная Вирджиния. Этот завод представлял собой автономный городок с тремя квадратными милями земли на его территории, с домами на 20 000 человек, театрами, школами, церквями, магазинами, электрическим освещением, мощеными улицами, газом, телефонной системой, водоснабжением и другими современными усовершенствованиями. Директор по продажам лично провел переговоры, в результате которых все заведение было продано *целиком* корпорации развития, которая планировала перепродавать заведение по частям производителям и, таким образом, создать постоянный промышленный город в Нитро. Корпорация заплатила правительству фиксированную цену за нитроэлектростанцию и, кроме того, признала правительство партнером в получении прибыли. Несколько компаний уже заняли там заводские здания. Совет по утилизации боеприпасов нанял представителей в Nitro для утверждения перепродаж по мере их осуществления.

После перемирия Департамент боеприпасов забрал у производителей большое количество стали для производства артиллерийских снарядов. Значительная часть этой стали состояла из готовых и полуфабрикатных деталей для оболочек. Независимо от того, сколько труда было затрачено на эти детали оболочек, их единственной коммерческой ценностью было сырье для плавки. Потребители стали, очевидно, ожидали, что смогут забрать ее излишки у

правительства после перемирия за бесценок: самые высокие ставки на первые предложения стали на рынке составляли всего около 12 долларов за тонну. Продавцы боеприпасов благоразумно решили не продавать оружие по таким ценам и, за исключением нескольких пустяковых, но выгодных распродаж, ничего не предпринимали по этому поводу до лета 1919 года. К тому времени коммерческое оживление начало давать о себе знать в спросе на сталь, цены на которую еще больше выросли из-за надвигающейся забастовки в сталелитейной промышленности. Тогда-то и стала очевидной мудрость сохранения запасов стали. Продажей shell steel занимался непосредственно Совет по утилизации боеприпасов, который после роста цен имел дело только с крупными покупателями. Средняя цена, уплаченная правительству за эту сталь, составляла около 30 долларов за тонну. Комиссия по утилизации обработала около 1 000 000 тонн этой стали.

Были также большие излишки цветных металлов — меди, цинка, свинца, олова, сурьмы и никеля, — запасы включали почти 20 000 унций платины, которая продавалась, следует отметить, по средней цене 105 долларов за унцию - примерно столько же, сколько она стоила. Медь, как мы видели, возвращалась производителям по справедливой цене. Совет продал 65 000 000 фунтов цинка в среднем по восемь центов за фунт. Излишки латуни составили 135 000 000 фунтов стерлингов, и она продавалась по хорошим ценам. В течение года, последовавшего за перемирием, спасатели избавились от цветных металлов на сумму 40 000 000 долларов.

Спасателям пришлось проявить всю свою изобретательность, чтобы выгодно распорядиться излишками никеля-меди. Медноникелевый сплав - это сплав меди и никеля, который используется при изготовлении гильз для пуль стрелкового оружия, но этот металл не имеет коммерческого применения. Правительству не удалось получить ни одной заявки ни на один из своих значительных излишков медно-никелевого сплава. Сплав слишком прочный для обычного металлообрабатывающего оборудования. Продавцы боеприпасов впервые предложили использовать этот металл на Монетном дворе для изготовления пятицентовых монет, но его избыток был настолько велик, что потребовалось бы много лет, чтобы израсходовать его полностью. Затем экспериментаторы взяли инициативу в свои руки и обнаружили, что, плавя никель-медный сплав и дополнительно легируя его цинком, они могут производить немецкое серебро - товар, который широко используется в промышленности. Этот факт был продемонстрирован рынку, и первым результатом стало предложение 5 000 000 фунтов медно-никелевого сплава по выгодной цене.

Еще более заметным примером находчивости со стороны сил по спасению боеприпасов стала продажа так называемой патронной ткани. Департамент боеприпасов был крупным военным потребителем текстиля многих видов. Шелк, хлопок, шерсть, войлок и лен в различных формах используются при производстве боеприпасов. Количество, приобретенное во время войны, можно оценить исходя из того факта, что излишки, оставшиеся после перемирия, были проданы на сумму около 25 000 000 долларов. В избытке текстильных товаров было значительное количество того, что называлось патронной тканью; и нужно сказать, что поначалу ни одно из избыточных запасов боеприпасов не казалось таким безнадежным в качестве спасательного предложения, которое, несомненно, привело бы к большим потерям инвестиций, как этот запас патронной ткани.

Патронная ткань использовалась во время войны для изготовления мешочков, наполняемых бездымным порохом, используемым в качестве метательных зарядов для орудий более крупных калибров. Ткань была сделана из шелка по той причине, что только шелк среди тканей прекрасно горит и не оставляет золы, которая могла бы запачкать ствол ружья. Хлопок, напротив, или любая другая ткань, вероятно, оставит обугленные кусочки самих

себя, тлеющие в казенной части ружья после выстрела; и эти тлеющие кусочки могут преждевременно коснуться нового порохового заряда и убить или покалечить людей, обслуживающих ружье. Более того, шелк сам по себе не вызывает вспышки на дуле пистолета при выстреле. Такие вспышки ночью выдают противнику местоположение орудия.

Но хотя ткань для патронов была изготовлена из чистого шелка, какой же это был шелк! Естественно, чтобы снизить ее стоимость, ее соткали из самых дешевых шелковых материалов, какие только можно было достать. Он был изготовлен практически из побочных продуктов шелкоткачества — ноилов и отходов шелка. Ноилы — это разрезанные коконы, незрелые коконы и вычесы с внешней стороны коконов. Основа картриджной ткани была изготовлена из шелковых нитей, а основа — из шелковых отходов. Весь шелк-сырец наполнен натуральной камедью, которая в промышленных процессах вываривается перед ткачеством шелка. Поскольку эта жвачка не ухудшала качество ткани для использования в оружейных изделиях (жвачка прекрасно сгорала и не оставляла золы), ее оставили в сырье, чтобы снизить стоимость ткани. Чтобы облегчить изготовление ткани из ноилов, ноилы чесали, расчесывали и пряли в масле, причем масло не вызывало возражений у ткани. В результате получилась засаленная грубая ткань темного цвета, похожая на промасленную мешковину, ткань столь же непривлекательная, какую только можно себе представить. И это обходилось правительству в среднем в семьдесят два цента за ярд. На момент заключения перемирия Департамент боеприпасов располагал примерно 22 000 000 ярдов этого оружия. Большая часть этого количества была отложена в качестве военного резерва. Остальное было выставлено на продажу. Лучшее предложение за него составляло двенадцать с половиной центов за ярд. Таким образом, правительство понесло значительные потери.

Спасатели боеприпасов не смогли смириться с этой потерей. Совет по утилизации получил 20 000 долларов на эксперименты с шелком. Затем опытный шелковод из Отдела продаж попробовал прокипятить камедь и масло и иным образом обработать ткань, после чего отбелил, покрасил, напечатал и покрыл ворсом. В результате получилась красивая ткань, подходящая для верхней одежды как для мужчин, так и для женщин, а также для модных изделий, драпировки и обивки мебели. Некоторые компании, занимающиеся отделкой шелком, добились с ее помощью прекрасных цветовых эффектов. После этой демонстрации перед началом торгов Комиссия по утилизации снова запросила предложения, и на этот раз получила их несколько, предлагая цены в диапазоне от тридцати одного цента за ярд до сорока. Этого все еще было недостаточно для продавцов вторсырья, которые вышли и заключили контракт с двумя компаниями — Bush Terminal Company из Нью-Йорка и McLane Silk Company из Тернерс-Фоллс, Массачусетс, — который приносил правительству восемьдесят пять с половиной центов за ярд плюс половину прибыли, полученной от продажи ткани. По этой договоренности было продано значительное количество шелка.

Расходы Совета по утилизации боеприпасов составили менее 6 процентов от суммы, полученной от продаж и переводов. Эти затраты на продажу выгодно отличаются от аналогичных затрат в коммерческом мире.

Тот факт, что большая часть денег, потраченных Авиацией во время войны, была представлена после перемирия готовыми самолетами и авиационными двигателями, исключал какое-либо значительное возмещение военных расходов за счет последующей продажи излишков материалов, поскольку в настоящее время самолеты и двигатели имеют небольшую коммерческую полезность. Авиационные двигатели слишком легкие и слишком мощные для обычных задач, и в Соединенных Штатах еще не существовало реального рынка сбыта самолетов. Следовательно, продажи излишков авиасообщения были фактически ограничены товарами коммерческого назначения, такими как шины, фотографическое

оборудование, льняные ткани, мех, используемый для изготовления одежды авиаторов, и тому подобное. Однако некоторые из этих излишков товаров продавались по хорошим ценам. Один нью-йоркский концерн закупил 372 500 китайских собачьих шкур примерно за 700 000 долларов. Почти 5 000 000 футов досок из излишков красного дерева, использованных для изготовления пропеллеров, были проданы по цене 150 долларов за тысячу футов. Огромное количество мелких инструментов с авиазаводов, миллионы ярдов хлопчатобумажной ткани и почти 4 000 000 фунтов длинномерного хлопка продаются по хорошим ценам. Правительство выручило 700 000 долларов от продажи 20 000 000 футов ели, пихты и других мягких пород древесины, используемых при производстве самолетов. Была зарегистрирована одна крупная продажа самолетов и двигателей. За 380 000 долларов Небраскинская авиастроительная корпорация из Линкольна, штат Небраска, купила 280 стандартных учебно-тренировочных самолетов J-1 без двигателей и 280 двигателей Hispano-Suiza для их привода.

Для продажи излишков в Соединенных Штатах Air Service открыла агентства по утилизации на местах в Бостоне, Нью-Йорке, Буффало, Чикаго, Детройте и Дейтоне. Имущество, объявленное излишним, было оценено примерно в 115 000 000 долларов. До настоящего времени (июль 1921 г.) из этого излишка было продано товаров на сумму 97 000 000 долларов, а непроданный остаток оценивается в 18 000 000 долларов. Средняя сумма возмещения составила 62 процента от стоимости.

Отчуждение собственности, приобретенной Корпорацией по производству ели Соединенных Штатов в лесах Тихоокеанского Северо-запада, было отложено из-за расследования Конгрессом дел этой официальной организации. Себестоимость всего спасаемого имущества была рассчитана примерно в 19 000 000 долларов, из которых 7 000 000 долларов представляли собой стоимость трех железных дорог для перевозки бревен. Остальная часть инвестиций была представлена лесопилками, дорогами, отелями и казармами для лесорубов, подъемными двигателями, сушильными печами и почти 100 000 другими объектами, среди которых было 22 000 000 футов произведенных и имеющихся в наличии пиломатериалов. Пиломатериалы коммерческих сортов были быстро проданы, и Авиакомпания договорилась о приобретении 3 088 000 футов самолетных пиломатериалов за вознаграждение примерно в 1 000 000 долларов. Продажа оставшегося имущества продвигалась медленно, и выручка была низкой по отношению к первоначальной стоимости.

Продажа излишков инженерных материалов принесла правительству необычайно высокую среднюю окупаемость в размере 87 процентов затрат на производство расходных материалов. Причина в том, что самая большая и ценная часть излишков состояла из железнодорожных строительных материалов и подвижного состава. Железные дороги мира, и особенно Европы, находились в запустении во время войны, и их обновление стало необходимостью, даже первостепенной по сравнению с реконструкцией промышленности в целом. Правительства таких стран, как Франция и Польша, были рады возможности приобрести американские локомотивы, вагоны и краны за счет их производства. Самая крупная разовая продажа инженерных принадлежностей была осуществлена французскому правительству, которое заплатило около 63 000 000 долларов за 485 грузовых локомотивов и почти 20 000 грузовых вагонов. К весне 1920 года излишки инженерных принадлежностей, которые стоили 128 000 000 долларов, были проданы примерно за 110 000 000 долларов. Большое количество землеройной техники и другого оборудования подрядчиков было передано Бюро автомобильных дорог общего пользования.

С другой стороны, оказалось, что излишки боевых химических материалов имеют низкую утилизационную ценность. После перемирия Служба химической войны оказалась с примерно 1000 вагонами избыточных материалов на руках. Эти материалы стоили 11 000 000 долларов. Излишки, устаревшие противогазы и другие накопления, ни для кого не представляющие ценности и поэтому не подлежащие продаже, составили 2 000 000 долларов. Остальное состояло в основном из сырья и оборудования. Некоторые из своих необработанных химикатов Служба смогла с прибылью утилизировать для производства искусственных красителей. Внешние газогенераторные установки, примыкающие к Эджвудскому арсеналу, были проданы с аукциона производителям химикатов.

Хотя продажа излишков фабрик, оборудования, сырья, металлолома и хлама вызывала большой интерес и озабоченность промышленности и бизнеса в целом, огромные массы людей в этой стране знали о них мало или вообще ничего. Наемные работники, миллионы людей, получавшие умеренную зарплату, не были выгодоприобретателями — во всяком случае, не непосредственными выгодоприобретателями — от сделок, которые предлагало правительство. Отраслевые журналы были заполнены рекламой и чтивом о продаже военных излишков, но в газетах редко было что сказать о них. Без сомнения, были сотни тысяч американцев, которые сразу после перемирия, прочитав об избыточных запасах, переполнявших огромные правительственные склады, ожидали, что ситуация сразу же принесет личную выгоду. Это была единственная в жизни возможность приобрести за бесценок новый запас кухонной утвари, или газонокосилку, или новый автомобиль "Додж" по бросовой цене, или, по крайней мере, новые запасы нижнего белья и другой одежды, или продукты по ценам, которые заставили бы съежиться бакалейщика на углу. Но по мере того, как проходили недели и месяцы, а ни одна из этих возможностей так и не представилась, любому мыслящему человеку стало очевидно, что само правительство, должно быть, в сговоре со спекулянтами и придерживает свои акции, чтобы беспрепятственно продолжать раздолбайство.

Те, кто поспешил с таким выводом, не знали об ограничениях, которые их собственные представители, мужчины в Конгрессе, наложили на продажу государственной собственности. Точно так же, как закон запрещал (с определенными исключениями и оговорками, уже отмеченными в этом томе) государственным руководителям покупать материалы, кроме как у лучшего претендента на участие в конкурсе для бизнеса, точно так же он запрещал им продавать материалы, кроме как тому, кто предложит лучшую цену. Таким образом, покупателям приходилось конкурировать друг с другом за излишки либо на аукционе, либо посредством закрытых заявок, поданных после того, как товары были должным образом описаны и разрекламированы. А поскольку правительству приходилось учитывать свои собственные расходы на продажу, и поэтому оно не могло проводить аукционы по продаже отдельных банок помидоров или размещать объявления о продаже отдельных видов ветчины, конечный потребитель, если только он не был готов покупать вагонами, был в таком же затруднении, как если бы запасы хранились на Луне.

Только 29 июля 1919 года Конгресс пришел на помощь конечному потребителю, приняв закон, разрешающий Военному министерству продавать продукты питания, одежду и предметы домашнего обихода в розницу. В течение десяти дней Отдел излишков имущества (Отдела закупок, хранения и транспортировки, который отвечал за все продукты питания, одежду и предметы первой необходимости) запустил план прямых продаж по почте. Прайслисты и бланки заказов были разосланы в 58 000 почтовых отделений Соединенных Штатов, а почтальонам было поручено получать заказы и наличные деньги и отправлять сводные заявки и платежи в Отдел излишков имущества. Этот план не увенчался успехом, главным

образом из-за незнания почтальонами подобной работы; и несколько недель спустя от него вообще отказались в пользу армейских розничных магазинов. Через эти магазины массы потребителей наконец-то напрямую соприкоснулись с излишками военных припасов.

Система магазинов была основана 25 сентября 1919 года. В магазинах потребитель может покупать продукты питания и другие товары без рецепта в таких количествах, какие он выберет; или, если он живет слишком далеко, чтобы посетить магазин, он может заказать в нем доставку товаров бандеролью с предоплатой почтовых расходов и страховкой товаров за государственный счет. Сначала армия открыла двадцать пять магазинов, и дела у них шли настолько хорошо, что были добавлены дополнительные магазины и филиалы, пока к концу зимы 1919-1920 годов не стало семидесяти семи мест, куда потребители могли пойти и купить по сниженным ценам товары, закупку которых правительству позволили налоговые платежи и покупка облигаций. Склады работали под наблюдением четырнадцати сотрудников отдела снабжения зоны.

Продавая товары непосредственно потребителю, Военное министерство придерживалось политики установления цен на товары в размере четырех пятых от преобладающих розничных рыночных цен. Поскольку стоимость жизни начала снижаться в конце 1919-начале 1920 годов, эта политика означала потерю для правительства, которое оплатило поставки по военным ценам; но это была небольшая потеря. В среднем розничные продажи вернули почти 80% первоначальной стоимости проданных товаров. Расходы на продажу составили около 10% от полученных денег.

Военное министерство сделало все, что было в его силах, чтобы сделать магазины привлекательными для публики. Оно снабдило их широким ассортиментом товаров и активно рекламировало их. В Вашингтоне было создано пресс-бюро, и газеты посвятили рекламе акры пространства. Однако, несмотря на пропаганду, реакция общественности не была столь безудержной, как можно было ожидать из-за протестов против дороговизны предметов первой необходимости. (Разумеется, правительство, естественно, не могло открывать свои магазины в районах с высокой арендной платой — районах, наиболее удобных для розничных покупателей.) Армейские розничные магазины вели бизнес примерно на 5 000 000 долларов в месяц — не так уж много для 110 000 000 потенциальных клиентов. По мере продолжения распродаж стало очевидно, что, хотя протест против высоких цен был практически всеобщим, только экономное меньшинство было готово переступить черту удобства и обычаев, чтобы добиться более низких цен. Остальные предпочли поворчать и пойти по пути наименьшего сопротивления.

Тем не менее, вероятно, верно, что розничные магазины выиграли все, поскольку продолжающаяся продажа большого количества излишков военных припасов по сниженным ценам, несомненно, повлияла на снижение коммерческих цен. Хотя для розничной продажи в армейском списке снабжения было доступно всего около 350 наименований, этот ассортимент, в конце концов, был значительным. В списке продуктов питания это значилось от Яблок, Выпаренных, до Уксуса, и вообще, припасов из Арктики, от Матерчатого Верха до Хлыстов, Артиллерии. Отдел излишков имущества даже продал в магазинах несколько мотоциклов.

Значительно затмевали розничные продажи по количеству перемещаемых товаров продажи перекупщикам, дилерам и спекулянтам путем неофициальных торгов по объявленным спискам товаров. Штаб-квартира отдела продаж в Вашингтоне и зональные офисы стали оживленными рынками на несколько месяцев после перемирия, поскольку Военное министерство избавилось от излишков товаров, закупленных Директором по закупкам. Как

уже говорилось, были регулярные товарные дни — текстиль продавался по понедельникам, сырье — по вторникам и так далее. На распродажах в понедельник, проведенных Отделом излишков имущества, к 20 февраля 1920 года только за одежду и снаряжение было заплачено почти 66 000 000 долларов. Эти продажи приносили пользу широкой публике тем, что обычно приводили к тому, что товары продавались в розницу компаниями по утилизации или обычными торговыми домами по сниженным ценам.

Колебания рынков иногда позволяли правительству продавать излишки участникам торгов с прибылью. Например, тонна или более камфары, приобретенной первоначально для Медицинского департамента, принесла прибыль в размере 84 процентов из-за повышения цен на камфару после заключения перемирия. Медикаменты в целом, хотя они продавались в основном государственным учреждениям, приносили 99-процентное возмещение их военных расходов. Предметы первой необходимости, включая скобяные изделия, кухонную утварь, щетки и метлы, веревки, бумагу, офисную мебель, музыкальные инструменты и спортивные товары, продавались по ценам, которые возвращали правительству более 72 процентов их военных затрат.

Очевидно бесполезные припасы — то есть бесполезные для гражданских лиц — были приобретены участниками торгов, которые нашли им уникальное применение. Было обнаружено, что небьющиеся окуляры противогазов хорошо подходят для использования в защитных очках автомобилистов. Затемняющая паста, используемая для защиты окуляров противогаза от запотевания от дыхания владельца, нашла практическое применение на ветровых стеклах автомобилей во время ливней. Были куплены траншейные веера, которые использовались в качестве фартуков для работников консервного завода.

Излишки кожи продавались на аукционах, проводимых в Филадельфии, Чикаго, Сан-Франциско, Бостоне и других местах; и денежные поступления, как правило, были значительными — от 71% до 100% военных расходов, а в некоторых случаях даже приносили прибыль. Упряжь продавалась плохо, потому что большая ее часть была сделана из красновато-коричневой кожи, которая не привлекает коммерческого покупателя, или же потому, что упряжь была особой конструкции, не используемой погонщиками.

Потребности других правительственных ведомств в излишках армейских грузовиков были настолько велики, что лишь немногие были проданы как излишки, и те немногие не были ни новыми, ни в хорошем состоянии. Автомобильные шины, однако, поступили в продажу в розничных магазинах.

Общая сумма продажи излишков материалов, приобретенных Отделом закупок, хранения и транспортировки, составила 357 000 000 долларов в период с даты перемирия по 31 января 1920 года. Сумма возмещения составила 77,57 процента от первоначальной стоимости.

ГЛАВА XVIII

ИНОСТРАННАЯ ЛИКВИДАЦИЯ

Хотя на момент написания этих слов прошло более двух с половиной лет с момента подписания перемирия от 11 ноября 1918 года, по-прежнему невозможно дать четкое и окончательное описание достижений промышленной демобилизации. Возможно, это никогда не удастся сделать. Хотя в основном было возможно расторгнуть военные контракты

с помощью дополнительных соглашений, фиксирующих ответственность правительства до копейки, объединение этих соглашений не дало бы полной стоимости расторжения. Некоторые заявители проявляют упрямство и настаивают на окончательном судебном возмещении ущерба, гарантированном им условиями их контрактов. Администрация в Вашингтоне сменилась, и некоторые из исков, которые когда-то были урегулированы — как считалось, окончательно, — возобновляются. И затем, на кредитной стороне военной бухгалтерской книги та же неопределенность. Излишки военных припасов неопределенны — они увеличиваются или сокращаются по мере изменения политики, по мере того, как военное ведомство обнаруживает потребность в материалах, однажды объявленных избыточными, по мере истощения военных запасов. Таким образом, невозможно провести черту и сказать, что все операции с одной стороны должны быть внесены в военный счет, а все операции с другой стороны - в счет постоянной армии.

Но в одной важной отрасли нашей военной промышленности произошла полная, окончательная ликвидация. Красная черта была подведена, и баланс восстановлен. Это была отрасль, в которой союзники и другие иностранные государства были участниками либо в качестве покупателей, либо в качестве продавцов. Быстрота, с которой была завершена эта сделка, и ее полнота — вплоть до последнего причитающегося доллара, вплоть до последнего фунта обмененных материалов — отмечают ее как одно из выдающихся достижений во всей промышленной истории войны. Ее выгоды для стран, затронутых ею, не следует полностью отражать в заголовках столбцов списаний и взаимозачетов: скорее, они носят политический и экономический характер — престиж Соединенных Штатов повышен, международная добрая воля сохранена, раздражения и неприязни, которые легко могли возникнуть у бывших союзников и их партнеров при урегулировании их деловых отношений, удалось избежать.

Очевидно, что эти военные операции делились на два класса: один класс, в котором союзники имели дело (через американское правительство) с американской промышленностью для производства предметов снабжения; другой класс, в котором Соединенные Штаты были заказчиком, а промышленность союзников (и в небольшой степени промышленность некоторых нейтральных стран) источником поставок. И поскольку вопрос о прекращении договоренностей, таким образом, был двустольным, Военное министерство сочло удобным атаковать его с помощью двух ведомств: так называемого Совета Катхелла (который, официально говоря, был “Специальным представителем военного министра” и его помощников) и Ликвидационной комиссии Соединенных Штатов.

Г-н Честер У. Кателл был специальным представителем военного министра. Его совет директоров состоял из юристов и бухгалтеров, которых он выбирал и назначал. Обязанности мистера Кателла и его Правления заключались в прекращении и урегулировании военных дел союзников в Соединенных Штатах в соответствии с теми договоренностями, в которых Военное министерство было участником, будь то в качестве агента, продюсера или партнера. Таким образом, Совет директоров был, по сути, агентством по ликвидации международного бизнеса по эту сторону Атлантики. Ликвидационная комиссия Соединенных Штатов, с другой стороны, была учреждением, созданным для ликвидации американской военной промышленности за рубежом; и это было гораздо более важной из двух задач. На Ликвидационную комиссию Соединенных Штатов также была возложена дополнительная обязанность: утилизировать все излишки американского военного имущества на иностранной территории.

Мы должны рассматривать оба этих мероприятия по международной демобилизации как происходящие одновременно, как это и было на самом деле. Эти два агентства были

созданы почти в одно и то же время: г-н Кателл был назначен 22 января 1919 года, а Ликвидационная комиссия Соединенных Штатов была создана 11 февраля следующего года. Также было необходимо, чтобы они оба работали в самом тесном контакте и сотрудничестве друг с другом, поскольку договоренности обоих должны были бы сойтись в окончательных расчетах, претензии Америки к союзникам, обоснованные Правлением, должны были компенсировать претензии Союзников к нам, признанные Ликвидационной комиссией. Эта связь и гармония существовали. Сотрудничество также распространилось на принятие определенной широкой политики, которой должны были следовать оба при ликвидации бизнеса. Один из них, и, возможно, самый важный, заключался в том, что в ходе переговоров, которые должны были последовать, ни одна нация не должна была ожидать получения прибыли за счет кого-либо из других. Расчеты должны производиться на основе фактических затрат. Вторая политика заключалась в том, что международные соглашения и взаимопонимания, даже если они никогда не были официально закреплены в письменной форме, должны были иметь обязательную силу официальных контрактов. Другими словами, бизнес будет решаться как между партнерами и друзьями, никто из которых не захочет воспользоваться преимуществом других.

После того, как оба ликвидационных агентства осознали необходимость спешного прекращения бизнеса. Армии демобилизовались, *персонал*, знакомый с предметами переговоров, таял. Если бы дискуссии затянулись надолго, они приобрели бы характер споров, требующих получения доказательств и affidavits, проведения инвентаризации и аудитов, проведения слушаний, допроса и перекрестного допроса свидетелей, что, возможно, привело бы в конечном итоге к обращению в международные трибуналы или в арбитражные комиссии. Такой исход не мог вызвать ничего, кроме неприязни. Международные деловые отношения во время войны стали чрезвычайно запутанными. Очевидно, что вдаваться в подробности было непрактично, поскольку кредитор мог нарушить графики обанкротившейся корпорации. Такая процедура затянулась бы на годы. Каждой стороне сделок было выгодно, поскольку стороны были суверенными государствами, учитывающими свои международные контакты, уступать и брать в ходе грубого торга, соглашаясь скорее на оценки и единовременные выплаты, чем настаивая на предметах и деталях, и, наконец, соглашаться на итоговые суммы, которые в лучшем случае были бы лишь приблизительными. Важно было покончить с этим делом так, чтобы справедливость восторжествовала по отношению ко всем.

Именно в таком духе работали оба совета директоров.

Мистер Кателл после своего назначения обнаружил в Отделе закупок, хранения и перевозок сводный и сокращенный отчет о всех претензиях Военного министерства к правительствам, связанным с нами в войне. Это показало ему поле боя. Однако он обнаружил, что ни одна из военных миссий, поддерживаемых союзниками в Соединенных Штатах, не была наделена полномочиями корректировать и улаживать эти претензии, многие из которых были оспорены. Поэтому, пока его наспех собранная команда экспертов готовила претензии к предъявлению, сам г-н Кателл (в апреле 1919 г.) был направлен в Европу, чтобы попросить соответствующие иностранные правительства создать ликвидационные агентства, компетентные вести дела с Соединенными Штатами, и, кроме того, сохранить в своих соответствующих службах, пока не будет произведена ликвидация, должностных лиц, знакомых с американскими сделками.

Здесь следует отметить, что это был значительный отход от международного прецедента. Обычно финансовые претензии между странами урегулируются с помощью медленных и громоздких процессов дипломатического обмена или же арбитража. Позволить военным заявлениям перейти в это русло, возможно, означало бы конец дружбе между союзниками и Соединенными Штатами. Наши ликвидационные агентства предлагали прямые сделки через уполномоченных представителей бизнеса с ограничениями, даже менее строгими, чем те, которые были бы установлены двумя частными корпорациями.

В Париже г-н Кателл застал представителей Италии, готовых обсудить американские претензии к Италии. Однако вскоре после начала конференций президент Вильсон обнародовал на Мирной конференции свое отношение к итальянской оккупации адриатического порта Фиуме; и итальянская делегация, включая тех, кто был готов вести с нами переговоры о деловом урегулировании, покинула Париж.

После этого мистер Кателл отправился в Лондон для переговоров с британцами. Британское правительство назначило и уполномочило специальную комиссию, возглавляемую лордом Инверфортом, в то время британским министром вооружений, и включающую нескольких видных представителей британского правительства, среди которых г-н У. Т. Лейтон, человек необычных способностей и тот, кто фактически возглавил британскую сторону в последующих переговорах, для рассмотрения американских претензий. Тем временем из Соединенных Штатов прибыли главные помощники мистера Кателла, привезшие с собой сформулированные заявления, в которых анализировались британские военные действия в Америке и излагалось то, что наши переговорщики сочли надлежащими расходами, которые британцы должны были уплатить в качестве урегулирования. Этими помощниками были г-н Ральф У. Гвинн, который должен был представить дело о двигателе Liberty; г-н Миллер Д. Стивер, отвечавший за заявку на пиломатериалы для самолетов; и г-н Ф. К. Уимс, который подготовил дела о бездымном порохе и хлопчатобумажных корпусах. Конференции начались немедленно, и прогресс был достигнут такой, что в течение десяти дней было достигнуто полное соглашение, и британские военные дела в Соединенных Штатах были окончательно прекращены. Так называемое соглашение Кателла-Инверфорта, в котором были отражены условия урегулирования, было датировано 10 мая 1919 года.

Соглашение, достигнутое так быстро и при таком полном взаимном согласии, положило конец обширному бизнесу в Соединенных Штатах. Великобритания закупала у Соединенных Штатов в качестве дилера бездымный порох, пикриновую кислоту, пиломатериалы для самолетов и двигателя Liberty. Как партнер Соединенных Штатов, Великобритания участвовала в пуле хлопчатобумажных линтеров, которые перекрыли все американские поставки в пользу пороховых заводов. Англия также была нашим партнером в проекте по строительству сети химических заводов в Америке по производству ацетона, используемого при изготовлении присадок для крыльев самолетов. Эти фабрики так и не были запущены в производство, и проект был закрыт с убытком более 6 000 000 долларов, половину которого британцы были вынуждены разделить. Мы участвовали вместе с Англией в закупке австралийской шерсти. Условия, на которых был расторгнут контракт на поставку шерсти, были указаны в предыдущей главе этого тома.

Быстрота, с которой были прекращены эти сложные военные операции, стала несомненным триумфом в международных переговорах. Британцы, когда они участвовали в конференциях, вероятно, понятия не имели, что их нужно торопить с таким быстрым завершением. Фактически, конференции начались так, как будто им предстояло затянуться на долгое время. В первый день мистер Гвинн подробно и ясно изложил суть дела Liberty Engine, подробно описав, что мы сделали и в какой степени британцы должны участвовать в

расходах. Хотя всякий раз, когда какая-либо из его цифр подвергалась сомнению, американская делегация тут же принималась вносить коррективы, по-видимому, к удовлетворению британских уполномоченных, однако, когда г-н Гвинн закончил, американцы не смогли добиться от британцев какого-либо выражения мнения относительно того, будет ли общая сумма принята, по крайней мере предварительно, в качестве обязательства Великобритании. Было очевидно, что британцы рассчитывали подготовить, а затем выдвинуть аргументы против американского заявления. Если бы эта процедура соблюдалась на протяжении всех переговоров, прошло бы много недель, прежде чем участники конференции смогли бы достичь какого-либо окончательного соглашения.

Такой исход переговоров первого дня разочаровал американцев, но они решили попробовать еще раз на следующий день. На следующее утро мистер Стивер взялся за дело о пиломатериалах для самолетов и говорил почти четыре часа. Он пустился в описание живописных этапов лесозаготовительного предприятия на северо-западе - вырубки елей, стальных тросов, на которых огромные стволы спускались по склонам гор, железных дорог, проложенных в доселе недоступных диких местах. Но акцентирующими его риторикой были точные цифры затрат, надбавок, потерь, поставок и ценностей. Британцы участвовали во всем этом предприятии на северо-западе Тихого океана, развитие которого никогда не доходило до производства пиломатериалов для самолетов по низким ценам. Выступая, мистер Стивер предложил прервать его и высказать возражения, и британские делегаты воспользовались этим приглашением. Различные возражения были устранены по мере развития дела. В заключение г-н Кателл попросил представить какие-либо дальнейшие возражения против заявления. Но британцы исчерпали свои возможности в ходе представления иска. Единственное высказанное возражение касалось участия Великобритании в стоимости некоторых сушильных печей, в которых не обрабатывались экспортные авиационные пиломатериалы. Этот пункт был незамедлительно вычтен из общей суммы претензии, а затем мистер Кателл кратко настоял на том, чтобы основание колонны было предварительно принято в качестве обязательства Великобритании. Если не к удивлению американцев, то, безусловно, к их крайнему удовлетворению, британская комиссия согласилась.

Это была настоящая победа, поскольку она создала прецедент для всего урегулирования. Каждый день американцы представляли новое дело; и каждый вечер, когда американские представители покидали лондонский отель "Метрополь", где проводились конференции, предварительное соглашение по этому делу было достигнуто. Наконец, все претензии были урегулированы в предварительном порядке, за исключением претензии по двигателю Liberty Engine. Американцы снова настаивали на принятии первоначального заявления, и это было сделано. Однако подразумевалось, что все цифры должны были быть проверены британским аудитом бухгалтерских книг Военного министерства в Вашингтоне.

На десятый день американцы привезли в "Метрополь" предварительное письменное соглашение, включающее все согласованные взаиморасчеты. Затем г-н Кателл указал на значительную стоимость британской проверки наших бухгалтерских книг, на возможность возникновения разногласий по поводу присутствия британских аудиторов в нашем военном министерстве в течение длительного периода и на вероятность того, что, поскольку все американские оценки были консервативными, аудит в любом случае не сильно изменит сумму британских обязательств и может даже увеличить ее; и он предположил, что для британцев было бы разумной политикой принять предварительную цифру как окончательную и оставить ее в силе по крайней мере на один день. Это. Лорд Инверфорт немедленно согласился. Это был крикет, как говорят англичане.

Соглашение устанавливало денежную ответственность британского правительства по неоплаченным американским военным счетам и его обязательствам, вытекающим из прекращения его американских контрактов и обязательств, в размере 35 464 823,10 долларов. Из них самым крупным был товар Liberty Engine — примерно 14 000 000 долларов. Британцы заплатили более 13 000 000 долларов, чтобы удовлетворить все претензии Соединенных Штатов, вытекающие из британских закупок авиационных елей, пихт и кедра. На ее контракты с порошками приходилось почти 4 700 000 долларов расчетной суммы, на древесные дистилляты (в основном ацетон) - около 2 900 000 долларов, а на остальное - ее 2-процентная доля в пуле линтеров.

Практически все расчеты, произведенные Советом директоров Cuthell, были проведены в качестве зачета американских обязательств в рамках общей иностранной ликвидации, проведенной Ликвидационной комиссией Соединенных Штатов; но британцы предпочитали проводить свои расчеты отдельными транзакциями. Соответственно, 2 августа 1919 года представитель британского казначейства передал Военному министерству чек на оплату британских обязательств по условиям соглашения Кателла-Инверфорта. Это, однако, не было полным прекращением для Великобритании. Это правительство признало полную ответственность по многочисленным другим, но небольшим искам, которые Военное министерство еще не успело детально подготовить. Поскольку счета были впоследствии представлены британскому правительству, эти претензии были оперативно оплачены. Сумма мелких исков составила примерно 7 000 000 долларов.

Совет директоров Cuthell почти столь же быстро добился прогресса в обеспечении урегулирования американских претензий к Франции. Сначала не было официального французского агентства, уполномоченного проводить такое урегулирование. Мистер Кателл и его помощники немедленно отправились в Париж после заключения соглашения с Великобританией и настойчиво просили французское правительство назначить представителя, компетентного заключить мировое соглашение. Там к ним присоединились г-н Дж. Чарльз Б. Шелтон, Уильям Фишер, Джон Х. Рэй-младший и Гарри А. Фишер, которые привезли с собой из Вашингтона сформулированные заявления о различных американских претензиях к французам. После нескольких дней промедления премьер-министр Клемансо назначил французскую ликвидационную комиссию во главе с месье Эдуардом де Билли, который во время войны работал в Верховной комиссии Франции в Вашингтоне и поэтому был знаком с французскими контрактами в Соединенных Штатах. Военное министерство продавало Франции пикриновую кислоту, хлопчатобумажные волокна, бездымный порох, пиломатериалы для самолетов, и двигатели Liberty. Ответственность Франции по этим делам была окончательно установлена в размере 95 968 561,87 доллара, и 29 мая 1919 года было подписано официальное соглашение, признающее такую ответственность. Были и другие значительные претензии к Франции, заявления по которым еще не были подготовлены. Позже (9 сентября 1919 г.) г-н Кателл пришел к соглашению с М. Казенавом, полномочным министром Франции в Соединенных Штатах, в соответствии с которым Франция приняла на себя дополнительные обязательства в размере 64 910 352,92 долл. Из этой суммы 38 000 000 долларов представляли собой расходы на морские перевозки военных припасов, купленных Францией в Соединенных Штатах и доставленных во Францию грузовыми судами американской армии.

Два дополнительных соглашения с Францией, одно из которых о расторжении французского контракта с J. G. White & Company на сырье для производства самолетов, а другое - о расторжении французского контракта с General Vehicle Company на производство роторных авиационных двигателей Gnome, увеличили обязательства Франции на 2 117 785,34 долл.

Эти расчеты были произведены во Франции мистером Монте Аппелем, главным помощником мистера Кателла. Таким образом, общая сумма обязательств, возникших в результате американского военного бизнеса Франции, составила 162 996 700 долл.¹³. Эта сумма вошла в общее мировое соглашение, заключенное с французами Ликвидационной комиссией Соединенных Штатов.

Вскоре после того, как французское урегулирование стало фактом, итальянское правительство назначило комиссию для переговоров с Советом директоров Cuthell. Итальянское соглашение от 13 августа 1919 года признавало обязательство Италии на сумму 5 200 000 долларов, представляющее собой итальянские военные закупки пикриновой кислоты, бездымного пороха, пиломатериалов для самолетов, линтеров и тринитротолуола, это соглашение не включает признанное обязательство в размере примерно 395 000 долларов за двигатели Liberty, одежду и другие мелкие предметы, еще не выставленные счета. В нарушение этого обязательства Италия предъявила иск на сумму 4 053 073 доллара за перевозку американских войск за границу на итальянских судах. Итальянское правительство выплатило разницу, а именно 1 146 927 долларов, Военному министерству 26 сентября 1919 года, а также оплатило незначительные претензии по мере их предъявления.

Незначительные претензии к правительствам Бельгии, Бразилии, Канады, Кубы и Чехословакии на общую сумму 4 709 330,89 долл. Были предъявлены Советом директоров Cuthell и оплачены заинтересованными правительствами.

* * * * *

В то время как Совет Катчелла был занят выставлением счетов Союзникам за товары, закупленные ими в Америке, и сбором денег по этим счетам, — и здесь следует сказать, что сборы в совокупности превышали общую сумму, связанную со всеми исками в пользу или против Соединенных Штатов, которые преследовались или которым сопротивлялась официальная дипломатия страны с начала нашего национального существования вплоть до начала войны в Европе; международные сделки, которые включали покупку Луизианы, покупку Аляски и покупку зоны Канала, — все это время мистер Кателл и его партнеры собирали деньги для Дядя Сэм, Ликвидационная комиссия Соединенных Штатов была занята подгонкой ботинка на другую ногу старого джентльмена. Другими словами, Комиссия оплачивала военные счета, которые Соединенные Штаты задолжали союзникам. Это был бизнес не менее крупный и даже более важный.

Возник некоторый вопрос, может ли президент со всеми его военными полномочиями юридически наделять советы директоров и комиссии правом заключать международные соглашения, связанные с передачей денег, поскольку такие полномочия принадлежат только Государственному департаменту, акты которого должны быть ратифицированы Конгрессом, прежде чем они станут обязательными для Соединенных Штатов. Совет Кателла и Ликвидационная комиссия Соединенных Штатов были фактически созданы в январе и феврале 1919 года; но чтобы устранить любые сомнения относительно обязательной силы их соглашений, Конгресс 2 марта 1919 года принял закон, уполномочивающий военного министра урегулировать через любое агентство, которое он мог бы создать, все международные военные претензии, в которых участвовало Военное министерство.

Военный министр назначил г-на Эдвина Б. Паркера председателем Ликвидационной комиссии Соединенных Штатов. В качестве членов он назначил бригадного генерала Чарльза г. Дауэса, Его Превосходительство г-Гомер Джонсон, и Хон. Генри Ф. Холлис. Во время активной части войны судья Паркер занимал важный пост уполномоченного по приоритетам Совета военной промышленности. Генерал Доуз, в частной жизни чикагский

банкир, был генеральным агентом по закупкам А.Е.Ф. В 1920 году он приобрел национальную известность, когда в качестве свидетеля перед следственной комиссией конгресса в энергичном и нетрадиционном стиле защищал материальные операции А.Е.Ф. и обличал тех критиков, которые в поисках расточительства и чрезмерных расходов, очевидно, упустили из виду тот факт, что главной целью А.Е.Ф. было победить опасного врага на поле боя. Его поразительные высказывания по этому поводу сделали больше, чем кипы печатной пропаганды, чтобы примирить американскую общественность с неизбежными последствиями войны. Вскоре после этого президент Хардинг назначил "Ада и Марию" Доуза, как его стали называть, уполномоченным по федеральному бюджету, таким образом возложив на него ответственность за самую важную попытку экономии национальных расходов, которую когда-либо предпринимали Соединенные Штаты. Мистер Джонсон был способным и хорошо известным юристом из Кливленда. мистер Холлис был бывшим сенатором Соединенных Штатов от штата Нью-Гэмпшир.

Когда Ликвидационная комиссия прибыла во Францию и приступила к работе примерно 1 марта 1919 года, она обнаружила, что почва для нее хорошо подготовлена. Г-н Эдвард Р. Стеттиниус, хорошо известный финансист из Нью-Йорка, был направлен во Францию в июле 1918 года в качестве специального представителя военного министра, который должен был выполнять функции своего рода генерального инспектора военной промышленности в связи с иностранными заказами, размещенными американскими экспедиционными силами. г-н Стеттиниус обнаружил, что значительная часть боеприпасов, закупаемых за границей, производилась и поставлялась в соответствии с неофициальными и более или менее расплывчатыми соглашениями и договоренностями. До заключения перемирия мистер Стеттиниус сделал все возможное, чтобы свести некоторые из наиболее важных из этих договоренностей к форме письменных, определенных контрактов. Сразу же после заключения перемирия он предпринял шаги по отмене всего дальнейшего производства для американцев, а затем начал переговоры, ведущие к поселениям. Г-н Стеттиниус подал в отставку в январе 1919 года, и Ликвидационная комиссия Соединенных Штатов унаследовала эти различные переговоры на тех стадиях, на которых г-н Стеттиниус оставил их.

Хотя, как мы уже говорили, характерной чертой нашей промышленной демобилизации за границей было прямое расторжение контрактов и выплата компенсаций, эта политика не проводилась последовательно. Было несколько важных исключений, и одним из них был метод, принятый при прекращении британского производства артиллерии и снарядов для ВВС. Многочисленные заказы, контракты и соглашения, размещенные и заключенные ВВС на поставку британской артиллерии и боеприпасов, были объединены 19 октября 1918 года г-ном Стеттиниусом на конференции с г-ном Уинстоном Черчиллем, тогдашним британским министром боеприпасов, в единое официальное соглашение. Расторгая этот контракт после перемирия, г-н Стеттиниус предположил, что было бы лучше принять готовое оружие и боеприпасы, даже если их может быть больше, чем будущих потребностей армии, чем выплачивать большие компенсации за расторжение контракта и ничего не получать взамен. Артиллерия не приходит в быстрый упадок ни материально, ни конструктивно. Переговоры, начатые г-ном Стеттиниусом с британским правительством, нацеленным на достижение этой цели, были продолжены Ликвидационной комиссией, которая в марте 1919 года достигла соглашения с Великобританией о том, что вместо выплаты любых убытков за аннулирование Соединенные Штаты примут ограниченное количество *материальных средств*, поставляемых после перемирия по американскому контракту.

Соответственно, Америка согласилась на поставку после заключения перемирия 498 орудий британского производства, различных моделей от 60-фунтовых до 8-дюймовых гаубиц, и 420 000 патронов к ним. За это *оборудование* американское правительство заплатило 6 637 598 фунтов стерлингов.

Наиболее интересными переговорами, проведенными Ликвидационной комиссией Соединенных Штатов, были переговоры, завершившие трехсторонний международный проект по строительству 36-тонных танков, более известных как англо-американские танки Mark VIII. Первоначально Франция была стороной этой сделки только в той мере, в какой соглашалась предоставить площадку для сборочного завода во Франции. Англия и Соединенные Штаты были равноправными партнерами в этом предприятии, Англия поставляла корпуса и орудия, а Америка - мощность и тягу. Французам, однако, должно было быть разрешено покупать танки по цене партнерства; но французы сначала ничего не просили, утверждая, что им достаточно собственного производства легких танков.

Завод был построен в Шатору, Нейви-Пайю. Примерно в то время, когда проект шел полным ходом, более тяжелые танки начали демонстрировать свою эффективность в полевых условиях; и тогда Франция настояла на том, чтобы, поскольку ее армии имели наибольший пробег на передовой, ей была выделена большая часть англо-американских танков, которые будут построены на заводе Шатору. Британцы неохотно согласились, что первые 1200 танков должны быть разделены поровну между Францией и Соединенными Штатами и что Франция должна получить все следующие 300.

Затем война закончилась. В Шатору было вложено около 24 000 000 франков. Британцы потратили 3 000 000 фунтов стерлингов на производство компонентов, а американцы - аналогичную сумму, выраженную в долларах. Франция не вложила ни сентима, и все же она ожидала получить девять шестнадцатых объема производства за первый год. Вопрос заключался в том, какую долю тяжелых потерь должна понести Франция? Соглашение Франции с Танковой комиссией было равносильно контракту, при этом британо-американское партнерство выступало в качестве подрядчика. Тогда стало очевидно, что французы были морально обязаны оплатить расходы на отмену бронирования — другими словами, понести часть убытков. Британские и американские переговорщики в Лондоне сочли, что было бы примерно правильно, если бы Франция вернула 24 000 000 франков, затраченных британцами и американцами в Шатору, а британцы и американцы предоставили бы сам танковый завод в качестве поощрения.

Тогда возник вопрос, как будут разделены эти 24 000 000 франков? И Англия, и Америка понесли большие потери в предприятии с большими танками - каждая из сторон, по сути, согласилась уравновесить эти потери друг с другом; ни одна из сторон не должна была выставить счета другой за что—либо в рамках соглашения - и здесь, казалось, появился шанс вернуть часть денег. Естественно, американцы предполагали, что французское возмещение будет разделено поровну, поскольку и Америка, и Англия внесли равный вклад в стоимость завода Шатору. Но нет, утверждали британцы; поскольку они отказались от своей доли производства танков за первый год, львиная доля возмещения должна достаться им. В этом была логика, но, так и не решив сути, обе стороны отправились в Париж, чтобы предъявить французам свои совместные претензии по танкам; а затем выяснилось, что британцы и американцы разделили несколько французских цыплят до того, как они вылупились. Через месяц Луи Лушера, министра вооружений, французское правительство метафорически приподняло брови в удивлении от того, что его партнеры могли предъявить такое требование. Безусловно, французы ожидали получить англо-американские тяжелые танки, но точно так же американцы и британцы ожидали получить легкие танки от

французской промышленности. Это были всего лишь договоренности, а не официальные контракты; и французы, чтобы внести свою лепту, вложили большие средства в развитие производства легких танков на благо всех. Излишне говорить, что французское правительство понесло большие потери, ликвидировав свою танковую промышленность. Эти национальные потери должны компенсировать друг друга

Британский и американский представители удалились, чтобы обдумать этот ответ. Казалось, в этом были свои достоинства; и все же факт оставался фактом: так или иначе, Франция, очевидно, собиралась выйти из спора о резервуарах, получив в свое распоряжение завод Шатору. Делегаты вернулись и спорили с такой силой, что французское правительство согласилось выплатить 20 000 000 франков в качестве компенсации, захватив завод Шатору.¹⁴ Поскольку восстановительная стоимость этого завода оценивалась в 5 000 000 франков, сумма в 15 000 000 франков рассматривалась как компенсация, выплаченная Францией. Затем Англия потребовала пять шестых от общей суммы платежа, но американские аргументы сократили эту сумму до 70 процентов. Таким образом, Америка получила 6 000 000 франков из суммы урегулирования.

Однако заключающим сделку янки еще предстояло сказать последнее слово в сделке по танкам. Когда расчет был завершен, опечатан и доставлен, у британцев на руках оказалось 105 комплектов деталей для танков, имевших лишь бросовую ценность, хотя их изготовление обошлось британцам в 5000 фунтов стерлингов за комплект. Американцы предложили 1000 фунтов стерлингов за комплект этих деталей, и британцы откликнулись на это предложение. Эта выгодная сделка позволила нам позже по низкой цене собрать эти детали из компонентов американского производства и, таким образом, разместить в военных резервах 100 самых больших и грозных танков, когда-либо построенных.

Следует отметить еще одну, незначительную транзакцию с резервуаром. Британская армия поставила во время боевых действий шестьдесят четыре танка различных типов 301-му танковому батальону ВВС. Пятьдесят из них, некоторые более или менее поврежденные, были возвращены британцам после перемирия, а остальные четырнадцать были отправлены в Соединенные Штаты. Для покупки четырнадцати и использования в военных целях остальных пятидесяти Ликвидационная комиссия согласилась выплатить британскому правительству сумму в размере 189 233 фунтов стерлингов 2 шиллинга 11 динаров.

Помимо требований об оплате фактически поставленных материалов, британцы предъявили Ликвидационной комиссии сопутствующие требования нескольких видов. Один из них касался процентов на деньги, вложенные британцами в запасы товаров, предназначенных для американского потребления. Наши сотрудники успешно протестовали против выплаты процентов по таким инвестициям, но согласились с тем, что мы должны выплачивать проценты после доставки товара и выставления счета, что позволяет предоставить разумный беспроцентный период для поручительства и проверки. Расследование показало, что обе армии медлили с оплатой своих счетов друг другу, и что среднее время задержки платежа составляло пять месяцев с четвертью. Британские счета против Америки превысили американские счета против Англии примерно на 51 000 000 фунтов стерлингов. Полтора месяца были предоставлены в качестве разумного беспроцентного периода после выставления счета. Соответственно, комиссия согласилась выплатить 5-процентный процент на превышение британских счетов, сумму, которая составила 797 854 фунта стерлингов 11 шилл. 2, и эту сумму заплатила Америка.¹⁵

Ликвидационная комиссия не смогла произвести единовременный расчет по всем незначительным счетам и претензиям Великобритании к Америке из-за трудностей с получением полных отчетов о задолженности. Однако было приблизительно подсчитано, что общая сумма этих претензий составит 10 000 000 фунтов стерлингов.

Одна неясная и сложная проблема, которую предстояло решить Комиссии, касалась так называемых британских “скрытых потерь” на стальную продукцию, проданную Соединенным Штатам во время войны. Британское отношение к военным ценам и контроль над ними радикально отличались по своим методам от наших. Следует помнить, что Совет военной промышленности установил цены, достаточно высокие, чтобы стимулировать производство, а затем удерживал промышленность на этих ценах, независимо от того, кому они продавались. Британский план был противоположным. В случае со сталью, например, британское правительство просто монополизировало сырье и продавало его производителям по ценам, которые были убыточны для правительства. По сути, это была субсидия. Для британской общественности не имело значения, выплачивала ли она эту субсидию или равную сумму в виде возросшей стоимости артиллерии, боеприпасов и других боеприпасов, изготовленных из стали. Но когда дело дошло до урегулирования между Англией и Соединенными Штатами, британское правительство настаивало на том, что Соединенные Штаты не имели справедливого права устанавливать цену “по соображениям производителей” на необработанную сталь, которая шла на боеприпасы британского производства, поставляемые в Америку. Таким образом, британцы после основных расчетов предъявили дополнительный иск о компенсации скрытых потерь, и этот иск составил приблизительно 3 770 000 фунтов стерлингов.

В принципе, Комиссия была готова признать силу утверждения Великобритании. Однако он попросил Великобританию подготовить более определенный отчет, показывающий (1) средние потери британского правительства на всю сталь, поставляемую производителям за год, предшествующий перемирию, (2) количество такой стали, которое пошло на продукцию, проданную в Америку, и, наконец, (3) скрытые потери на всю сталь, поставляемую в Америку, согласно таким оценкам. Когда был представлен пересмотренный отчет, выяснилось, что он содержит статьи скрытых потерь, которые Америка не могла допустить. Британские военные субсидии проходили через всю их военную промышленность. Например, чтобы стимулировать производство, британское правительство выплатило субсидии производителям силикатного кирпича, используемого при строительстве сталеплавильных печей. Британцы попросили нас выделить часть этой субсидии, поскольку часть поставляемой нам скорлупы была произведена в печах, построенных из субсидируемого кирпича. Комиссия в ответ спросила, почему Великобритания также не попросила нас разделить субсидию на хлеб, который ели британские сталелитейщики, работая над американскими заказами на артиллерию и снаряды. Другими словами, мы были готовы оплачивать скрытые убытки до тех пор, пока они не были слишком отдаленно связаны с американскими контрактами. Комиссия также задала пронизательный вопрос, почему, поскольку британцы требовали от нас оплаты скрытых убытков, они не допустили нас к использованию своих “скрытых прибылей” — а именно налогов на прибыль, взимаемых с британских производителей стали.

Осенью 1920 года генерал Г. У. Берр, директор отдела закупок, хранения и перевозок после перемирия и член Совета по претензиям Военного министерства, отправился в Англию, чтобы закрыть все неурегулированные претензии, возникшие между Соединенными Штатами и Великобританией в результате войны. Результатом его переговоров стало Соглашение Берра-Нимейера, которое связало все свободные концы и привело к

окончательному прекращению военных действий между двумя странами. Все находящиеся на рассмотрении иски были сведены в единовременное урегулирование, по условиям которого Соединенные Штаты выплатили Великобритании сумму в размере 2 946 511 2s 8d фунтов стерлингов. Этой суммой были урегулированы все прочие и второстепенные претензии, упомянутые выше; также был урегулирован долг Соединенных Штатов перед Великобританией за содержание нашей Сибирской экспедиции; и были урегулированы все другие претензии, включая претензию о скрытых потерях и требование Великобритании о возмещении различных “накладных” расходов на инспекцию и хранение. Цифра поселения была намного ниже той, на которую первоначально претендовали британцы. В рамках этого урегулирования претензии по скрытым потерям и “накладным расходам” были объединены в одну статью, на которую пришлось примерно 1 500 000 фунтов стерлингов от общей суммы, выплаченной Соединенными Штатами. Соглашение Берра-Нимейера было датировано 23 ноября 1920 года.

Один общий иск, предъявленный британским правительством Соединенным Штатам, Ликвидационная комиссия отклонила. После того, как мы оплатили Великобритании счет за транспортировку наших войск и припасов в Англию, британское правительство выставило дополнительный счет за те же услуги. Во время войны Великобритания предоставила гарантии дохода британским железным дорогам, и при заключении соглашения с железными дорогами британское правительство предоставило им увеличение тарифов на перевозки военных пассажиров, которое имело обратную силу с 1 апреля 1919 года. Британцы попросили нас выплатить нашу долю ретроактивного повышения. В этом было отказано на том основании, что таким же образом мы могли бы потребовать от британцев их доли убытков, понесенных американским правительством при эксплуатации американских железных дорог Администрацией железных дорог Соединенных Штатов, поскольку по нашим дорогам перевозилось большое количество британских припасов. Открытие закрытых поселений из-за соглашений обратной силы открыло бы ящик Пандоры с проблемами для обеих стран.

Таким образом, международные переговоры продолжались, взад и вперед, отдавая и беря, преобладали общие принципы урегулирования, а не мелкие и индивидуальные достоинства конкретных товаров, обе стороны принимали оценки и неаудированные итоговые показатели, и каждая полагалась на добросовестность другой. Таким образом, это чрезвычайно запутанное дело было закрыто быстро и дружелюбно. Как правило, А. Е. Ф. при своих закупках имела дело с правительствами, у которых могли быть приняты такие методы ликвидации; но было несколько относительно небольших контрактов, заключенных непосредственно с частными лицами в Англии, Франции, Италии, Португалии, Испании и Швейцарии. Эти контракты были немедленно расторгнуты с полным осознанием того, что нам придется выплачивать компенсации. При урегулировании таких контрактов Ликвидационная комиссия Соединенных Штатов действовала в интересах ВВС во многом так же, как Комиссия по претензиям Военного министерства действовала в отношении продюсерских бюро у себя дома — как надзорный орган, утверждающий расчеты, произведенные различными службами ВВС, и рассчитывающийся с подрядчиками. В общей сложности были выплачены компенсации за расторжение около 450 контрактов в Европе. При осуществлении этих расчетов Соединенные Штаты в значительной степени выиграли от снижения обменных курсов по отношению к валютам нескольких из этих стран, поскольку все компенсации были выплачены Соединенными Штатами в валюте стран, в которых возникли претензии. В долларах по номиналу аннулирование различных европейских контрактов обошлось Соединенным Штатам в 3 568 653,23 доллара, но снижение обменных курсов позволило значительно сэкономить на этой цифре.

Гораздо легче обнаружить недостатки и особенности инопланетян, чем признать наши собственные недостатки; и если на этих страницах мы несколько ликовали по поводу успехов наших делегатов в пресечении замыслов наших европейских партнеров, это не следует воспринимать как хвастовство тем, что мы сами были слишком бескорыстны и альтруистичны, чтобы упустить главный шанс для себя. Правда заключается в том, что, хотя все воюющие стороны были на поле боя в первую очередь для того, чтобы одержать военную победу, ни одна из них полностью не утратила контакта со счетной палатой. Это было ясно показано в американских соглашениях о поставках французской артиллерии.

Численное расширение ВВС весной и летом 1918 года привело к значительному увеличению спроса ВВС на французскую артиллерию и боеприпасы. Америка предоставила графики поставок сырья, которое она могла предоставить, а французы подсчитали количество орудий, которые они могли ежемесячно поставлять ВВС, но все это было результатом взаимопонимания и взаимного согласия — никакого официального контракта заключено не было. Когда мистер Стеттиниус прибыл в Париж летом 1918 года, он немедленно начал настаивать на том, чтобы записать это соглашение черным по белому, чтобы Америка могла точно знать, в чем заключаются ее обязательства. В то время, конечно, никто и не думал, что война закончится в течение года. Однако примерно 1 ноября стало очевидно, что перемирие приближается, и американцы сразу же проявили прохладу по поводу официального контракта. Причина была очевидна. Согласно условиям официального контракта, обязательства Америки по расторжению были бы вопросами факта; поскольку дело осталось неписанным соглашением, наши обязательства были бы вопросами справедливости, подлежащими обсуждению, и мы, вероятно, вышли бы из таких переговоров в лучшем финансовом положении, чем были бы, если бы придерживались установленных и жестких условий официального контракта.

Тем не менее, Соединенные Штаты не стремились уклониться от своих справедливых обязательств по французскому соглашению об оружии. Франция потратила большие суммы денег на расширение промышленности, чтобы позаботиться об ожидаемом потреблении в Америке, и потраченные таким образом деньги были надлежащим обвинением против Соединенных Штатов при любом урегулировании. Сразу после перемирия г-н Стеттиниус приказал прекратить производство по нашему приказу; но французы по внутренним, социальным и экономическим причинам не смогли этого сделать; и сначала они были склонны настаивать на том, чтобы мы приняли и оплатили большое количество артиллерии, произведенной в ходе постепенного прекращения производства. г-н Стеттиниус успешно отстаивал позицию, что это производство после перемирия было предпринято исключительно в соответствии с внутренней политикой французского правительства и что без всякой логики это не могло быть предъявлено в качестве надлежащего военного обвинения Соединенным Штатам. Затем г-н Стеттиниус продолжил провести переговоры об урегулировании, и они были практически завершены, когда прибыла Ликвидационная комиссия, чтобы унаследовать сделку и составить окончательный договор об урегулировании.

Как и при урегулировании британского артиллерийского контракта, американские участники переговоров приняли оружие и боеприпасы, произведенные французами после перемирия; и они сделали это в полном соответствии с позицией и политикой, определенными в предыдущем параграфе. Перемирие привело к тому, что большое количество французских пушек находилось в процессе производства для ВВС США. Соединенные Штаты были обязаны принять и оплатить этот незавершенный материал. После проведения инвентаризации Ликвидационная комиссия предложила, чтобы вместо незаконченных

деталей Соединенные Штаты признали их стоимость в полной комплектации и чтобы производство всех других орудий было прекращено безвозмездно для Соединенных Штатов. Эту альтернативу, допуская, поскольку она позволяла осуществлять производство на французских заводах после перемирия, французское правительство быстро приняло и, выполняя условия последующего мирового контракта, поставило Соединенным Штатам 944 единицы 75-миллиметрового орудия, 700 единиц 155-миллиметровой гаубицы и 198 единиц 155-миллиметрового орудия, все с передками и дополнительными деталями в качестве запасных. За них Соединенные Штаты заплатили 117 501 887,45 франков.

Французы согласились с аналогичным планом, отменив строительство самолетов и двигателей для Соединенных Штатов. Это строительство осуществлялось по официальному контракту, подписанному генералом Першингом. Контракт не содержал пункта о расторжении, но французское правительство предусмотрело расторжение в своих субподрядных договорах с французскими производителями. Согласно условиям контракта, в день перемирия было запущено в производство большое количество авиационных элементов (самолетов без двигателей), двигателей и других авиационных принадлежностей. Вместо незаконченных деталей французы согласились поставить эквивалентное им (по стоимости) готовое оборудование. В соответствии с предварительным соглашением Соединенные Штаты признали списанный долг в размере 167 667 761 франка. Из них около 23 000 000 франков составляли сборы за отмену заказа, а остальные деньги должны были быть выплачены за готовые материалы, в перечень которых входили 3568 камер и 3979 двигателей. Это предварительное соглашение, однако, было изменено позже в результате соглашения по французскому двигателю Liberty Engine, согласованного Советом директоров Cuthell. В соответствии с этим соглашением Франция согласилась принять и оплатить еще не поставленные двигатели Liberty на сумму 19 530 000 долларов и в дополнение выплатить почти 2 000 000 долларов компенсации за отмену заказа.

Такова была ситуация. Мы были вынуждены принять и оплатить большое количество французских самолетов и двигателей, в которых мы не нуждались. Французы были вынуждены принять и оплатить большое количество двигателей Liberty, в которых они не нуждались. Однако мы могли использовать некоторые французские самолеты и двигатели, а французы хотели 500 двигателей Liberty. Поэтому мы согласились поставить 500 двигателей и принять французские материалы в соответствии с их стоимостью, а затем компенсировать избыточное количество Льгот, предусмотренных в соглашении об урегулировании двигателя, избытком материалов French air, указанных в контракте об урегулировании французских самолетов. В результате у BBC остался избыток двигателей Liberty, но они были поставлены британцам для выполнения наших обязательств по соглашению с британскими двигателями Liberty engine; и несколько двигателей были проданы Польше.

Соглашение с Францией об использовании нами ее железных дорог во время войны было настолько сложным, что было бы невыгодно вдаваться здесь в детали. Сложность проблемы была обусловлена тем фактом, что, в то время как 2 000 000 американцев во Франции использовали французские железные дороги для любых транспортных нужд, — а наши войска сражались дальше от своих экспедиционных баз, чем любая другая армия во Франции, — мы, в свою очередь, поставляли французским железным дорогам локомотивы, автомобили, экипажи, средства ремонта, уголь, строительство путей и многое другое. Сама Ликвидационная комиссия не пыталась вдаваться в эти детали, но передала всю сделку специальному отделу, возглавляемому полковником Ф. А. Делано, заместителем генерального директора по транспорту А. Е. Ф., который ранее был президентом Wabash Railroad и членом Правления Федеральной резервной системы. Результатом урегулирования

стало то, что мы признали долг перед Францией в размере 434 985 399,73 франков после того, как все наши требования были зачтены в счет иска Франции.

Ликвидационная комиссия Соединенных Штатов согласилась выплатить французскому правительству сумму в 3 000 000 франков в качестве портовых сборов, взимаемых с наших судов за использование ими французских портов во время войны.

Когда эти и другие вспомогательные вопросы урегулирования были решены и соответствующие кредиты были установлены соглашением в каждом конкретном случае, Ликвидационная комиссия Соединенных Штатов приступила к выполнению задачи общего урегулирования деловых отношений между Францией и Соединенными Штатами во время войны. Это была долгая и трудоемкая работа; но, поскольку основные пункты соглашения уже были определены, не возникло особых трудностей с достижением соглашения. Общее соглашение было датировано 25 ноября 1919 года. Он охватывал все сделки между двумя странами с 6 апреля 1917 г. по 20 августа 1919 г., за исключением (1) закупок Францией нашего избыточного военного имущества, (2) расчетов по железнодорожным перевозкам и портовым сборам, упомянутых выше, и (3) претензий Франции, вытекающих из перевозки американских войск за границу на французских транспортах. Общая сумма других претензий показала, что Соединенные Штаты должны Франции 1 488 619 027,52 франка и что Франция должна Соединенным Штатам 177 149 866,86 долл. Обменный курс и форма платежа были оставлены для будущих переговоров Казначейства Соединенных Штатов; но, если предположить, что франки стоили десять к доллару, чистый баланс в пользу Соединенных Штатов составлял около 28 000 000 долларов.

Однако мы еще не готовы определить чистый финансовый результат международных военных деловых отношений, участником которых была Америка. Оставались деньги, которые нужно было выручить от продажи излишков нашего военного имущества за границей. Следует помнить, что одной из двух функций Ликвидационной комиссии Соединенных Штатов было распоряжение имуществом экспедиции. В результате сделок купли-продажи на счет Соединенных Штатов в международной бухгалтерской книге поступила самая крупная сумма: выручка от оптовой продажи оборудования и расходных материалов А. Е. Ф. французскому правительству.

Аргументы, подтверждающие разумность массовой продажи имущества экспедиции, уже были в достаточной степени отрететированы в этом томе. Первым шагом с нашей стороны, приведшим к переговорам, было проведение инвентаризации всего имущества. Возникшая тогда трудность может быть выведена из того факта, что французы и британцы, чьи излишки были не слишком большими, чем у нас, никогда даже не пытались провести подобную инвентаризацию своего собственного имущества. А.Э.Ф. был действующим предприятием, постоянно пополнявшимся за счет имеющихся запасов, и его *персонал* постоянно менялся и сокращался. Тем не менее, большим отрядом людей под руководством полковника инженерного корпуса Дж. Х. Грэхема за шесть недель дневной и ночной работы была проведена такая инвентаризация, имущество было разделено на восемнадцать категорий следующим образом: 1. Одежда и текстиль; 2. Предметы первой необходимости; 3. Кухонная утварь и предметы домашнего обихода; 4. Машины, металлы, инструменты и скобяные изделия; 5. Строительные материалы; 6. Лесопродукты; 7. Железнодорожное и доковое оборудование; 8. Транспортное оборудование (грузовики, легковые автомобили, мотоциклы, повозки, лошади и мулы и т.д.); 9. Больничные принадлежности, туалетные принадлежности и химикаты; 10. Фотографические, измерительные и музыкальные инструменты; 11. Электрооборудование; 12. Масла, бензин и краски; 13. Боеприпасы и газовое оборудование; 14. Взрывные устройства и расходные материалы; 15. Печатное оборудование и расходные

материалы; 16. Офисное оборудование, канцелярские принадлежности и расходные материалы; 17. Шкуры и кожгалантерея; 18. Аэронавтическое оборудование.

Эти восемнадцать категорий включали только движимое имущество А. Е. Ф. Оставалось рассмотреть стационарные объекты — казармы, лагеря, больницы, склады, доки, железнодорожные станции, здания почти всех мыслимых типов. Судья Паркер, председатель Комиссии, телеграфировал во Францию перед своим отплытием в Европу с указанием провести инвентаризацию и оценку объектов. Эта работа была впервые предпринята полковником Грэмом, которого позже, после того как он взял на себя ответственность за инвентаризацию движимого имущества, сменил бригадный генерал Эдгар Джадвин, чья последующая оценка была известна как Отчет Джадвина. Это показало, что военная стоимость строительства составила 165 661 000 долларов, обычная стоимость - 81 543 000 долларов, а стоимость по условиям перемирия - 39 256 000 долларов. Фактически, любая сумма, которую можно было получить за установку, была явной выгодой, поскольку восстановительная стоимость конструкций не окупала бы стоимость демонтажа (при условии, что для этой работы потребовался бы труд 40 000 человек в течение семи месяцев), аренду земли и затраты на восстановление объектов до их первоначального состояния.



Фото Говарда Э. Коффина

КРУШЕНИЕ УГОЛЬНОЙ ШАХТЫ В ЛЕНСЕ

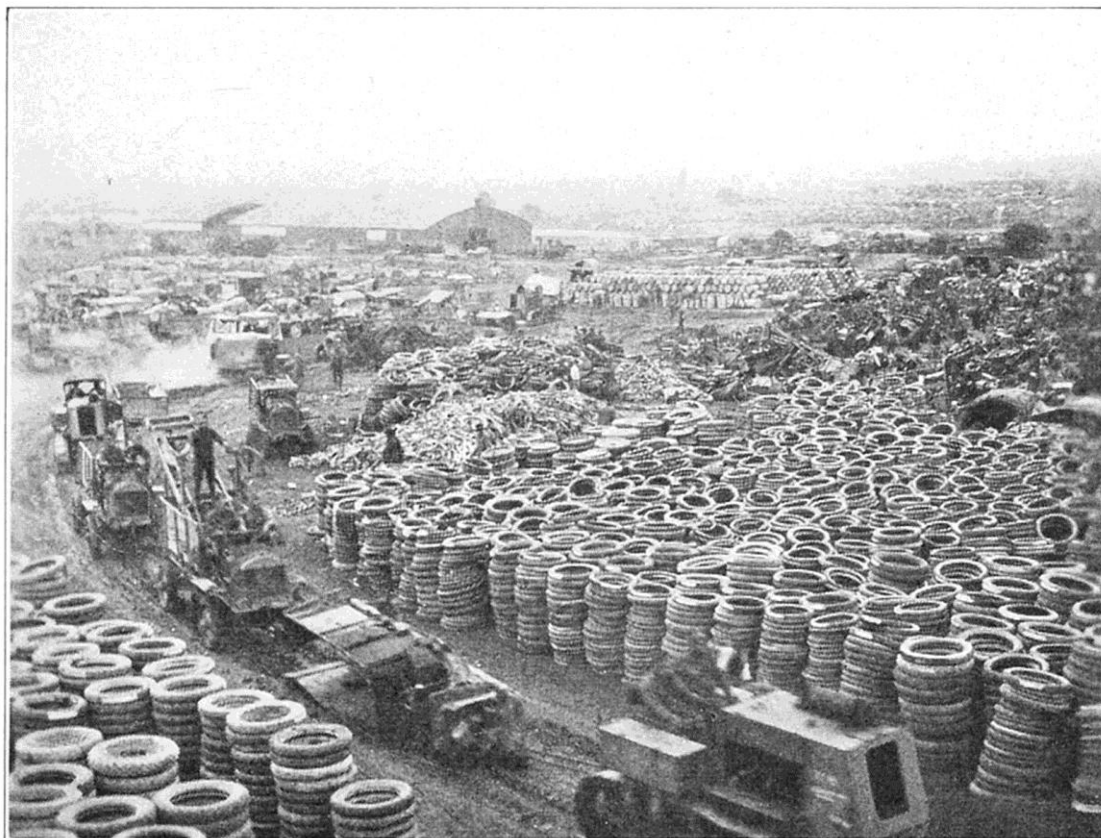
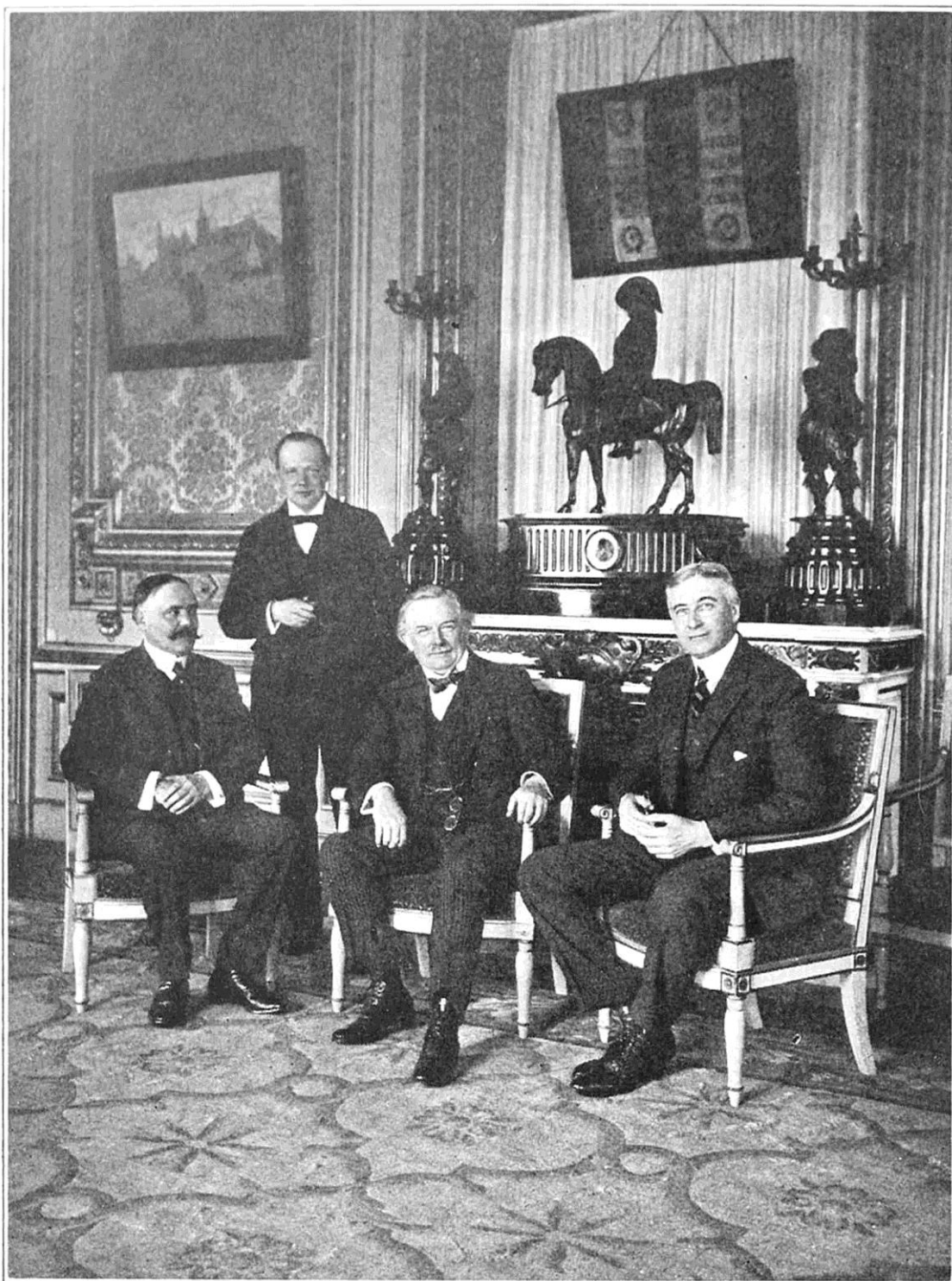


Фото Корпуса связи

УТИЛИЗАЦИЯ АВТОТРАНСПОРТА ВО ФРАНЦИИ

Затем возник вопрос об определении "утилизационной стоимости" движимых запасов. Это было оценено путем учета военных издержек производства плюс затрат на перевозку товаров во Францию и вычета различных расчетных надбавок — на естественный износ, на ожидаемые потери от пожаров, краж и других причин, на экономию Соединенным Штатам затрат на мерчандайзинг, рабочую силу, хранение, страховку, проценты по инвестициям и другие накладные расходы, устраняемые возможной оптовой продажей, на тот факт, что запасы были широко разбросаны и их приходилось собирать, чтобы использовать. Комиссия объединила эти вычеты в единовременный вычет в размере 25 процентов от предполагаемой стоимости. Таким образом, установленная утилизационная стоимость как установок, так и движимого имущества была установлена на уровне 562 230 800 долларов; и именно эту цифру Комиссия использовала в переговорах с французами.



С фотографии , сделанной во Франции

СВЯЗАННЫЕ ПОКУПАТЕЛИ

Слева направо: Луи Лушер, министр вооружений Франции; Уинстон Черчилль, министр вооружений Великобритании; Дэвид Ллойд-Джордж, премьер-министр Англии; и Бернард М. Барух, председатель Совета военной промышленности.

Французское правительство назначило г-на Поля Мореля, заместителя министра финансов Франции по ликвидации военных запасов, представлять его на переговорах с Комиссией. 7 апреля 1919 года было достигнуто принципиальное соглашение о том, что Франция в любом

случае купит американские *установки* по цене, которая еще не установлена, при этом Франция берет на себя все обвинения и претензии к установкам. Французы не были так уверены в движимом имуществе. М. Морель сначала предложил французскому правительству выбрать то, что оно хочет, и договориться о цене за этот выбор. Но это сняло бы сливки с американской собственности и оставило А. Е. Ф. большое количество непригодных для продажи материалов, которые, по всей вероятности, в конечном итоге стали бы топливом для костров. Поэтому это предложение было отклонено, и французским представителям было настоятельно рекомендовано в качестве обязанности закупить все движимое имущество оптом, поскольку французы могли использовать практически все припасы. М. Морель, после консультаций со своими доверителями, в конце концов согласился купить все запасы по фиксированной цене.

Затем возник вопрос о цене. Первое предложение месье Мореля составило 1 500 000 000 франков. Исходя из тогдашнего курса франков в десять к доллару, это было предложение в 150 000 000 долларов, предложение, которое было решительно отклонено. За ним последовали другие предложения, которые наши представители не смогли принять. Переговоры, начавшиеся в начале апреля, продолжались всю весну и первую половину лета. Месье Андре Тардые и другие видные французы приняли участие в конференциях в июле. 24 июля было достигнуто предварительное соглашение, и его условия практически совпадали с условиями контракта на оптовую продажу, который был датирован 1 августа 1919 года.

Франция заплатила за эту собственность 400 000 000 долларов, а Соединенные Штаты приняли к оплате 10-летние французские облигации с процентами. Не все имущество, указанное в первоначальной описи, было задействовано в продаже. Америка сделала определенные исключения: (1) все животные (они были проданы отдельно на общую сумму 29 016 506,59 долларов); (2) припасы, ранее проданные из избыточных запасов самой Франции и другим покупателям на сумму 77 265 597,83 долларов; (3) возвращенное Соединенным Штатам военное снаряжение стоимостью 15 000 000 долларов; (4) припасы, необходимые для содержания остатков ВВС, на сумму 4 000 000 долларов; и (5) припасы на сумму 10 000 000 долларов, переданные в дар Американскому Красному Кресту. Таким образом, утилизационная стоимость первоначального инвентаря была уменьшена за счет этих вычетов примерно до 427 000 000 долларов, и за это количество французское правительство заплатило 400 000 000 долларов — справедливую прибыль. Следует отметить, что при уплате этой цены французское правительство также отменило свое требование об уплате таможенных пошлин на товары, и, по самым скромным оценкам, общая сумма этих неуплаченных пошлин составила 150 000 000 долларов. Еще большей выгодой для нас стало то, что по условиям мирового соглашения Франция приняла на себя все земельные претензии, которые в противном случае могли бы предъявляться Соединенным Штатам французскими гражданами в течение многих последующих лет.

Массовая продажа во Францию была крупнейшей отдельной сделкой по распоряжению излишками средств А. Е. Ф.; но было много других продаж, некоторые из них крупные. Товары по этим сделкам отправлялись правительствам союзников (сама Франция, помимо общей продажи, была покупателем на сумму 95 000 000 долларов), отдельным лицам, компаниям и синдикатам в Западной Европе, обществам милосердия, кооперативным обществам на Балканах (они, будучи экономической организацией целых народов, не были затронуты политическими изменениями и иногда казались более стабильными, чем сами новые правительства), правительствам так называемых “освобожденных наций” и другим покупателям. Хотя Ликвидационная комиссия Соединенных Штатов прилагала все усилия к тому, чтобы каждая транзакция проводилась в долларах США, сделать это было не всегда

возможно, и платежи принимались в фунтах стерлингов, франках, марках и в другой европейской валюте, иногда сильно обесценившейся. Тем не менее, переводя иностранные деньги в долларовый эквивалент по среднему обменному курсу и добавляя 400 000 000 долларов, полученных от Франции, мы получаем в общей сложности примерно 800 000 000 долларов, полученных Соединенными Штатами за все количество американского военного имущества, оставшегося в Европе после возвращения экспедиции. Грубо подсчитано, что проданное таким образом имущество обошлось Соединенным Штатам в 1 328 000 000 долларов. Таким образом, возврат после утилизации составил практически 60 процентов от стоимости. Практически все прочие сделки купли-продажи были закрыты, и поступления были переведены в Казначейство. 400 000 000 французских долларов представлены облигациями со сроком погашения в 1929 году.

Две общие сделки с Францией — массовая продажа зданий и расходных материалов и общее урегулирование претензий — имели большое значение для Соединенных Штатов, поскольку освобождали эту страну от ответственности иметь дело с отдельными французскими истцами. Захватив все объекты А. Е.Ф., французское правительство согласилось обезопасить Соединенные Штаты от любых претензий в связи с повреждением имущества и восстановлением. В рамках общего урегулирования французское правительство взяло на себя ответственность за все другие претензии французских граждан к Соединенным Штатам и согласилось рассчитаться с истцами. Однако, если требования, выплаченные Францией, превысят 12 000 000 франков, Америка обязана выплатить превышение в размере до 6 000 000 франков. Если бы не это соглашение, американскому правительству пришлось бы годами поддерживать во Франции организацию для рассмотрения претензий французских граждан.

Теперь мы можем в самом близком приближении увидеть финансовые результаты международного военного бизнеса для Соединенных Штатов. Что касается кредита, то у нас есть расчеты Cuthell на общую сумму 48 716 080,99 долларов — эта цифра, однако, не включает расчеты Правления Cuthell с французами, долг Франции по ее американским военным контрактам переносится на общее урегулирование, осуществляемое Ликвидационной комиссией Соединенных Штатов. В качестве дополнительного кредита у нас есть 6 000 000 франков, которые были американской долей французских платежей за ликвидацию англо-американского проекта тяжелых танков. Наконец, общее урегулирование Ликвидационной комиссии с французским правительством принесло Казначейству дополнительную сумму в размере 28 000 000 долларов. Ко всем этим кредитам необходимо добавить 800 000 000 долларов, полученных от продажи имущества А. Е. Ф. Сумма всех американских кредитов (считая десять франков в долларах) составляет приблизительно 877 000 000 долларов.

Из этого кредита, однако, мы должны вычесть, во-первых, 17 726 685 фунтов стерлингов 13 шиллингов 13 пенсов в качестве американского обязательства, воплощенного в контрактах о расторжении, заключенных с британским правительством Ликвидационной комиссией, и 2 946 511 фунтов стерлингов 2 шиллинга 8 пенсов в качестве нашего долга Англии по Соглашению Берра-Нимейера. Мы должны также вычесть 3 568 653,23 доллара, выплаченные А. Е. Ф. в качестве платы за отмену бронирования отдельным европейским подрядчикам. Окончательное вычитание составляет 437 985 399,73 франка, уплаченных Ликвидационной комиссией в качестве портовых сборов и за перевозку А. Е. Ф. по французским железным дорогам. При переводе фунтов стерлингов и франков в доллары по среднему обменному курсу общий дебет Соединенных Штатов составил около 120 000 000

долларов. Таким образом, чистый баланс в пользу Соединенных Штатов в результате международных военно-промышленных сделок составил сумму, приблизительно, в 757 000 000 долларов.

ГЛАВА XIX БУХГАЛТЕРСКИЙ ОТЧЕТ

Во что обошлась Америке война? Возможно, точный ответ на этот вопрос никогда не будет дан. Конечно, это не может быть дано сейчас, когда запасы избыточных материалов все еще распродаются и все еще производятся окончательные расчеты по более сложным претензиям. Тем не менее, мы можем получить довольно приблизительное представление о том, во что война обошлась одному только Военному министерству. Поступая таким образом, мы должны иметь дело с миллиардами долларов в наших столбцах, и поэтому ошибки и расхождения в несколько миллионов или даже в несколько сотен миллионов не оказывают существенного влияния на итоговые показатели. Даже если бы все затраты и кредиты можно было подсчитать до копейки, результат не сильно отличался бы от приведенных ниже оценок.

В качестве отправной точки мы можем взять ассигнования на армию, выделенные Конгрессом, поскольку все военные расходы Военного министерства должны быть включены в эти ассигнования. И мы находим, что для армии Конгресс выделил в целом, на все военные цели, сумму в 24 373 274 223,67 доллара. Но не все эти ассигнования были израсходованы. Некоторые из них были сделаны в конце войны, и ни одна из денег, разрешенных к расходованию этими актами, не была даже обязана быть потрачена до того, как перемирие положило конец всем предложенным новым проектам. Конгресс поспешил отменить нетронутые ассигнования, и различные акты об отмене отменили разрешения на сумму 7 703 448 569,36 долларов. Таким образом, чистая сумма, предоставленная Военному министерству в результате военных ассигнований, составила 16 669 825 654,31 долл.

Эта цифра все еще не отражает валовых военных расходов на содержание Военного министерства, но она близка к ней. Поскольку окончательные расходы и компенсации еще не определены, но они продолжают расти по мере выплаты претензий и продажи излишков имущества, необходимо, чтобы мы где-нибудь приняли дату и изучили бухгалтерскую книгу на этот день, и на основе этого анализа мы, возможно, сможем точно оценить окончательные цифры. Здесь выбрана дата 17 апреля 1920 года — день, достаточно далекий по эту сторону перемирия, чтобы приблизить цифры к их окончательной форме. К тому дню армия была почти полностью демобилизована, ликвидация внешнеполитического ведомства армии была практически завершена, демобилизация отечественной военной промышленности подходила к концу, и большая часть излишков военных припасов была продана.

Таким образом, 17 апреля 1920 года мы обнаруживаем, что фактические расходы Военного министерства достигли общей суммы в 16 276 288 337,19 долларов. Это было в пределах 400 000 000 долларов чистых военных ассигнований, разница, конечно, была в Казначействе в виде неизрасходованных остатков, доступных тем, кто оплачивает последние военные счета Военного министерства. Однако эти расходы нельзя назвать денежными затратами на войну для армии. Сначала мы должны сделать несколько крупных вычетов из денег, полученных от

продажи материалов, и, особенно, из имеющегося имущества, выделенного для постоянной армии и для обеспечения военной готовности Соединенных Штатов.

Иностранная ликвидация, как мы видели, вернула в казну примерно 757 000 000 долларов. 17 апреля 1920 года продажа военного имущества в Соединенных Штатах принесла сумму в 641 261 000 долларов. Передача армейского имущества в пользование другим ведомствам правительства — надлежащий кредит — касалась материалов на сумму 42 096 000 долларов. На выбранную дату в Соединенных Штатах все еще оставалось излишнее, но непроданное армейское имущество стоимостью в 600 000 000 долларов. Средняя сумма возмещения от продажи излишков в Соединенных Штатах составила около 75 процентов от стоимости. Предполагая, что это соотношение сохранялось бы на протяжении всей ликвидации, мы можем ожидать возмещения денежных средств в размере 450 000 000 долларов из остатка, все еще существовавшего на 17 апреля 1920 года.¹⁶

Однако эти возмещения, даже в совокупности, составляют незначительную сумму по сравнению со стоимостью оборудования, оставленного военным предприятием в качестве наследства постоянному представительству и страховки дальнейшей безопасности Соединенных Штатов в мире, который еще не готов сложить оружие. Имущество Военного министерства в начале войны с Германией оценивалось в 500 000 000 долларов. В конце демобилизации имущество Военного министерства оценивалось, по приблизительной оценке, в 6 000 000 000 долларов. Следовательно, очевидно, что это увеличение стоимости — 5 500 000 000 долларов — представляет собой нынешнее полезное имущество, и что оно должно быть вычтено из расходов, чтобы получить чистую стоимость самой войны. Эта оценка имеющегося имущества, между прочим, не включает стоимость недвижимости и зданий, приобретенных во время войны и используемых впоследствии, поскольку до сих пор не было полностью определено, какое из этих сооружений будет сохранено.

Таким образом, вычеты в счет продаж и в счет сохраненного имущества составляют 7 390 000 000 долларов, и это общий зачет на странице "Война" в армейской бухгалтерской книге. Чтобы точно определить чистую стоимость войны, мы должны вычесть ее из валовых расходов, и мы должны сделать это приблизительно; потому что при таких крупных, неопределенных и сложных сделках становится абсурдным сводить цифры к центам или даже к тысячам долларов. Грубое вычитание дает нам цифру 8 885 000 000 долларов, что не на много миллионов больше фактической чистой стоимости. Это, конечно, отражает затраты только Военного министерства. Она не включает расходы Военно-морского флота, ни Совета судоходства Соединенных Штатов, ни Администрации железных дорог Соединенных Штатов, ни какие-либо расходы на другие крупные и дорогостоящие военные предприятия, которые должным образом должны быть добавлены, чтобы дать полную оценку стоимости войны для Соединенных Штатов.

Эта чистая стоимость, эта сумма в 8 885 000 000 долларов, представляет собой сумму, которую правительство заплатило за транспортировку 4 000 000 человек армии, за их питание, одежду и обеспечение всеми другими видами расходных материалов, которые они фактически потребляли, и за выплату войскам заработной платы. Стоимость поставок, конечно, включает в себя стоимость ликвидации промышленности после перемирия и потери от сокращения производства и отходов войны. Весь счет составляет около 2200 долларов на человека.

Это тоже всего лишь прямые денежные затраты, стоимость в деньгах. Неосязаемые издержки, которые никогда не приводятся к такого рода подсчетам, в конце концов, являются истинными издержками войны. Они включают 50 000 американских солдат,

погибших в боях в Европе. Среди них также 200 000 американцев, которые были ранены в ходе боевых действий — некоторые из них до сих пор, спустя два с половиной года после перемирия, находятся в больницах, а тысячам из них грозит пожизненное заключение с необратимыми повреждениями органов. Эти обычно неучтенные расходы также включают 57 000 человек, умерших от болезней или несчастных случаев во время службы.

Но помимо этих человеческих потерь были и другие серьезные наказания, которые люди заплатили и продолжают платить. Они также должны быть отнесены к счету войны при любом полном подсчете. Одной из них было значительное увеличение стоимости почти всего необходимого для поддержания жизни и придания ей приятности, включая, в частности, увеличение арендной платы, что привело к этому, как естественное следствие, к перенаселенности жилых помещений в ущерб здоровью тех, кто живет в таких условиях. Высокая стоимость жизни усугубляется повсеместным введением специальных военных налогов, которые в той или иной форме должны вводиться в течение многих лет, чтобы возместить военные потери.

Кроме того, были и духовные потери — невероятный моральный спад от национального восторга от войны до пререканий и горечи демобилизации. Правительства пали по мере того, как охваченные войной народы земли слепо и жестоко вымещали свою злобу и раздражение из-за трудностей, которые они испытали на тех, кому посчастливилось оказаться у власти. Былая государственная мудрость превратилась в узкую, ищущую выгоды партийность, которая, как иногда казалось в этой стране, не считалась даже с судьбой мира. Соединенные Штаты повернулись спиной к Лиге Наций, которая была самой амбициозной попыткой, когда-либо предпринятой нациями земли, заменить власть силы властью разума.

Но если мы перечислим эти и другие нематериальные и косвенные издержки, которые можно было бы назвать, то у нас в равной степени есть основания искать выгоды, извлеченные из нашего участия в войне; и мы находим, что эти выгоды велики. Прежде всего, мы одержали победу; и одно это, особенно потому, что дело Америки было праведным, стоило всех затрат крови, денег и бремени, взваленного на плечи ради будущего. Более того, мы достигли состояния готовности к войне, которого было бы невозможно достичь ни при каких других обстоятельствах. В запасах припасов у нас есть оборудование, готовое вооружить 1 000 000 человек, как только они смогут выступить в бой. В резервах техники у нас есть потенциальная военная промышленность, способная содержать такую армию до тех пор, пока промышленность в целом не сможет заняться производством боеприпасов. Никогда больше в течение существования нынешнего поколения нам, в случае возникновения чрезвычайной ситуации, не пришлось бы испытывать неопределенность и задержки 1917 года в производстве припасов. В наших военных резервах есть оборудование и материалы для производства всех наиболее сложных видов боеприпасов, и, более того, у нас сохранились записи о том, как их производить.

С другой стороны, здоровье нации, по-видимому, выиграло от этого опыта. Сотни тысяч молодых людей были уволены с сидячих занятий и переведены на энергичный, упорядоченный, спортивный режим лагерной жизни. Несколько месяцев этого, в среднем, не преминули возыметь свое действие, и медицинские записи армии показали заметное увеличение среднего веса солдат за время войны. С этим соображением связан тот факт, что мужчин забирали с ферм, деревень и городских кварталов и перевозили в отдаленные уголки земли. Это путешествие расширило кругозор тысяч из них, пробудило их амбиции и укрепило их жизненные цели. Более того, военнослужащие были полностью перемешаны в

званиях и службах. Мальчик из Мэна побратался с мальчиком из Аризоны, а Иллинойс и Вирджиния послали своих сыновей быть товарищами. В рядах исчезли секционные, национальные и даже расовые различия. Это обширное региональное взаимодействие сегодня является национальным достоянием. Проникновение 4 000 000 мужчин, обеспечивших себе эти индивидуальные преимущества, в гражданскую жизнь Америки рассчитано на то, чтобы поднять физический, умственный и моральный тонус всей нации и улучшить однородность Америки.

Можно было бы назвать и другие льготы. Принцип выборочной военной службы был установлен прецедентом, созданным во время мировой войны. Пока мы помним этот опыт, не будет никакой опасности, что Америка когда-либо вернется, в любой серьезной чрезвычайной ситуации, к ненаучной системе волонтерства, которая забирает храбрых и предприимчивых и оставляет позади ленивых и робких. Прежде всего, мы должны считать выгодой от войны то подтверждение, которое она дала нам в нашей вере в нашу способность продолжать наше существование как нации. Опыт показал, что наши национальные ресурсы включают в себя не только воинскую доблесть в безграничном количестве, но и способность эффективно организовать такую великую нацию, как наша, для достижения такой сложной цели, какой стала современная война. Опыт 1917 и 1918 годов дал нам прочную основу для национальной уверенности в себе.

Все это выгоды и завоевания, которые можно должным образом компенсировать нематериальными издержками войны. Однако среди обеспеченных льгот пока нет той, которую мы могли бы ожидать найти там в 1917 и 1918 годах. Американское воинство, переправившееся во Францию, ушло, почти как мужчина, воодушевленным и героизированным из-за ощущения, что это армия крестоносцев, сражающихся за то, чтобы навсегда положить конец войнам. Ни простой инстинкт самосохранения, ни простая перспектива победы над незнакомым иностранным врагом в серой униформе не могли бы вдохновить моральный дух американских экспедиционных войск, ни войск, проходящих подготовку в Соединенных Штатах, ни американской промышленности с ее горячей, безудержной преданностью национальному делу. Это должен был быть Армагеддон, последняя из войн, война за то, чтобы обезопасить невоинственные народы мира; и никакое циничное изречение о том, что человек все еще слишком близок к своей неолитической дикости, чтобы полагаться в своих международных спорах на что-либо, кроме силы, никакая шовинистическая картина новых миграций азиатских орд не может изменить фундаментальный факт: Америка вступила в войну, веря, что ее главной целью было навсегда покончить с войной. Пока мы не предпримем какую-либо национальную попытку обеспечить это преимущество, страница не будет сбалансирована.

СНОСКИ

¹В этом система отличалась от той, что используется в Соединенных Штатах. Не Корпус квартирмейстеров, а Посадочная служба в Соединенных Штатах подготовила заморские войска к путешествию и погрузила их на транспорты. Посадочная служба также управляла многими транспортами. После перемирия Служба посадки, теперь объединенная с Транспортной службой, продолжала управлять военно-морскими транспортными средствами армии, а также занималась деталями высадки войск в портах этой страны; но ее

юрисдикция над этими войсками началась только после того, как они сели на корабли во Франции.

2 Дедвейтный тоннаж представляет собой вес груза, необходимый для погружения судна в воду от линии малой загрузки до линии большой загрузки.

3 Весной 1919 года Транспортная служба доставила обратно в Америку из Архангельска американские войска численностью около 4500 человек, отправленные на север России в сентябре 1918 года для борьбы с большевиками. Он также в конце 1919-начале 1920 года перевез из Владивостока в американские тихоокеанские порты около 10 000 американских военнослужащих, которые в разное время были отправлены в Сибирь для оказания помощи чехословацким, японским и другим союзным войскам в операциях против немецких и австрийских войск, помогавших враждебным коренным русским в Сибири. В 1920 году Транспортная служба, действуя в качестве независимого подрядчика, обязалась репатриировать 30 000 чехо-словацких сибирских военнослужащих, отрезанных от побега на Балканы успехами большевиков на юге России. Правительству Чехословакии Служба назвала цену в 12 000 000 долларов за эту работу, которую в этой стране критикуют как слишком низкую. Последний из 30 000 чехословаков был высажен в Триесте около 1 января 1921 года, и вся работа была выполнена стоимостью примерно в 8 000 000 долларов. Служба задействовала двенадцать американских транспортных судов для одного или нескольких рейсов в ходе движения чешской экспедиции, и два из них — *"Америка"* и *"Президент Грант"*, оба бывшие немецкие лайнеры, - в процессе работы совершили кругосветное плавание, проследовав из Нью-Йорка во Владивосток через Панаму и оттуда в Триест через Индийский океан и Суэцкий канал, а из Триеста в Нью-Йорк через Гибралтар. Чехи путешествовали в соответствии с американской военной дисциплиной, что подразумевает чистоту и санитарию, и, следовательно, передвигались без эпидемий болезней, которые обычно сопровождали продвижение балканских войск.

4 Инвалидность, выявленная при этих обследованиях, была на удивление небольшой и затронула немногим более 5 процентов обследованных солдат. Поскольку так называемые военнослужащие с ограниченной ответственностью - солдаты, страдающие физическими недостатками на момент призыва и принятые на военную службу при условии, что они должны служить там, где их физические недостатки не повлияют на их ценность для правительства, — поскольку эти мужчины также отправились в демобилизационные центры для увольнения, очевидно, что для представления истинной картины физического состояния армии при демобилизации, военнослужащие с ограниченной ответственностью должны быть вычтены из общего числа. При таком вычитании подсчитано, что менее 5 процентов мужчин, призванных к оружию и принятых на службу, получили физическую инвалидность любого рода в силу своего опыта.

5 Практически вся эта работа была выполнена после заключения перемирия и до наступления весны 1919 года — другими словами, в то время года, когда дни короткие, а ночи длинные.

6 Финансированию военных заводов, и особенно тех, которые должны были производить крупные и дорогостоящие дополнения к заводам, прежде чем производство могло начаться, эффективно помогал Совет по военным кредитам Военного министерства. Осенью 1917 года Конгресс разрешил Военному министерству авансировать подрядчикам суммы в размере до 30 процентов от общих контрактных обязательств. Этой работой руководил Совет по военным кредитам. В общей сложности оно предоставило подрядчикам военного министерства около 250 000 000 долларов. На 1 июня 1921 года оно погасило все эти займы,

кроме 14 500 000 долларов. Ожидалось, что его общие убытки не превысят 150 000 долларов, в то время как прибыль (проценты, из которых было собрано 8 000 000 долларов) оценивалась в 12 000 000 долларов.

7Импорт А. Е. Ф. включает все оружие американского производства, поставляемое во Францию, эти же пистолеты также включены в число 6663 единиц, отмеченных как произведенные в Соединенных Штатах.

8С тех пор, как этот и другие специальные артиллерийские установки были проданы частным покупателям, они считаются военным имуществом. В случае еще одной большой войны они, несомненно, снова были бы использованы для работ, которые выполняли их стены в 1918 году.

9Включает излишки для продажи.

10Достаточно для оснащения инженерных войск армией численностью 825 000 человек.

11Химическое оружие. Авторы: Фриз и Уэст; компания "Макгроу-Хилл".

12Взято из обсуждения в "Химической войне". Автор: Фриз энд Уэст; компания "Макгроу-Хилл".

13Согласно контракту Франция и Англия должны в любое время сдавать в аренду этот или какой-либо другой межканальный кабель Соединенным Штатам по запросу этой страны.

14Позже французское правительство преобразовало завод в мастерскую по ремонту железнодорожных вагонов.

15Эта сумма была с лихвой компенсирована в нашу пользу снижением курса фунта стерлингов за время неоплаты счетов.

16Из-за спада бизнеса и цен в 1921 году эта оценка, вероятно, слишком высока.

НАПЕЧАТАНО В СОЕДИНЕННЫХ ШТАТАХ АМЕРИКИ

Примечания переписчика

Пунктуация, переносы и орфография были приведены в соответствие, когда в оригинальной книге было обнаружено преобладающее предпочтение; в остальном они не изменялись.

Были исправлены простые типографские ошибки; несбалансированные кавычки были исправлены, когда изменение было очевидным, и в противном случае оставлены несбалансированными.

Иллюстрации в этой электронной книге размещены между абзацами и вне цитат. В версиях этой книги, поддерживающих гиперссылки, ссылки на страницы в Списке иллюстраций ведут на соответствующие иллюстрации.

Сноски, первоначально расположенные в конце страниц, были последовательно перенумерованы и перенесены непосредственно перед Индексом.

Указатель не был проверен на правильность расположения в алфавитном порядке или ссылок на страницы.